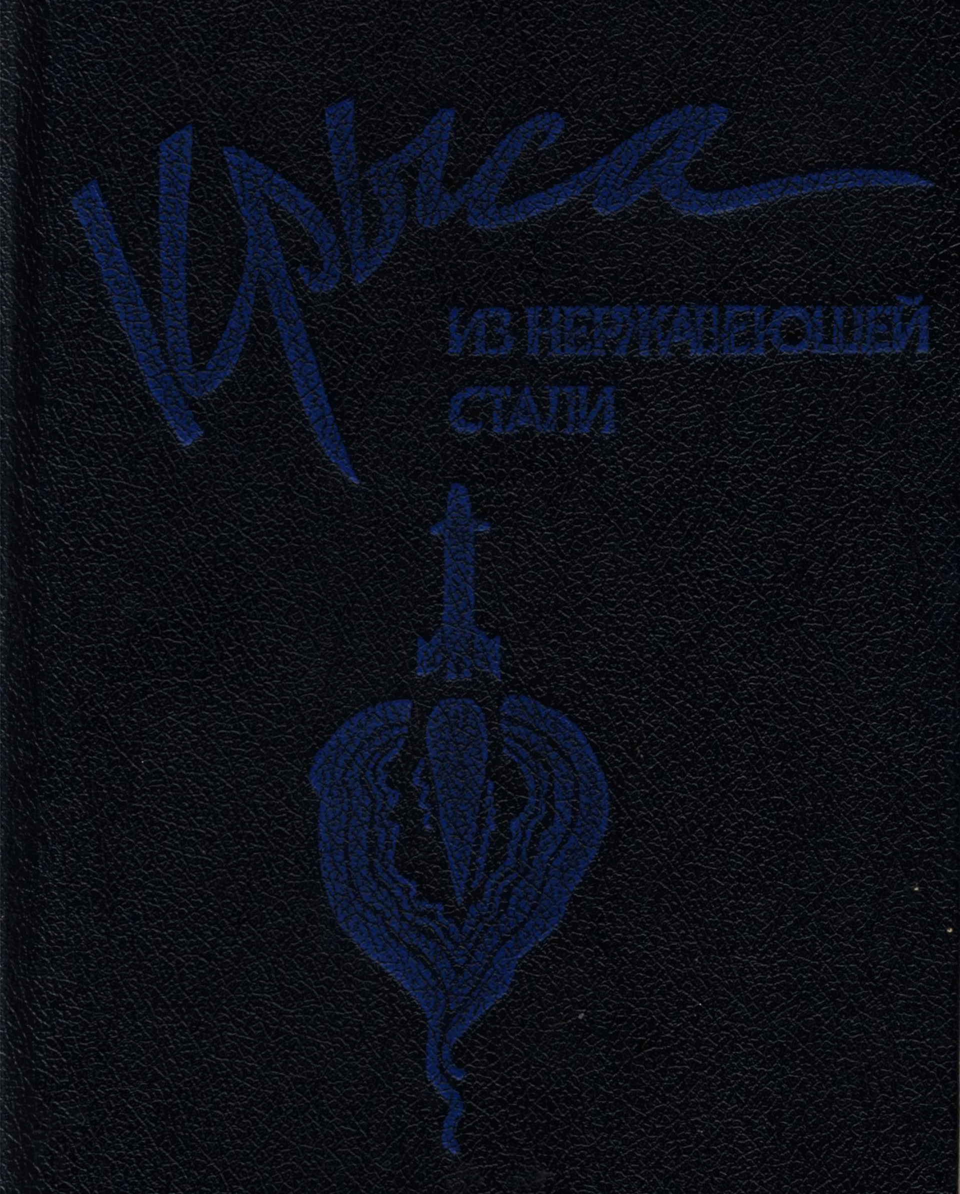
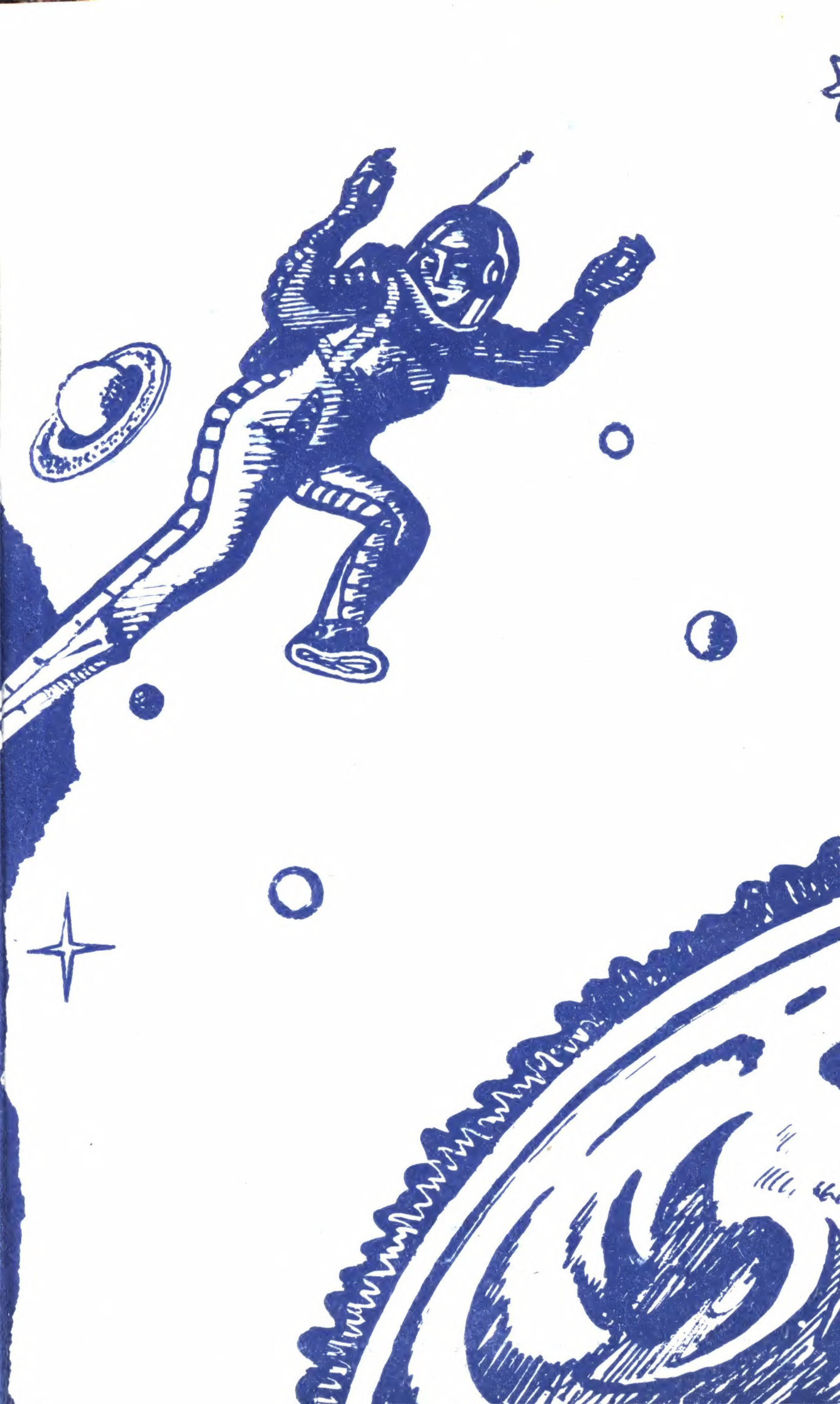
Гарри Гаррисон

ФАНТАСТИКА

Гарри Гаррисон

Крыса из нержавеющей стали

Фантастические романы

«АСПОЛ»
Москва
1992

Гарри Гаррисон родился в 1925 году в Стэмфорде, штат Коннектикут. В годы второй мировой войны служил в армии. В литературе дебютировал как автор вестернов. Но известность ему принесли его научно-фантастические произведения. Западная критика называет его одним из самых интересных и строптивых фантастов США. Острые криминальные сюжеты сочетаются в его романах с политической сатирой. Из последних произведений Гаррисона наиболее известны романы «Билл — галактический герой», «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», трилогия о Язоне динАльте.

Вашему вниманию предлагается трилогия о космических приключениях авантюриста Джеймса ди Гриза.

Редактор *Т. Н. Булахтина*
Художник *А. Е. Жданов*

Б69(01)
ISBN 5—87056—005—5

Совместный выпуск издания произвели: «АСПОЛ», «РИА-Консульт» и «АССО-МП»

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда дверь оффиса внезапно открылась, я понял, что игра закончена. Это было выгодное дельце, но ему пришел конец. Я встретил входящего полицейского сидящим в кресле и изображающим на лице радостную улыбку. Он вошел твердой походкой, с обычным для них всех угрюмым выражением лица. Такой вряд ли будет шутить. Еще до того, как он открыл рот, я уже знал, что он скажет.

— Джеймс Боливар ди Гриз, арестовываю вас по обвинению...

Я ждал слова «обвинение», именно этого слова. Когда он произнес его, я нажал кнопку, соединенную с зарядом пороха в патроне. Заряд взорвался, освободив защиту, и трехтонный сейф рухнул на голову полицейского. Когда осело облако пыли от обвалившейся штукатурки, я увидел только одну слабо шевелящуюся руку. Она подергивалась до тех пор, пока не зафиксировала указующий перст, направленный на меня.

«...по обвинению в нелегальном въезде, краже и поджоге...» Он долбил монотонно этот бесконечный список, но все это я уже знал раньше. Я переложил все деньги из ящика письменного стола в кейс. Список закончился новым обвинением, и мне показалось, что в голосе полицейского прозвучали нотки обиды.

— Ко всему прочему, вам добавляется обвинение в нападении на полицейского-робота. Это бессмысленно, так как мой мозг и гортань бронированы, а в моей секции, находящейся в середине...

— Что я знаю точно, Жорж, так это то, что маленький двусторонний передатчик расположен у тебя на макушке, а мне так не хотелось, чтобы ты в данный момент обратился к своим друзьям.

Один хороший пинок отодвинул в стене потайную панель: открылся доступ к ступеням. Когда я обходил груду

штукатурки на полу, робот попытался схватить меня за ноги, но я ждал этого, и ему не хватило пары дюймов. В своей жизни я много раз встречался с полицейскими-роботами и отлично знал, что они практически не разрушимы. Вы можете бить их сверху, подрывать снизу, а они тащатся за вами, подтягивая себя, если остался целым хотя бы один палец, и непрерывно выливают на вас потоки приторной морали. Вот это сейчас и происходило. Разобрал всю мою преступную жизнь и назначил цену моего долга обществу. В общем, картина безрадостная. Я слышал эхо его голоса в лестничном пролете, даже когда достиг подвала.

Сейчас на счету была каждая секунда. У меня было около трех минут до того, как они сядут мне на хвост, и не более одной минуты и восьми секунд, чтобы покинуть здание. Еще один пинок, и открылся проход в комнату без таблички и номера.

Ни один из роботов и не взглянул, как я спускался вниз, и я бы страшно удивился, если бы это было не так. Все они были устаревшего типа, серии М, со слабым мозгом, пригодные только для простой однообразной работы. Им было абсолютно все равно, зачем они срывают этикетки с заполненных консервных банок и что находится на другом конце конвейера, который доставляет им эти банки через стенку. Они не отреагировали даже тогда, когда я открыл дверь, которая никогда не открывалась и существовала для прохода на ту сторону стены. Я не стал ее запирать, потому что все секреты в данный момент уже не имели никакого смысла.

Двигаясь вдоль грохочущего конвейера, я прошел через огромную дыру, которая была пробита мной в стене правительственных складов. Я и конвейер сам установил, и дыру сделал, нелегально, конечно.

В склад вела еще одна дверь. Автопогрузчик, деловито кладущий банки на ленту конвейера, доставал их из нутра огромного ящика. Этот со своими мини-мозгами не тянул даже на робота. Я обошел его и помчался вниз по проходу. Звуки моей подпольной деятельности замирали за моей спиной. Я улыбался от приятных воспоминаний.

Это была одна из моих маленьких комбинаций, прекрасно задуманная и прекрасно выполненная. За небольшую сумму я арендовал склад, который примыкал к правительственным хранилищам. Простая дырка в стене — и я получал доступ к целому ассортименту разнообразных

товаров длительного хранения, к которым, как мне было известно, в таких больших складах не прикасались месяцами, а то и годами. Не прикасались, разумеется, пока меня не было.

После того, как я пробил дыру и установил конвейер, все остальное стало делом техники. Я нанял роботов сдирать старые наклейки и лепить новые, которые я отпечатал. И торговал я совершенно легально. Мой ассортимент был наилучшим, а цены, естественно, очень низкими. Я мог себе позволить продавать товар дешевле конкурентов и получать тем не менее значительную прибыль. Местные оптовики быстро поняли свою выгоду, и я имел заказы на месяц вперед. Это была отличная комбинация, и она могла длиться еще долго.

Я быстро подавил в себе этот поток мыслей. Одним из основных правил моего бизнеса было такое: «Если операция закончена, значит — ЗАКОНЧЕНА!». Искушение протянуть хотя бы денек или получить еще по одному чеку могло быть губительным. Ах, как хорошо я это знал! Я также знал, что это наилучший способ познакомиться с полицией.

«НУЖНО ВОВРЕМЯ СМОТАТЬСЯ, ЧТОБЫ ВНОВЬ ЗА ДЕЛО ВЗЯТЬСЯ!» — это отличный девиз, и рассуждения по этому поводу не для меня.

Достигнув конца прохода, я прервал свои раздумья, сосредоточившись на главном. Снаружи сейчас тьма полицейских, и я должен действовать быстро и безошибочно. Быстрый взгляд налево и направо. Никого. Сделав два шага вперед, нажимаю на кнопку лифта. Я установил в этом лифте приборчик, который показал, что лифтом пользуются не чаще одного раза в месяц.

Лифт появился через три секунды, пустой. Я влетел в него, одновременно нажав на кнопку «крыша». Подъем, казалось, никогда не кончится, но это только казалось. Он длился ровно четырнадцать секунд. Началась наиболее опасная часть дела. Мой пистолет был у меня в руках, но он позаботится только об одном полицейском, не более.

Дверь открылась, и я вздохнул с облегчением. Никого. Их, видимо, согнали только к выходам, иначе здесь меня бы ждали.

На открытом воздухе сразу стали слышны звуки сирен — чудесное сотрясение воздуха! Такой шум могла бы создать, по крайней мере, половина всех полицейских страны. Я, истинный артист, переполнился гордостью.

Доска лежала за подъемником, там, где я ее оставил. Немного поблекшая, но все еще довольно крепкая. Несколько секунд, чтобы ее установить на парапет и перекинуть к следующему зданию.

Да, это самый опасный участок пути, скорость тут не нужна. Прижимая кейс к груди, осторожно наступаю на край доски, сосредотачивая все внимание на том, чтобы удержать центр тяжести. Один шаг вперед. До земли лететь 1000 футов. Если смотреть вниз, можно упасть.

Все, теперь надо нажать. Хорошо, если они не заметили сразу доску на парапете. Десять быстрых шагов вперед, и передо мной дверь на лестницу. Она открылась легко. Конечно, не случайно, так как я тщательно смазывал петли. Войдя внутрь, я закрыл дверь на засов и глубоко вздохнул. Это было еще не все, но худшая часть, где я подвергался максимальному риску, была позади. Еще две минуты, и они никогда не найдут Джеймса Боливара ди Гриза по кличке «Скользкий Джим».

Лестницей на крышу, грязно и плохо освещенной, никто не пользовался. Неделю назад я тщательно проверил ее. Багов — аппаратов для тайного наблюдения и подслушивания — на ней не было. Никаких следов на пыльной поверхности не было, за исключением моих собственных отпечатков. Я надеялся, что багов нет и сейчас. Оправданный риск в таком деле всегда имеет место.

Прощай, Джеймс ди Гриз, вес 200 фунтов, возраст около 45, огруглый животик, мощные челюсти, типичный бизнесмен, чей портрет вместе с отпечатками пальцев известен полицейским тысяч планет. В первую очередь, долой отпечатки. Когда носишь их, они словно вторая кожа. Несколько капель растворителя — и они слезают, словно пара прозрачных перчаток.

Теперь очередь одежды, а затем и цельного пояса, тщательно обмотанного вокруг поясницы и содержащего 40 фунтов свинца, перемешанного с термитом. Пригоршня отбеливателя из бутылки — и мои волосы снова приобрели естественный коричневый оттенок. Вставные подушечки за щеки и расширители в ноздри, затем контактные линзы голубоватого цвета. Я стоял в чем мать родила и чувствовал себя так, будто родился заново.

Это было недалеко от истины. Я стал новым человеком, на 40 фунтов легче, на 10 лет моложе и с совершенно другой внешностью. В большом кейсе лежал полный комплект одежды и темные очки, которые можно

было использовать вместо контактных линз. Все деньги были аккуратно уложены в коробку.

Когда я выпрямился, то и вправду почувствовал, как будто сбросил 10 лет. Все дело тут в весе. Я не замечал пояса, пока его не снял, а сейчас чуть не подпрыгивал на каждом шагу.

Термит должен уничтожить все улики. Я сложил все в кучу и запалил. Бутылки, одежда, пакеты, ботинки и все остальное вспыхнуло и сгорело ослепительным пламенем. Полиция, может быть, отыщет горстку пепла, да микроанализ даст пару молекул, но это все, что они могут найти здесь. Отблеск пламени горящего термита был еще виден, когда я спустился на три пролета к 112 этажу.

Удача пока не покидала меня. Когда я открывал дверь, на этом этаже никого не было. Минутой позже скоростной лифт, подобрав по пути еще несколько человек, доставил меня в вестибюль.

На улицу вела единственная дверь, над которой была установлена портативная телекамера. Не было заметно никаких попыток остановить входящих и выходящих из здания людей. Большинство из них не обращали внимания на телекамеру и группу копов, стоящих возле нее. Я направился туда.

На мгновение я оказался в поле зрения этого холодного стеклянного глаза. Ничего не случилось — значит, я был чист. Эта камера должна была иметь связь с главным полицейским управлением, с тамошним компьютером. Если бы мое описание хотя бы в основном сошлось, было бы мгновенно дано указание этим роботам, и я не успел бы и шагу ступить. Мы не можем состязаться в скорости с компьютер-роботом, так как его реакция измеряется микросекундами, но мы можем перехитрить его. Что я сейчас и сделал.

Пройдя пешком десять кварталов, я взял такси. Отъехав на значительное расстояние, я взял второе, но только в третьем почувствовал себя в безопасности. Я направился к космодрому. Звуки сирен позади меня становились все слабее и слабее, и только один случайный полицейский кар промчался навстречу. Они устроили такую страшную суматоху вокруг такого пустякового воровства, но так всегда бывает в этих сверхцивилизованных мирах. Преступления сейчас — такая редкость, что полицейские действительно из кожи лезут, когда что-то нащупают.

Я не мог порицать их за это откровенное служебное рвение и искренне считал, что они должны быть мне благодарны за то небольшое удовольствие, которое я им доставил нарушив однообразную тупость их жизни.

~ ~ ~

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поездка в космопорт, расположенный довольно далеко от города, проходила спокойно. Я мог, наконец, предаться течению своих мыслей. Было время даже немного пофилософствовать. Наконец-то я смог снова насладиться хорошей сигарой. В своей предыдущей жизни я курил только сигареты и никогда не нарушал этого правила, даже находясь в одиночестве. Сигары были отличные, хотя и пролежали в специальной коробке полгода, убранные в сумку вместе с одеждой. Я глубоко затянулся, посматривая на мелькавший за окном пейзаж. Хорошо быть свободным от работы, но также хорошо быть и при деле.

Я, пожалуй, затруднился бы ответить, какой из периодов устраивает меня больше и больше доставляет мне удовольствия — у каждого были свои преимущества и свои недостатки.

Моя жизнь настолько отличается от жизни большинства людей нашего общества, что боюсь, даже не смогу им этого объяснить. Они существуют в богатом союзе миров, где практически уже забыли, что значит слово «преступление».

Однако несмотря на века генетического контроля, есть небольшая группа недовольных и еще меньшее число тех, кто вообще не принимает существующий социальный порядок. Некоторые из них выявляются рано и быстро приводятся к норме. Другие же не показывают своего отличия, а когда становятся взрослыми, понемногу приворовывают — ночные квартирные кражи, кражи в магазинах или что-то в этом роде. Потом они исчезают на неделю или на месяц, в зависимости от степени своей сообразительности. Но благодаря последним достижениям техники полиция все быстрее вылавливает их и изолирует.

Вот это, пожалуй, все преступления и все преступники в нашем организованном и прекрасном мире. Точнее, девяносто девять процентов. Так как существует еще один,

самый главный процент, ради которого и содержат полицейский департамент. Этот процент есть я и горстка людей, рассеянных по всей галактике. Теоретически мы не существуем, а если не существуем, то не можем действовать.

Мы — крысы в подвалах общества, мы живем вне его запретов и вне его правил. В обществе чем мягче его законы, тем больше крыс, так же, как в старых деревянных строениях крыс было больше, чем в железобетонных, поставленных позже. Но они есть и там. Сейчас все общество — это железобетон и нержавеющая сталь, все меньше остается щелей и зазоров, и крысе нужно стать очень шустрой, чтобы найти их. В такой окружающей среде нормальным явлением становится крыса из нержавеющей стали.

Крыса из нержавеющей стали — почетное и странное название, особенно если вы шатаетесь по галактике. Эксперты-социологи не приходят к согласию, размышляя о причинах нашего существования, а некоторые в него просто не верят. Наиболее распространенная теория гласит, что мы — жертвы некоторых психических расстройств, которые не проявились в детстве, когда могли быть легко исправлены, а проявились лишь позже. У меня на этот счет своя точка зрения, не совпадающая с теорией.

Несколько лет назад я написал небольшую книгу по этому вопросу, под псевдонимом, конечно. По моей теории, это отклонение как психологическое, так и нет. На определенной стадии развития своего интеллекта индивидуум должен сделать выбор — либо жить вне условностей общества, либо умереть от абсолютной скуки. У окружающей жизни нет ни будущего, ни свободы. Альтернативной может быть только другая жизнь с должным игнорированием законов. Нет такого варианта для авантюристов и джентльменов удачи — жить как внутри, так и вне общества. Сегодня надо сделать выбор — все или ничего. Чтобы сохранить свою психику нормальной, я выбрал все.

Негативная часть моих размышлений была прервана прибытием в космопорт. В наших делах очень опасной является праздность и бездеятельность. Она вместе с жалостью к себе может полностью вывести вас из строя. Активность всегда помогала мне, а ощущение опасности и погони давало прекрасный заряд бодрости. Когда я расплачивался за проезд, я обдурил водителя, спрятав

в рукав одну из отсчитываемых ему кредиток. Он был слеп, как корабельная переборка, его доверчивость позабавила меня. Сделал я это только от скуки, тут же дав ему двойные чаевые.

За окном билетной кассы сидел робот-клерк, у которого роль камеры выполнял третий глаз в центре лба. Пока я покупал билет, он слабо пощелкивал, регистрируя мою личность и место назначения.

Нормальная полицейская предусмотрительность: я был бы удивлен, если б этого не случилось. Целью моей поездки была внутренняя система. На этот раз я не собирался совершать межзвездный прыжок, как обычно поступал после большого дела, в этом не было необходимости. Для большой работы мономир как небольшая система — маловат, но Бета Цигнус имела около двадцати планет с климатом, похожим на земной. Только на планете III сейчас было жарковато, на остальных погода была в самый раз. Коммерческая конкуренция внутри системы отсутствовала, а полицейский департамент, по моим данным, работал неважно. Они должны были за это поплатиться. Мой билет был на Морий, номер XVIII, большую и в основном сельскохозяйственную планету.

В космопорту было несколько небольших магазинчиков, я внимательно осмотрел их и приобрел новый кейс с полным набором одежды и необходимыми дорожными принадлежностями.

Напоследок я зашел к портному. Он быстро соорудил для меня смену дорожных костюмов, форменную юбочку в складку, и я забрал все это в примерочную кабинку. Во избежание неприятностей я повесил один из костюмов поверх оптического бага на стене и нарочито шумно стал снимать ботинки, а в это время занялся подделкой только что купленного билета. На другом конце моего ножа для обрезки сигар находился перфоратор, с помощью которого я изменил на билете пробитый код места назначения. Теперь я летел вместо планеты XVIII на планету X и на этом изменении курса потерял почти 200 кредиток. В этом состоит суть моего метода. Никогда не увеличивайте стоимость вашего билета — слишком много шансов засыпаться. Если вы уменьшаете его стоимость, то даже если это будет замечено, все сочтут это ошибкой машшины. Ни у кого не возникнет и тени подозрения, так как терять на подделке деньги — явная бессмыслица.

Чтобы не вызвать подозрения у полиции, я снял костюм с камеры и занялся примеркой. Когда все было готово, у меня оставался еще час до отправления корабля. Я пошел в автоматическую чистку и через некоторое время получил всю мою одежду, вычищенную и отутюженную. У меня не было ничего интересного для таможенников, кроме кейса, полного поношенной одежды.

Они быстро пропустили меня, и я поднялся на борт. Корабль был заполнен только наполовину, и я смог занять место рядом со стюардессой. Я безуспешно флиртовал с ней, пока она не ушла, записав меня в категорию самцов, нахалов, приставал. Старая дева, сидевшая рядом со мной, занесла меня в этот же раздел. Она демонстрировала мне свое презрение, смотря в иллюминатор. Я, придя в хорошее настроение, задремал. В данной ситуации лучше было попасть в эту категорию, чем не быть отмеченным вовсе. Мое описание теперь не отличимо от описания любого другого парня, а это было как раз то, что нужно.

Когда я проснулся, мы были уже рядом с планетой. Я еще чуть-чуть подремал, пока корабль, висевший в воздухе, осматривали таможенники. Пока они возились с моим багажом, я закурил сигару. Мои вещи не вызвали никаких подозрений, так как я шесть месяцев назад предусмотрительно подписал бумаги, в которых стал фигурировать как банковский курьер.

Межпланетный кредит почти полностью отсутствовал на этой планете, и таможенники привыкли видеть кучи денег, перевозимых туда и обратно.

Почти автоматически, по привычке заметать следы, я перебрался в большой центр текстильной промышленности ВРУГХ, расположенный более чем в тысяче километров от места моего приземления. Используя полностью измененные идентификационные документы, я зарегистрировался в тихом отеле в пригороде.

Обычно после большого дела, такого как последнее, я отдыхал один-два месяца. Это было необходимо. Хотя я и не ощущал такой потребности. Прогуливаясь по городу и делая небольшие покупки, я присматривал для себя новое дело, одновременно восстанавливая личность Джеймса ди Гриза. День ото дня я убеждался, что выгляжу все лучше и лучше.

Мне всегда удавалось выскользнуть из лап закона, и одной из многих причин этого было то, что я никогда

не повторялся. Я придумывал какую-нибудь маленькую чудную комбинацию, а потом удирал оттуда и никогда больше не возвращался к ней. Единственная общая черта всех моих дел — все они делали деньги. Сейчас же надо было браться за то, чего я никогда не делал. Вооруженный грабеж. Пора было обдумать и этот вариант.

Пока что я, восстанавливая брюшко Скользкого Джима, обдумывал план операции. К тому времени, когда были готовы напальчники с новыми отпечатками, операция была спланирована.

Как всякое по-настоящему хорошее дело, оно было гениально просто.

Я собирался заняться Морансом — крупнейшим магазином в городе. Каждый вечер в одно и то же время бронированный автомобиль увозил дневную выручку универсального магазина в банк. Это была гигантская сумма в кредитных билетах. Передо мной стояла единственная реальная проблема — как один человек сможет унести такое огромное количество денег. Когда я получил ответ на этот вопрос, операция была готова.

Все приготовления велись мной, конечно, мысленно, пока я снова не приобрел обличье Джеймса ди Гриза. Как только брюшко округлилось, я почувствовал, что снова обретаю форму. Почти с удовольствием выкурив первую сигарету, приступил к работе. Пара дней на несколько пустяковых краж — и я был готов. Работа была спланирована на следующий день после обеда.

Купленный мной фургон с некоторыми изменениями, которые я произвел, был ключом к операции. Я припарковал его в Г-образной аллее в полумиле от Моранса. Фургон был приличных размеров и почти полностью блокировал аллею, но это было неважно, так как ею пользовались только ранним утром. Двигаясь неспеша обратно к магазину, я достиг его почти одновременно с броневиком. Я для виду изучал стену гигантского здания, в то время как охрана носила деньги. Мои деньги.

Я думаю, что у некоторых людей со слабым воображением ситуация вызвала бы благоговейный ужас. По меньшей мере пятеро вооруженных охранников стояли около входа, двое сбоку, остальные — внутри. Да еще водитель и его помощник. В качестве дополнительной предосторожности рядом с обочиной фыркали два мотоцикла. Они должны были сопровождать броневик в пути. О, как впечатляюще! Я с трудом подавил улыбку, когда подумал,

что произойдет со всеми этими тщательно продуманными мерами предосторожности.

Еще раньше я сосчитал тюки с деньгами, выносимые через дверь. Их всегда было пятнадцать, не больше и не меньше, и это сильно помогло мне в разработке плана операции. Как только в броневик была загружена четырнадцатая упаковка, в дверях показалась пятнадцатая. Водитель, как и я, вел счет. Он вышел из кабины и пошел к задней дверке, чтобы запереть ее, когда погрузка была окончена.

Мы действовали исключительно синхронно. В тот момент, когда он подошел к задней дверке, я подошел к кабине. Спокойно и уверенно я влез внутрь и захлопнул за собой дверь. Помощнику хватило времени лишь на то, чтобы открыть рот. Я хлопнул ему на колени анестезирующую бомбу, и он тут же отключился. Разумеется, я заранее вставил в ноздри соответствующие фильтры. Заводя мотор левой рукой, я правой выбросил через окно еще одну бомбу, побольше. Приятной музыкой показались звуки падающих на пол охранников, стоящих в кузове.

Весь процесс занял шесть секунд. До охранников наконец-то дошло, что происходят странные вещи.

Я дружески помахал им рукой через окно и рванул броневик от обочины. Один из них бросился вслед и попытался вскочить в открытую заднюю дверь, но не успел. Все произошло так быстро, что никто из охранников не подумал стрелять, а ведь я был уверен, что без нескольких пуль дело не обойдется. Малоподвижный образ жизни на этих планетах притупляет рефлексы.

Мотоциклисты опомнились быстрее, они бросились за мной, когда я не успел отъехать и на сотню футов. Я чуть притормозил, чтобы они приблизились, затем нажал на акселератор, не давая им обогнать меня.

Конечно, их сирены ревели, а револьверы стреляли, но я это предвидел. Мы неслись как профессиональные гонщики, оставляя позади весь транспорт. У них не было времени подумать и понять, что, собственно, может произойти в результате этого. Ситуация была очень смешной, и я боялся расхохотаться, управляя броневиком.

Конечно, сигналы тревоги должны были быть слышны очень далеко, и дорога впереди должна быть заблоки-

рована, но эти полмили мы неслись на полной скорости... Через несколько секунд я увидел въезд в аллею. Я повернул машину туда, нажав одновременно кнопку моего карманного коротковолнового передатчика.

По всей длине аллеи сработали мои дымовые бомбы. Они, конечно, как и все мое оборудование, были самодельными, но создали прекрасное темное облако дыма в этой узкой аллее. Я подал машину вправо, пока крылья не стали царапать по стене, и, немного снизив скорость, поехал таким способом. Мотоциклисты, конечно, так сделать не могли, и перед ними встала дилемма: либо остановиться, либо сломя голову ринуться в темноту. Я надеялся, что они сделают правильный выбор и не станут подвергать свою жизнь опасности.

Предполагалось, что радиоимпульс, взорвавший бомбы, одновременно откроет задние дверцы моего трейлера и спустит пандус. Все это прекрасно работало во время испытаний, оставалось надеяться, что не подведет и сейчас. Я попытался оценить расстояние по времени движения по аллее, но, видимо, неудчно. Передние колеса автомобиля буквально врезались в пандус, и броневик скорее впрыгнул, чем вкатился внутрь фургона. Меня сильно ударило, и я начал вываливаться из кабины. Выскочив наружу, я шарахнулся от борта. Из-за абсолютной темноты от дымовых бомб и сотрясения моих мозгов чуть не погибла вся операция. Я ощупывал стенку, пытаясь сориентироваться, и терял драгоценные секунды. Прошло время, пока я в конце концов не наткнулся на заднюю дверь. Послышались голоса охранников, бегающих взад и вперед в дыму. Они услышали шум от удара, и мне, чтобы сбить их с толку, пришлось бросить еще две газовые бомбы.

Когда я добрался до кабины и завел фургон, дым начал рассеиваться, а через несколько футов я выскочил на солнечный свет. Впереди, недалеко от меня, аллея выходила на центральную улицу, где стояли две полицейские машины. Достигнув ее, я остановился и внимательно изучил обстановку. Никто не проявил никакого интереса к фургону. Видимо, все внимание было приковано к другому концу аллеи. Я выехал на улицу и покатил в сторону от магазина, который ограбил.

Конечно, я проехал только несколько кварталов в этом направлении, затем свернул на боковую улицу. На следующем углу я повернул еще раз и направился назад

к Морансу, месту моего последнего преступления. Холодный воздух, врывающийся через окно, окончательно привел меня в чувство, и я начал насвистывать, ведя большой фургон по боковым улицам.

Мне безумно хотелось выехать на проспект перед магазином и взглянуть на переполох, но не стоило зря рисковать. Да и времени на это не было. Я аккуратно вел машину по разработанному маршруту, избегая улиц с большим движением. Через несколько минут я выехал на погрузочную площадку, расположенную на заднем дворе магазина. Здесь тоже чувствовалось небольшое возбуждение, но оно терялось в обычной деловой суете. Пока роботы, не занимающиеся сплетнями, выполняли свою работу, водители и продавцы там и тут делились своими соображениями по поводу происшедшего. Все они были настолько увлечены беседой, что не обратили на меня никакого внимания. Я припарковал фургон рядом с другой машиной, выключил мотор и облегченно вздохнул.

Первая часть была закончена, но вторая была не менее нужна. Я порылся в своем большом кармане, где хранил некоторое снаряжение. Я всегда был с ним на работе, оно было незаменимо вот в таких ситуациях. Обычно я не доверяю стимуляторам, но сейчас потрясение от удара было все еще сильным. Две таблетки линотела подействовали достаточно быстро. Шаг мой снова обретал уверенность, когда я пошел к задней стенке фургона.

Помощник водителя и охранники все еще были без сознания. Они будут пребывать в этом состоянии по крайней мере еще 10 часов. Я отволок их в чистенький закуток в передней части фургона и занялся делами.

Поскольку, как мне известно, броневик должен был занять все пространство внутри трейлера, я укрепил коробки на стенах. Это были прекрасные прочные упаковочные коробки, разукрашенные надписями «Моранс». Я аккуратно спер их заранее из склада магазина. Это тоже было легко и прошло незамеченным. Опустив коробки, я приготовил их для упаковки. Пот лил с меня градом, пришлось снять рубашку.

Почти два часа я перекладывал деньги. Когда коробка заполнялась, я закреплял ее лентой. Приблизительно каждые 10 минут я посматривал в глазок через дверь: снаружи все было спокойно. Полиция, конечно, закрыла город и прочесывала улицу за улицей, высматривая мой

автомобиль. Я был уверен, что задний двор ограбленного магазина будет последним местом, куда они заглянут.

Вместе с коробками я прихватил на складе и отгрузочные талоны и теперь лепил их по одному на коробку, записывая на каждом адрес и стоимость. Работа подходила к концу.

Почти стемнело, но я знал, что отдел погрузки работает и ночью. Мотор завелся с полуоборота, я медленно выехал из ряда и стал аккуратно подавать к платформе. Выбрав относительно спокойный участок, я подвел трейлер вплотную к линии, отделяющей приемную площадку. Я не открывал заднюю дверь до тех пор, пока все рабочие не занялись своими делами и не отвернулись. Ведь даже самый тупой из них поинтересовался бы, почему из фургона выгружают собственные фирменные коробки магазина. В течение нескольких минут я произвел выгрузку, затем накрыл коробки брезентом и только закрыв дверь фургона и заперев ее немного расслабился и закурил.

Ждать пришлось недолго. Сигарета еще дымилась, когда рядом появился робот из отдела погрузки.

— Послушай! У М-10, куда были загружены коробки, полетела тормозная лента. Позаботься о грузе.

В глазах робота мелькнуло чувство долга. Некоторые из этих моделей М-типа относятся к работе с большой серьезностью. Я едва успел отскочить, как из дверей сзади появился М-фургон. Быстро, в суете, была произведена сортировка и погрузка, и платформа начала пустеть. Покуривая сигарету, я наблюдал, как мои коробки штампуются и грузятся на рейсовые фургоны и местные транспортеры.

Все, что мне оставалось теперь сделать,— это отвести свой трейлер на улицу и изменить внешность.

Садясь в трейлер, я в первый раз почувствовал, будто что-то идет не так. Я, конечно, наблюдал за воротами, но близко к ним не подходил. Фургоны въезжали и выезжали. И тут меня словно молотком ударило по голове. Туда-сюда сновали одни и те же фургоны. Большой красный международный трейлер только что выехал, я слышал его рев, эхо которого прокатилось вниз по улице. Затихая, оно перешло в слабое ворчание. Затем рев усилился, и трейлер въехал обратно через вторые ворота. За этой стеной, наверное, стояли и ждали полицейские машины. Ждали меня.

~ ~ ~

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В первый раз я почувствовал сильный страх затравленного человека. В первый раз на моем хвосте оказалась полиция, когда я ее не ждал. Деньги были потеряны, это было очевидно, но не это меня заботило. Главное — что будет дальше со мной.

Сначала думать, а затем действовать. На какое-то время я был в безопасности. Они, конечно, войдут, но дело пойдет медленно, так как они не знают, где меня искать в этом гигантском дворе и творящемся в нем хаосе. Как они меня найдут? Это было важным моментом. Местная полиция существовала в мире, где почти нет преступлений, поэтому они не смогут найти мой след. Да я и не оставлял следов. Однако устроил же мне кто-то ловушку очень логично и технично.

Неожиданно в мозгу возникли слова. Специальный Корпус. Об этом нигде ничего не писалось, только лишь слухи ходили по галактике. Специальный Корпус — это отдел Лиги, которая борется за решение проблем, которые не под силу отдельным планетам. Предполагается, что это он покончил с остатками рейдеров Хасхелла после заключения мира, вывел из дела подпольных торговцев «Тенд Н», поймал в конце концов Инскиппа. А теперь настал мой черед.

Они ждут, чтобы схватить меня. Они знают все пути моего отхода и, наверное, блокировали их. Я должен соображать быстро и правильно. Существуют только два варианта — через ворота или через магазин. Ворота слишком легко перекрыть, а в магазине должны быть другие выходы. Я должен выбрать этот вариант.

Хотя я и пришел к такому выводу, я понимал, что другие могли мыслить точно так же и двери наверняка заблокированы. Возникло чувство страха, и это вконец меня разозлило. Мысль о том, что кто-то предвосхитил мои действия, была для меня невыносима. Они должны были все предусмотреть, но я должен был утереть им нос за их деньги. У меня все еще оставалось в запасе несколько хитростей.

Во-первых, сбить со следа. Я переключил передачу на первую и направил фургон в ворота. Как только он достиг их, я поставил ведущие колеса на тормоза и, выскочив из кабины с противоположной стороны, помчался обратно. Позади меня раздалось несколько выстрелов, и наступила тишина. Это мне больше понравилось.

На дверях, ведущих в магазин, висели ночные замки, которые я мог открыть за несколько секунд. Отмычка сработала безукоризненно, пинок ногой — и дверь открыта. Сигнального звонка не последовало, но я знал, что где-то там внутри индикатор показал, что дверь открылась. Насколько можно быстро я побежал к последней двери на противоположной стороне здания. По пути я проверял отсутствие сигнальной системы при открытии очередной двери, а затем запирал двери за собой.

Самое трудное на свете — это убегать и оставаться при этом спокойным. Мои легкие разрывались, когда я достиг служебного выхода. Несколько раз я замечал вспышки света впереди и прятался в различных закоулках. Это была большая удача, что меня никто не заметил. Держась поближе к стене, я направился к двери, через которую мне надо было выйти. Возлее нее стояли двое мужчин в униформе. Я подкрался метров на двадцать и бросил газовую гранату. В первый момент мне показалось, что они в противогазах и путь мой закончен, но через несколько мгновений они упали. Один из них перегородил дверь, и, откатив его в сторону, я приоткрыл ее на несколько дюймов.

Не более чем в тридцати футах был установлен прожектор. Когда он вспыхнул, то ослепил меня до боли в глазах. Я только успел присесть, как очередь из автомата проделала в двери ряд блестящих отверстий. Я буквально оглох от рева разрывных пуль, однако это не помешало мне услышать снаружи грохот подкованных сапог. Я выхватил свой 0,75 и влепил прямо в дверь, целясь повыше, чтобы никого не задеть. Это вряд ли их остановит, но заставит залечь.

Они открыли такой ответный огонь, что показалось, будто там стоит целая батарея. Пули свистели по коридору, и во все стороны летели куски пластика. За себя я был спокоен, я знал, что позади меня никто не появится. Буквально вжавшись в пол, пополз в противоположном направлении, уходя с линии огня. Я дважды завернул за угол и, наконец, оказавшись достаточно далеко от стрельбы, рискнул встать. Колени мои подгибались, а перед глазами прыгали цветные пятна. Прожектор хорошо поработал, все виделось в каком-то тумане.

Я двигался медленно, стараясь уйти как можно дальше. А ведь залп последовал сразу же, как только я приоткрыл дверь, значит, был отдан приказ стрелять в каж-

дого, кто попытается покинуть здание. Неплохая ловушка. Если я попытаюсь уйти, меня застрелят. А копы будут искать меня до тех пор, пока не найдут. Все это напоминало мне крысоловку.

Какой-то свет появился в магазине, и я остановился, замерев. Я находился около стены огромного выставочного зала сельхозтоваров. В противоположном конце стояли три солдата. Мы заметили друг друга одновременно. Я шмыгнул за дверь, и над головой засвистели пули, круша все вокруг. Стало ясно, что военные были и внутри. Пульт вызова лифта был с другой стороны двери, рядом была и лестница, ведущая вверх. Одним прыжком я вскочил в лифт, нажал кнопку подвального этажа и успел тут же выскочить до того, как дверь за мной захлопнулась.

По лестнице прогрохотали сапоги приближающихся солдат. Мне показалось, что я иду прямо на них, на их пистолеты и автоматы. Я должен успеть к лестничному пролету хотя бы на долю секунды раньше них. Удача все еще была на моей стороне, они не видели меня и думали, что я внизу. Прислонившись к стене, я слышал крики и свист, когда они понеслись ловить меня в подвале.

В этой толпе оказался один смышленый. Когда все побежали вниз по лестнице, по ложному следу, я услышал, как он начал медленно подниматься вверх. У меня больше не было газовых гранат. Все, что я мог сделать,— это подняться впереди него, стараясь произвести как можно меньше шума.

Он поднимался медленно и упорно, а я крался перед ним. Мы прошли таким образом четыре пролета. Я в носках, с ботинками на шее, он в тяжелых сапогах, грохотавших на металлической лестнице.

Подойдя к пятому пролету, я остановился, не успев сделать шага. Кто-то спускался вниз, в таких же тяжелых сапогах. Я нашел какую-то дверь, открыл ее и проскользнул внутрь. Передо мной был длинный коридор с различными конторами. Я помчался по нему, пытаясь хоть где-нибудь укрыться до того, как дверь сзади распахнется и меня перережет очередь разрывных пуль. Коридор казался бесконечным, и я внезапно понял, что ни за что не успеть добежать до конца.

Я был крысой, которая ищет дырку, а дырки нет. Двери были заперты все до одной, я проверял их по очереди, пробегая мимо, а дверь на лестницу позади меня

открылась, и пистолеты нацелились. Я, не смея повернуться и убедиться в этом, чувствовал опасность всеми фибрами души. Неожиданно одна из дверей поддалась, и я ввалился внутрь, не успев понять, что случилось. Я запер ее за собой и прислонился к ней в темноте, задыхающийся, как загнанный зверь. Внезапно я увидел мужчину, который сидел за столом и улыбался мне.

Оказывается, человек может впасть в шоковое состояние, из которого очень трудно выйти. Я испытал это на себе. Мне было уже все равно — выстрелит он или предложит мне сигарету. Он предложил мне сигарету.

Тело — раб привычки. Даже рядом со смертью оно живет своей жизнью. Мои пальцы приняли самостоятельное решение и взяли сигарету, мои губы сжали ее, а легкие вдохнули дым. Глаза мои все время наблюдали за человеком, могущим послать мне смерть.

Это нужно было видеть. Он наклонился и положил обе руки на крышку стола. А я все еще сжимал свой пистолет, направленный на него.

— Садитесь, ди Гриз, и уберите свою пушку. Если бы я хотел вас убить, то сделал бы это гораздо раньше, чем впустил вас в эту комнату.

Его брови поползли вверх от удивления, когда он заметил выражение моего лица.

— Уж не думаете ли вы, что случайно оказались тут?

Да, именно так до последнего момента я и думал, но сейчас, когда я понял свою роль, меня охватил стыд. Меня перехитрили и положили на обе лопатки по всем статьям, и мне ничего не оставалось, как красиво сдаться.

Я положил оружие на стол и уселся в предложенное кресло. Он бросил пистолет в ящик и откинулся на спинку стула.

— Я пережил тревожные минуты, когда вы стояли там, вращая глазами, а артиллерия крушила все вокруг.

— Кто вы?

Он улыбнулся резкости моего тона.

— Кто я, неважно. Важно, какую организацию я представляю.

— Корпус?

— Точно. Специальный Корпус. Вы ведь не думаете, что я из местной полиции? У них был приказ застрелить вас. Только после того, как я рассказал, как вас найти,

они разрешили Корпусу принять участие в деле. У меня в здании было несколько человек, которые и «подтолкнули» вас сюда. Все остальные местные, у них пальцы чешутся нажать на спусковой крючок.

Это было малоприятно, но это была правда. Я был у них под контролем, словно робот М-класса. Старик за столом, я думаю, ему около 65, держал все нити. Я проиграл.

— Браво, мистер детектив, можете торжествовать. Что дальше — психологическая переориентация, лоботомия или стреляющий взвод?

— Да нет. Ничего из этого. Я здесь для того, чтобы предложить вам работать на Корпус.

Сказанное было настолько дико, что я чуть не выпал из кресла от хохота. Меня, ди Гриза, межпланетного вора, на работу полицейским?

— Я допускаю, что предложение кажется вам смешным, но это только на первый взгляд. Подумайте и скажите, кто лучше справится с поимкой вора — другой вор или полицейский?

В этом была доля правды, но я не собирался покупать свободу за службу провокатором.

— Интересное предложение, но я не могу выйти из общества «крыс». Вы знаете, что у воров есть свой кодекс.

Он разозлился и вскочил. Он был значительно выше, чем мне показалось вначале. Его указательный палец протянулся в моем направлении, пронзив воздух перед собой.

— Что за глупости вы болтаете? Не стройте из себя героя телепостановки. Вы прекрасно знаете, что за всю жизнь больше с ними не встретитесь! Если вы действительно перейдете к нам, то, несомненно, извлечете из этого пользу. Вся сущность вашей жизни — это индивидуализм и наслаждение от того, что не могут сделать другие. Вы не сможете больше быть межпланетным суперменом, но вы можете заняться работой, которая потребует всех Ваших способностей и таланта. Вы когда-нибудь убивали человека?

Этот вопрос и неожиданный поворот дела выбили меня из колеи, я даже замешкался с ответом.

— Нет, насколько мне известно.

— Это хорошо, что нет. Иначе бы вы не спали так спокойно по ночам. Я проверил это, прежде чем идти сюда за вами. Вот поэтому я уверен, что вы войдете в Корпус и получите истинное удовольствие, вылавливая

преступников другого сорта. Не тех, у кого в крови социальный протест, а тех, кто убивает и наслаждается этим.

Его убедительность была потрясающей, у него на все были готовы ответы. Крыть мне было нечем, и я выдал свой самый последний аргумент, самый сильный, как мне казалось.

— А что если Корпус узнает, что вы завербовали к себе на работу бывшего преступника? Нас обоих расстреляют у первой же стенки.

Теперь пришло время смеяться ему. Я не видел в этом ничего забавного и поэтому ждал, пока он закончит.

— Во-первых, мой мальчик, я и есть Корпус, то есть его руководитель, и как, ты думаешь, мое имя? Гарольд Питер Инскипп, вот так!

— Не тот ли самый Инскипп?

— Тот самый Инскипп Неуловимый. Человек, который ограбил Фарсидмен II в середине полета и сорвал множество других правительственных мероприятий. Я надеюсь, что вы читали об этом в юношеские годы? Меня завербовали так же, как и вас сейчас.

Он держал меня на крючке и знал это, а теперь решил добить меня до конца.

— А откуда, вы думаете, берутся остальные агенты? Я, конечно, говорю не о лупоглазых из наших технических школ, а о настоящих агентах. О тех, кто планирует операции, выполняет всю предварительную работу, а затем пожинает лавры. Они мошенники. Все до одного. И теперь все, что они умели делать лучше всего, они делают для Корпуса. Вы удивитесь некоторым проблемам, которые возникают в великой, необъятной и шумной Вселенной. Единственные, кого мы можем пригласить к себе работать,— это те, кто уже действовал успешно в таком масштабе. Ну как?

Все происходило так быстро, что у меня не было времени подумать. Наверное, мне надо было поспорить, но мозг уже принял решение. Я был готов согласиться и не мог сказать «нет».

Я кое-что терял, но надеялся больше приобрести. Хотя у меня будет свобода в работе, мне придется работать с людьми. Старые беззаботные денечки волка-одиночки миновали. От этой мысли у меня появились приятные ощущения. По крайней мере, конец одиночеству. Дружба возместит мне то, что я потеряю.

~ ~ ~

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Никогда в жизни я так не ошибался. Люди, с которыми я встречался, были тупы до изумления. Они обращались со мной, как с какой-то мелкой сошкой. Во мне росло подозрение, что меня здорово надули. Доводы Инскиппа изрядно потускнели, хотя я прекрасно помнил их. Память у меня ясная. Постепенно я закрутился в этом колесе.

Мы находились на спутнике, это было очевидно, но я совершенно не представлял, вблизи какой планеты или хотя бы какой солнечной системы. Все было абсолютно секретно, а это место было, очевидно, сверхсекретным главным Штабом и основной базой Школы Корпуса.

Школа мне нравилась. Это было единственное, что удерживало от того, чтобы не спятить. Тупицы сидели и зубрили, а мне материал давался легко. Только сейчас я начал понимать, насколько серыми были мои операции. С той техникой и теми приспособлениями, о которых я узнавал, я мог бы раньше быть в десять раз сильнее и хитрее. Эта мысль прочно засела у меня в мозгу, гаденько нашептывая в ухо в минуты депрессии и тоски.

Некоторые предметы попадались тупые и жутко скучные. Половину времени забирала работа с архивами — изучение бесчисленных побед и нескольких поражений Корпуса. Меня порой одолевала смертельная тоска, но я понимал, что это, видимо, часть проверочного периода — понаблюдать, не тянет ли меня к прошлому. Я умерил свой норов, на занятиях старался не зевать, а работать. Ведь я не могу здесь ничего изменить, и поэтому надо было найти что-то такое, что положило бы конец моему каторжному труду.

Это было нелегко, но я нашел ЭТО. Через некоторое время я все разведал и выяснил. Заниматься этим пришлось ночью, когда все спали, но в некотором роде это делало поиски даже более интересными.

Когда дело дошло до отпирания замков и взламывания сейфов, я понял, что это ерунда. Дверь в личные апартаменты Инскиппа запиралась реверсивным барабаном старого типа, открыть который ничего не стоило. Мне нужно было войти в дверь спокойно, без грохота, но так, чтобы Инскипп услышал меня. Зажегся свет, он сидел на кровати, направив на меня пушку 0,75 калибра.

— Вы, должно быть, сошли с ума, ди Гриз,— проворчал он.— Пролезть в мою комнату ночью! Я мог застрелить вас!

— Нет, не могли,— ответил я, когда он спрятал оружие под подушку.— Человек столь любознательный, как вы, сперва разговаривает, а потом стреляет. А ведь все эти ночные страсти были бы ни к чему, если бы ваш экран был включен и я мог бы вас вызвать.

Инскипп кивнул и налил себе стакан воды из автомата под кроватью.

— То, что я глава Корпуса, не значит, что я должен работать за весь Корпус. Мне надо спать иногда. Мой экран включен только для сверхсрочного вызова, а не для каждого агента, нуждающегося в утешении.

— Не значит ли это, что я попал в категорию нуждающегося в утешении? — спросил я как можно слаще.

— Поместите себя в любую категорию, черт побери,— прорычал он, падая снова на постель.— А также переместите себя в коридор и приходите завтра ко мне в рабочее время.

Мне стало жаль его. Он так хотел спать. И собирался уснуть как можно скорее.

— Знаете ли вы, что это? — спросил я его, подсовывая большой блестящий снимок ему под длинный перебитый нос. Один глаз медленно открылся.

— Большой военный корабль, по виду похожий на имперский. А теперь, в конце концов, убирайтесь! — простонал он.

— Отличная догадка для такого позднего часа,— сказал я ему вежливо.— Это последний имперский линкор высшего класса. Несомненно, одна из наиболее мощных машин разрушения среди когда-либо созданных. Полная защитная экранизация на полмили в диаметре и вооружение, способное превратить в радиоактивный пепел любую существующую сегодня флотилию...

— Исключая тот факт, что последний линкор был превращен в металлолом свыше тысячи лет назад,— пробормотал он.

Я оглянулся и наклонился к его уху, чтобы исключить недоразумения. Я говорил тихо, но четко.

— Верно, верно,— сказал я.— Но не удивитесь ли вы хотя бы немного, если я заявлю, что один из них строится сегодня?

О, это надо было видеть! Одеяло полетело в одну сторону, Инскипп отскочил в другую. Одним четким и

быстрым движением он перешел из лежачего положения в стоячее и занялся изучением снимка. В пижаме он смотрелся, конечно, невыгодно: угловатое тело на гусиных ножках. Но если ноги были слабы, то голос был очень сильный.

— Говорите, ди Гриз, говорите, дьявол вас побери! — прорычал он. Что это за чепуха о военном корабле? Кто его строит?

Перед тем, как говорить, я не спеша достал пилку для ногтей, эффектно откинул руку и стал обрабатывать палец. Уголком глаза я видел, как багровеет его лицо. Это была маленькая месть.

— Поместите ди Гриза в архив, чтобы он лучше ориентировался. Ведь копаться в пыльных, вонючих папках вековой давности — как раз то, что нужно для свободного духа Джеймса ди Гриза. Научите его, к тому же, дисциплине. Покажите ему, на чем стоит Корпус. Да и архив давно следует привести в порядок.

Инскипп открыл рот, крякнул и снова закрыл его. Он, несомненно, понял, что в данном случае, чтобы не затягивать дело, лучше меня не прерывать. Я улыбнулся, затем кивнул и продолжил.

— Таким способом вы хотели удержать меня на пути истинном. Сломить мой дух под предлогом изучения «некоторых сведений о деятельности Корпуса». В этом ваш план провалился, произошло нечто другое. Последовательно изучая архив, я нашел его очень интересным. Особенно систему «С энд М» — Категоризатор и Память. Она мне очень помогла. Это здание полно машин, где собираются сведения и отчеты со всех сторон Галактики. Все это классифицируется, помещается в соответствующие категории и фиксируется в памяти. Я выкопал это в информации о космолетах, которую заказал для себя. Я всегда интересовался этим вопросом...

— Ну еще бы,— прервал меня Инскипп,— Вы в свое время украли не один корабль.

Я подарил ему горький взгляд и медленно продолжил:

— Не буду надоедать вам всякими подробностями, я вижу, что вы в нетерпении, но, в конечном итоге, я выкопал этот чертеж.

Он выхватил его у меня из рук, едва я успел его достать.

— Что это такое? — пробормотал он, пробегая глазами

отпечаток. Да ведь это обычный тяжелогрузный корабль, пассажирский причем. Это такой же военный корабль, как я, например.

Это нелегко — одновременно говорить и презрительно кривить губы. Но я постарался.

— Конечно, вы не найдете его в реестре Лиги для военных кораблей. Но я говорю, что немножко разбираюсь в этом. Мне показалось, что корабль уж слишком велик для целей, которым он предназначался. Он жрет уйму топлива. К тому же, достаточно старых кораблей. Это заставило меня думать, и я заказал машине отпечатать полный список кораблей такого размера, сконструированных за сравнительно недавнее время. Вы можете представить мое изумление, когда после трех минут размышлений «С энд М» выдала список, состоящий всего из шести строк! Один был построен для освоения другой Галактики и, насколько нам известно, все еще находится в пути. Пять других — это корабли Д-типа, построенные для переселенцев во времена Экспансии, когда перемещались огромные массы людей. Для нашего времени они непомерно велики. Мне никак не давала покоя мысль, для чего мог быть использован такой большой корабль. Я двинулся назад во времени, рассматривая с помощью «С энд М» всю историю освоения космоса, чтобы найти подходящие сравнения. И вот обнаружил в Золотом веке имперских завоеваний военный корабль высшего класса. Машина даже для меня отпечаток сделала.

Инскипп схватил оба снимка и стал их сравнивать. Я стоял у него за спиной и указывал на наиболее интересные детали.

— Отметьте, машинный зал почти не изменен. Вот и грузовой трюм. Эта надстройка, очевидно, в последний момент была нанесена на план, она убирается, и на ее месте устанавливается огневая башня. Корпуса идентичны. Изменения здесь, сдвиг там — и тяжелый грузовоз становится быстрым линкором. Эти модификации могут быть сделаны во время постройки, а затем нанесены на чертеж. Через некоторое время кто-нибудь в Лиге обнаружит, что корабль закончен и может быть запущен в полет. Конечно, могут сказать, что это случайность — то, что чертежи вновь построенного корабля в шести местах совпадают с построенным тысячу лет назад. И если вы так думаете, то я дам сто очков вперед против одного, что вы ошибаетесь. Держу пари.

Никаких пари этой ночью не было. Инскипп не хуже меня знал это, он имел нюх на всякие сомнительные делишки. Одеваясь, он продолжал задавать вопросы.

— А имя миролюбивой планеты, которая строит это чудовише прошлого?

— Циттануво. Вторая планета звезды в Северной Короне. Единственная обитаемая планета в этой системе.

— Никогда не слышал о такой,— сказал Инскипп, открывая дверь в свой кабинет.— Это может быть как хорошим, так и плохим признаком. Не в первый раз беда приходит из таких мест, о существовании которых я никогда не подозревал.

С естественной сдержанностью, которая у него всегда отмечалась, он нажал кнопку срочного вызова на своем пульте. Почти мгновенно сонные клерки и ассистенты притащили записи и отчеты. Мы уткнулись в них.

Скромность не позволяла мне указывать на интересующие нас места, но Инскипп очень скоро сам пришел к тому же выводу, что и я. Он швырнул папку в другой конец комнаты и хмуро взглянул на светлеющий потолок.

— Чем дальше я смотрю на это, тем подозрительней это становится. На первый взгляд, у планеты нет абсолютно никаких мотивов для использования военного корабля. Но они строят его, это несомненно, и я могу биться об заклад на стопку тысячных кредиток высотой с наш дом. И все же, что они будут делать с ним, когда построят? У них процветает культура, нет безработицы, в избытке тяжелые металлы, полно прекрасных магазинов для всего того, что они производят. Нет кровной вражды, междоусобиц и тому подобного. Если бы не этот военный корабль, их можно было бы назвать идеальной планетой Лиги. Я должен узнать о них как можно больше.

— Я уже позвонил в космопорт, от вашего имени, конечно,— сказал я.— Готовится скоростной катер. Не позже чем через час я смогу улететь.

— Не бегите впереди меня, ди Гриз,— сказал он ледяным тоном.— Пока я еще отдаю приказания, и именно я разрешу вам, когда придет время, самостоятельно командовать.

Чтобы подтолкнуть его к нужному мне решению, я стал слащаво улыбаться:

— Я ведь, шеф, только стараюсь помочь вам получить побольше информации. Это не реальная операция, а только

разведка. Я ведь могу выполнить ее не хуже любого оперативника. И это может помочь мне приобрести опыт, так необходимый для получения какого-либо ранга...

— Ладно,— сказал он,— хватит болтать. Можете идти. Выясните, что там происходит. И сразу назад. Никакой самостоятельности. Это приказ!

Мне показалось, что он сомневается в отношении самостоятельности. И он был прав.

~ ~ ~

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отдел снабжения и отдел документации выдали мне все необходимое. Солнце стояло над горизонтом, когда серебристый остров моего корабля поднялся над серым полем и вырвался в космос.

Путешествие заняло несколько дней, этого было более чем достаточно для того, чтобы систематизировать свои знания о Циттануво. И чем больше я узнавал, тем меньше понимал необходимость планеты в военном корабле. Циттануво была повторно заселена во времена второй Экспансии переселенцами из системы Целлинии, а я был в этих поселениях раньше. Они все объединились в свободные союзы, иногда ссорились между собой, но до сражения дело никогда не доходило. Они, как и все, разделяли общее отвращение к войне. Они тайно строили военный корабль?

В конце концов, думать об этом надоело, и я выбросил из головы мысли об этом и занялся интересной шахматной задачкой. Время шло быстро, и, наконец, на носовом экране блеснула Циттануво.

Одним из наиболее важных моих принципов был такой: «Тайное не надо специально упрятывать». У фокусников это выполняется отвлечением внимания. Дайте людям возможность увидеть все, что они хотят, и они никогда не заподозрят, что за этим что-то кроется. Поэтому приземлился я очень эффектным способом, на самом большом поле, в середине дня. Я уже был одет для моей роли и вышел из корабля, когда распорные стопоры еще вибрировали. Застегнув платиновую пряжку на меховой накидке, я начал спускаться по пандусу. Маленький крепыш-робот М-3 громыхал сзади с моим багажом. Игнорируя суетливую активность около таможни, я направился

прямо к главному выходу, и только тогда, когда некто в форме подбежал ко мне, я проявил снисходительное внимание к окружающему.

До того, как он начал говорить, я подошел к двери и остановился.

— Прекрасная тут планета у вас! Великолепный климат! Идеальное место для дачи. Приветливые люди, всегда готовые прийти на помощь другому. Мне это нравится. Примите мою благодарность и глубокую признательность. Большое спасибо, что встретили. Я — великий князь Сент Анжело.— Я с энтузиазмом потряс его руку, положив туда в тот же момент сотенную кредитку.— А сейчас вы, конечно, понимаете, что таможенникам нет нужды досматривать вот этот мой багаж. Не будем отнимать у меня время. Корабль открыт, они могут проверить все, что им угодно.

Мои манеры, одежда, драгоценности, легкость, с какой я расстался с деньгами, шикарные чемоданы могли означать только одно. Такой богатый человек не станет заниматься контрабандой. Служащий что-то пробормотал с улыбкой, сказал несколько слов по телефону, и все было сделано.

Несколько таможенников наклеили бирки на мой багаж, заглянув для вида в баул, и пропустили. Я пожал руки всем вокруг, не просто пожал, конечно, и двинулся вперед. Такси было вызвано, водитель предложил отель. Я согласно кивнул, в то время как робот укладывал рядом мой багаж.

Корабль был абсолютно чист. Все, что нужно для работы, находилось в моем багаже. Кое-что было смертельным и взрывчатым и, будучи обнаруженным, доставило бы мне неприятности. Закрывшись в помещении отеля, я хотел изменить внешнось и сменить одежду. Робот проверил комнаты, нет ли где багов.

Эти роботы Корпуса — отличная штука. Они выглядят и действуют точно так же, как слабоумный М-3. Но только внешне. Мозги у них отличные, не хуже, чем у классных роботов. Кроме того, коренастое тело буквально начинено различными приборами и механизмами.

Он медленно двигался по комнате, перенося багаж и раскладывая вещи, и при этом не забывал исследовать каждый дюйм. Закончив, он остановился и четко доложил:

— Все комнаты проверены, обнаружен только один оптический баг в этой стене.

— Разве можно показывать пальцем на него? — спросил я у робота.— Ведь это может вызвать подозрения у наблюдателя.

— Нет, не может,— ответил робот с механической интонаций уверенности.— Я его слегка задел, и он сейчас бездействует.

Имея такие гарантии, я сбросил роскошные одежды и надел черную форму администратора Великого Флота Лиги. Я получил ее со всеми украшениями, золотыми кружевами и полным набором документов. Не думаю, чтобы она меня очень украшала, но она была нужна для создания соответствующего впечатления на Циттануво. Как и на многих других планетах, тут знали толк в униформах. Мальчики-рассыльные, дворники, клерки — все имели характерную форму. Мой черный мундир выглядел эффектно и должен был привлекать внимание.

Перед тем, как покинуть отель, я накинул плащ, скрывающий мундир, но вот со шлемом и с кейсом, набитым бумагами, была проблема. Я до сих пор не знал всех возможностей псевдо-робота М-3. Может, он поможет?

— Эй, ты, короткий и коренастый,— позвал я.— У тебя есть какие-нибудь отделения и ящики? Если есть, то покажи.

Я думал, что робот взорвался. В нем было больше ящиков, чем в кассовом аппарате: большие и маленькие, узкие и плоские — они выскочили из него в разные стороны. В одном был пистолет, два других были забиты гранатами, остальные — пустые. Я положил шлем в один, кейс — в другой и щелкнул пальцами. Ящики закрылись, и металлическое тело робота стало гладким, как и раньше.

Я надел модную кепку, застегнул плащ и был готов. Оставшийся багаж был у меня заминирован: пистолеты, газ, ядовитые иглы и тому подобное. В крайнем случае, это взлетит на воздух. М-3 поехал на лифте вниз, а я спустился по черной лестнице. Мы встретились на улице. Поскольку время было еще дневное, я не стал брать вертолет, а нанял маршрутное такси. Мы не спеша поехали по городу и уже затемно добрались до дома президента Ферраро.

Как и надлежит президенту богатой планеты, он имел великолепный дом. Мои предосторожности оказались просто смехотворными, если не сказать больше. Я со своим трехсоткилограммовым роботом прошел через охрану и сигнализацию без задержки. Президент Ферраро, холостяк,

обедал. Это позволило мне без помех исследовать его кабинет.

Там не было абсолютно ничего. Ничего связанного с войнами и военными кораблями. Вот если бы я был шантажистом — это другое дело. Здесь можно было найти кое-что похуже политической коррупции.

Когда Ферраро вернулся в кабинет, там было темно. Я слышал, как он пробормотал что-то о слугах и начал нащупывать выключатель. До того, как он нажал его, робот закрыл дверь и включил свет. Я сидел за столом, передо мной лежали все его личные бумаги, придавленные сверху пистолетом, на лице я постарался изобразить жуткую свирепость. Пока он не оправился от шока, я скомандовал:

— Подойдите и сядьте, быстро!

В тот же момент робот подтолкнул его так, что у него не оставалось выбора, кроме как повиноваться. Когда он увидел на столе бумаги, он вытаращил глаза, а в горле забулькало. Не давая ему опомниться, я сунул ему под нос свою книжку.

— Я адмирал Тар, представитель Великого Флота Лиги. Вот мои полномочия, можете их проверить.

Они были неотличимы от настоящих, поэтому я не беспокоился. Ферраро начал не спеша изучать книжечку, а затем проверил печати ультрафиолетом. Это дало ему время взять себя в руки и перейти в наступление.

— Что означает ваше появление? Вы ворвались в мой кабинет, совершили кражу со взломом...

— Ваше положение ужасно,— сказал я самым загробным голосом.

От моих слов по лицу Ферраро прошла тень. Я продолжал:

— Я арестую вас за заговор, вымогательство, воровство и многое другое, что окончательно станет ясно после изучения этих документов. Взять его!

Этот приказ относился к роботу, который отлично сыграл свою роль. Он подался вперед и обхватил президента за поясницу.

— Я могу объяснить,— взмолился тот.— Я могу все объяснить. Не нужно обвинять меня во всем. Я не знаю, что у вам там за бумаги, поэтому не стану утверждать, что они все фальшивые. Но вы должны знать, что у меня много врагов. Если бы Лига знала, как трудно управлять такой отсталой планетой, как эта!

— Ну ладно, хватит,— прервал я его взмахом руки.— На все вопросы будете отвечать перед судом. А сейчас ответьте мне только на один вопрос. Зачем вы строите военный корабль?

Этот человек был великий актер. Глаза его широко раскрылись, он рухнул в кресло, как если бы его стукнули молотком, челюсть его отвисла. Когда он смог говорить, слова были уже не нужны. Весь вид его выражал оскорбленную невинность.

— Какой военный корабль? — выдохнул он.

— Военный корабль высшего класса, который строится на верфях Церентолы в соответствии с этими чертежами.— Я кинул их на стол и указал на верхние углы.— А вот и собственноручные ваши подписи.

Ферраро все еще не пришел в себя. Он схватил бумаги и начал их изучать. Я не торопил. Наконец он отбросил их и тряхнул головой.

— Ничего не знаю ни о каком военном корабле. Это чертежи нового грузового пассажирского лайнера. Там действительно стоит моя подпись.

Я произнес свой следующий вопрос членораздельно, чтобы смысло его обязательно дошел до президента.

— Итак, вы отрицаете, что вам было что-то известно о строительстве линкора высшего класса по этим чертежам?

— Это чертежи обычного грузопассажирского лайнера. Это все, что мне известно.

Лицо его имело выражение обиженного ребенка. Пора было выводить его на чистую воду. Я откинулся в кресле, расслабился и достал сигару.

— Послушайте кое-что о роботе, который вас держит,— начал я.

Он взглянул с недоумением, видимо, не заметив в возбуждении, что робот держал его за талию во время нашей беседы.

— Это не простой робот, у него в кончиках пальцев находятся очень интересные приборы — термопары, гальванометры и тому подобное. Пока мы разговаривали, он регистрировал температуру вашего тела, давление, количество пота и прочее. Другими словами, перед вами эффективный и оперативный детектор лжи. Сейчас вы услышите все, о чем так вдохновенно врали.

Ферраро шарахнулся от руки робота, как будто это была ядовитая змея. Я эффектно выпустил кольцо дыма.

— Говори,— сказал я роботу,— лгал ли этот человек во время беседы?

— Да, лгал,— ответил робот.— Ровно 74% из всего сказанного им — ложь.

— Очень хорошо,— кивнул я, готовясь захлопнуть последний замок на моей ловушке.— Значит, он все знает об этом линкоре?

— Субъект не знал о линкоре,— возразил робот.— Все его заявления, касающиеся этого корабля и его конструкции, были негативными.

Сейчас пришла моя очередь таращить глаза, а Ферраро стало немного легче. Если бы он знал, что меня не интересуют его проделки! Я, конечно, получил удар ниже пояса, но нельзя было терять голову. Я заставил свои мысли вернуться к исходной точке и стал обдумывать ситуацию. Если президент Ферраро не знал о линкоре, значит, он служил только прикрытием. Тогда кто же истинный виновник? Некая милитаристская клика, желающая его сбросить и захватить власть? Я слабо разбирался в делах планеты, и решил взять Ферраро себе в помощники. Это было уже не трудно, не требовалось даже угроз опубликовать документы, которые я нашел в его бумагах. Используя эти документы, я мог заставить его плясать под свою дудку. Но в этом не было необходимости. Как только я показал ему два чертежа и объяснил их сходство, он все понял. Ему, несомненно, было легче, чем мне, найти, кто использовал его как орудие в своих руках. По молчаливому согласию о документах мы забыли.

Было решено, что следующим шагом должны быть верфи Церентона. Президент уже начал обдумывать, как использовать ситуацию против своих политических противников. Я дал ему понять, что Лига Флота хочет остановить строительство линкора. А уж потом пусть президент играет в свою политику со своими оппонентами. Договорившись об этом, мы вызвали машину, взвод охраны и отправились на верфи. По дороге мы обдумали линию нашего поведения.

Начальника верфи звали Рокка. Когда мы приехали, он безмятежно спал. Но недолго. Парад мундиров и пистолетов быстро привел его в чувство. Мне показалось, что он такой же воришка и плут, как Ферраро. Невиновный не мог испугаться так сильно.

Воспользовавшись ситуацией, я приспособил к нему свой ходячий детектор лжи и начал задавать вопросы. Еще не закончив «беседу», я уже начал представлять себе положение вещей. Оно было следующим: начальник верфи, строящей корабль, не имел ни малейшего представления о его истинной природе.

Кто-то менее самоуверенный, чем я, или имеющий меньший опыт в этот миг мог усомниться во всем. Я — нет. Корабль по-прежнему совпадал с линкором в шести местах, а я не верил, что это случайность. Какой же избрать путь? Если можно сделать выбор из двух вариантов — выбирай простейший. Только не останавливайся на глупых случайностях.

Взглянув снова на исходный чертеж, я обратил внимание на надстройку. Чтобы превратить корабль в военный, нужно было убрать ее в первую очередь.

— Рокка! — рявкнул я грозно.— Посмотри на эти чертежи, на этот вот выступ здесь. Он все еще строится на корабле?

Он покачал головой и ответил:

— Нет, чертежи были изменены. Мы устанавливаем новый противометеоритный аппарат для прохождения планетарных астероидных слоев.

Я открыл свой кейс и достал чертежи.

— Ваш аппарат случайно не напоминает вот этот? — Я протянул ему чертеж через стол.

Он потер подбородок, рассматривая схему.

— Да, вроде,— ответил он нерешительно.— Я не могу сказать точно, ведь детали ко мне не относятся, я отвечаю за работу в целом. Но эта деталь очень похожа на штуку, которая сейчас установлена. Большая штука. Сколько мы потратили...

Это был линкор, без всякого сомнения! И тут одно слово из сказанных им как громом поразило меня.

— Установлена! — выкрикнул я.— Вы сказали — установлена?

Рокка даже отшатнулся от моего крика.

— Да,— нерешительно ответил он.— Я даже помню, там были невероятные трудности...

— А что еще? — прервал я его. Холодный пот выступил у меня на спине.— Двигатели, управление — они, конечно, тоже установлены?

— Да, конечно,— ответил он.— Разве вы не знаете?

Обычный график был сильно сжат, это вызвало массу непредвиденных трудностей.

Теперь холодный пот бежал по мне ручьями. Первоначальный срок был сокращен почти на год. И не было никаких причин, чтобы нельзя было сократить его еще больше.

— Машины! Оружие! — взревел я.— К кораблю! Если его строительство закончено, у нас будут огромные неприятности и ни с чем не сравнимые трудности!

Охрана включила сирены и прожекторы, и, вдавливая в пол акселераторы, мы как сверкающая стрела помчались в ночи к стапелям и влетели в ворота.

Но все равно мы опоздали. Ночной сторож замахал на нас руками, и конвой остановился.

Корабля не было.

Рокка не мог поверить этому. Он бродил взад и вперед по пустой площадке, где строился корабль. Я залез на заднее сиденье машины и от злости сжевал сигару, обзывая себя идиотом.

Игнорируя очевидные факты, я как дурак вбил себе в голову мысль о том, что правительство планеты участвует в строительстве. Оно, конечно, участвовало, но только как ширма. Я почуял крысу — крысу из нержавеющей стали, крысу, которая действовала так, как действовал бы я до моего обращения.

Сейчас, когда этот грызун улизнул, у меня возникла идея, с чего начать его поиски.

К нам, шатаясь, подошел Рокка, начальник верфи. Его схватили за волосы, и поток отборной брани обрушился на него. Президент Ферраро вытащил пистолет, и было непонятно, как он собирается им воспользоваться и кем стать — убийцей или самоубийцей. Мне было все равно. Все, что могло его беспокоить — это следующие выборы, когда его избиратели и его политические противники не простили бы ему потерю корабля. Мои проблемы были значительно сложнее.

Я должен был отыскать линкор до того, как он начнет шататься по галактике.

— Рокка! — крикнул я.— Идите в машину. Я хочу посмотреть все ваши отчеты, именно все, и сделать это немедленно.

Он с трудом влез в машину, видимо, еще не сознавая, что от него хотят и зачем.

— Но адмирал... в это время... все еще спят...

Я собирался заорать, но этого не потребовалось. Видимо, он все понял по выражению моего лица, потому что сразу схватил трубку радиотелефона. Когда мы подъехали, двери конторы были открыты.

Обычно я ненавидел этот бюрократический порядок, эти бумажные завалы, но сейчас я на них молился. У этих людей была целая наука. Ни одна заклепка не пропадет, а если это случится, об этом будет составлена бумага в пяти экземплярах. Мне предоставили меморандумы, памятные записки, акты о списании, запросы.

Нужные мне факты буквально терялись в этих бумажных катакомбах, но делать было нечего. Я не стал отыскивать первопричины, это было слишком долго, а сосредоточил внимание на последних изменениях, таких как орудийная башня. Это должно было довольно быстро выявить виновных.

Клерки, наконец, поняли, чего я от них хочу. Воспламененные огнем патриотизма и грозным голосом своих начальников, они забегали сломя голову. Теперь мне достаточно было указать направление поисков, и соответствующие документы оказывались у меня в руках.

Шаг за шагом картина стала проясняться. Тонкая паутина подделок, взяток, крючкотворства и фальшивок. Придумать все это могла голова, подобная моей. От зависти я даже крякнул. Как и все великие идеи, эта была чрезвычайно проста.

Несомненно, сначала это была программа строительства огромного транспорта, затем ее слегка изменили, а затем и вовсе исправили.

Все было проделано просто гениально. Приказы, исходящие из различных источников, изменялись, подтасовывались. Я с большим трудом выяснил эти источники. Во всех случаях они оказались подложными. В некоторых случаях они были настолько скрыты, что я сначала не мог понять, как мог пройти такой приказ, пока мне не объяснили, что несколько офицеров имели временных секретарей, в то время как их постоянные секретари и ассистенты болели. Все девушки, одна за другой, получали пищевые отравления. Просто какая-то эпидемия! Каждую из них замещала одна и та же девица. Она оставалась на каждом

месте достаточно долго, чтобы убедиться в продвижении плана строительства линкора.

Эта девушка, очевидно, была помощницей главаря, который все это и организовал. Он, словно паук в паутине, дергал за ниточки, приводя в движение все винтики своей дьявольской машины. Моя первая мысль была о том, что в дело можно включить бригаду, но потом я признал ее ошибочной. В дальнейшем я занялся только сущностью подлогов. В некоторых случаях документы не были подделаны, тут, видимо, мой таинственный Икс сам выполнял работу. Икс имел постоянную должность инженера-дизайнера. Одна за другой распутывались нити, ведущие в контору. У него тоже была секретарша, чья болезнь совпадала с ее работой в других отделах.

Когда я наконец вылез из-за стола, спина не гнулась и горела, как будто на ней лежала раскаленная проволока. Я проглотил обезболивающее и окинул взглядом войско своих помощников, измученных, как и я, не спавших вместе со мной 72 часа. Они сидели, откинувшись на стульях, и ждали моего решения. Даже президент Ферраро был тут, его волосы были растрепаны и свисали сосульками.

— Вы раскопали это преступное гнездо? — спросил он, запустив пятерню в свою шевелюру.

— Да, я нашел их,— ответил я.— Только это не преступное гнездо, а один человек, мастер своего дела, у которого в мочке уха больше таланта, чем у всех ваших продажных бюрократов, и его ассистент, женщина. Они все проделали вдвоем. Его имя или псевдоним Пепс Неро, ее зовут Ангелина...

— Арестовать их немедленно! Стража...— и Ферраро выскочил из комнаты. Я велел ему вернуться обратно.

— Это было бы самое лучшее, что мы могли бы сделать, но в данный момент это затруднительно, так как они же и украли линкор, а не только построили его. В нем все автоматизировано, не требуется даже команды на первое время.

— Что вы решили делать? — спросил один из клерков.

— Да ничего,— ответил я тоном старого космического волка.— Флот Лиги уже вышел на охоту за преступниками, и скоро вы услышите об их поимке. Благодарю всех за помощь.

~ ~ ~

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я сказал это бодрым жизнерадостным тоном, и они вышли. На секунду я позавидовал их святой вере во Флот Лиги. А ведь на самом деле сообщение о Флоте было такой же липой, как и мое адмиральское звание. Я продолжал работать для Корпуса. Инскипп должен был получить последнюю информацию в настоящий момент. Я послал ему псиграмму, но ответа пока не было. Наверное, идентификация воров задержала ответ.

Когда мое сообщение было закодировано, расшифровать его для настойчивого человека не составило бы труда. Поэтому я сам отнес его на передающий центр. Псиграммист сидел в своей прозрачной комнатушке, когда я вошел туда. Его взгляд был отсутствующим, он говорил что-то в микрофон, передавая какие-то сообщения через просторы галактики.

Снаружи шифровальщики кодировали, копировали и записывали сообщения, но ни одного звука не проникало через изолированные стенки. Я подождал, пока они обратят на меня внимание, и протянул псиграммисту листок бумаги.

— Лига, Центральная, 14, срочно,— сказал я.

Он поднял брови, но ничего не сказал. Через несколько секунд мы имели на связи цепочку псиграммистов. Один из них читал кодовые сигналы отчетливо, тщательно выговаривая слова, но негромко. Мощь его мысли пронизывала расстояния во многие световые годы. Когда он закончил, я забрал текст, порвал его и сложил кусочки в карман.

На этот раз я получил сообщение довольно быстро. Видимо, Инскипп ждал мое послание. Микрофон вынесли к шифровальщикам, и я сам стенографировал кодовые группы.

—... хувв дхид Фдно, и если не сделаешь, назад не возвращайся!

Сообщение в конце шло прямым текстом, и псиграммист улыбнулся, читая эти слова. Я заорал на него, чтобы он не вздумал болтать об этом, так как сообщение секретное, и я лично пристрелю его в противном случае. Улыбка у него пропала, но мне от этого легче не стало.

Декодированное сообщение оказалось совсем не таким плохим, как я думал. Впредь до дальнейших указаний я должен был выследить и захватить линкор. Я мог обра-

щаться в Лигу по первой необходимости. До окончания работы я должен находиться в должности адмирала и держать Инскиппа в курсе всех дел. Мое счастье было бы полным, если бы не это отвратительное заключение открытым текстом.

Я получил свое долгожданное назначение. Но только как! Захвати линкор или прощайся с головой. И ни слова о моих героических усилиях по раскрытию преступления! В каком бессердечном мире мы живем!

Усталость, наконец, сломила меня, и я отправился спать, так как моя основная работа сейчас — спать и ждать...

Действительно, ожидание было моим единственным занятием, не считая таких дополнительных забот, как вызов крейсера лично для себя и сбор дополнительных данных о ворах. Но это действительно было второстепенным по отношению к главному — ждать плохих вестей. С точки зрения организации погони Циттануво было наилучшим местом. Исчезнувший корабль мог двигаться в любом направлении. Команду крейсера, где я находился, я держал в полной боевой готовности, ограничив область ее перемещения радиусом в сто ярдов вокруг корабля.

Сведений о Пепсе и Ангелине было очень мало. Похоже, они умели заметать следы. Их происхождение было неизвестным, только слабый акцент в произношении говорил о том, что они не местные. Имелась тусклая фотография Пепса, толстощекого парня со злым лицом. Фотографии девушки вообще не было. Подгоняемый своим нетерпением, я заставил псиграммиста непрерывно прослушивать пространство и сообщать мне обо всех происшествиях в космосе.

Потом мы с навигатором наносили их на карту, определяя, попали ли они в растущую сферу возможных положений украденного корабля, но при дальнейшем исследовании все инциденты оказывались естественного происхождения.

Уходя спать, я оставил приказ при ЧП в опасной зоне будить меня немедленно. Меня подняли глубокой ночью, протянув листок бумаги. Протерев глаза, я прочел первые две строчки и немедленно нажал кнопку «Общая тревога».

Нужно сказать, что эти парни знали свое дело. Я еще не успел дочитать сообщение, а уже завыли сирены, корабль закрылся и взлетел. Когда зрение после перегрузки

восстановилось, листок опять попал в фокус и я прочитал его, а затем перечитал еще раз более внимательно.

Это выглядело так, как мы и ожидали.

Свидетелей не было, но несколько мониторных станций зафиксировали использование оружия большой мощности и огромной энергии. С помощью триангуляции мы вычислили координаты и нашли грузовое судно. В его корпусе была дыра величиной с железнодорожный туннель. Груз плутония исчез.

В каждой строке сообщения я видел Пепса. Поскольку на лайнере не было команды, он действовал наверняка. При попытке захвата чужого судна или попытке переговоров всегда присутствует элемент риска. Поэтому он просто догнал ничего не подозревающий грузовоз и расстрелял его из своих чудовищных орудий. Восемнадцать человек были мгновенно убиты. Воры теперь стали убийцами.

Я жаждал действий. И очень боялся наделать ошибок. Коротышка Пепс показал себя безжалостным убийцей. Когда ему что-то нужно, он просто подходит и берет это, сокрушая все на своем пути. Еще много людей погибнут, и моя задача — сделать это число как можно меньше.

По идее, я должен был рвануться за преступниками и совершить возмездие, сверкая пушками. Прекрасная мысль, и желание у меня есть. Не знаю только — где он? Линкор, конечно, гигантский корабль, но в масштабах космоса это просто пылинка. Пока он будет держаться вне коммерческих линий, станций и планет с их радарами, найти его будет невозможно.

Да и если я найду его, то как захватить? Ведь это исчадие ада по мощности не уступает любому кораблю. Это мучило меня и днем, и ночью, но ответа я не находил.

Догадка пришла внезапно. Если я не знаю, где будет Пепс, надо сделать так, чтобы он пришел, куда я захочу.

Некоторые факты работали на меня. Например, то, что я заставил его начать игру до того, как он полностью был готов. Конечно, он не собирался улетать в тот день, когда я прибыл. Но любой план, а особенно так тщательно разработанный, как у него, должен предусматривать действия в случае опасности. Двигатели, управление, вооружение были установлены на линкоре задолго до моего прибытия, но осталось много незаконченной дополнительной работы. Один из свидетелей заявил, на-

пример, что во время старта с корабля свисали силовые и передающие кабели.

Мое прибытие вывело Пепса из равновесия, и у меня в этом смысле было преимущество перед ним. Теперь мне надо было думать так же, как и он, предчувствовать его планы, предвидеть следующий шаг и... поймать в ловушку. Послали вора ловить вора. Теоретически все выглядит прекрасно, но как только я подумаю о практике, мне становится неуютно.

Я выпил и закурил. Выпускаю кольца дыма и наблюдаю, как они движутся. Это меня расслабляет. В конце концов, что вообще можно сделать с помощью линкора? Он, конечно, хорошо приспособлен для космического пиратства, но ведь это и все.

— Чудесно, чудесно, но почему линкор?

Я заговорил сам с собой, обычно это плохой признак. но сейчас мне было не до того. Мысль о космическом пиратстве долго казалась мне единственно верной, но сейчас мнение мое резко изменилось.

Почему линкор? Зачем все эти годы труда и хлопот, чтобы получить корабль, которым с трудом могут управлять два человека? Ведь и десятой доли усилий Пепсу хватило бы, чтобы построить крейсер, который тоже бы прекрасно подходил для целей пиратства.

Для целей пиратства, но не для целей Пепса. Он хотел линкор и получил линкор. Это значит, что в мыслях у него есть кое-что еще кроме пиратства. Но что? Очевидно, что он маньяк и псих, и неважно, как он мог проскользнуть через сеть официального тестирования. Это еще предстоит выяснить. Но для этого нужно его сначала поймать.

План уже начал складываться у меня в голове, но я хотел дать ему созреть. Во-первых, я должен быть уверен, что хорошо знаю Пепса. Человек, которому удалось обмануть весь мир при строительстве корабля, а затем еще и украсть его, не будет вечно оставаться в тени на нем. Корабль нуждается в команде и базе для заправки горючим и ремонта.

О заправке горючим ему придется позаботиться в первую очередь. Выпотрошенный корпус грузовоза тому немой свидетель. В качестве базы может быть использована безлюдная планета.

Получить команду в это трудное время тяжелее, хотя и здесь я мог бы придумать несколько вариантов. Скажем, рейд по тюрьмам, психиатрическим лечебницам и больницам. Действуйте в этом направлении, и вы получите команду, готовую на любые пиратские налеты. Однако пиратство, конечно, очень слабая штука для амбиций этого типа. Он, наверное, хочет управлять целой планетой... а может быть, и целой системой. Или больше? Я даже вздрогнул от этой мысли. Не было ли чего-нибудь подобного в прошлом? Во время королевских войн несколько человек с парой кораблей и общим объемом мозгов, меньшим, чем у Пепса, установили нечто вроде Империи. Их всех скинули, конечно, в конце концов, но цена за это оказалась самой высокой.

План созрел, и я нутром чувствовал, что он хорош. Может быть, в некоторых деталях была слабина, но это неважно. Мне ясна основная цель идеи, и я знаю способ ее осуществления. Существуют естественные законы в преступлениях, как и в любой области человеческой деятельности. Я знал, что все будет как надо.

— Немедленно ко мне офицера связи! — крикнул я по интеркому.— И пару клерков с транскиберами. И быстро — речь идет о жизни и смерти!

А вот последнее я сказал зря, это выводит меня из образа. Я застегнул воротничок, поправил знаки различия и расправил плечи. Теперь, когда они войдут, я снова буду адмиралом.

По моему приказу корабль вышел из суперпространства, чтобы мой псиграммист мог связаться с другими операторами. Капитан Стенг ворчал, что мы остановили двигатели и теряем драгоценное время, да к тому же еще команда выполняет ненормальные приказания. Мой план был вне его понимания. Он, конечно, капитан, но я-то адмирал, хотя и временный.

По моему приказу навигатор построил сферу убегания, которая отстояла от возможного наибольшего удаления украденного корабля на время его дневного пути. Сфера захватывала ряд звездных систем, которых было немного, и псиграммист мог по очереди вызывать их и посылать новости, которые передавались там Офицеру Международных Отношений.

По мере расширения сферы псиграммист переходил к новым объектам. Я к нужному времени подготавливал текст очередного сообщения и направление передачи, а

также дополнительное послание, которое псиграммист передавал на Центральную, 14. Там отряд псиграммистов связывался с индивидуальными планетами, постоянно пополняя их список.

Все основные и дополнительные сообщения были на одну и ту же тему. Я подробно излагал, обсуждал и негодовал. Я написал огромное число вариантов в самых разнообразных формах. Я хотел, чтобы суть информации в том или ином виде попала во все газеты и журналы внутри этой расширяющейся сферы.

— Что все это значит, разрази меня гром? — ворчал капитан Стенг.

Ему было скучно, он отказывался участвовать в операции, считая ее бессмысленой, и большую часть времени проводил в своей каюте, ругаясь на чем свет стоит. От скуки или от любопытства он прочитал одно из моих сообщений.

— Миллиардер в поисках собственного мира... Космическая яхта сказочной роскоши...— лицо капитана побагровело.— Какое отношение имеет этот вздор к поимке уубийц?

Когда мы находились вместе, он был вежлив, но по едва уловимым признакам было заметно, что он считал меня липовым адмиралом. Без сомнения, я оставался старшим, но отношения были формальными.

— Эта чепуха и вздор и есть та приманка, на которую клюнет наша рыбка,— говорил я ему.— Ловушка для Пепса и его партнерши.

— А кто этот мифический миллиардер?

— Я,— сказал я,— я всегда хотел быть богатым.

— А этот корабль, космическая яхта, где она?

— Строится сейчас на космоверфи в Удридде. Мы пойдем туда сразу же после того, как закончим подготовку.

Капитан Стенг бросил сообщение на стол и вытер руки так тщательно, как будто боялся подхватить инфекцию. Он пытался честно встать на мою точку зрения, но без малейшего успеха.

— Ничего не выйдет,— проворчал он.— Почему вы уверены, что он прочитает хотя бы одну строчку из этих заметок? А если он прочитает, то почему должен заинтересоваться? По-моему, вы теряете время, и он проскольз-

нет у нас между пальцев. Нужно поднимать тревогу и оповестить все корабли. Привести флот в состояние боевой готовности и выслать патрули на все космолинии...

— Которые он может легко обойти или просто-напросто уничтожить, что более вероятно. Так что это не выход,— ответил я ему.— Этот Пепс очень ловок и хитер, он действует как игральный автомат. В этом его сила и одновременно слабость. Такие, как он, считают, что никто другой не может мыслить подобно им. А я могу!

— Вы не умрете от скромности,— бросил Стенг.

— Это точно,— ответил я.— Ложная скромность порождает некомпетентность. Поэтому я собираюсь поймать этого подлеца и расскажу вам, как я это сделаю. Он скоро совершит нападение, и там, где это произойдет, будет пресса с моими сообщениями. Независимо от цели нападения он заберет все газеты и журналы, которые сможет найти. Отчасти чтобы удовлетворить свое самолюбие, но главным образом чтобы быть в курсе событий, которые его интересуют. Таких, как движение кораблей.

— Вы только предполагаете, вы не можете знать точно.

Его твердая уверенность в моей некомпетентности стала действовать мне на нервы. Я сдержал раздражение и попытался убедить его в последний раз.

— Да, я предполагаю, но предполагаю обоснованно, опираясь на факты. Из грузового корабля он забрал все, что можно было читать, это сразу бросилось мне в глаза. Мы не можем предотвратить новую атаку линкора, но мы можем убедиться после этого, все ли пойдет дальше так, как я думаю.

— Я не знаю,— сказал капитан,— это звучит для меня подобно...

Я так и не узнал, подобно чему звучит это для капитана, и это хорошо, так как он был бы в нокауте, а я тем самым потерял бы свой псевдотитул. Рев сирен прервал его, и мы бросились в комнату связи.

Капитан Стенг выиграл у меня полкорпуса, это был его корабль, и он лучше знал дорогу. Псиграммист держал расшифрованный текст, но все и так было понятно по выражению его лица. Он посмотрел на меня холодным взглядом.

— Они снова напали, разрушили спутник снабжения и убили 34 человека.

— Если ваш план не сработает, адмирал,— прохрипел капитан мне в ухо,— я буду лично наблюдать, как с вас живого сдерут шкуру!

— Если мой план не сработает, капитан, с меня нечего будет сдирать. А сейчас, с вашего разрешения, мы отправимся в Удридду за моей яхтой, и немедленно.

Эта ненависть и презрение к моим действиям взбесили меня и вывели из равновесия. Мной сейчас руководила злость, а не логика. Я взял себя в руки и привел в порядок мысли.

— Задержите выполнение последней команды,— крикнул я, возращаясь к роли старого космического волка.— Установите связь и выясните, не останавливался ли кто-нибудь около спутника.

Пока псиграммист занимался работой, я просмотрел некоторые бумаги. Рядовые и офицеры напряженно ждали, делая слабые попытки высказать мне свою ненависть. Ответ должен быть в течение десяти минут.

— Так точно,— ответил наконец псиграммист.— Резервное судно останавливалось там за 12 часов перед атакой. Среди прочего оставлены газеты с вашими статьями.

— Очень хорошо,— сказал я.— Пошлите общий приказ прекратить передачу всяких сообщений. Передавайте только приказ с помощью псиграммиста, не используя никаких других сигнальных устройств. Нельзя, чтобы нас подслушали.

Я медленно вышел как хозяин положения. Правда, пришлось отвернуться, чтобы они не могли видеть у меня на лице испарину.

Мы немедленно отправились в Удридду, где меня ждала яхта миллиардера «Эльдорадо». Начальник верфи, показывая мне корабль, деликатно пытался удовлетворить свое любопытство. Однако из желания отомстить Флоту я не сказал ни слова о своей миссии. После проверки аппаратуры и управления я попросил очистить корабль. В астронавигатор была заложена лента, которая выведет меня на курс, упомянутый в статьях. Нужно только нажать кнопку. И я нажал.

Это был прекрасный корабль. Верфь любовно позаботилась даже о мелочах. От носа до кормовых дюз он был покрыт металлом с высоким альбедо, то есть чистым золотом. Имеются и другие металлы с высоким альбедо, но ни один из них не производит такого впечатления. Все убранство яхты тоже было великолепным. Вся эта работа не была предусмотрена чертежами. Флот должен был приспосабливать яхту к моим нуждам.

Все было готово. Либо Пепс перехватит меня, либо я достигну райской планеты миллиардера. Если это случится, для меня будет лучше там и остаться.

Сейчас, когд я вышел в космос, появились прежние сомнения. План, выглядевший таким ясным и логичным, сейчас начал казаться идиотским.

— Стой на своем, моряк,— сказал я себе тоном адмирала.— Ничего не изменилось, это все еще лучший и единственный план, возможный в данных обстоятельствах.

А так ли это? Могу я быть уверен, что Пепс предпочтет комфорт и роскошь своему кораблю и довольно ограниченному флотскому рациону? Или, если роскошь его не волнует, захочет ли он завладеть правом собственника планеты? Я загрузил трюм всем, что только может желать человек, и оставил информацию об этом во всех возможных местах. Наживка была на месте, но схватит ли он крючок?

Я не мог ответить. Состояние мое было крайне нервозным. Я пытался сконцентрировать внимание на чем-нибудь еще, но ничего не получалось. Следующие четыре дня прошли спокойно.

~ ~ ~

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда зазвучал сигнал тревоги, я почувствовал огромное облегчение. Я мог быть убит, превращен в пыль, но это уже не имело никакого значения.

Пепс проглотил наживку. Единственным кораблем в галактике, который мог выглядеть на экране таким громадным с такого расстояния, был его корабль. Огромная энергия двигателей линкора позволила ему создать тормозящее поле, отчего моя яхта буквально встала на дыбы. Одновременно зажегся сигнал: «Внимание, радиопередача». Я подождал, на сколько хватило терпения, затем включил приемник. Раздался голос:

— ...что вы под прицелом военного корабля! Не делайте попыток хитрить... уйти любым другим способом...

— Кто вы и что вам нужно, черт бы вас побрал!— закричал я в микрофон. Мой сканнер был включен, так что они могли видеть меня, мой же экран оставался темным, они не послали картинку. Они могли видеть мою роскошную одежду, богатство кабины за моей спиной.

Только вот мои руки они никак не могли видеть.

— Неважно, кто мы!— прогремело радио.— Выполняйте распоряжения, если хотите жить. Отойдите от управления, пока мы не причалим, затем будете делать все, как я скажу.

Послышались два приглушенных щелчка, когда магниты захватили корпус. Корабль накренился. Я рассчитывая, что меня видят, округлил глаза от испуга и начал озираться, ища пути к спасению. Яхта расположилась у космошлюза линкора. Я нажал кнопку и послал туда робота-сварщика, как было задумано.

— А теперь позвольте мне сказать вам кое-что,— рявкнул я в микрофон, снимая маску перепуганного миллиардера.— Во-первых, я повторяю ваши слова: «Выполняйте распоряжения, если хотите жить». И я вам покажу, почему...

Я повернул переключатель, задающий последовательную программу работы. Корпус был, конечно, намагничен, он крепко держал бомбы. В соответствии с заданной программой сканнер в кабине включился в режим ожидания, а в генераторном отсеке — в режим работы. Я проверил переносной экран-монитор и начал натягивать скафандр. Необходимо было делать это быстро, одновременно продолжая разговор. Они должны быть уверены, что я по-прежнему сижу в кабине управления.

— Как вы видите, это генератор корабля. Девяносто процентов мощности сейчас питают электромагниты. Разделить нас практически невозможно. И я не советую вам делать это.

Скафандр был надет, но я продолжал говорить, используя микрофон, подсоединенный к главному передатчику через шлем. Картина на мониторе изменилась.

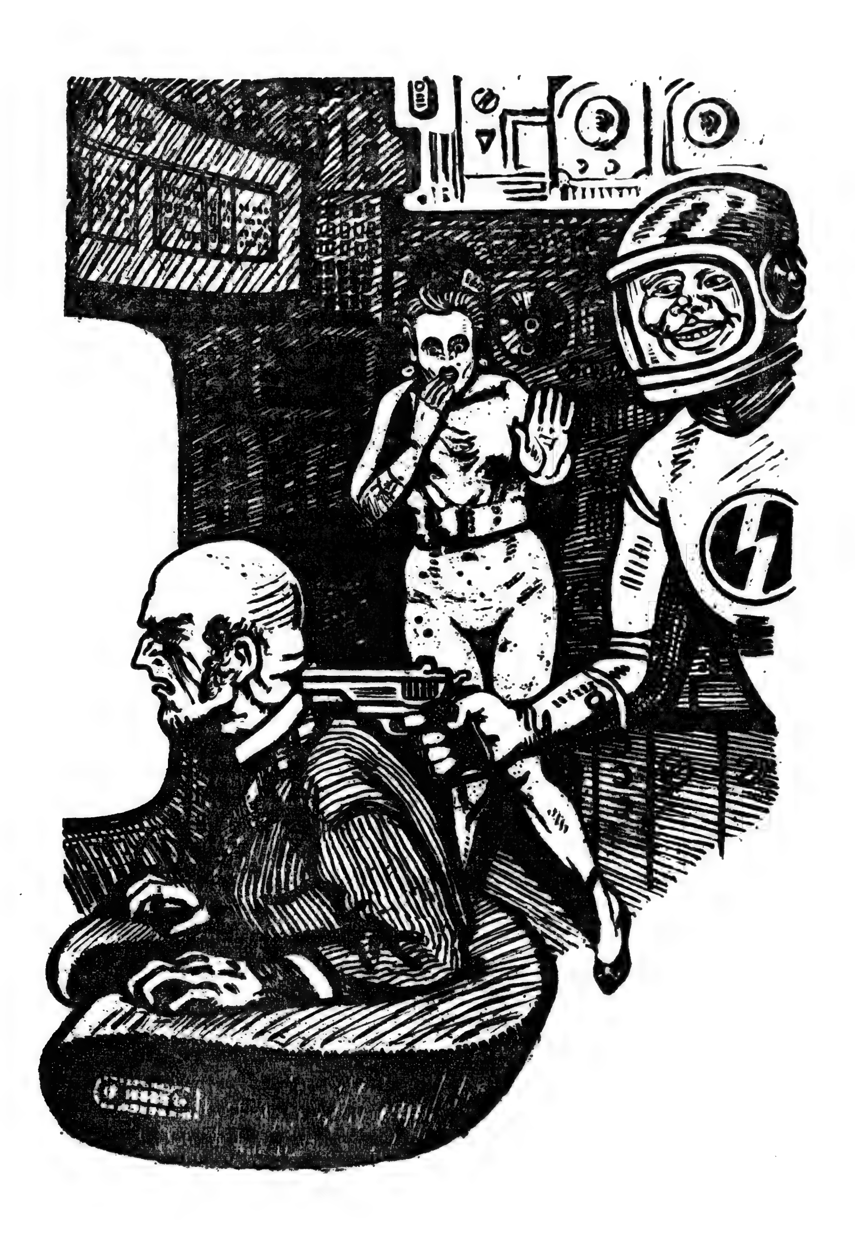
— Сейчас вы видите водородную бомбу, запал которой держится только за счет того, что магнитное поле прижало корпус вашего линкора к ней. Она, конечно, взорвется, если вы попытаетесь отделиться.

Я схватил экран-монитор и помчался к шлюзокамере.

— А вот это другая бомба,— сказал я, глядя одним глазом на экран, а другим — на медленно открывающуюся входную дверь.

— У нее есть датчики на корпусе. Если вы попытаетесь разрушить часть моего корабля или открыть входной главный люк, она сработает.

Я был уже в космосе и приближался к линкору.

— Чего вы хотите?— это были первые слова Пепса, произнесенные им после моей демонстрации.

— Я хочу поговорить с вами и прийти к соглашению, представляющему интерес для нас обоих. Но чтобы вы правильно судили о моих возможностях, я покажу вам остальные бомбы.

Я показал им остальные бомбы, это было нетрудно. Сканнеры яхты работали по заранее составленной программе. Я бегло продемонстрировал все свое остальное вооружение, которое могло привести к нашей совместной гибели, сам же пролез через дыру в корпусе линкора, проделанную роботом. Это место было тщательно выбрано по чертежам, здесь не было толстой брони и датчиков-сторожей.

— Да, да... я понял... вы — летающая бомба. Остановите свой репортаж и скажите, что вы собираетесь делать?

На этот раз я ему не ответил. Отключив микрофон и дыша как гончая собака, я мчался по переходам линкора. Если верить чертежам, то где-то здесь должна быть дверь в рубку управления. Пепс, конечно, там.

Я вошел, выхватил пистолет и направил его в затылок Пепсу. Ангелина стояла рядом и смотрела на экран.

— Игра окончена,— сказал я.— Стойте спокойно и не двигайтесь!

— Что это значит?— спросил он зло, глядя на экран перед собой. Девушка догадалась раньше. Она повернулась и воскликнула:

— Он здесь!

Они уставились на меня, растерянные и испуганные.

— Вы арестованы, главарь,— сказал я ему.— И ваша девушка тоже.

Ангелина закрыла глаза и упала на пол. В самом деле с ней случился обморок или она притворялась, я не знаю. Под прицелом моего пистолета Пепс подхватил ее и уложил в амотризационное кресло у стены.

— Что... что теперь будет?— спросил он дрожащим голосом. Нижняя челюсть у него тряслась, в глазах стояли слезы. Это не произвело на меня впечатления, я не забыл, скольких людей он погубил. Он потащился к креслу и почти упал в него.

— Что они сделают со мной?— спросила Ангелина. Она уже открыла глаза.

— Я не знаю, что они сделают с вами,— сказал я отрешенно,— это решит суд.

— Они сделают со мной все эти штуки,— заплакала она. Ангелина была молода, черноволоса и красива, слезы совсем ее не портили.

Пепс закрыл лицо ладонями, плечи его тряслись. Я направил пистолет в его сторону.

— Перестаньте, Пепс. Трудно поверить в ваши страдания. На пути сюда сейчас несколько кораблей Флота. Минуту назад был включен сигнал тревоги. Я думаю, они будут рады увидеть человека, который...

— Не отдавайте меня им, пожалуйста!— Ангелина была уже на ногах, она прижималась спиной к стене.— Они упрячут меня в тюрьму, изменят мой мозг.— Она, спотыкаясь, двигалась вдоль стены. Я оглянулся на нее, потом снова посмотрел на Пепса, не желая надолго терять его из виду.

— Я ничего не могу сделать,— сказал я ей. Обернувшись, я увидел, как открывается маленькая дверь и Ангелина исчезает.

— Не вздумайте бежать!— крикнул я ей вслед.— Ничего из этого не выйдет!

Пепс издал странный звук, и я повернулся к нему. Сейчас он сидел прямо, лицо его было сухим. Он смеялся, а не плакал.

— Вот так. Она и вас провела, мистер Супердетектив. Бедная маленькая Ангелина с нежными глазками!— Он опять согнулся, сотрясаясь от смеха.

— Что это значит?— прорычал я.

— Все-таки не поняли? Она жалобно причитала... и обвела вас вокруг пальца. Весь план строительства линкора и его угона был ее. Это она втянула меня, полностью подчинив своей воле. Я жил с ней и одновременно был счастлив и презирал себя. Я рад, что все так случилось. По крайней мере я дал ей шанс. Хотя мне казалось, что мы взорвемся, когда она выскочила.

Я стоял перед ним словно парализованный.

— Вы лжете,— сказал я резко, но уже и сам не верил в это.

— Да нет, это правда. Ваши мальчики-психиатры разложат мой мозг по кусочкам и убедятся, что я не вру. Совершенно.

— Мы обыщем корабль, она не сможет прятаться долго.

— Она не будет прятаться,— ответил Пепс.— В одном помещении мы спрятали быстроходный катер. Может быть он сейчас отходит.

Пол слегка задрожал, а потом мы почувствовали вибрацию от толчка.

— Флот поймает ее,— сказал я с уверенностью, которой не ощущал.

— Может быть,— ответил он, внезапно становясь серьезным.— Может быть, но я дал ей шанс. Со мной покончено, но она знает, что я любил ее до конца...— он скрипнул зубами, будто от внезапной боли.— Да только ей это все равно.

Мы оба замолчали и больше не двигались, пока не подошли корабли Флота, а их боты не причалили к линкору.

Я захватил линкор и покончил с этим кошмаром! Мне не за что винить себя, если девушка ускользнет. Если она проскочит корабли Флота, это будет их ошибкой, а не моей.

Я праздновал победу.

Но счастье мое недолго было полным. У меня было предчувствие, что с Ангелиной мы еще встретимся. И я не ошибся.

~ ~ ~

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Жизнь была бы намного приятнее, если бы мои тяжелые предчувствия никогда не оправдывались. Нельзя винить Флот в том, что они упустили Ангелину — они не первые и не последние, кто может недооценить то, что скрывается за этими прекрасными глазами. Я и себя не винил. После моей первой ошибки, когда я позволил ей уйти, важно не ошибиться снова. Я еще не до конца верил в то, что Пепс рассказал о ней. Вся история может оказаться ловко придуманной ложью, чтобы отвлечь мое внимание от его охраны.

Я человек очень подозрительный. Ствол моего пистолета до сих пор был направлен точно ему между глаз, палец слегка надавливал на спусковой крючок. Так продолжалось до тех пор, пока в кабину не вошел отряд космонавтов.

Когда они забрали Пепса, я включил сигнал общефлотской тревоги для поимки Ангелины, со специальным предостережением соблюдать максимальную осторожность. Еще до того, как все корабли приняли сигнал,

на экране моего локатора появилось изображение ее катерка.

Я шумно вздохнул с облегчением. Если она действительно является мозговым центром операции, то я не хотел бы ее потерять. Она вместе с Пепсом и линкором прекрасный подарок для Инскиппа. Да и у нее нет никаких шансов, корабли устремились к ней со всех сторон. Для них это привычная работа, и теперь все является лишь делом времени.

Передав все дела Флоту, включая и линкор, я вернулся на свою роскошную яхту, налил большой стакан шотландского виски — такого нет ни у кого в радиусе двадцати световых лет, раскурил длинную сигару. Усевшись с комфортом перед экраном, я стал наблюдать за погоней.

Ангелина, наверное, корчилась от боли, делая крутые повороты, чтобы избежать пленения. Перегрузка порядка 15 «же» может лишить ее сознания. Но все это напрасно, так как они все равно поймали катер в сети за достаточно короткий срок и скоро ее арестуют. Никто из нас не предполагал, насколько важна длительность этого времени, пока абордажная команда не ворвалась на катер.

Он, конечно, был пуст.

Только через десять дней мы окончательно поняли, что произошло. Это было ужасно. Если бы даже психиатры не подтвердили искренность Пепса, я бы все равно поверил ему.

Ангелина все время была на шаг впереди нас. Покинув на катере линкор, она и не пыталась улететь. Вместо этого на полной скорости она настигла ближайший крейсер, небольшой космолет с двенадцатью людьми на борту. Они, конечно, понятия не имели, что призошло на линкоре, так как я еще не давал сингала общей тревоги. Я должен был сделать это сразу же, как только она убежала, и двенадцать хороших людей оставили бы этот мир не так скоро.

Мы никогда не узнаем, что она им говорила, но у них не возникло сомнений или подозрений. Может быть, рассказала что-нибудь о бегстве от бандитов. В любом случае она проникла на корабль. Пятеро погибли от ядовитого газа, остальные были застрелены. Мы узнали об этом, когда крейсер был найден совершенно безжизненным, дрейфующим в нескольких парсеках от своего курса.

После захвата крейсера она перевела катер на дистанционное управление и стала выполнять различные маневры.

Пока мы за ним гонялись, она перевела крейсер в хвост погони, а затем исчезла. След ее дальше терялся, хотя было ясно, что она должна захватить еще один корабль. Что это был за корабль и где она его нашла, было неизвестно.

Вернувшись в штаб-квартиру Корпуса, я пытался все объяснить всемогущему Инскиппу. Он смотрел на меня с неприязнью, и получалось, что я оправдываюсь.

— Я ведь привел линкор и Пепса,— говорил я.— Может быть, после чистки он будет жить со мной в одном и том же мире. Ангелина перехитрила меня и сбежала. Не углядел, но она работает в сто раз лучше этих болванов из Флота!

— Зачем столько яда?— спросил Инскипп спокойно.— Никто не обвиняет вас в нарушении долга. Вы ведете себя так, будто совесть у вас не чиста. Вы проделали большую работу. Прекрасную работу! Огромную работу... для первого задания.

— Вот вы опять,— взмолился я.— Тычете мне совестью, лучше вот за ним присматривайте...— я указал на Пепса, сидевшего недалеко от нас в ресторане. Он медленно жевал, бормоча что-то под нос с бесстрастным выражением лица. Его мозг был обновлен. Старым осталось только тело Пепса, которое любило Ангелину и украло линкор.

— Психологи работают над новой теорией «тело — личность»,— мягко сказал Инскипп.— Так почему бы не подержать его здесь под наблюдением? Если в новой личности будут развиваться его уголовные наклонности, то можно направить их в другую сторону, завербовав его в Корпус. Что ты о нем думаешь?

— Ничего,— ответил я.— После той резни, которую он устроил ради своей подружки, можно делать из него хоть рубленый паштет. Но он напоминает мне, что она все еще на свободе. Гуляет и готовит новые преступления. Я хочу найти ее.

— Нет,— возразил Инскипп.— Ты уже спрашивал меня, и я отказал. Этот вопрос сейчас не подлежит обсуждению.

— Но я могу...

— Что ты можешь?— он со злостью посмотрел на меня.— Все офицеры галактики имеют ее описание и за-

нимаются ее поисками. Разве ты сейчас можешь сделать больше, чем делают они?

— Нет, не могу,— проворчал я. Затем я отодвинул тарелку и сказал как можно естественнее:

— Я рассчитываю получить большой графин чего-нибудь подкрепляющего. Пойду к себе и залью горе.

— Будет тебе графин. И забудь Ангелину. Приходи ко мне в 9.00 утра. Более рассудительным.

— Рабовладелец,— пробубнил я, закрывая дверь и отходя по коридору от резиденции Инскиппа. Отойдя настолько, чтобы меня не было видно, я повернул в сторону космопорта.

Итак, вот я уже и начал пользоваться уроками Ангелины. Если у вас есть план — приведите его в действие немедленно. Не давайте ему утратить новизну, не позволяйте другим людям тоже думать о нем. Я сейчас восстал против одного из самых проницательных людей, и уже одна эта мысль доставляла мне удовольствие. Я нарушил приказ Инскиппа, уходя от него из Корпуса. Ухожу не в прямом смысле, а хочу только закончить работу, которую для них начал. Только теперь, очевидно, все придется делать самому.

У меня в комнате лежат инструменты, приспособления и приличная пачка денег. Это здорово пригодилось бы мне теперь. Но придется обойтись без этого. К тому времени, как Инскипп задумается, почему я вдруг согласился с ним, я хочу быть в космосе.

Механик при помощи робота-погрузчика готовил космолет к вылету на месте старта. Я подошел, встал рядом с ним и официальным тоном спросил:

— Это мой корабль?

— Нет, сэр. Это для полного агента Нильсена. Да вот он и сам идет.

— Ну-ка, сбегай в центральный корпус и проверь управление оттуда.

— Новая работа, Джимми?— спросил Нильсен, подходя ко мне. Я кивнул, наблюдая за ним.

— То ли новая, то ли старая. А как твой теннис?— и я поднял ладонь, изображая ракетку.

— О, с каждым днем все лучше,— ответил он, поворачиваясь к своему кораблю.

— Я научу тебя новому удару,— сказал я и резко ударил его ребром ладони по шее. Он беззвучно клюнул носом. Я подхватил его и аккуратно уложил за штабелем

каких-то бочек, не забыв взять из его ослабевших пальцев коробку с лентами курса.

Пока механик не успел вернуться, я заперся на корабле, вложил курсовую ленту в блок управления и дал запрос на взлет. Прошла целая вечность, пока, наконец, не зажегся зеленый свет.

И вот я в полете. Как только пусковые ускорители прекратили разгон, я выскочил из кресла и с отверткой в руке набросился на пульт управления. В нем обязательно должен быть дистанционный блок, поскольку все корабли Корпуса должны быть способны к управлению на расстоянии. Я открыл это во время одного из моих тренировочных полетов на одном из кораблей такого типа. Ведь одним из моих положительных качеств всегда была любознательность. Я отсоединил входные и выходные клеммы и перешел в машинный зал.

Может быть, я был слишком подозрительным и имел очень плохое мнение о человечестве. Об Инскиппе, у которого на все была своя точка зрения. Люди, более доверчивые, чем я, наверное, проигнорировали радиоуправляемый заряд самоликвидации, встроенный в двигатель. Его можно использовать для взрыва корабля в случае захвата. Я не думал, чтобы они использовали это против меня, разве что в исключительном случае. Тем не менее я решил его обезвредить.

Заряд представлял собой блок из бурмедекса, встроенный в корпус двигателя. Крыша снялась легко, и перед глазами предстала путаница проводов, ведущих к взрывателю с шестигранной головкой, который был ввинчен в блок. Я обхватил его пальцами, сжал до потемнения в глазах и попытался повернуть. С невероятным, до боли в суставах, усилием я сдвинул его, а затем и освободил. Он повис на своих проводах, словно нерв, вырванный из зуба.

И вдруг он взорвался с громким хлопком, образовав облако густого черного дыма.

С противоестественным спокойствием я смотрел сквозь черное облако. В блоке была рваная дыра. Корабль и его содержимое должны были превратиться в пыль.

— Инскипп,— сказал я,— но голос у меня сорвался, в горле стало сухо,— Инскипп,— повторил я снова,— я получил от тебя весточку. Ты думал, что даешь мне отставку. Нет, это я сам ухожу из Специального Корпуса. Сукин сын!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я почувствовал облегчение. Снова я был один и отвечал только за себя. Корабль уже достаточно долго шел по курсовой ленте, наугад выбранной из кучи. Перехватить меня было практически невозможно, но я мог приготовить ленту и для нового курса.

Курса куда? Я еще не знал. Нужно было подумать. Хотя у меня не было сомнений, что́ я должен был делать. Искать Ангелину! Сначала эта мысль показалась мне глупой: взять на себя работу Корпуса, который от меня отказался. Это была их работа. Но потом я понял, что не в Корпусе дело. Ангелина была для меня как призовая чемпионская медаль. Есть что-то в Скользком Джимми, ди Гризе, чего вы не понимаете. Свойство это— обычное самолюбие.

Самолюбие—это единственная вещь, которая поддерживает в мужчине бодрость духа, настраивает его на работу. Отнимите это, и вы останетесь ни с чем. Я не знал толком, что я буду с ней делать, когда найду. Возможно, сдам в полицию, так как людей, ей подобных, позорящих мое бывшее ремесло, нужно изолировать от нас самих. Но лучше делить рыбку, когда она будет поймана.

Необходим был план. И в первую очередь нужно было все подготовить для его создания. Сначала мне показалось, что на корабле нет сигар, это было ужасно. Но потом сервировочный блок, поскрипев, выдал мне из какого-то дальнего и темного угла коробку. Сигары были, конечно, не блеск, но это лучше, чем ничего. А вот бренди у Нильсена всегда было лучших сортов, тут у меня не было замечаний. Промочив горло, я велел своей голове заняться проектом.

Для начала мне нужно было поставить себя на место Ангелины во время ее бегства. Лучше всего, конечно, физически оказаться там, но это было нереально. Уж один-то корабль Флота там наверняка дежурит. Однако, чтобы решать подобные проблемы, они построили компьютер, и я ввел в него координаты места, где все это случилось. Мне не надо было листать справочники, эти цифры горели и так прочно засели у меня в мозгу. У компьютера была огромная память и высокое быстродействие. Он блаженно хмыкнул, когда я запросил у него координаты всех звезд, близлежащих к месту происшествия.

Через 13 секунд он закончил просмотр всех своих каталогов и сообщил об окончании работы звонком колокольчика. Я взял список первой дюжины звезд и отметил, что расстояние до них было очень велико.

Сейчас я должен думать так же, как Ангелина. Я должен стать убийцей, за которым охотятся, которого травят и у которого на счету двенадцать свеженьких трупов. Во всех направлениях — враги.

Она должна держать тот же список, выданный компьютером похищенного крейсера. Теперь — куда? Огромное напряжение. Скрыться куда-нибудь прочь отсюда. Взгляд на список — и ответ кажется очевидным. Две ближайшие звезды расположены в одном и том же квадрате неба в 15 градусах одна от другой, приблизительно на равном расстоянии от крейсера. Очень важным было то, что третья звезда находилась в другом секторе и на двойном расстоянии.

Итак, вперед, к первым двум звездам. Это было решение, принятое в спешке, но решение разумное. Вперед, к светилам, мирам и трассам, где можно найти другие колонии и корабли. Крейсер должен быть брошен до появления какой-нибудь планеты, чем скорее, тем лучше, так как любой корабль в галактике может опознать его. Надо встретить другой корабль икс, захватить его, крейсер бросить и... что дальше?

Тут мои мозги забуксовали, и я должен был подкрепить их градусами и свежей сигарой. Сидя с полузакрытыми глазами, я постарался воссоздать полет. Захваченный новый корабль готов, и надо лететь к планете. В космосе Ангелина находится в постоянной опасности, ей грозит изменение личности. Когда я нашел эти две звезды в планетарном каталоге, выбор был очевиден. Место имело варварское название — Фрейбург. Там было еще полдюжины планет вокруг двух светил, но они отпали сами собой. Они либо слишком слабо заселены, так что каждый переселенец или незнакомец оказывается на виду, либо организованы так хорошо, что нельзя остаться незамеченным. У Фрейбурга эти недостатки отсутствовали. Он состоял в Лиге меньше двухсот лет и пребывал в состоянии счастливого хаоса. Смесь старого и нового, доконтактные культуры и неоконтактные цивилизации. Прекрасное место для нее, чтобы затеряться, отсидеться и появиться вновь в новом обличьи.

Придя к этому решению, я почувствовал двойное удов-

летворение. Это было не просто мысленное упражнение на выживание, ведь я и сам находился в таком же положении, как и Ангелина. Инцидент со взрывателем ясно показывает, как Корпус относится к своим дезертирам. Фрейбург — место, которое меня прекрасно скроет. Я облегченно вздохнул и расслабился.

Когда я пришел в себя, пора было выходить из подпространства и прокладывать новый курс. Однако, была вещь, которой нужно было заняться в первую очередь. Некоторые факты я узнал, еще будучи в Корпусе. Одним из этих фактов, обычно представляющим интерес только при изучении техники космопереходов, было необычное распределение излучения в подпространстве... Особенно радиоволн. Если вы вели передачу на одной частоте, то получали мощный ответный сигнал на всех частотах, как будто радиоволны сжимались и отражались обратно.

Обычно не представляющий интереса, этот экзотический феномен позволяет вести наблюдение за интересующим кораблем. Я решил, что для Специального Корпуса вести наблюдение за своим кораблем — это вполне разумная предосторожность. Поэтому тщательно спрятанный узкополосный передатчик будет являться для них настоящим маяком.

Его-то я и должен был найти до того, как появиться вблизи какой-нибудь планеты.

Из внутренних динамиков иногда слышались свист и рев, и я проклинал разработчика передатчика и усилителя, но прежде чем искать передатчик, я долже был убедиться, существует ли он на самом деле и имеет ли достаточно мощный сигнал для передачи на большие расстояния. Несколько экспериментов с экранами показали, что мистический сигнал — не более чем собственное излучение корабля. После экранирования эфир затих. Я с облегчением вздохнул и вышел из суперперехода.

Путешествие подходило к концу. Я перекопал все корабельное имущество и подобрал кое-что для дальнейшего использования. Это были разнообразнейшие баги. А восстановить внешность Скользкого Джима, ди Гриза,— для меня большое удовольствие. Расширители в ноздри, подушечки под щеки, краситель на голову — и старая боевая лошадь готова к работе.

Я посмотрел в зеркало, выругался и начал убирать эту маскировку столь же тщательно. Ведь было же для меня всегда законом не расслабляться во время работы!

Шаблонное поведение всегда приводит к неприятностям! Инскипп прекрасно знал мою старую внешность, и наверняка оба моих описания разосланы повсюду.

Теперь я уже более тщательно наложил грим и создал нечто совершенно другое. Создал очень просто — за счет изменения внешнего вида и волос. Более сложная работа потребовала бы в дальнейшем большего времени. Фрейбург же был большим вопросительным знаком, и я не хотел забивать себе голову этим. Я хотел спокойно походить, все внимательно осмотреть и определить, нет ли тут следов Ангелины.

Оставалось два дня корабельного времени, и я потратил их на приготовление различных приспособлений, которые могут мне пригодиться: минигранат, потайных пистолетов, в общем, обычных вещей. Как только раздался сигнал об окончании рейса, я собрал весь оставшийся хлам и уничтожил его.

Единственным городом на Фрейбурге с приличным космодромом был Фрейбурбад, расположенный на берегу огромного озера, единственного озера — крупного водоема с чистой водой — на планете. Глядя на солнечные блики, бегающие по его поверхности, я почувствовал внезапное желание искупаться. По-видимому, это было связано с желанием спрятать корабль, спрятать на дне глубокого озера, где он будет всегда под рукой, если понадобится.

Чтобы не попасть под радары, я снижался за зубчатой грядой. Проходя в темноте над озером, я обнаружил навигационный радар космопорта, но мой корабль был слишком далеко от берега. Штормовая погода сокращала видимость, и мое желание искупаться постепенно исчезло. Ближе к берегу я обнаружил глубоко под водой канал и снизился над ним, собрав все необходимое в сумку. Глупо, конечно, так нагружаться, но у меня рука не поднималась оставить все эти чудесные приборчики из Корпуса на дне.

Сложив все в водонепроницаемый пакет, я натянул скафандр и перешел в шлюзовую камеру. Дождь и темнота обрушились на меня, когда я поплыл в сторону невидимого берега. Я скорее представил, чем услышал булькание позади меня, когда корабль аккуратно пошел на дно.

Плавать в скафандре так же неудобно, как и заниматься любовью в космосе, находясь в состоянии невесомости. Я добрался до берега почти в изнеможении. Выбравшись из скафандра, я с большим удовольствием наблюдал,

как он превращается в шлак от жара трех термитных шашек. С еще бо́льшим удовольствием я отправил этот шлак в озеро пинком ноги. Непрерывно льющийся дождь смыл все следы костра. По-видимому, в такой дождь даже свет оттермита невозможно было различить на расстоянии. Забравшись под водонепроницаемую пленку, мокрый и жалкий, я ждал рассвета.

Ночью я иногда без видимой причины просыпался, но окончательно проснулся, когда уже было светло. Было как-то не по себе, и когда я услышал голос, то понял, что́ меня будило ночью.

— Идете во Фрейбурбад? Конечно, куда же еще можно идти. Я тоже туда собираюсь. Залезайте в лодку. Старая лодка, но хорошая. Прогуляемся...

Голос булькал в темноте, но я его не слушал. Я проклинал себя за то, что нежданно-негаданно попался на глаза этому парню с «долгоиграющим голосом». Он плыл рядом с берегом в маленькой лодочке, нагруженной тюками и узлами. Пока он продолжал говорить, я имел возможность внимательно рассмотреть его.

У него была жутко всклокоченная борода, торчащая во все стороны, маленькие темные глазки, спрятанные под невероятно изношенной шляпой, каких я никогда не видел. Мой первоначальный испуг почти прошел. Если этот чудак не сыщик, то случайная встреча может иметь для меня большое значение и оказаться кстати.

Когда этот дикарь остановился, я решил принять его предложение и, схватив лодку за планшир, подтянул ее поближе. Держа одну руку в кармане на пистолете, я закинул свою сумку и прыгнул внутрь. Для осторожности, как оказалось, не было причин.

Зуг, так было его имя, что мне удалось выяснить с трудом в процессе бесконечного монолога, вывернул за борт мотор, прикрепленный к корме, и включил его. Это был тепловой атомный преобразователь, простой и эффективный. У него не было движущихся частей, он просто засасывал воду из озера, доводил ее до кипения и выбрасывал под давлением пар уже через другое отверстие. Во время движения практически не было никакого шума, лодка скользила как по волшебству.

В отношении Зуга все оказалось нормальным, и хотя я еще не на все сто процентов избавился от подозрений и продолжал держать руку на пистолете, встреча с ним, по-видимому, была большой удачей. Я начал понимать,

откуда берется этот неудержимый поток слов. Он был охотником, везущим меха в магазин после месяца одиночества и молчания. Вид человека и вызвал это словоизвержение, которое я не пытался остановить, так как он фактически отвечал на многие мои еще не заданные вопросы.

Меня заботила моя одежда. В конце концов я решил остаться в дорожном костюме. Такие костюмы довольно распространены на всех планетах галактики, поэтому Зуг не обратил на него особого внимания. В жизни он, видимо, не был болтуном, но вот любителем одеться был точно. Его куртка была сделана скорее всего из местных шкур. Она была пурпурно-черной и очень красивой, несмотря на грязь и мусор, прилипшие к ней. Штаны были сшиты из сукна машинной выработки, а ботинки, как и мои, сделаны из «вечного» пластика.

Техника Зуга подтверждала впечатление, произведенное одеждой. Смесь старого и нового. От мира, подобного Фрейбургу, недавно вошедшему в Лигу, трудно было ожидать чего-нибудь иного. Электростатическое ружье и связка стрел для арбалета создавали типичную картину. Несомненно, он в равной степени пользовался и тем, и другим. Я уселся на мягкие тюки и стал наслаждаться путешествием и видом разгорающейся зари, не взирая на непрерывный водопад слов, обрушившийся на меня.

Мы добрались до Фрейбурбада до полудня. Зуг практически не втягивал меня в разговор, он предпочитал говорить сам, поэтому несколько моих неопределенных высказываний вполне его удовлетворили.

С большим удовольствием он угостился концентратами из моего пакета и в ответ протянул флягу с какой-то жидкостью, изготовленной в его горном жилище. Вкус ее был непередаваемо ужасен, осталось ощущение стальной стружки, смоченной в серной кислоте. Однако после нескольких глотков все стало на свои места, и мы весело подошли к пахнущему рыбой доку. Причаливая, мы чуть не утопили отплывающую лодку, что показалось нам ужасно забавным — это дает вам представление о нашем состоянии. Я пошел в город и отсиделся в парке, пока не прояснились мои мозги.

Старое и новое стояло здесь рядом. Здáния из пластика соседствовали с кирпичными и оштукатуренными. Сталь, стекло, дерево, камень смешались неразделимо. Так же и люди, одетые в странную одежду, составляющую вине-

грет из типов и стилей. Я больше интересовался ими, чем они мной, и только какой-то робот обратил на меня внимание. Он махнул передо мной напечатанными страницами и выкрикивал мне в ухо свои дурацкие предложения до тех пор, пока я не взял газету, чтобы от него отделаться. Валюта Лиги имела здесь хождение наравне с местными деньгами, и робот не выразил протеста, когда я сунул монету в его грудную щель. Он дал мне сдачу во фрейбургских гульденах, несомненно, по разорительному курсу.

Все новости были совершенно тривиальными, а вот объявления и реклама заинтересовали меня. Я просмотрел список больших отелей, сравнивая их комфортабельность и стоимость.

Это заставило меня буквально ужаснуться. Как быстро мы теряем старые привычки! Всего месяц честной жизни — и я уже рассуждаю как порядочный человек.

— Ты преступник! — процедил я сквозь зубы и плюнул на надпись «Не плевать».— Гы презираешь закон и прекрасно обходишься без него. Ты есть закон в себе и самый честный человек в галактике! Ты не нарушаешь никаких правил до тех пор, пока они тебя на касаются, и изменяешь их каждый раз, когда видишь в этом нужду.

Все это была правда, и я презирал себя за то, что так быстро все это забыл. Этот маленький ручеек честности в Корпусе подействовал на меня как зараза, разрушив все мои лучшие антисоциальные тенденции.

— Думай, как украсть! — крикнул я так громко, что испугал девушку, прогуливавшуюся по дорожке. Догадавшись, что она услышала меня, я бросил такой злобный взгляд, что она предпочла спрятаться. Я тоже поднялся и направился в противоположную сторону, высматривая возможность что-нибудь совершить. Я решил восстановить свой образ жизни до того, как займусь поисками Ангелины.

Возможность легко представилась, через десять минут план был готов. Все необходимое оборудование было у меня с собой. То, что могло понадобиться для работы, я переложил в карманы и набедренный пояс, а сумку сдал в камеру хранения.

Все в Первом банке Фрейбурга распологало к грабежу. Три входа, четыре охранника, толпа народа. И четыре живых охранника! Ни один банк не станет платить им зарплату, если у него есть электронная защита. Я чуть не пел от радости, стоя в очереди к одному из живых клерков.

Полностью автоматизированные банки грабить нетрудно, но требуется специальная техника. Вот такая смесь людей и машин была лучше всего.

— Разменяйте десятизвездную Лиги на гульдены,— сказал я, положив блестящую монету на стойку перед клерком.

— Да, сэр,— ответил кассир, мельком взглянув на монету и отправил ее в счетную машину рядом с собой. Он начал отсчитывать для меня соответствующее количество гульденов еще до того, как появились цифры обменного курса. Мои деньги брякнулись в чашку передо мной, и я стал медленно считать их. В действительности мои мысли были направлены на монетку, которая крутилась во внутренностях машины. Когда я стал уверен, что она закончила свое путешествие и приземлилась в подвальчике, я нажал кнопку на своем передатчике, расположенном на поясе.

Для этого нельзя подобрать другого слова, кроме как «прекрасно». Подобные вещи, оставаясь в памяти, вызывают приятные воспоминания даже через годы после того, как они произошли. Потребовались долгие часы, чтобы создать эту монету, но их не было жаль. Я распилил ее пополам, вычистил внутри и залил свинцом до первоначального веса.

А сейчас она взорвалась! Глухой удар в недрах банка сопровождался треском и громом. Задняя стенка, поддерживающая свод, треснула и извергла из себя поток денег и дыма. А последний вздох выдохшейся машины-счетчика принес неожиданный сюрприз. Денежные аппараты у кассиров пробудились к бурной деятельности. Поток больших и малых монет обрушился на обалдевших посетителей, которые, однако, быстро оправились от удивления и начали набивать карманы, но их радость была недолгой. По тому же сигналу взорвались дымовые и газовые бомбы, которые я предусмотрительно разложил во все корзины для бумаг. Возбужденная публика не заметила, как я бросил еще несколько бомб к кассирам. Этот газ — эффективная смесь рвотных и слезоточивых компонентов, сделанная по моему рецепту. Его действие было мгновенным и мощным. В банке, конечно, не было детей, я не мог быть столь жестоким к юным созданиям, не умеющим себя защитить. Через несколько секунд клиенты и хозяева стали терять способность видеть, на меня никто не обращал внимания.

Когда газ подобрался ко мне, я нагнулся и надел

защитные очки. Распрямившись, я увидел, что являюсь единственным человеком в банке, способным что-либо разглядеть. Дышал я, конечно, через предусмотрительно вставленные носовые фильтры, так что мог наслаждаться спокойным состоянием своего организма. Мой кассир исчез из вида, и я совершил изящный прыжок через стойку в окошко.

Теперь надо было выбирать и собирать. Деньги были разбросаны повсюду. Я игнорировал мелочь и отыскал место, где извергался золотой дождь, можно сказать — водопад. Через две минуты я наполнил взятую с собой сумку и готов был удалиться. Дым около дверей стал рассеиваться, но несколько гранат вернули все в исходное состояние.

Все шло, как было задумано, но один осел из охраны, ужасно надоедливый, все портил. Ему показалось, что что-то неладно, и он стал палить направо и налево. Еще хорошо, что никого не убил. Я отнял у него пистолет и ударил им его по голове.

Дым у входа стал очень плотным, и это не позволяло с улицы увидеть, что происходит внутри банка. Они, конечно, знали — происходит что-то неладное. Двое полицейских, выхватив пистолеты, кинулись внутрь, но тут же стали такими же беспомощными, как и остальные. Я организовал помощь пострадавшим и начал легонько подталкивать их к дверям. Когда образовалась достаточная группа, я собрал их, и мы вместе выползли на улицу.

Очки я сунул в карман, а глаза закрыл, в них попала лишь капля газа. Некоторые вежливые люди помогли мне, и я их поблагодарил. Затем, смахнув платком начавшие литься слезы, пошел своей дорогой.

Вот как все это легко, если план заранее продуман и ты не рискуешь попусту. Я был бодр, кровь весело бежала в жилах. Жизнь снова стала прекрасной и интересной. Теперь будет несложно найти следы Ангелины. Теперь нет ничего такого, что бы я не мог сделать.

Я находился на гребне эмоциональной волны. Сняв комнату в отеле для космонавтов вблизи порта, я привел себя в порядок и отправился наслаждаться прелестями жизни.

В округе было много «веселых» заведений, и я решил по ним прогуляться. Перекусив в одном из них, я в каждом последующем пропускал по рюмочке. Если Ангелина во Фрейбурге, то она скорее всего посетит эти места.

Тут должен быть ее след, я чувствовал это всеми фибрами души, как один преступник чувствует другого.

— Не пригласит ли кто девушку выпить?—услышал я равнодушный голос проститутки и без всякого интереса повернул голову. Девушки, бледные создания ночи, уже вышли на свой вечерний промысел. Я получил уже достаточно предложений — мой внешний вид делал меня похожим на космонавта на отдыхе, а это всегда прекрасный источник дохода для этих курочек.

Эта выглядела получше остальных, по крайней мере, была лучше сложена. Я с интересом, а потом и с восхищением стал наблюдать за ней. Ее юбка была короткой, в обтяжку, с большими разрезами по бокам. Благодаря высоким каблукам она при ходьбе вращала бедрами, что давало потрясающий эффект. Она достигла бара и повернулась, отдавая себя на всеобщее обозрение. Ее кофточка была сделана из мерцающих полосок, скрепленных только сверху и снизу. Во время ходьбы полоски расходились, обнажая кожу, гладкую и загорелую. Грубая животная страсть охватила меня.

Глаза мои в конце концов достигли ее лица — длинное путешествие, если учесть, что начал я с колен,— оно было очень привлекательно. Что-то знакомое...

И в этот момент сердце мое забилось, я вцепился в свое кресло. Это казалось мне невероятным, но это было так. Передо мной стояла... АНГЕЛИНА.

~ ~ ~

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Волосы ее были обесцвечены, были и другие изменения во внешности, теперь никто не мог ее опознать по фотографии или описанию. За исключением меня, конечно.

Я видел ее в похищенном линкоре и разговаривал с ней. Хорошо, что я узнал ее, а она и понятия не имеет, кто я такой. Она видела меня только мельком в скафандре с поднятым светофильтром.

Это был счастливейший день моей жизни. Все вокруг оказалось чудесным и прекрасным. Необходимо все-таки отдать ей должное, маскировалась она прекрасно. Я сам никогда не надеялся увидеть ее здесь в таком качестве, а ведь старался продумать все возможности. У нее была с собой приличная сумма украденных денег, поэтому я не мог пред-

ставить ее себе бродяжкой или нищей. Нет, девушка в порядке, надо отдать ей должное. Играет свою роль абсолютно натурально. Не будь у нее патологической склонности к убийствам — какую бы команду мы с ней составили!

И тут мое сердце второй раз за вечер дало сбой. Эмоции эмоциями, но в конце следа ясно обозначается смерть. Она приносила несчастье всем, кто был с ней рядом. В этой хорошенькой головке высокоинтеллектуальные, но странно извращенные мозги. Мне лучше думать не о ее внешности, а о трупах, которыми усеян ее путь. Есть только одни выход — увести ее отсюда и передать в Корпус. Я даже не подумал о своих взаимоотношениях с Корпусом. Одно другого не касалось. Сейчас все нужно было делать быстро и четко.

Я подошел к бару и заказал два двойных виски. Понизил голос, изменил акцент и манеру речи. Ангелина достаточно долго слышала меня и по голосу легко могла меня опознать, поэтому я немного волновался.

— Выпьем, куколка,— сказал я, подавая ей стакан и беря себе другой.— А потом пойдем к тебе в комнату. У тебя есть комната?

— Комната найдется, если у тебя отыщется десятка по курсу Лиги.

— Конечно,— сказал я, изображая улыбку.— Неужели по мне не видно?

— Я не из тех, кому платят после всего,— сказала она с прекрасно разыгранным равнодушием.— Сперва плати, потом пойдем.

Я шлепнул о стол монетой, она подбросила ее в воздух, поймала, взвесила в руке, прикусила и сунула куда-то за пояс. Я смотрел на нее с откровенным изумлением. Меня поразила натуральность ее игры. И только когда она, вихляя бедрами, выходила из бара, я вспомнил, что нахожусь здесь не ради того, чтобы наслаждаться, а для того, чтобы выполнить свой суровый долг. Все колебания тотчас же исчезли, когда я вспомнил трупы, плавающие в глубинах космоса. Опустошив свой стакан, я последовал за ней по какой-то отвратительной улочке.

Темнота грязных переулков обостряла мои рефлексы. Ангелина играла свою роль хорошо, но я сомневался, что она делит постель со всеми космонавтами, попадающими в этот порт. Скорее всего у нее есть сообщник, который спрятался где-то здесь с тяжелой дубиной в руках. Или я чересчур подозрителен? Я держал руку в кармане, где у меня был пистолет, но использовать его не пришлось.

Мы пересекли еще одну улицу и нырнули в длинный коридор. Она шла впереди молча. Мы никого не встретили, и никто не заметил нас. Когда она открыла дверь в комнату, я несколько успокоился. Комната была настолько маленькой, что в ней негде было спрятаться сообщнику. Ангелина направилась прямо к постели, а я решил проверить заперта ли дверь.

Дверь была заперта.

Когда я повернулся, на меня был направлен пистолет 0,75 калибра, такой огромный, что она держала его обеими руками.

— Это что же, грабеж?— возмутился я, понимая, что в своих действиях прозевал что-то очень важное. Моя рука все еще сжимала в кармане пистолет, но вытащить его было равносильно самоубийству.

— Я пристрелю тебя, даже не зная имени,— ласково сказала она и улыбнулась, демонстрируя великолепный ряд белых зубов.— Ты тот, кто сорвал мою операцию с линкором.

Ее улыбка становилась все шире, но она не стреляла. Она наслаждалась эмоциями, отражавшимися на моем лице. Ловец попал в ловушку, его привели именно туда, куда хотели, и ничего нельзя было сделать.

Увидев, что я все понял, Ангелина громко рассмеялась, смех ее звучал чисто и звонко, как серебряный колокольчик, одновременно она сильнее надавливала на спусковой крючок. Она была настоящая артистка. Точно в тот момент, когда мое отчаяние достигло максимума, а безнадежность стала очевидной, раздался выстрел. И не один, а снова и снова.

Четыре разрывные пули вошли в мою плоть. И последняя — прямо между глаз.

~ ~ ~

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Это было еще не возврат сознания, а выплывание из красной тьмы. Организм боролся с болью. Было ужасно, что глаза мои закрыты, и открыть их невероятно трудно. В конце концов в красном тумане появилось какое-то пятно.

— Что случилось?— спросило пятно.

— Я собирался у вас это узнать...— сказал я и замолчал, поражаясь, как слабо и безжизненно звучал мой голос. Что-то влажное коснулось моих губ, это была салфетка, вся в красных пятнах.

Когда зрение вернулось ко мне, пятно превратилось в молодого человека в белом.

— Доктор, наверное, мы находимся в больнице?

— Кто стрелял в вас?— спросил доктор.— По телефону сообщили о выстрелах, и скажите спасибо, мы приехали как раз вовремя. Вы потеряли много крови, переливание уже сделано, и, кроме того, имеются множественные повреждения локтевого сустава и лучевой кости от пули, слегка задеты ребра, и есть подозрения на внутреннее кровоизлияние. Кто-то сильно ненавидит вас! И кто же?

Кто? Конечно, моя дорогая Ангелина. Искусительница, соблазнительница и убийца пыталась расправиться со мной. Я все вспомнил. Широкий ствол пистолета с черной дыркой, в которой, кажется, может уместиться целый звездолет. Сверкающее пламя, пули, ударяющие в меня, и страдания, когда мой дороыой гарантированный пуленепробиваемый жилет принял на себя всю мощь выстрелов. У меня возникла надежда, что она этим удовлетворится, но нет, ствол поднялся к моему лицу.

Я вспомнил последний жест, когда закрыл лицо руками и откачнулся в сторону в отчаянной попытке спастись.

Это чудо, что попытка удалась. Пуля, видимо, срикошетила от костей руки и только задела череп, вместо того чтобы пройти через него. Тем не менее было много крови и неподвижное тело на полу, что и ввело Ангелину в заблуждение. Грохот выстрелов в этой маленькой комнате, мой, как ей показалось, труп и кровь что-то сдвинули в ее женской натуре, по крайней мере чуть-чуть. Она покинула комнату до того, как туда пришли люди. Если бы она задержалась хоть на секунду, чтобы убедиться...

— Ложитесь,— сказал доктор.— Если вы не будете лежать, я сделаю вам укол, который отключит вас на неделю.

Только когда он произнес это, я заметил, что сижу и хихикаю, как сумасшедший. От движения грудь мою пронизала боль, и я дал врачу себя уложить.

Теперь мой мозг начала занимать мысль о том, как выбраться отсюда. Игнорируя боль, я осмотрел приемную, думая, как извлечь выгоду из того, что судьба подарила мне жизнь, в то время как Ангелина думает, что я мертв.

В приемном покое мне кое-чем удалось поживиться, я стащил ручку и фирменные бланки, лежащие на полке у меня над головой. Моя правая рука работала неплохо, хотя меня пронизывала боль при каждом движении. Робот подвел каталку под мои носилки и повез в палату. Когда мы выезжали, доктор подсунул какие-то бумаги в держатель над моей головой и приветливо кивнул. Я одарил его ответной улыбкой, и мы продолжили движение.

Как только дверь приемного покоя скрылась из виду, я выхватил бумаги и быстро их просмотрел. Здесь был мой шанс, если я успею быстро им воспользоваться. Это было заключение о болезни в четырех экземплярах. Пока это не попадет в машину, меня не существует, я в забвении, из которого должен выбраться в палате.

Умереть — вот мое спасение. Я скинул на пол подушку, и робот остановился. Он не обратил внимания на то, что я пишу, и останавливался еще два раза, подбирая подушку, давая мне время закончить фальшивку.

Этот доктор Мквеклз — именно так можно было прочитать его подпись — писал так, что оставалось много свободного места между его подписью и последней строкой заключения. Я дополнил его, стараясь подражать почерку.

«Множественные внутренние повреждения, шок...— написал я.— Умер в пути». Это звучало достаточно официально. Я быстро добавил: «Все попытки реанимации не дали результатов». На мгновение я усомнился в написании некоторых слов, но, поскольку доктор Мквеклз пишет в слове множественные одно н, еще одна ошибка ничего ьне меняет. Последняя фраза оставляла надежду, что меня не будут колоть и оживлять электричеством ведь я труп. Перед тем как мы выехали в коридор, я сунул бумаги в держатель, лег и притворился мертвым.

— Это Д О А, Свенд,— сказал кто-то у меня над головой, забирая бумаги.

Я услышал, как робот укатился прочь, равнодушный к тому, что пишуший и роняющий на пол подушку пациент умер так внезапно. Это отсутствие любопытства всегда нравилось мне в роботах. Я мысленно представил себе смерть, надеясь, что соответствующее выражение отразится на моем лице. Кто-то дернул меня за ногу, стягивая ботинок и носок. Рука охватила ступню.

— Какая трагедия,— сказал приятный голос,— он еще теплый. Может быть, положим его на стол и попробуем реанимировать?

— Не-а,— сказали в соседней палате.— Они уже пытались в приемном покое. Положите его в бокс.

Ужасающая боль пронзила мою ногу, и я чуть не закричал. Только огромным усилием воли я заставил себя лежать спокойно, в то время как этот болван затягивал проволоку вокруг моего большого пальца. На проволоке висела табличка, и я от всей души желал, чтобы эта табличка висела на его ухе, стянутом той же проволокой. Боль из пальца передавалась вверх, стала ныть грудь, голова и рука, и мне стоило больших усилий оставаться похожим на труп.

Где-то позади меня открылась дверь, и волна холодного воздуха коснулась моей кожи. Я позволил себе быстрый взгляд из-под век. Если трупы в этой конторе устанавливают в индивидуальные боксы холодильника, я был готов внезапно возродиться к жизни. Я мечтал о большем счастье, чем умереть в холодильной камере за закрытой дверью. Но леди Удача была все же на моей стороне, мой мучитель перетащил меня вместе с носилками в большую комнату. Там на стеллажах лежали усопшие. Без излишней почтительности меня кинули на заиндевелый пластик. Дверь тяжело стукнулась, свет погас.

Трудно описать мое отчаяние. Прошло не так много времени, а я уже весь в синяках, контужен и покалечен. Пребывание в одиночестве в запертой, холодной комнате в добавление ко всему подействовало на меня угнетающе. Несмотря на боль в груди и эту идиотскую табличку на пальце, я слез со стеллажа и отправился искать дверь. Меня бросало то в жар, то в холод, пока я, наконец, не наткнулся на стену. Нащупав выключатель, я зажег свет, и в тот же миг мое настроение резко улучшилось. Дверь была — лучше не придумаешь. Без окошка и с ручкой изнутри. У нее был даже внутренний запор, но невозможно было представить себе, кто мог бы им пользоваться. Прежде всего я размотал проволоку и растер палец, возвращая его к жизни. На желтой табличке стояли буквы Д О А от руки был написан номер, такой же, как на форме, которую я подделал. Тут была возможность...

Я снял табличку с пальца наиболее изуродованного трупа и заменил ее своей. Его табличку я убрал в карман, затем для смеха поменял таблички у остальных. Они висели у всех на левой ноге, и я громко прокли-

нал эту дурацкую педантичность. Нога моя замерзла, и мне пришлось снять правый ботинок с трупа с самыми большими ступнями. Так как костюм и пуленепробиваемый жилет были испорчены, пришлось позаимствовать теплую рубашку у одного из моих молчаливых друзей.

Не подумайте, что все это было так просто, меня шатало от слабости. Закончив, я выключил свет и открыл дверь холодильника. На меня пахнуло, как из огненной печи. Не было видно ни души. Я закрыл за собой дверь и стал искать другую комнату. Сначала я нашел кладовую, в которой единственной полезной для меня вещью был стул. Я сел отдохнуть и снова огляделся. Дверь рядом была заперта, а следующая открыта в темную комнату, где кто-то храпел. Как раз то, что нужно.

Кто-бы он ни был, этот человек, поспать он любил. Я обошел комнату и собрал всю одежду, какую нашел. Он не проснулся, и это очень хорошо для него, ведь у меня была черепная травма. Как только я закончил дела, вернулась боль. Натянув шляпу, найденную тут же, я открыл дверь и вышел через запасной выход. Никто не обратил на меня внимания, и я отправился под проливным дождем пешком по улицам Фрейбурбада.

~ ~ ~

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Эта ночь и следующие несколько дней не сохранились в памяти по вполне понятным причинам. Вернуться обратно в мою комнату было рискованно, но риск был оправдан. Почти наверняка Ангелина не знала о ее существовании, а если и нашла ее, теперь это не имело значения. Я мертв, и больше ее не интересую. Мое предположение оправдалось, после возвращения меня никто не беспокоил. Я велел принести мне еду и пару бутылок, чтобы создать впечатление длительного запоя. Тело постепенно восстанавливало свои функции, я поддерживал его антибиотиками и болеутоляющим.

Наконец, я почувствовал себя человеком, хотя и слабым. Рука приобрела чувствительность, черные и синие пятна на груди начали светлеть, а головная боль почти прошла. Пора было думать о будущем. Я пригубил немного из бутылки и попросил, чтобы принесли газеты за последние три дня. Пневмопочта засопела, чихнула и извергла газеты на

стол. Внимательно просматривая их, я понял, что разрабатываемый план будет намного лучше, чем я ожидал.

На следующий день после моего «убийства» все газеты поместили сообщение, почерпнутое из больничных отчетов ленивыми обозревателями, не удосужившимися хотя бы мельком взглянуть на трупы. И это все.

Ничего о Большом Больничном Скандале с Переменой Трупов или об иске по поводу того, что в гробу не дядя Фрим. Если мои шуточки на этом мясокомбинате не опубликовали, то это будет больничным секретом, о котором будут говорить шепотом.

Ангелина, мой снайпер-возлюбленная, должна была теперь думать обо мне, как о мертвеце, жертве ее несущего смерть пускового крючка. Ничего не может быть лучше. Через некоторое время я снова сяду ей на хвост, но работать станет значительно легче: ведь она уверена, что я превратился в синий дым в местном крематории. Вот теперь самое время составить план и план правильный. Нет больше вопроса, кто за кем охотится. Арестовать Ангелину доставит мне не меньше удовольствия, чем ей тот момент, когда она стреляла в меня.

Я должен признать, что она все время обходила меня. Она увела линкор у меня из-под носа, а затем ускользнула из-под пистолета. И совершенно изумительным было то, что устроила мне ловушку, когда я думал, что охочусь за ней. Моя наивность стала ясна мне до боли. Задумав исчезновение из линкора, она вовсе не была в истерике, она просто разыграла эту роль. Она изучала меня, каждый доступный участок моего тела и лица, каждая интонация моего голоса подлежали всестороннему изучению. В ее памяти четко запечатлелся мой образ и, удирая, она постоянно просматривала варианты моих действий. В последней точке своего полета она остановилась и стала ждать, зная, что я прибуду и что она лучше подготовлена ко встрече со мной. Это была история, теперь мое время сдавать карты.

Я взвесил и обдумал множество вариантов и планов. Прежде чем предпринимать что-либо, мне необходимо пройти полную физическую реконструкцию. Это необходимо, если я хочу поймать Ангелину и если я хочу ускользнуть из длинных рук Корпуса. Во время учебы я об этом не думал, но был абсолютно уверен, что покинуть Корпус можно только ногами вперед. Хотя физически я был очень слаб, голова работала у меня по-старому. Мне не хватало фактов, и я сделал небольшое

пожертвование в виде вступительного взноса в местную библиотеку. Там были фотокопии всех местных газет за много лет. Я познакомился с ядовитым журналом, любовно названным «Свежие новости».

«Свежие новости» был популярным журналом, его словарь составлял приблизительно 300 слов, он с чувством смаковал жестокость во всех ее проявлениях. Большинство страниц было посвящено трагедиям с вертолетами, в цветных фотографиях, конечно. Но часто там описывались случаи драк, хулиганских нападений и тому подобного. Твердая рука галактической цивилизации еще не успела полностью задушить все это на Фрейбурге. Среди этого нагромождения были упоминания о «темных» преступлениях, которые я искал.

Человечество всегда было капризно в своем законодательстве, создавая такие увлекательные статьи, как непредумышленное убийство, убийство при смягчающих вину обстоятельствах и т. д. Как будто мертвый совсем не мертвец. Хотя мода как на преступления, так и на приговоры меняется, есть такие, которые всегда вызывают сильное отвращение. Это врачебные преступления. Я слышал, что некоторые дикие племена убивают знахаря, если его пациент умер. Неплохое правило. Эта целеустремленная ненависть к мяснику-шарлатану понятна. Будучи больными, мы полностью вверяем себя рукам доктора. Мы даем возможность совершенно незнакомому человеку забавляться с самым для нас дорогим. Если это доверие подрывается, возникает естественное возмущение среди свидетелей и оставшихся в живых пациентов.

Горожанин Вульф Сифтерниц или доктор Сифтерниц. «Свежие новости» с многочисленными подробностями излагали, как он совмещал жизнь хирурга и плейбоя до тех пор, пока нож в его руке, трясущейся от ежедневных пьянок, не отрезал т о вместо э т о г о и жизнь известного политического деятеля укоротилась на несколько могущих принести пользу лет. «Мы должны поверить Вульфу, что фатальная судорога его рук, так как он приступил к работе трезвым, вызвана не опьянением, а белой горячкой». Его лицензия была анулирована, а сбережения, видимо, иссякли, так как потом были сообщения о еще более неблаговидных его поступках.

Жизнь сурово потрепала Вульфа, он был именно тем человеком, который мне нужен. Я хотел купить его профессиональное мастерство.

Для человека моих способностей отыскать и выследить полулегального назнакомца в чужом городе на незнакомой планете не составило труда. Это дело техники, а с техникой у меня все в порядке. Когда я стучался в деревянную дверь грязного дома в откровенно скверной части города, я был готов сделать первый шаг, осуществляя мой новый план.

— У меня к вам дело, Вульф,— сказал я мутноглазому субъекту, открывшему мне дверь.

— Убирайтесь к черту,— ответил он, пытаясь закрыть ее перед моим носом. Предусмотрительно вставленный носок ботинка не давал ему сделать это.— Я не занимаюсь медициной,— пробормотал он, глядя на мою забинтованную руку.— Не хочу связываться с полицией, так что убирайтесь к черту.

— Да что вы бубните одно и тоже!— бросил я ему.— Я здесь для того, чтобы предложить совершенно законную сделку с соответствующей денежной оплатой.— Я проигнорировал его протесты и заглянул в комнату.— Согласно совершенно достоверным источникам, вы живете здесь в незарегистрированной связи с девушкой по имени Зина. То, что я хочу сказать, не для ее несомненно прелестных ушек. Где она?

— Нет ее!— крикнул он,— И вы тоже убирайтесь!— он схватил большую бутылку за горлышко и угрожающе поднял ее.

— Что вы скажете на это?— спросил я и бросил на стол большую и толстую пачку денег.— И это... и это...— добавил я, бросив еще две пачки.

Бутылка выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на пол, он вытаращил глаза. Казалось, они сейчас вылезут из орбит. Чтобы окончательно сразить его, я добавил еще несколько пачек.

Долго убеждать его не пришлось, оставалось только согласовать детали. Деньги подействовали на него успокаивающе, он не дрожал и не трясся, а рассуждал вполне здраво.

— Осталась одна проблема,— добавил я в заключение.— Собираетесь ли вы рассказать об этом милой Зине?

— Вы что, с ума сошли?— спросил он с неподдельным изумлением.

— Следовательно, вы не расскажете ей. Поскольку об этой операции знают только вы да я, как вы собираетесь объяснить свое отсутствие и источник денег?

Это повергло его в еще большее изумление.

— Объяснить! Ей? Да она не увидит ни меня, ни денег. Через десять минут я покину это место.

— Ну что ж,— сказал я и подумал, что это все-таки жестоко по отношению к несчастной Зине, поддерживающей его ремеслом, которого стараются избегать большинство женщин. Я решил что-нибудь сделать для нее. В будущем, конечно. В первую очередь должен исчезнуть Джеймс Боливар ди Гриз.

Не жалея расходов, я заказал все хирургическое операционное оборудование, указанное Вульфом. По возможности я старался приобрести приборы-роботы, так как ему предстояло работать одному.

Загрузив все в тяжелый контейнер, мы отправились за город. К сожалению, у нас не складывались доверительные отношения. Самым трудным был финансовый вопрос, так как простосердечный доктор Вульф был уверен, что я проломлю ему череп и заберу все деньги обратно после того, как работа будет окончена. Он, чудак, не понимал, что, пока существуют банки, у меня не может быть проблем с деньгами. В конце концов, к его удовлетворению, были оговорены все гарантии и мы приступили к работе.

Пустой дом находился на возвышенности у дальнего конца озера. Свежую пищу мы получали один раз в неделю вместе с почтой, с которой доставлялись также лекарства и другие медицинские препараты. Операция началась.

Современная медицинская техника позволяла, конечно, избавить пациента от боли и шока. Я постоянно находился в постели и иногда накачивался таким количеством успокаивающего, что дни проходили в дремотном тумане. Между двумя периодами радикальной хирургии я решил удостовериться, что снотворное входит в состав вечернего питья доктора. Это питье было, конечно, безалкогольным, так как его воздержание за все время пребывания было одним из обязательных условий нашего соглашения. Во избежание срыва я поддерживал его решение некоторым количеством денег. Поскольку в связи со всем этим он находился на грани нервного срыва, я сделал вывод о необходимости для него крепкого ночного сна. Кроме того, я хотел провести небольшое ночное исследование.

Как только я уверился, что он глубоко заснул, я открыл замок и обшарил комнату.

Пистолет был необходим, видимо, просто для страховки, но эти нервные типы часто ведут себя непредсказуемо.

Пистолет был карманного типа, калибр 0,57, аккуратненький, но... смертельный. Механизм работал прекрасно, патроны новенькие, вот только стрелять он больше не будет, я аккуратно сточил у него боек.

Найденная кинокамера не удивила меня, так как я слабо верил в благородство человечества. Для Вульфа казалось мало, что я был его благодетелем и финансистом, он решил приготовить материал и для шантажа. Там была экспонированная пленка, заполненная, без сомнения, кадрами моей внешности до и после. Я положил всю катушку под рентгеновский аппарат и подержал там ее достаточно долго.

А вот работал Вульф отлично. С ним можно было жить, пока он не начинал вопить об отсутствии спиртных напитков и девушек.

Он изогнул и укоротил мои бедра, изменил рост и походку. Руки, лицо, череп, уши — все было переделано для придания мне новой внешности. Искусственное использование соответствующих гормонов вызвало изменение пигментации, потемнел естественный цвет волос и кожи, изменилась даже структура волосяного покрова. Последнее, что сделал Вульф, была деликатная операция на моих голосовых связках, которая привела к изменению и огрублению речи.

Когда все было окончено, Скользкий Джим ди Гриз исчез, а Ганс Шмидт родился. Имя не очень благозвучное, но я придумал его только на период моего общения с Вульфом, до того, как начну свое основное предприятие.

— Прекрасно, прекрасно,— глядя в зеркало, я ощупывал свое измененное лицо.

— Боже, наконец-то я смогу выпить,— прошептал Вульф, сидя на своих уже упакованных чемоданах. Последние дни он таскал медицинский спирт, пока я не смешал его с капелькой своего любимого рвотного, и теперь он был сильно озабочен необходимостью вернуть обратно извергнутое наружу.

— Отдайте мне остаток денег и, с вашего разрешения, я уеду отсюда.

— Терпение, доктор,— сказал я и сунул ему пачку банкнот. Он сорвал банковскую упаковку и стал быстро их считать, мелькая пальцами.

— Не теряйте времени,— добавил я, но он продолжал считать.— Я написал на каждой банкноте слово

«УКРАДЕНА» таким составом, который будет светиться, когда банк положит ее под ультрафиолет.

Он внезапно остановился и побелел. Мне надо было напомнить ему об его изношенном сердце, которое могло отказать от сильного возбуждения.

— Что заничт украдены?— спросил он немного погодя.

— То и значит. Все деньги, которые я заплатил вам, были украдены.— Его лицо стало еще белее, я был уверен, что при таком кровообращении он не доживет и до пятидесяти.— Да вы не расстраивайтесь, я расстался с ними без всякого сожаления.

— Но... почему?— спросил он наконец.

— Законный вопрос, доктор. Долг платежом красен. Но я пошлю ту же сумму, в неиспорченных кредитных билетах, конечно, вашей бывшей подружке Зине. Я чувствую, вы многим обязаны ей за все, что она для вас сделала.

Он свирепо посмотрел на меня, а я начал сбрасывать с обрыва аппараты и хирургически инструменты. Я старался не поворачиваться спиной к нему, остальные предосторожности были сделаны раньше. Когда я, взглянув на него мельком, заметил на его лице скрытую усмешку, я понял, что наказание должно быть доведено до конца.

— Аэромобиль будет через несколько минут здесь, мы улетим на нем вместе. С сожалением должен информировать вас, что по прибытии во Фрейбурбад у вас не будет возможности отыскать Зину, избить ее и отобрать деньги.

Выражение его лица отчетливо выразило, что именно это он и задумал.

Я продолжал, надеясь, что он будет мне благодарен за столь тщательно и детально изложенное резюме этой криминальной истории.

— У меня все рассчитано по минутам. Сегодня из космопорта отправляются два звездолета с разницей в одну минуту. Я закажу билет на один из них для себя, а вот ваш билет — на другой. Я заплатил за него заранее, не рассчитывая, конечно, получить от вас благодарность.

Он взял билет с неподдельным интересом старой девы, подобравшей дикую змею.

— Стремитесь, торопитесь, простите за пошлую рифму, вам крайне необходимо это. Через несколько минут после вашего отлета в полицию будет доставлен пакет с описанием ваших операций.

Дорогой Вульф переварил все это, но, пока мы ждали вертолет, судя по его унылому виду, он искал способ

улизнуть, но не находил его. В течение полета он скрючился в своем кресле и не сказал ни слова. По прибытии он без скандала и проклятий пересел в свой корабль, я же просто двинулся в сторону своего и, не дойдя, повернул назад.

Я так же не собирался покидать Фрейбурбад, как и доносить в полицию о нелегальной операции. Эта ложь была необходима, чтобы спровадить отсюда алкоголика-доктора в одинокое путешествие к циррозу печени. У меня не было никаких причин уезжать. Наоборот, у меня были причины остаться.

Ангелина все еще была на этой планете, и я не хотел иметь никаких помех при ее отыскании.

Может быть, это выглядело самоуверенно, но я чувствовал, что хорошо узнал Ангелину за это время. Наши маленькие порочные мозги во многих случаях крутились синхронно, и я был абсолютно уверен, что могу с большой достоверностью предсказать ее действия.

Она в восторге от того, что убила меня. Она получает такое же удовольствие от вида трупов тех, кого убивает, как другие девушки от новых нарядов. Она уверена, что я мертв, и это облегчает мне преследование. Конечно, я не сомневался, что она примет естественные меры предосторожности против полиции и агентов Корпуса. Но они не знали, что она на Фрейбурге и у них не было оснований связать мою смерть с ее присутствием. Следовательно, она не убежит, а останется, но с измененной внешностью и в каком-то новом качестве.

В том, что она захочет здесь остаться, у меня не было ни малейшего сомнения. Фрейбург — это планета, кажется специально созданная для всевозможных незаконных операций. Ничего подобного я не встречал за все годы скитаний по нашей вселенной. В старом феодальном Фрейбурге незнакомец сразу же привлек бы к себе внимание. На современных планетах Лиги компьютеры, механизация и роботы, а также бдительная полиция оставляют мало возможностей для незаконных операций. Только там, где две различные культуры смешиваются, для этого появляются превосходные возможности.

Эта планета достаточно спокойна, тут мы можем не скупиться на похвалы экспертам Лиги. Прежде чем внедрять антибиотики и компьютеры, они убедились, что закон и порядок твердо соблюдаются. Тем не менее возмож-

ности криминала остаются, если знаешь, где их искать. Ангелина знала, где искать, я — тоже.

Однако после нескольких недель бесплодных поисков я встал перед очевидным фактом, что мы ищем разные вещи. Я не могу сказать, что время прошло бесполезно, так как открыл множество возможностей для прекрасных дел. Если бы меня не заботили поиски Ангелины, я бы, кажется, всю жизнь купался в этом воровском раю. Но эти поиски мучили меня постоянно, словно больной зуб.

Отставив в сторону интуицию, я попробовал научные методы. Арендовав один из лучших существующих здесь компьютеров, я засунул в него целую библиотеку и поставил перед ним кучу проблем. В процессе этого пожирающего киловатты энергии дела я стал специалистом по экономике Фрейбурга, но ни на шаг не приблизился к обнаружению места нахождения Ангелины. У меня не было никаких идей, где искать следы ее деятельности.

Машина выдала массу рекомендаций по улучшению управления экономикой Фрейбурга, но исследования показали, что в этой области Ангелины нет. Казалось очевидным, что король Виллельм IX является действительным центром управления планетой. Комплексное исследование Вилля, его семьи и внутренних взаимоотношений вскрыло один скандальчик, но не Ангелину.

Решение этой проблемы сломило меня, и я начал топить горе в бутылке очищенного спирта. В то время я буквально варился в алкоголе. Наверное, паралич моих нервных окончаний и был источником идеи.

Те, кто утверждают, что думают под мухой лучше, чем в трезвом состоянии,— ослы. Но тут был совершенно особый случай. Я чувствовал, а не думал, и злость приоткрыла сосуд моего высшего интеллекта. Я мял подушку, вызывая в воображении ее поступки, и в конце концов закричал:

— Ненормальная! Ненормальная! Она просто ненормальная!

Когда я упал в постель, все кружилось в нескончаемом хороводе, и я пробормотал:

— Ненормальная, несомненно. Я сам должен стать ненормальным, чтобы вычислить ее следующий шаг.

На этом глаза закрылись, и я заснул. А последние мысли стали тонуть, но, пройдя через пропитанные алкоголем слои, добрались, наконец, до трезвого слоя.

Когда они стукнулись о дно, я проснулся и сел в постели, пораженный страшной правдой. Потребуется вся моя сила воли и еще немного, чтобы сделать это.

Если я хочу найти ее, мне надо стать сумасшедшим.

~ ~ ~

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В холодном утреннем свете идея не выглядела ни более привлекательной, ни менее очевидной. Я мог выбрать — делать или не делать это. Не было сомнений, что признаки ненормальности явно обнаруживались у Ангелины. Все ее действия были отмечены противоестественным равнодушием к человеческой жизни. Она убивала с равнодушием или с удовольствием, например, когда стреляла в меня, но всегда с полным безразличием к людям. Я сомневался, знала ли она о том, сколько убийств совершила в своей жизни. По ее стандартам я был рядовым любителем. Я не убивал, и, более того, необходимость этого редко возникала в моей профессии.

Да, да, ди Гриз никого не убивал! Мне нечего было стыдиться этого, наоборот. Я ценил человеческую жизнь, эту единственную реальную ценность во вселенной. А Ангелина любила только себя, свои желания и ничего больше. Мысленно следуя по пути формирования ее личности, я воссоздал образ мышления, присущий ей. Это не так трудно, как кажется, по крайней мере теоретически. У меня был некоторый опыт работы с психометрическими наркотиками, и я хорошо знал их возможности. Вековые исследования позволили создать лекарство, которое стимулировало в пациенте любой образ мышления.

Хотите на неделю стать параноиком? Примите пилюлю, почувствуйте, что это такое. Некоторые действительно принимали это для кайфа, но для меня это не годится. Нужна была чрезвычайно веская причина, чтобы заставить меня, человека с очень нежным и деликатным серым веществом, решиться на это. Например, поиски Ангелины.

Поистине прекрасным свойством всех этих психометрических препаратов было их временное действие. Когда лекарство поглотится, галлюцинации исчезнут. Я надеялся. Ни в одной из прочитанных книг не упоминалось о том дьявольском вареве, какое мог составить я один. Это была титаническая работа искать в книге описание всех очаро-

вательных привычек Ангелины и находить каждой соответствующий психологический образец. В процессе этого анализа мне даже потребовалась профессиональная помощь, конечно, без упоминания ее истинных целей. В конце концов передо мной стояли пузырек слабо дымящейся жидкости и магнитофон с лентой, на которой записаны различные стимулирующие высказывания, которая будет прокручиваться во время действия лекарства. Оставалось только собрать все свое мужество в кулак, как говорили классики. В действительности это было не все, я хотел предпринять кое-какие меры предосторожности.

Я снял комнату в дешевом отеле и приказал не беспокоить меня. Поскольку на подобный поступок я решился впервые и не знал, как поведет себя моя психика, я оставил в пределах видимости несколько памятных записок. Через несколько часов подобных приготовлений я понял, что начинаю тянуть время.

— Да, нелегко добровольно стать сумасшедшим,— сказал я своему бледному отражению в зеркале. Отражение было согласно, тем не менее мы закатали рукава и приготовили большие шприцы.

— Ну, поглядим, что будет,— сказал я, вводя иглу в вену и вдавливая поршень до основания.

Результат был обескураживающим, если не сказать больше. Появился звон в ушах и головная боль, которые быстро прошли, после чего все стало как раньше. Я понял, что надо чем-то заняться, и сел читать газету, пока не устал. Наступило разочарование. Я пошел спать, включив магнитофон, который мягко нашептывал в уши такие сентенции, как «Ты лучше всех и знаешь это, а людей, которые этого не знают, лучше остерегайся» или «Они все дураки, умнее тебя нет никого на свете».

Спать было неудобно, наушники врезались мне в уши, а мой дурацкий голос выводил меня из себя. Ничего не изменилось, эксперимент прошел впустую, и мне стало ужасно досадно. Я разломал наушники и мне полегчало. Еще легче стало после того, как я смял в тугой комок магнитофонную ленту.

Несколько дней я не брился, щетина скрипела у меня под рукой. Я втер в щеки крем, глянул в зеркало над раковиной и поразился. Новое лицо подходило мне лучше старого. Ошибка рождения или уродство родителей — я их глубоко ненавидел, так как единственная полезная вещь, которую они сделали, это родили меня — дали мне лицо, не соответствующее моей личности.

Новое было лучше, с одной стороны, более красивое, с другой, более строгое. Я должен поблагодарить этого врачевателя Вульфа за такую работу. Поблагодарить пулей. Это было бы гарантией, что никто в мире не выследит меня. Наверное, была жара и у меня был солнечный удар, если я позволил ему улететь живым.

На столе лежал листок бумаги с единственным словом, написанным моим почерком, хотя я и понятия не имел, зачем его оставил. Там было написано: Ангелина. Ангелина, которую я жаждал заполучить, чтобы сжать ее белое горло руками и давить до тех пор, пока не выкатятся белки. Ха! Представив эту картину, я засмеялся. Однако не следовало быть таким легкомысленным. Ангелина — это важно. Я собирался найти ее, и никто меня не остановит. Она сделала из меня дурака и пыталась убить. Если кто и заслуживает смерти, так это она. Плохо, что это еще не сделано. Я разорвал листок на мелкие кусочки.

Комната буквально давила меня, захотелось выйти. На этот раз меня привело в бешенство отсутствие ключей. Я знал, что вынимал их, но куда дел — не помнил. Растяпа портье что-то мямлил, и я собирался сказать ему все, что думаю об их сервисе, но воздержался. Для этих типов есть только одно лекарство! Запасные ключи шлепнулись в корзину под пневмотрубой, и я забрал их. Хотелось есть, пить и больше всего найти спокойное место, где можно подумать.

Ближайшее кафе, предоставившее мне все эти возможности после того, как я согнал проституток, было рядом. Все эти проститутки были сучками, просто сучками. Ангелина играла их роль, но выглядела лучше всего этого стада вместе взятого. Ангелина... Я все время думал о ней. Выпивка согрела мой желудок, и она стала лучше выглядеть в моих глазах.

Неужели я хотел предать ее или даже убить? Что за чушь! Единственная умная женщина из всех, с кем я встречался. Я никогда не забуду, как она вышагивала в своем платье. Ее бы немного приручить, и какая получится пара! От этой мысли лицо мое вспыхнуло, и я одним глотком осушил стакан.

Я должен найти ее, она ни за что не покинет эту планету, напоминающую райские кущи. Девушка с ее амбициями пойдет здесь прямо к вершине, ничто не сможет ее остановить. Это именно то место, где она должна быть. Всю жизнь Ангелина была уверена, что она лучше всей

этой толпы и доказала это себе. Мое прибытие могло бы быть величайшим событием, величайшим счастьем для Ангелины. Я вел себя на этой планете, как настоящая деревенщина. Когда Ангелина расправилась со мной, она могла успокоиться, остановиться и подчиниться порядку. Соперничество могло быть на время отложено.

Пока я сидел там, что-то встревожило меня, какой-то важный момент, который я никак не мог удержать в памяти. Наконец я понял! Действие инъекции скоро закончится. Мне необходимо вернуться в свою комнату. Всплыли страхи по поводу эксперимента, но я понял, что это старые сомнения. Это варево не более опасно, чем аспирин. И в то же время — величайшая, космическая штука. Новые миры возможностей открывались передо мной, мозг стал ясным, мысли логичнее. В баре я заплатил бармену и долго ждал, пока он медленно отсчитывал мне сдачу.

— Побыстрее!— сказал я громко, чтобы все слышали.— Покупатель торопится, так что и ты торопись... Еще два гильдена.

Я держал деньги на раскрытой ладони и, когда он нагнулся, чтобы пересчитать их, я шмякнул ему по морде и ладонью, и деньгами. Заодно, понизив голос, чтобы слышал только он, я пояснил, что я о нем думаю. Фрейбургский сленг богат выражениями, и я выбрал наилучшие. Я хотел продолжить обучение, но оно требовало времени, а я торопился в комнату в отеле.

Уходя, я заглянул в зеркало, висевшее на передней стене и отражавшее картину за моей спиной. И хорошо сделал. Он вытащил из-под стойки бара обрезок трубы и занес его у меня над головой. Не желая лишать его удовольствия, я не стал перехватывать руки, а только, когда она пошла вниз, отступил в сторону, позволив ему чуть-чуть задеть меня. А потом я просто схватил эту нахальную руку и сломал ее об край стойки. Его вопли вошли в мое сердце райской музыкой, я готов был слушать их сколько угодно. Но времени не было.

— Вы видели, как он предательски напал на меня?— спросил я, направляясь к дверям, у остолбеневших посетителей.

Пострадавший исчез из виду, видимо, упал и стонал за стойкой.

— Я иду звонить в полицию, посмотрите, чтобы он не убежал.

Конечно, он не рвался сбежать, так же как и я звонить в полицию. Я вышел из дверей задолго до того, как свидетели сообразили, что же произошло на самом деле.

Бежать я не мог, чтобы не привлекать к себе внимание. Лучшее, что я мог сделать, это быстро идти. От напряжения я весь обливался потом. Первое, что я увидел, войдя в комнату, был пузырек на столе и шприц рядом с ним, завернутый в тряпку. Мои руки не тряслись, я им этого не позволил. Это была очень сильная штука!

Рухнув в кресло, я взял пузырек и увидел, что там осталось жидкости меньше, чем на миллиметр. Для получения адской смеси требовался довольно сложный процесс, однако формула гвоздем сидела у меня в памяти и восстановить ее в любой момент не составляло никакого труда. Вот только, как достать компоненты в этот ночной час? Да ведь это несложно, закон истории говорит, что оружие открыли раньше денег. В моем кейсе лежал знаменитый 0,75 калибр, с которым можно добыть все, что нужно, гораздо быстрее, чем с деньгами.

Это была ошибка. Какое-то ноющее беспокойство волновало меня, но я его проигнорировал. Напряжение, потом разрядка после укола разогнали сонливость. На вершине кайфа надо было торопиться. У меня было очень мало времени, чтобы найти то, что нужно, и вернуться в отель. Все мои мысли устремились к достижению цели. Я отпер кейс и увидел пистолет, лежащий поверх одежды.

Тут тонкий голосок памяти что-то пискнул мне, но меня это только подтолкнуло. Я схватил рукоятку, и тут память стала проясняться... слишком поздно. Опустив пистолет, я рванулся к двери, но не успел. Позади хлопнула граната с сонным газом, положенная под подушку.

Уже впадая в сон, я никак не мог понять, как можно было сделать такую глупость.

~ ~ ~

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Первым ощущением после выхода из сна было сожаление. Работа моего мозга является источником постоянного удивления. Действие моего дьявольского напитка проходило, с памятью было все в порядке, дурнота исчезла. Детали моей интермедии сумасшествия представлялись четко и ясно. Хотя меня подташнивало от всего, что я думал

и делал, одновременно ощущался приступ сожаления, что все кончилось. Раскованность после принятия лекарства переросла в абсолютную свободу, когда жизнь других людей кажется меньше, чем ничто. Ощущение, несомненно, жуткое, но и чрезвычайно привлекательное. Хотя мозг протестовал, я испытывал желание повторить все снова.

Несмотря на двенадцатичасовой сон, я был разбит. Переползание на кровать отняло всю мою энергию. Взгляд остановился на предусмотрительно припасенной бутылке спирта. Я вымыл стакан и, потягивая жидкость, попытался привести в порядок свои мозги, что было нелегко. Я много читал о темных инстинктах, лежащих в нашем подсознании, но впервые столкнулся с этим непосредственно, когда они действительно стали выплывать на поверхность.

Моя позиция в отношении Ангелины должна, наконец, быть определена. Нужно признать, что я к ней явно неравнодушен. Любовь? Назовите это каким-угодно словом, не возражаю, но только это не пылкая юношеская страсть. Ее поступки не ослепляли меня, я трезво понимал, что отвратительно аморальная жизнь Ангелины отражается на моем образе мышления. Но логика и рассудительность не могут противостоять эмоциям. Ненавидя ее деятельность, я не мог отделаться от чувства симпатии к этой личности, так похожей на меня. Не давала покоя мысль, какая бы получилась из нас упряжка! Это, конечно, невозможно, но хотеть-то никто не запретит. Любовь и ненависть стояли буквально плечом к плечу. Я сделал большой глоток.

Найти ее сейчас не составит труда. Эта уверенность даже раздражала меня. У меня не было никакой новой информации, однако имелись проблески интуиции в том, как вертятся шарики в голове Ангелины. Не могло быть сомнения, что она рвалась к власти, но вряд ли добилась чего-нибудь через короля. Скорее силой, через путч, возможно, с терроризмом, через определенного рода революцию и беспорядок. Так было во Фрейбурге в старые времена, когда ценою схватки была верховная власть. Любой дворянин мог быть коронован, а старая королевская власть ослаблена, поэтому борьба за место монарха была очень жестокой. Конечно все это прекратилось после того, как здесь поработали эксперты Лиги.

А теперь возврат к старому был вполне возможен. Ангелина, чтобы удовлетворить свои амбиции, хотела видеть

этот мир купающимся в крови. Она пока ничего не могла сделать, но готовила кого-то для черной работы. Одного из этих надутых князей, которые проводили в жизнь политику трона и имели большое влияние в этом полуфеодальном государстве. Подобный подход Ангелина уже использовала, захочет использовать и еще раз. В этом не было сомнений.

Неясно было лишь одно — кто он?

Мои ныряния в глубины самоанализа оставили во рту неприятный привкус, который не вымывался никаким количеством жидкости. В чем я нуждался, так это в оживлении моих нервных окончаний и разгонке застоявшейся крови. Выслеживание Ангелининого доверенного лица требовало подзарядки моих батарей. Я взял газету и стал изучать колонку «Новости двора». Через два дня должен состояться Большой бал. Очень удачное прикрытие для моих поисков.

В эти два дня я наводил глянец на все детали предполагаемой операции. Любой болван мог испортить дело, как обычно часто и случается. Только с такими талантами, как у меня, можно было обеспечить стопроцентное прикрытие. Я придумал себе родину — отдаленную провинцию Фрейбурга, бедную во всех отношениях, кроме изобилия нюансов в произношении, что служило основой многих шуток и анекдотов.

Население Местельдросса в силу присущих ему врожденных свойств характеризовалось как драчливое и упрямое. Мое положение дворянина дало мне право скрыться под именем графа Вент Дибстол. Фамильное имя на местном диалекте означает либо бандита, либо сборщика налогов, что дает вам полное представление как о сборщике налогов, так и об источнике фамильного титула. Военный портной скроил мне мундир и, пока подгонял его, я детально вызубрил свою фальшивую историю.

Не забыл я послать травмированному бармену толстую пачку денег, ведь он был вынужден работать с рукой, закованной в гипс. Он действительно разозлил меня, но наказание было явно непропорционально величине проступка. Этот анонимный подарок очистил мою совесть, и я почувствовал себя значительно лучше.

Полуночный визит в королевскую типографию дал мне желанное приглашение на бал. Мундир сидел на мне, как влитой, сапоги вызывающе блестели. Я был одним из первых. Королевский стол соблазнял яствами, а предстоящее дело раздразнило мой аппетит.

Во Фрейбурге сохранилось архаическое явление, привычка носить на балах шпоры и меч. Обремененный этой

тяжестью, грохоча как пустая кастрюля, я низко поклонился королю. Его глаза блестели и были какими-то отсутствующими, что подтверждало справедливость слухов о том, что он не начинал ни одного дела, не приложившись к бутылке. Он откровенно ненавидел толпу и балы, предпочитая возиться со своими жуками — любитель-энтомолог, правда, без всяких талантов. Королева была значительно приятнее в расцвете своей двадцатилетней красоты. Молва сообщала, что ей до смерти надоели жуки и она предпочитает гомо сапиенс.

Чтобы проверить эту клевету, я, целуя ей руку, чуть-чуть пожал ее. Она посмотрела на меня с удивлением, в котором была большая доля интереса. Я направился в буфет.

Гости продолжали прибывать. Наблюдение за ними не мешало мне уничтожать пищу и смаковать вина. Основательно загрузившись, я решил сделать перерыв и смешаться с толпой. Все женщины были предметом моего внимания; большинству из них это льстило, как мне кажется, из-за моего мундира, явно выделявшегося среди местных. Я, конечно, не считал, что сразу обнаружу след Ангелины, но шанс все-таки был. Несколько женщин отдаленно напоминали ее, но достаточно было нескольких слов, как становилось ясным, что это истинная голубая кровь, а не моя маленькая межзвездная убийца. Задача несколько упрощалась, тем, что понятие красоты во Фрейбурге связано с обилием плоти, а Ангелина выглядела совсем по-другому. Я направился в бар.

— Следуйте за мной! Королевский приказ!— прохрипел мне в ухо простуженный голос, и грубая рука схватила меня за рукав.

— Отпусти рукав или я выровняю твою морду!— рявкнул я на своем мистильско-дроссенском наречии. Он отпустил, словно обжегшись, и отступил, весь красный.— Так-то лучше,— добавил я, перебивая его.— Кто хочет меня видеть? Король?

— Ее величество королева,— прошипел он сквозь зубы.

— Очень хорошо, я тоже хочу ее увидеть. Показывай дорогу.

Я прокладывал себе путь через толпу, а мой новый приятель тащился сзади, пытаясь обогнать меня. Достигнув группы, окружающей королеву Хельгу, я пропустил его, задыхающегося и потного, вперед.

— Ваше величество, это барон...

— Граф, а не барон,— перебил я его.— Граф Вент Дибстол из бедного провинциального рода, урезанного века назад в наших законных правах подлыми мошенниками-князьями.— Я сурово посмотрел на своего проводника, как будто именно он участвовал в древнем заговоре, и он опять отчаянно покраснел.

— Что это за награда у вас, граф Вент?— спросила королева низким голосом, который породил во мне образ луга туманным утром. Она указала на мою мужественную грудь, увешанную побрякушками, которые я откопал сегодня утром у антиквара.

— Галактические медали, ваше величество. Мог ли я рассчитывать здесь, на Фрейбурге, на какое-то продвижение? Младший сын провинциального дворянина? Вот почему я выбрал службу вне планеты и провел лучшие годы своей жизни в Звездной гвардии, а там — сражения, захваты, звездные абордажи в порядке вещей. А вот этой я могу гордиться действительно...— я указал на невзрачную штуковину среди сверкающих погремушек.— Это наша звезда, наивысшая награда в гвардии.— Я взял звезду в руки и посмотрел на нее долгим проникновенным взглядом. В действительности, я думаю, это был гвардейский знак за сверхсрочную службу или что-то в этом роде.

— Это прекрасно,— сказала королева. Она разбиралась в медалях не лучше, чем в одежде, но чего можно ожидать на этих захолустных планетах.

— Да,— согласился я.— Я не любитель описывать истории медалей, но если на то будет королевский приказ...— Это было сказано очень застенчиво. Наврав им о своих подвигах, я возбудил интерес и надеялся, что разговор обо мне достигнет ушей Ангелины, где бы она не пряталась. Почувствовав, что исчерпал себя, я вернулся в бар.

Свои придуманные истории я рассказывал каждому, кого мог поймать. Большинство с удовольствием слушало меня, смеясь вместе со мною, а смех при дворе был нечастым явлением. Единственным, кто этим не наслаждался, был я сам. Если вначале мой план казался хорошим, то чем дальше, тем он нравился мне все меньше... Я мог месяцами кружить вокруг этих придворных идиотов без малейшей надежды приблизиться к Ангелине. Надо ускорять дело.

Крутилась у меня в голове одна идейка, но она граничила с безумием. Если дело не выгорит, я буду либо убит, либо навсегда устранен из высшего общества. С последним

я легко смирился бы, но высшее общество поможет мне найти возлюбленную добычу. Если же все получится, поиски значительно упростятся. Я решил бросить монету и, конечно, выиграл, так как спрятал другую в ладони после броска. Буду действовать!

Еще до приезда я рассовал в карманы кое-какие мелочи, которые могли пригодиться во время вечера. Один из этих предметов был великолепным предлогом, чтобы сблизиться с королем, если бы я почувствовал в этом необходимость. Я переложил его во внутренний карман, наполнил вином самый большой бокал, какой смог найти, и отправился через анфиладу комнат на поиски своей жертвы.

Если в момент моего прихода король Виллельм был в подпитии, то сейчас он был пьян смертельно. Надо было вшить в его мундир сзади стальной стержень, так как, могу поклясться, его не держал собственный позвоночник. Однако он все пил, покачиваясь взад и вперед. Голова его моталась, как у сломанной куклы.

Вокруг него стояла кучка старичков, которые, видимо, рассказывали друг другу неприличные анекдоты. При моем появлении они бросали на меня недоверчивые взгляды. Я был выше большинства из них и ярче одет. Глаза Виллельма наткнулись на меня, и его голова медленно повернулась в моем направлении. Один из окружавших короля восьмидесятилетних старцев уже встречал меня на вечере и представил королю.

— Очень рад встретить ваше величество,— проговорил я, имитируя в голосе пьяные нотки. Король не обратил на это внимания, но другие заметили и нахмурились.

— Я сам немного энтомолог и хотел бы сделать вам подарок. Следуя по вашим королевским стопам, я сильно желаю этого и чувствую, что во Фрейбурге возможно большее внимание для исследования форминифор, липедоптер и других. Геральдика, а также флаги могли бы содержать больше изображений насекомых...

Я болтал и дальше что-то в этом роде, и толпа начала проявлять нетерпение. Король улавливал едва ли одно слово из десяти, произнесенных мною, внимание его стало рассеиваться, окружающие тоже заволновались, не зная, как избавиться от пьяного. Когда кто-то взял меня за локоть, я пошел с козырной карты.

— Вот, ваше величество,— сказал я, залезая в карман.— Я тщательно сберегал этот образец, пронеся его

через многие световые годы, и доставил сюда, чтобы он занял место в вашей высочайшей коллекции.— Раскрыв плоскую пластмассовую коробочку, я сунул ее ему под нос. Он с трудом сфокусировал свои водянистые глаза, и у него перехватило дыхание. Окружающие тоже проявили любопытство, и я дал им несколько секунд полюбоваться образцом.

Должен сказать, что это был великолепный жук, однако он не путешествовал со мной через световые годы, а был сделан сегодня утром. Большинство элементов было от других насекомых, а там, где природы не хватило, я добавил несколько кусочков пластмассы. Тело было размером с ладонь с тремя рядами крыльев, каждый ряд — другого цвета. Снизу было много ног, взятых, по крайней мере, у дюжины насекомых. Конечности не удалось подобрать все под пару, так как многие были подпорчены при конструировании. Некоторые другие детали, такие, как массивное тело, три глаза, штопороподобный хвост не оставили аудиторию равнодушной. Коробочка была предусмотрительно сделана из цветного пластика, который скорее скрывал, чем подчеркивал детали.

— Вы должны посмотреть это поближе, ваше величество,— сказал я, открывая шире коробочку и приближаясь, покачиваясь. Настал ответственный момент. В одной руке у меня был стакан с вином, коробочка, другая оставалась свободной, чтобы вынуть этого монстра. Я зажал его большим и указательным пальцами и приподнял. Король приблизился вплотную, вино в его стакане выплескивалось от неловких движений. В этот момент я чуть ослабил большой палец, сделал неуловимый жест и жук великолепным пируэтом нырнул в стакан короля.

— Спасите! Спасите его!— заорал я.— Редчайший экземпляр!— Я залез пальцами в стакан, устроив в нем бурю. Часть напитка выплеснулась на золотые манжеты Виллельма. Шепот в зале и злые голоса усилились, кто-то твердой рукой взял меня за плечо.

— Уберите прочь ваши титулованные лапы!— крикнул я и грубо сбросил руку. Выловленное насекомое выскользнуло у меня из пальцев, шлепнулось королю на грудь и оттуда медленно скатилось на пол, теряя по пути крылья, ноги и другие части. Я использовал очень нестойкий клей. Наклонившись над упавшим «трупиком», я сделал еще одно «неловкое» движение, и вино красной струей выплеснулось на одежду короля. Злой вопль вырвался из толпы.

Король отнесся к этому спокойно. Качаясь, подобно дереву в бурю, он не выражал протеста, только повторил «Я говорю... я говорю» несколько раз. Но когда я стал стирать вино носовым платком, и оно потекло по его пальцам, толпа придвинулась вплотную. Кто-то схватил меня за руку, я рванулся и ударил... короля Виллельма IX в его родовитую грудь. От удара его верхняя челюсть выпала и упала на пол.

Старички начали разбегаться, молодежь бросилась на защиту его величества, и мне пришлось показать им пару приемчиков, после чего я был «вынужден» сдаться и добровольно отправиться в тюрьму, немного посопротивлявшись.

~ ~ ~

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Тюремщики, видимо, задались целью привить мне культурные манеры, а я по мере сил затруднял им их благородный труд. Не для того я добровольно залез в тюрьму, чтобы выиграть этот спор, рискуя проделывать эти штучки с бедным королем. Оскорбление королевского величества было таким преступлением, которое обычно каралось смертью. К счастью, цивилизованное влияние Лиги уже коснулось темного Фрейбурга и местные власти доказывали мне свою приверженность законам. Я делал вид, что не замечал этого. Когда они приносили мясо, я съедал его, а тарелку разбивал, демонстрируя свой протест на незаконный арест.

Это была приманка. Заработанные мною синяки были бы весьма малой платой за удачную попытку саморекламы. Фигура отщепенца: предатель своего класса, с одной стороны, сильная личность в мирной вселенной, драчун, бескомпромиссный боец — с другой. Короче, я обладал всеми качествами, которые ненавидят порядочные люди, а такие фрейбургиане должны очень привлекать Ангелину.

Несмотря на недавнее кровавое прошлое, Фрейбург был бедноват на задиристых мужчин. Не из самых низких слоев, конечно: портовые трактиры были нашпигованы мускулоносами с куриными мозгами. Ангелина могла бы нанять их всех. Но одними боевыми отрядами победу не завоевать. Ей нужен союзник и помощник из дворян, а по моим наблюдениям, люди с такими талантами — редкость, притом большая. В скандале на балу я по-

старался показать все качества, которыми она могла бы заинтересоваться, и сделал это так, чтобы она ни в коем случае не подумала, что эта демонстрация нарочно для нее. Ловушка была открыта, ей оставалось захлопнуться за вошедшей в нее.

Лязгнул металл открывающейся двери.

— К вам посетители, граф Дибстол,— сказал тюремщик, открывая внутреннюю решетку.

— Скажите им, чтобы пошли к черту! — крикнул я.— На этой гнусной планете нет ни одного человека, которого бы я хотел видеть.

Не обращая внимания на мои реплики, он ввел начальника тюрьмы и двух типов в черном с суровыми лицами. Я демонстративно игнорировал их. Они молча подождали, пока уйдет охрана, затем более худой открыл принесенную папку и кончиками пальцев достал оттуда лист бумаги.

— Я не буду писать прощальную записку самоубийцы, можете убить меня во сне,— прорычал я, начиная разыгрывать комедию. Он внимательно взглянул на меня, но лицо его не изменилось.

— Это несправедливое обвинение,— спокойно сказал он.— Я не королевский прокурор и никогда не допущу подобных действий.— Все трое одновременно кивнули, как заведенные от одной пружины. Эффект был столь заразителен, что я тоже чуть не кивнул.

— Я не совершу добровольного самоубийства,— сказал я твердо.— Это мое последнее слово по этому вопросу.

Королевский прокурор достаточно долго проработал на своем месте, чтобы его легко можно было смутить. Он прокашлялся, пошелестел бумагой и начал:

— Есть несколько криминальных действий, которые могут быть поставлены вам в вину,— забубнил он с чрезвычайно мрачным выражением лица, я невозмутимо зевнул.— Среди них — увечья молодому человеку. Но я надеюсь, что он не будет настаивать, так как это только осложнит дело. Сам король настоятельно рекомендует мне закончить дело, как можно скорее, и восстановить между всеми мир. Я здесь для того, чтобы исполнить его желание. Подпишите эти извинения, и вас немедленно отвезут на борт космолета, отбывающего ночью. Дело будет закончено.

— Пытаетесь избавиться от меня, чтобы скрыть свои пьяные драки во дворце? — усмехнулся я. Лицо прокурора налилось кровью, но он с большим трудом сдержался. Если они выпроводят меня с планеты — все пропало.

— Вы оскорбляете нас, сэр! — проговорил он.— Не забывайте, вы сами не без греха в этом деле. Я от души желаю вам оценить снисходительность короля и подписать извинение.— Он протянул мне бумагу, но я разорвал ее на куски.

— Извиняться? Никогда! — крикнул я ему.— Я защищал свою честь от ваших пьяных мужланов и жуликов-дворян, самых бессовестных из всех воров, укравших права, справедливо принадлежащие моему роду.

Все вышли. Начальник тюрьмы был единственным близким мне по возрасту, поэтому именно его я направил, ткнув носком ботинка в соответствующее место. Все было так, как и должно было быть. Дверь с шумом захлопнулась передо мной, мятежным, драчливым, воинственным сыном земли Фрейбургской. Я сделал все, чтобы привлечь внимание Ангелины, но если этого не произойдет, я рискую провести остаток дней за этими мрачными стенами.

Ожидание всегда плохо сказывалось на моих нервах. Я мыслитель только в спокойное время, а в остальное — человек действия. Одно дело — разработать план, смело приступив к его исполнению, совсем другое дело сидеть в грязной камере и думать, нет ли слабых мест в логической цепи разработанного плана. Выберусь ли я из этого мешка? Скорее всего, для меня это сделать будет нетрудно, но только в крайнем случае. Там, снаружи, я вынужден буду скрываться и у меня не будет шансов установить с ней связь. От переживаний я сгрыз почти все ногти на руках. Следующий шаг был за Ангелиной, и мне оставалось надеяться, что она не задержится с правильным решением вопроса после анализа всех моих действий.

Через неделю я начал сходить с ума. Королевский приговор объявлен не был, прокурор больше не заходил, и никаких разговоров о суде не велось. Я подкинул им проблему, и они теперь скребут головы, не зная, что делать. Я почти решил бежать, выбраться из этой захолустной тюрьмы само по себе несложно. Но ведь я жду сообщений о своей беспощадной любви. Я рассматривал возможности, которые она могла использовать. Может быть, какое-либо давление на двор, чтобы меня освободили? Или тайно пронести напильник и записку, чтобы я выбрался своими силами? Вторая возможность казалась мне наиболее вероятной и каждый раз, получая хлеб, я разламывал его, отыскивая что-нибудь внутри. Ничего не было.

На восьмой день Ангелина откликнулась в наиболее свойственной ей прямолинейной манере. Ночью что-то необычное разбудило меня. Шорохов не было слышно, я приник к двери и через щель увидел свет в конце коридора. Ночной охранник лежал на полу, а плотная фигура в маске, одетая во все черное, стояла над ним с дубинкой в руках. Подошел другой незнакомец, одетый так же, как первый. Они потащили охранника вдоль коридора по направлению ко мне. Один из них порылся в кармане и достал кусок красной материи, который вложил в безвольные пальцы охранника. Когда они подошли к двери моей камеры, я отскочил от нее и бесшумно скользнул в кровать.

Ключ заскрипел в замке, зажегся свет. Я сел на кровати, изображая человека, только что проснувшегося от шума.

— Кто тут? Что вы хотите?

— Быстро одевайтесь Дибстол, мы выведем вас отсюда.— Это говорил первый головорез, которого я видел. Дубинка еще свисала с его руки. Я отвалил челюсть и пополз по кровати, прижимаясь к стене.

— Убийцы! — завопил я.— Так вот что задумал король Вилли — затянуть петлю на моей шее и сказать, что я повесился сам! Добро пожаловать, но не думайте, что это будет легко!

— Не будьте идиотом! — прошипел мужчина.— И закройте рот. Мы здесь, чтобы спасти вас. Мы друзья.

Еще двое, одетых так же, появились за ним. В коридоре промелькнул четвертый.

— Друзья! — орал я.— Убийцы, вот вы кто! Вы дорого заплатите за это преступление!

Четвертый, из коридора, прошептал что-то, и остальные направились ко мне. Мне хотелось получше рассмотреть главаря. Это — маленький мужчина, если он был мужчиной. Одежда на нем висела свободно, поверх голов была натянута маска из чулка. Ангелина была примерно такого же роста. Рассмотреть подробнее я не успел, бандиты набросились на меня. Я ударил одного ногой и отскочил, но у них были все преимущества. Без одежды и оружия у меня не было шансов, а у них были дубинки. Я еле сдержал победную улыбку, когда они усмирили меня.

Все еще сопротивляясь, я позволил тащить себя в то место, где мечтал оказаться.

~ ~ ~

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Удар по голове лишь несколько меня ослабил, а отключился я по-настоящему, когда один из них сломал у меня под носом снотворную капсулу. Конечно у меня не было ни малейшего представления, как далеко мы находимся на Фрейбурге. Наверное, они сделали мне антинаркотический укол, так как первое, что я увидел, был худой тип со шприцем в руках. Он наклонился, но я отодвинулся.

— Собираетесь мучить меня до того, как убить, свинья! — сказал я, вспоминая о роли, которую играл.

— Не волнуйтесь,— произнес низкий голос сзади.— Вы среди друзей, которые разделяют ваше возмущение существующим режимом.

Голос был не похож на голос Ангелины. Это оказался дородный мужчина с неприятным выражением лица.

Медик вышел, оставив нас одних, и я понял, что план начал действовать. Маленькие глазки, тяжелая челюсть и надменный взгляд — я узнал в нем одного из представителей Фрейбургского дворянства. Глядя на это уродливое лицо, я покопался в своей бездонной памяти.

— Рденрант, князь Рденрант,— сказал я, пытаясь вспомнить, что еще о нем читал.— Я полагаю, что вы скажете мне правду? Трудно предположить, что вы украли человека из тюрьмы для своих собственных целей...

— Это неважно, что вы предполагаете,— огрызнулся он зло. Раздражение отразилось на его лице, и прошло некоторое время, прежде чем он взял себя в руки.— Виллельм может быть моим кузеном, но это не означает, что я считаю его идеальным главой планеты. Вы говорили о своих претензиях на более высокое положение и о том, что были обмануты. Это так? Или вы просто один из придворных болтунов? Найдутся и другие люди, которые думают так же, как и вы, жаждующие изменить существующий порядок.

Импульсивность, энтузиазм — вот что я должен проявить. Или лояльный друг или смертный враг — других вариантов нет. Я рванулся вперед и крепко схватил его за руку.

— Если вы сказали мне правду, вы получите единомышленника, который пойдет рядом с вами. Если солгали и это просто ловушка, тогда, князь, будьте готовы сраться.

— Нет необходимости в сражениях,— сказал он, высвобождая руку.— По крайней мере, между нами. Впереди

трудный путь, и мы должны доверять друг другу.— Он хрустнул суставами и мрачно взглянул в окно.— Я искренне надеюсь, что смогу положиться на вас полностью. Фрейбург во времена наших предков был совсем другим. Лига задушила инстинкты борьбы в нашем народе. Нет просто ни одного человека, на которого я мог бы положиться!

— А те, что взяли меня из камеры? Они вроде действуют форошо.

— Грубая сила! — воскликнул он.— Твердолобые болваны. Этих я могу нанять, сколько угодно. Мне нужны люди, которые могут руководить, помогать мне вести Фрейбург к светлому будущему.

Я не стал говорить о человеке, который стоял в коридоре и руководил всей ночной операцией. Если Рденрант не хочет говорить об Ангелине, я тоже не буду касаться этого вопроса, но раз ему хочется видеть во мне умного коллегу, надо ему подыграть.

— Скажите, вы специально оставили в руке охранника кусок мундира? Он бросается в глаза.

Глаза его сузились, когда он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Вы очень наблюдательны, Вент,— бросил он.

— Дело практики,— ответил я, пытаясь одновременно изобразить скромность и честолюбие.— Этот кусок красной материи с пуговицей в руке охранника выглядел так, словно его оторвали в борьбе. В то же время, как я видел, все были одеты только в черное. Может быть, у этого другой смысл...

— Чем дальше, тем я больше радуюсь, что встретился с вами,— сказал он, обнажая все свои кривые зубы с выражением, которое, видимо, считал улыбкой.— Люди старого Дюка, как вы знаете, имеют красную ливрею...

— А старый Дюк является сильнейшей опорой Вильгельма IX,— закончил я за него.— И слабейшим не повредит, если он поссорится с королем.

— Не слабейшим...— повторил Рденрант, снова показывая мне все свои кривые зубы. Он начал вызывать у меня отвращение.

Однако, если он был доверенным лицом Ангелины, она, несомненно, сделала наилучший выбор. Но у него едва ли хватит широты воображения, чтобы представить идею Ангелины в полном объеме. Я думаю, что деньги и титулы, которыми она прельстилась, да еще амбиции — именно те качества. Непонятно было одно: где она сама.

Кто-то вошел в дверь, и я сжался, приготовившись к схватке. Это оказался всего лишь робот, но производящий такой лязг и грохот, что в пору было испугаться. Князь приказал этому чудищу принести выпивку и, когда тот повернулся, я увидел, что сзади из плеча у него торчит труба. В воздухе явственно чувствовался резкий запах угольного дыма.

— Этот робот, что, работает на угле? — хихикнул я.

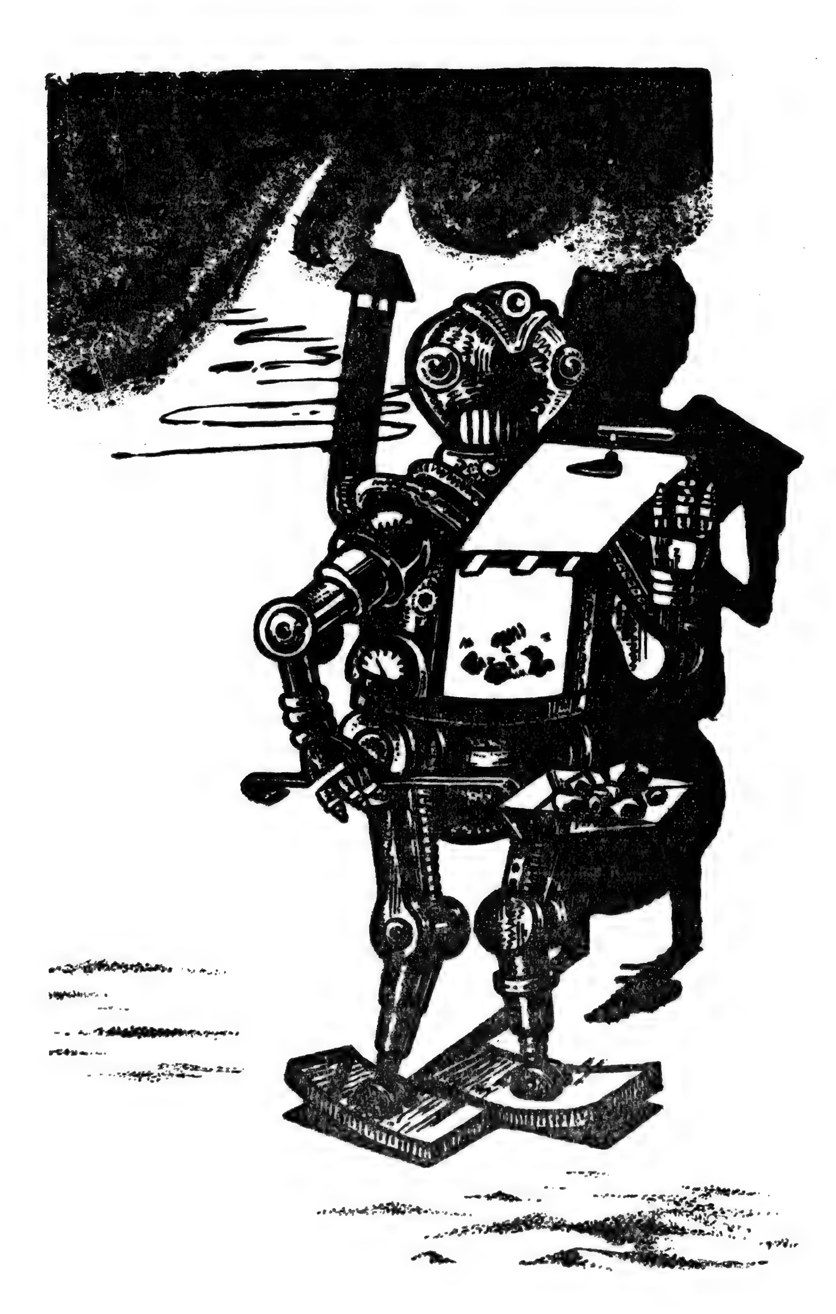
— Да,— бросил князь, наливая в стаканы.— Это прекрасный пример развала фрейбургской экономики, мудро руководимой Виллельмом Некомпетентным. Вы разве не видели таких уродов на улице в столице?

— Да вроде нет,— ответил я, тараща глаза на извергаемые клубы дыма и следы ржавчины и угольной пыли на корпусе робота.— Конечно меня долго не было... все меняется...

— Но не настолько быстро! И не демонстрируйте мне здесь, Дибстол, галактические замашки! Я был в Миттельдроссе и видел, как там живут. У вас вообще нет роботов, даже таких дрянных,— он в бессильной злобе отвесил монстру пинок, тот слегка качнулся и для поддержания равновесия щелкнул клапаном, пропуская пар в ножной канал.

— Двести лет прошло с того дня, как мы в Лиге, которая поит нас молочком и успокаивает, и для чего? Чтобы король во Фрейбурбаде купался в роскоши, в то время как мы получаем нескольких роботов с куриными мозгами и примитивнейшей системой управления. И должны строить малоэффективных роботов сами. Аппарат, который вы считаете автоматическим, может оказаться обычной лодкой с веслами.

Он осушил стакан, и я не стал объяснять ему экономику галактической коммерции, престиж планет и многочисленные уровни межкоммуникаций. Эта затерянная планета отрезана от основного потока галактической культуры. Могла пройти тысяча лет, пока после распада не установился контакт. Они должны возрождаться постепенно, без катаклизмов, которые могут нарушить этот процесс. Конечно миллиарды роботов могут быть присланы сюда завтра же. И что хорошего это принесет экономике? Наверняка много лучше ввезти на планету блоки управления, чтобы местные сами строили для себя то, что хотят. Если им не нравится конечный продукт, они могут улучшить схему вместо того, чтобы жаловаться.

Князь, конечно, в этом направлении не думал. Ангелина очень точно сыграла на его предрассудках и личном самолюбии.

Внезапно князь подался вперед и постучал по шкале на боку робота:

— Посмотрите на него! — крикнул он.— Давление упало на восемьдесят единиц! А дальше, как вы понимаете, он вообще перестанет соображать и рухнет на пол. Поддерживай давление, идиот, поддерживай давление!!!

Внутри робота что-то щелкнуло, он наклонился и поставил поднос со стаканами на стол. Я сделал большой глоток и стал с наслаждением наблюдать. Раздражающе медленно подкатившись к камину, он открыл дверцу у себя на животе, оттуда вырвалось пламя. Поддев угольным совком приличную порцию антрацита, он швырнул его в свое нутро, а затем снова захлопнул дверцу. Густой дым повалил из его трубы. Для внутренних помещений он, безусловно, не подходил.

— Вон, дубина, вон! — заорал князь, заходясь от кашля. Дым начал рассеиваться. Я решил выяснить все, что можно о Рденранте.

Нужно действовать активнее, если я хочу поймать Ангелину. Вся обстановка явно указывала на ее присутствие, а вот самой ее не было видно. В гостиной я встретил несколько офицеров из окружения князя. Один из них, Курт, молодой небогатый дворянин, показал мне замок, с башнями и небольшую слободу, обнесенную высокой стеной, отделявшей их от собственного города. Не наблюдалось никаких явных признаков плана князя. Невдалеке несколько волонтеров отрабатывали какие-то нудные приемы. Это выглядело слишком мирно, чтобы быть похожим на правду, ведь доставили же меня сюда. Это не случайно. Я деликатно задал Курту несколько вопросов, и он любезно на них ответил. Подобно большинству мелкопоместных дворян, он испытывал недовольство центральной властью, хотя, конечно, сам никогда ничего делать не собирался. Его завербовали, он был готов поддерживать планы, хотя сама идея была ему не очень ясна. То, что он не говорил мне всей правды, стало ясно в конце разговора.

Мимо нас прошли женщины, и Курт сказал, что это жены офицеров.

— А вы тоже женаты? — спросил я.

— Нет. Все не было времени. Когда все кончится и жизнь войдет в норму, можно будет и об этом подумать.

— Это верно,— согласился я.— А что князь? Он женат? Меня столько лет здесь не было, что я от всего этого отключился. Жены, дети и тому подобное.— Мне показалось, что при ответе он несколько замялся.

— Ну, можно сказать... Я знаю, князь был женат, но там что-то случилось, и теперь он холост...— Он запнулся и перевел мое внимание на что-то еще, уходя от предмета разговора.

Путь Ангелины всегда был отмечен трупами, наверное, имеются и сейчас один-два. Выглядит вполне правдоподобной ее связь со «случайной» смертью женя князя. Если бы смерть была естественной, Курт не стал бы уходить от разговора. Он замолчал, а я не допытывался. Хотя Ангелины не было на виду, ее следы окружают меня со всех сторон. Увидеть ее было только делом времени. Я могу прижать Курта и отыскать тех громил, что вытащили меня из тюрьмы. Поставить им выпивку, расположить к себе, а потом вытянуть из них все о человеке, который ими руководил.

Ангелина сама сделала первый шаг. Один из угольных роботов гремя и клацая, принес мне записку. Князь хотел видеть меня. Я пригладил волосы, натянул рубашку и отправился.

Когда я вошел, князь был твердо и устойчиво пьян. Кроме того, комната была заполнена табачным дымом, в его сигарах, по-видимому, был не только табак. Это означало, что он с утра был в расстроенных чувствах, но я не собирался быть в числе его утешителей.

Я изобразил исключите тьное внимание.

— Пора за дело, сэр? Вы для этого послали за мной? — спросил я.

— Садитесь, садитесь,— пробормотал он мне, указывая на кресло.— Угомонитесь. Хотите сигарету? — Он подтолкнул ко мне коробку, наполненную коричневыми цилиндриками.

— Нет, сэр, в настоящее время я не курю. Это ослабляет зрение и реакцию, спусковой крючок должен действовать безукоризненно.

Мысли князя витали где-то далеко, мне показалось, что он меня не слышит. Потирая щеку, он оглядывал меня сверху вниз. Наконец после внутренней борьбы, какое-то решение отразилось на его лице.

— Что вы знаете о семействе Радебрехен? — спросил он. Вопрос был настолько необычен, что ошарашил меня.

— Абсолютно ничего,— ответил я искренне.— А что?

— Нет, нет...— быстро ответил он, снова потирая щеку.

Голова у меня начала туманиться от воздуха комнаты. Как же он должен себя чувствовать?

— Пойдемте со мной,— сказал он, с трудом выбираясь из кресла.

Пройдя через многочисленные комнаты и залы в глубь здания, мы остановились у двери, похожей на все остальные, перед которой стоял охранник — грозного вида мускулистый тип со скрещенными на груди руками. В одной из них была зажата рукоять пистолета. При нашем приближении он даже не пошевелился.

— Он со мной,— сказал Рденрант охраннику брюзгливым тоном.

— Я должен обыскать его,— сказал охранник,— приказ.

Становилось все интереснее. Кто-то отдает приказы, которые не может нарушить князь, в его-то замке! Будто бы я не знал, кто. Кроме того, я узнал голос охранника. Он был в числе тех, кто забирал меня из тюрьмы. Он быстро и тщательно обыскал меня и отступил на шаг. Князь открыл дверь, и я последовал за ним, стараясь не наступать ему на пятки.

Теория теорией, а практика — практикой. Я был уверен, что встречу Ангелину, и все же увидеть ее за столом было подобно шоку. Словно электрический заряд пробежал по позвоночному столбу. Настал момент, которого я ждал долгое время. Необходимо взять себя в руки и надеть маску равнодушия с поправкой, конечно, на то, что перед здоровым молодым мужчиной оказалась привлекательная, соблазнительная особа. Конечно эта девушка была мало похожа на Ангелину, но сомнений не было. Изменились лицо и цвет волос, но и на новом лице сохранилось ангельское выражение, то же, что и раньше. Фигура, правда, за исключением может быть, небольших улучшений, практически осталась той же. Ее трансформация была поверхностной, не такой глубокой, как моя на этот раз.

— Это граф Дибстол,— сказал князь, останавливая на ней свой затуманенный взор.— Человек, которого вы хотели видеть, Энгела.

Итак, она осталась ангелом, только с другим именем. Это плохая привычка. Я знал нескольких людей, которые попались только потому, что выбрали свое новое имя слишком похожим на старое.

— Спасибо вам, Касситор,— сказала она.— Очень любезно с вашей стороны привести ко мне графа Вента,— добавила она все тем же пустым голосом.

Касси, видимо, ждал более теплого приема. Переступая с ноги на ногу, он бормотал что-то себе под нос. Однако Ангелина-Энгела оставила температуру приема той же, а может, опустила ее еще градуса на два, начав перебирать какие-то бумаги на столе. Несмотря на свое состояние, князь все понял. Он вышел, опять что-то бормоча, но на этот раз я расслышал короткое и грубое слово на местном диалекте. Мы остались одни.

— Зачем вы лгали, что служили в Звездной гвардии? — спросила она совершенно спокойно, продолжая копаться в бумагах. Я сделал намек на саркастическую улыбку и сбил несуществующую пылинку с рукава.

— Не мог же я рассказать этим прекрасным людям, чем я действительно занимался все эти годы,— глаза мои излучали простодушие.

— И чем же вы занимались, Вент? — спросила она все тем же ровным без эмоций голосом.

— А вот это уж мое дело,— ответил я в ее же тональности.— И, прежде чем отвечать на вопросы, я хотел бы узнать, кто вы и как оказалось, что вы имеете здесь больше влияния, чем великий Касситор? — Я решил идти напролом, но это ее не смутило, и она снова завладела инициативой в разговоре.

— Ну, поскольку у меня здесь большое влияние, я думаю, что вы пожелаете отвечать на мои вопросы. Не бойтесь шокировать меня. Вас удивит, сколько я о вас знаю.

— Нет, возлюбленная Ангелина, совсем не удивит. Но не мог же я все выложить без всякого сопротивления.

— Ведь за всей этой революцией и ее идеей стоите вы, не так ли? — сказал я скорее в утвердительной, чем в вопросительной форме.

— Да,— согласилась она положив бумаги на стол, чтобы видеть меня.

— Тогда вы должны знать. Я занимался контрабандой. Это очень интересное занятие, если знать, что и где брать. Через несколько лет я понял, что это наиболее выгодный бизнес. Однако в конце концов некоторые правительства увидели во мне опасного конкурента. Они хотели обкрадывать народ единолично. Под давлением обстоятельств я вернулся на свою тихую родину для отдыха.

Ангел мой не удовлетворился моими объяснениями и задал мне массу вопросов, показывающих ее полную осведомленность в этом деле. Я не боялся их, так как в свое время пропустил этим способом через свои руки мегасуммы. Волновался я только за детали, так как занимался этим еще в молодости, не достигнув профессиональных высот. Войдя в роль, я старался запомнить все, что говорил. Это был решающий момент, когда не допускалось ни малейшего намека или жеста, способных воскресить в ее памяти Скользкого Джима ди Гриза. Я должен казаться местным трутнем, витающим все еще в облаках вселенной.

Атмосфера нашей беседы с выпивкой и сигаретами была, конечно, подстроена, чтобы ослабить мой контроль над собой и дать мне возможность допустить ошибку. Я действительно пару раз соврал, но так, чтобы она отнесла это за счет моего мальчишеского задора. Когда напряжение спало, я попытался сам задать вопрос.

— Скажите, с вами никак не связана местная семья Радебрехен?

— Почему вы спрашиваете меня об этом? — произнесла она холодно и жестко.

— Ваш улыбчивый друг Касситор Рденрант спросил меня об этом перед тем, как идти сюда. Я сказал ему, что ничего не знаю. Это как-то связано с вами?

— Это... они хотят убить меня,— ответила она.

— Но это же гнусно... и отвратительно,— сказал я, принимая эффектную позу. Она ее проигнорировала.— Чем я могу вам помочь? — спросил я, возвращаясь к делу, раз моя мужская привлекательность на нее не действовала.

— Я хочу, чтобы вы были моим телохранителем,— сказала она и, когда я улыбнулся в ответ и открыл рот для тирады, перебила.— И, пожалуйста, избавьте меня от всяких комплиментов по поводу тела, которое вы будете с удовольствием охранять.

— Я только хотел сказать, что принимаю предложение.— Это была ложь, так как фраза, похожая на сказанную ею, вертелась у меня на языке. Я отметил себе, что, как это ни трудно перед Ангелиной, но расслабляться я не имею права.

— Расскажите мне что-нибудь о людях, которые хотят вас убить.

— Известно, что князь Рденрант был женат,— начала Ангелина, поигрывая стаканом, словно девочка.— Его жена

совершила самоубийство самым глупым образом. Ее семья — эти самые Радебрехены — думают, что это я убила ее, и хотят отомстить, убив меня. В этом заброшенном углу Фрейбурга еще сохранились обычаи вендетты, и эти богатые идиоты тоже ее исповедуют.

А вот теперь картина прояснилась. Князь Рденрант, прирожденный оппортунист, женился на дочери из этой семьи, чтобы увеличить свое состояние. Все было прекрасно, пока не появилась Ангелина. Не зная местных обычаев, связанных с мщением, она убрала со своего пути камень преткновения. Но что-то было сделано не так или князь где-то сплоховал, и возникла вендетта.

А теперь мой Ангел хочет просунуть мою нежную плоть между собой и убийцами. Я задал еще один вопрос:

— Это было самоубийство, или вы убили ее?

— Да, я убила ее,— сказала она.

Все наши карты лежали на столе. Решение было за мной.

~ ~ ~

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Итак, что же нужно делать? Я не собирался стрелять или бить ее по голове, чтобы арестовать. Нет, я собирался, конечно, ее арестовать, но потом, ведь нельзя же сделать это в цитадели князя. Кроме того, хотелось подробнее разобраться в деятельности князя, так как она была несомненно в компетенции Корпуса. Если я собирался вернуться, то с таким подарком мне было бы значительно легче это сделать.

Но вообще-то я не уверен, что захочу вернуться. Трудно забыть тот заряд, которым они пытались взорвать меня. В целом все было не так просто, в это дело оказались замешанными множество факторов. Находясь большую часть времени с Ангелиной, я откровенно любовался ею и забывал о телах, плавающих в космосе. Они приходили ночью и терзали мою совесть, но я всегда успевал заснуть раньше, чем они успевали сделать свое дело.

Жизнь была постелью из роз, и можно было наслаждаться ею, пока цветы не завяли. Наблюдать, как она работает, было истинным удовольствием. Если бы меня поставили к стенке и заставили признаться, я бы ответил, что кое-чему у нее научился. Она ведь самостоятельно организовала революцию на мирной планете, которая имела

много шансов на успех. В некоторой степени я ей помогал. Несколько раз она обращалась ко мне с вопросами и во всех случаях пользовалась моими советами и рекомендациями. Конечно, я никогда не свергал правительств, но криминальные законы везде одинаковы. Большую часть времени, особенно в первые несколько недель, я оставался телохранителем, защитником от покушения. Подобное положение, конечно, не могло не вызвать у меня иронической улыбки.

Существовал, однако, в нашем маленьком раю змей, имя которому было Рденрант. Из отдельных слов, услышанных в разных местах, я начал подозревать, что князь вовсе не жаждет быть революционером. Чем ближе был день выступления, тем бледнее он становился. К этому добавлялись его физические пороки. И однажды произошел конфликт.

Ангелина и князь совещались, а я сидел в приемной. Когда удавалось, я бессовестно подслушивал. И на этот раз, закрывая дверь, я оставил маленькую щелочку. Осторожно манипулируя пальцами, я расширил ее, пока не стали слышны голоса.

Князь почти кричал, в его голосе прослеживались недвусмысленные нотки попыток шантажа. Затем тон снизился и, как я ни прислушивался, ничего не услышал. Потом в его голосе послышалось хныканье, перемежаемое сахарной лестью. Ответ Ангелины был однозначен — громкое и решительное нет. Его вопль поднял меня на ноги.

— Но почему? Всегда только нет?! Хватит с меня!

Послышался звук рвущейся материи, что-то упало на пол и разбилось. Одним прыжком я влетел в дверь. Передо мной развернулась живописная батальная сцена. Одежда Ангелины была разорвана на одном плече. Князь стоял рядом, вцепившись пальцами, словно когтями, ей в руку. Выхватив пистолет, я рванулся вперед, но Ангелина была быстрее. Схватив со стола бутылку, она ловко ударила его по голове. Князь упал, как подкошенный. Подтянув разорванную блузку, она сделала останавливающий жест.

— Уберите пистолет, Вент... Все закончилось,— сказала она спокойно. Я подчинился, но только после того, как убедился, что князь без сознания и моя помощь не понадобится. Она справилась сама.

Когда я приподнялся, она уже уходила и пришлось ее догонять. Остановившись перед своей комнатой, она бросила:

— Ждите здесь!

Не нужно было быть слишком прозорливым, чтобы

понять, что наступают плохие времена. Придя в себя, князь непременно примет нужное решение и об Ангелине, и об революции. Я размышлял, обдумывая эти вопросы, когда она позвала меня.

На ее плечи был накинут платок, скрывающий разорванное платье. Внешне она выглядела спокойной, но блеск в глазах выдавал волнение. Я заговорил о том, что, как мне казалось, должно было беспокоить ее в первую очередь.

— Хотите, чтобы я присоединил князя к его родовитым предкам в семейном склепе?

Она отрицательно покачала головой.

— Он еще может пригодиться. Мне удается управляться с его темпераментом, держите и вы свой под контролем.

— С этим у меня все в порядке. Но неужели вы думаете, что после всего происшедшего можно будет с ним работать? У него, между прочим, серьезная травма головы.

Подобные мысли не обременяли ее, она отмахнулась рукой.

— Я все еще могу управлять им, и он будет делать все, что я хочу, разумеется, в определенных пределах. Ограничениями служат его собственные природные слабости, о чем я не знала, ставя его во главе восстания. Жаль, что трусость медленно разрушает первоначальную решительность его намерений. Но он все еще считается вождем, и мы должны использовать его в этом качестве. А сила и власть должны быть в наших руках.

Я человек решительный, но осторожный. Прежде чем ответить, я обдумал ее слова со всех сторон.

— Что означают это «мы» и «наша»? Где тут мое место?

Ангелина расположилась в кресле и откинула со лба свои прелестные золотые волосы. В ее улыбке было около двух тысяч вольт, и предназначалась она мне.

— Я хочу, чтобы вы участвовали в этом деле вместе со мной,— сказала она с теплыми интонациями.— Партнером. Мы пустим впереди князя Рденранта, пока не придет успех, затем устраняем его и все остальное делаем сами. Согласны?

— Да,— сказал я. Потом, с новым воодушевлением, снова: — Да...— впервые я был столь односложен, нужно было срочно собраться с мыслями.— И все-таки, почему я? Простой телохранитель, который заботится прежде всего о восстановлении своих украденных прав. Не велик ли скачок от мальчика на побегушках до председателя правления?

— Зачем спрашивать, если вы сами все понимаете? — сказала она и улыбнулась, отчего температура в комнате поднялась на добрый десяток градусов.— Вы можете руководить этим делом так же, как и я — вам это нравится. Мы вместе сделаем эту революцию и завоюем планету. Что вы на это скажете?

Пока она говорила, я ходил взад и вперед. Она встала, взяла меня за руку и остановила. Тепло ее пальцев жгло огнем сквозь рубашку. Ее улыбающееся лицо было прямо передо мной, а голос стал бархатным и низким. Такого я от нее никогда не слыхал.

— Это будет прекрасно. Обязательно! Ты и я... вместе!

Обязательно. Бывает, что иногда словами все не скажешь и тогда говорит ваше тело. Это был тот самый случай. Мои руки обняли ее, прижали к себе, мой рот приник к ее губам.

Она ответила мне тем же, ее руки лежали на моих плечах, губы были ласковыми. Продолжалось это столь мало, что впоследствии я не был уверен, было ли это вообще. Теплота внезапно исчезла, все стало плохо.

Она не боролась со мной, не пыталась оттолкнуть, но губы ее вдруг стали безжизненными, а глаза — совершенно пустыми. Она так и стояла, пока я не опустил руки и не отошел, потом снова села в кресло.

— Что случилось? — выдавил я из себя.

— Хорошенькое личико — это все, о чем вы думаете? — спросила она с рыданием в голосе. Страдания исказили ее лицо.— Все мужчины похожи... все вы одинаковы!

— Невероятно! — крикнул я в раздражении.— Вы же хотели, чтобы я вас поцеловал, не отрицайте! Что же изменилось за это время в ваших мыслях?

— А захотели бы вы поцеловать ее? — выкрикнула Ангелина в исступлении, которого я не мог понять.

Она дернула тонкую цепочку и, разорвав ее, швырнула мне висевший на шее медальон, еще теплый от тела. Под определенным углом ясно просматривалось изображение. Мне удалось кинуть только один взгляд на девушку, изображенную на медальоне. Что-то опять изменилось в мыслях Ангелины, она вырвала цепочку и стала толкать меня к двери. Дверь захлопнулась за мной, загремел тяжелый засов.

Не обращая внимания на удивленного охранника, я направился в свою комнату. Я должен был быть в восторге. С одной стороны, Ангелина выразила мне расположение,

пусть на мгновение. Но, с другой стороны, что означало это изображение?.. Зачем она носит его? Хотя я увидел его на один лишь миг, этого было достаточно. На медальоне была изображена молодая девушка, может быть, сестра. Генетические законы говорят, что возможно неопределенно большое число комбинаций. Эта девушка была отвратительно уродлива, другого слова не подберешь. И дело было не в горбатой спине, выпирающей челюсти или торчащем носе. Тут была комбинация черт, составляющих единое отталкивающее целое. Это вызовет отвращение у кого угодно...

Я понял, что непроходимо глуп. Да, Ангелина дала мне взглянуть на глубинные причины того, что изломало и исковеркало ей жизнь. Конечно! Девушкой на изображении была сама Ангелина!

Сразу много стало ясным. Сколько раз я, глядя на нее, удивлялся, как может такая испорченная сущность находиться в такой очаровательной упаковке? Ответ был ясен; я не видел первоначальной упаковки. Мужчина еще как-то может терпеть свою уродливость. Но что должна чувствовать в такой ситуации женщина? Как жить, когда каждое зеркало — твой враг, а люди отворачиваются, когда увидят тебя? И что делать, когда, к счастью или к несчастью, вы наделены острым наблюдательным умом, который все видит и сознает, делает неутешительные выводы, мучается от знаков отвращения?

Некоторые девушки могли бы покончить с собой, но не Ангелина. Я могу предположить, что сделала она. Презирая себя, ненавидя свой мир и людей в нем, она не испытывала угрызений совести, задумывая преступления для добычи денег. Денег для операции по исправлению какого-нибудь уродства. Потом еще денег, для следующей операции. Затем, когда кто-то попытался остановить ее, она легко, а возможно, и с удовольствием убила его. Медленный жуткий подъем через преступления к красоте, с достойным удивления разумом.

Бедная Ангелина, я мог бы пожалеть ее, если бы не убийства, которые она совершила. Бедная, несчастная девушка, которая выигрывала одни битвы, безнадежно проигрывая другие. Она сумела придать телу очарование, действительно ангельские формы, а мозг, который управлял всем процессом, постепенно деформировался, пока не стал таким же уродливым, как раньше тело.

Но если можно изменить тело, почему нельзя изменить мозг? Можно ли что-то сделать для нее?

Я так напряженно размышлял, что не мог усидеть в своей маленькой комнатке и вышел на свежий воздух. Близилась полночь, внизу должна быть охрана, все двери заперты. Я решил подняться наверх, в саду на крыше никого не было, можно будет прогуляться в одиночестве.

На Фрейбурге нет луны, но ночь была ясная, звезды давали достаточно света, чтобы видеть вокруг. Охранник на крыше приветствовал меня, когда я вышел. Был виден красный огонек сигареты у него в руке. Я должен был сказать ему что-то, но мысли были заняты совсем другим. Повернув за угол, я остановился и, облокотившись на парапет, стал смотреть на темные громады гор.

Что-то привлекло мое внимание, и через несколько минут я понял, что это. Охранник. Он был на посту и курил, хотя часовому это не положено. Может быть, я слишком придирался, но мне это не понравилось. В любом случае, поскольку это меня беспокоило, стоило вернуться и сказать ему несколько слов.

Его не было на обычном месте, это радовало, значит, ходит вокруг и наблюдает. Я пошел обратно и вдруг заметил сломанные цветы около края крыши. Это было совершенно невероятно, так как верхний сад был заботой и постоянной гордостью самого князя. Издали я увидел какое-то темное пятно среди цветов и понял, что дела очень и очень плохи.

Это был часовой, мертвый или присмерти. Мне не нужно было гадать, кто мог оказаться здесь ночью. Причиной была Ангелина. Ее комната была на верхнем этаже почти под этим местом. Я тихо подошел к краю и заглянул вниз. В пяти метрах ниже была видна белая площадка балкона перед ее окном и что-то темное и бесформенное, припавшее к стене. Мой пистолет остался в комнате. Это один из немногих случаев в моей жизни, когда я не выполнил всех мер предосторожности. Я должен был спасти Ангелину.

Все это в доли секунды промелькнуло у меня в мыслях, когда я взялся за край баллюстрады. Рука наткнулась на крохотный крючок, к которому была привязана веревка, практически невидимая, но крепкая, как канат. Убийца спустился с помощью специального приспособления, выпускающего из себя нить, подобно пауку. Нить представляла собой субстанцию, состоящую из одной мономолекулы,

способной выдержать вес человека. Если бы я решился спуститься по ней, то лишился бы пальцев, она была острее бритвы.

Я решил прыгать и вскочил на перила. Подо мной бесшумно открылось окно. Медлить было нельзя, я оттолкнулся и, целясь пятками в человека, полетел вниз.

В воздухе меня развернуло и я попал ему в плечо. Мы оба покатились по балкону. Древние камни задрожали, но выдержали. Падение слегка оглушило меня, но я надеялся, что его плечам досталось не меньше, чем моим ногам. Несколько секунд я был беспомощен, затем совладал с собой и пополз к нему. От удара из его руки выпал длинный тонкий кинжал, я увидел, как блеснуло его лезвие. Он успел к нему раньше и, зарычав, нанес удар, который, к счастью, не задел меня, а только пропорол рукав. Пока он не отскочил, я схватил его запястье с ножом и крепко сжал.

Это была безмолвная кошмарная схватка, цена которой, как мы оба хорошо понимали, была жизнь. Из-за ушиба ноги я не мог быстро встать, и он, более тяжелый и сильный, оказался наверху. Обеими руками я с трудом удерживал его руку со смертоносным кинжалом. Стояла мертвая тишина, слышалось только наше тяжелое дыхание.

Перевес начал клониться в сторону убийцы, вес и неумолимая сила делали свое — клинок понемногу опускался. Лезвие было совсем близко, но тут я заметил, что его вторая рука безжизненно висит. Она была сломана, а он даже не издал ни звука!

Никогда человек не сражается так отчаянно, как при борьбе за свою жизнь. Мне удалось вытащить из-под него одну ногу и, извернувшись, я ударил коленом в его сломанную руку. Он содрогнулся от боли. Я повторил удар. Сильнее. Пытаясь отстраниться, он потерял равновесие и согнул локоть, стараясь удержаться от падения. Вложив все силы, которые были в моем теле, я развернул его руку с лезвием вверх.

Это почти удалось мне, но он все-таки был сильнее, лезвие только слегка оцарапало его грудь. Я собрал все силы, чтобы повторить прием, по-видимому, безнадежный, но он внезапно содрогнулся и умер.

Хитростью меня не возьмешь, но это была не хитрость. Я почувствовал, как в спазме занемели его мускулы, когда он упал в сторону, но все равно не ослабил хватки, пока за мной не зажегся свет в окне. И только теперь

я увидел жуткие желтые пятна на лезвии ножа — мгновенно действующий нервно-паралитический яд. Там, где лезвие задело рукав моей рубашки, также остался желтый след. Я знал, что этот яд не нуждается во введении вовнутрь, он также хорошо действует и на обнаженную кожу.

С невероятной осторожностью, с дрожью в руках от усталости, я стянул рубашку. И только когда она была брошена поверх трупа, я расслабился и глубоко вздохнул.

Нога у меня действовала, хотя и сильно болела, я не сломал ее, а только сильно ушиб, так как мой вес она выдержала. Я открыл окно в комнату пошире и труп позади меня ярко осветился. Ангелина спокойно сидела на кровати, прижимая к груди одеяло, но в глазах виднелась тревога — она поняла, что произошло.

— Мертв,— сказал я хриплым голосом, прокашлявшись,— от собственного яда.— Я прошел в комнату, растирая ногу.

— Я спала и даже не слышала, как он открыл окно,— сказала она.— Спасибо.

Актриса, лгунья, убийца. Она играла сотни ролей, говорила с бесчисленными оттенками голосов. Но сейчас, в этих последних словах, чувствовалось неподдельное волнение. Эта попытка убийства произошла слишком быстро после предшествующей сцены. Ее защитная реакция еще не успела полностью возобладать над ее естественными эмоциями. Волосы рассыпались у нее по плечам, на ней была красивая ночная сорочка, сшитая из какого-то мягкого темного материала. Все события этой ночи давали мне право действовать смело. Я сел на постель и обнял ее за плечи. Медальон с разорванной цепочкой лежал на столике перед кроватью, я взял его в руки.

— Пойми, этой девушки не существует, она осталась только в твоей памяти,— сказал я.— Это все в прошлом. Ты была ребенком, а теперь ты женщина. Ты, может, и была этой девочкой, но теперь ты не она.

Я резко повернулся и выбросил медальон в окно, в темноту.

— Все это в прошлом, Ангелина,— крикнул я во все горло.— Ты это ты... только ты!

Я поцеловал ее, и на этот раз она не оттолкнула меня. Как я нуждался в ней, так и она нуждалась во мне...

~ ~ ~

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Как только рассвело, я отнес тело убийцы князю. Я был лишен удовольствия разбудить его, так как сержант охраны сделал это, обнаружив на крыше лежащего часового. Он был мертв от того же ядовитого кинжала. Начальник охраны и князь топтались вокруг тела в приемной и с недоумением рассуждали об этой непонятной смерти часового. Они не видели меня, пока я не бросил свой тяжелый груз рядом с телом часового, перепугав их.

— Вот убийца,— сказал я не без гордости.

Князь Касситор наверняка узнал тело, так как взглянув на него, резко вздрогнул. Несомненно, близкий родственник, родной брат жены или кто-то в том роде. Я думаю, он никогда не верил, что семейство Радебрехен осуществит угрозу мести.

Поведение сержанта охраны вызвало недоумение. Он перевел взгляд с князя на меня, на труп и обратно, и я удивился, как быстро носятся мысли в его мощной бритой голове. Тут была какая-то сложная завязка, и нужно выяснить, в чем дело. Я решил при первой же возможности поговорить с сержантом тет-а-тет. Князь стоял рядом с трупами, потирая щеку и хрустя пальцами и, наконец, велел унести их.

— Останьтесь, Вент,— сказал он, когда я собрался уйти. Я уселся в кресло, а он дождался, пока все ушли. Подойдя к бару, князь нацедил стакан местного самогона и, давясь, проглотил его. Наполнив второй, он вспомнил, что не мешало предложить и мне живительной влаги. Я не отказался и, посасывая ее, удивился его волнению.

Князь проверил замки на всех дверях и плотно закрыл окно. Отперев специальным ключом нижний ящик стола, он достал из него маленький электронный прибор с управлением и телескопической антенной на верхней крышке.

— Неплохая штука! — сказал я, когда он вытащил нтенну.

Он не ответил, только бросил на меня из-под бровей короткий взгляд и занялся регулировкой. И только когда на крышке зажегся зеленый индикатор, он успокоился.

— Вы знаете, что это такое? — спросил он, указывая на прибор.

— Конечно,— ответил я.— Они здесь не очень распространены, я познакомился с ними не на Фрейбурге.

— Они вообще не распространены,— сказал он, до-

биваясь максимальной яркости зеленого индикатора.— Насколько мне известно, этот экземпляр единственный на планете, и я хочу, чтобы вы никому не говорили о том, что вы его видели. Н и к о м у,— повторил он с ударением.

— Это меня не касается,— сказал я с наигранным отсутствием интереса.— Я думаю, что каждый человек имеет право на свои тайны.

Я сам любил тайны и множество раз пользовался снуп-детекторами. Они могли обнаружить электронное или волновое подслушивание любым устройством и немедленно оповестить об этом. Можно было обмануть их, но сделать это было чрезвычайно трудно. Пока никто не знал о детекторе, князь мог быть уверен, что его никто не подслушает. Но кому могло прийти в голову подслушивать здесь, в центре замка? Даже он должен знать, что снуп-приборы не могут работать на расстоянии. В воздухе резко запахло крысой, и я начал догадываться, что крыса — князь.

— Вы неглупый человек, граф Дибстол,— начал он, подразумевая под этим, что я значительно глупее его.— Вы путешествовали, видели другие миры и понимаете, как дики и отсталы мы здесь. Не отказывайтесь помочь сбросить петлю, которая затягивается вокруг шеи нашей планеты. Никакие жертвы не страшны, если они приближают час освобождения.— Он даже вскочил и опять вернулся к противной привычке хрустеть пальцами. Его голова сбоку, там, где Ангелина приложила бутылку, была заклеена пластырем, мокрым от пота. Я понял, что рана болит.

— Вы охраняете эту иностранку...— сказал князь, поворачиваясь боком, но все еще продолжая наблюдать за мной краешком глаза.— Она оказала нам определенные услуги в организации, но сейчас ставит нас в затруднительное положение. Уже имеется одно покушение на ее жизнь, и, вероятно, будут другие. Радебрехены — старая, известная семья, и присутствие иностранки для них невыносимо.— Он прихлебнул из стакана и перешел к основному.— Я думаю, вы можете выполнить ее работу так же хорошо, а возможно, и лучше. Как вы на это смотрите?

Без сомнения, или я был переполнен талантами, или на этой планете не хватало революционеров. Уже второй раз за сутки мне предлагали сотрудничество. Мне было ясно, что предложение Ангелины было искренним, а вот от слов

Касси Рденранта исходил дурной запах. Я решил продолжить игру, чтобы увидеть, к чему это приведет.

— Я польщен, князь,— ответил я.— Но что будет с иностранкой? Я не уверен, что ей понравится эта мысль.

— Это не важно, что ей понравится,— ответил он, слегка коснувшись повязки на голове. Затем, снова взяв себя в руки, он продолжил:

— Мы не можем быть с ней жестокими,— и его лицо исказила отвратительная лицемерная улыбка, которой я никогда не видел до сих пор.— Мы будем держать ее в заключении. У нее есть несколько преданных соратников, но об этом позаботятся мои люди. Вы будете с ней и арестуете ее в нужный момент. В тюрьме она будет в безопасности и не станет мозолить глаза, чтобы не навлечь на нас неприятности.

— Отличный план,— согласился я с энтузиазмом.— Меня не радует мысль заключить эту бедную женщину в тюрьму, но если так нужно, то я готов. Цель оправдывает средства.

— Вы правы, Вент. У вас замечательная способность вставлять афоризмы. Я с удовольствием запишу: Цель оправдывает средства.

И вот такой человек планирует революцию!!! Я напряг память, чтобы вспомнить подходящий к этому случаю афоризм, но мысли затемнила внезапная злость. Я вскочил на ноги.

— Если мы собираемся сделать это, князь, то незачем терять время,— сказал я.— Давайте назначим арест на 18.00, это даст на время обезвредить ее охрану. Я буду с ней в комнате и арестую ее, как только получу от вас сообщение об успешном завершении операции.

— Все правильно. Вы, как всегда, человек действия, Вент. Пусть будет так, как вы предлагаете,— он протянул руку и я, сдерживая волнение и отвращение, должен был пожать эту мягкую, влажную ладонь предателя.

Теперь прямо к Ангелине.

— Нас тут не подслушивают? — спросил я Ангелину.

— Нет, комната абсолютно чистая.

— У вашего друга, князя Касси, есть снуп-детектор. Не исключено, что у него имеются и другие приборы, например, для подслушивания, которые он мог бы установить здесь.

Эта мысль ни в малейшей степени не взволновала Ангелину. Она сидела перед зеркалом, расчесывая волосы.

Сцена, конечно, неуместная. Штормовые ветры надвигаются на революцию, грозя ее разрушить.

— Я знаю о детекторе,— бросила она, продолжая причесываться.— Это я ему подсунула... Правда, я его слегка доработала, чтобы на наших частотах он всегда показывал норму, даже когда я включаю подслушивающее устройство.

— И вы несколько минут назад слышали, что он сделал мне предложение убить ваших охранников, а вас заключить в подземную тюрьму?

— Нет, не слышала,— сказала она с таким изумительным самообладанием и спокойствием, которые всегда отличали ее поступки. Она улыбнулась мне в зеркало.— Я была занята воспоминаниями о прошедшей ночи.

О женщины! Они все смешивают вместе. Возможно, так для них даже лучше, но очень трудно для тех, кто находит, что эмоции и логика — разные вещи. Я должен заставить ее понять серьезность ситуации.

— Хорошо, пусть эти маленькие новости вас не волнуют,— сказал я, стараясь держаться спокойно.— Но есть и другие. Вовсе не Радебрехены послали убийцу прошлой ночью. Это сделал князь.

Это слегка подействовало. Ангелина оставила в покое волосы и глаза ее стали серьезными. Она не задавала никаких глупых вопросов, а ждала, что я скажу дальше.

— Я думаю, вы недооцениваете бешенство этой крысиной морды. Когда он вчера получил бутылкой по голове, это совершенно разъярило его. Наверняка, план уже готов, и вы только подтолкнули его. Сержант охраны опознал убийцу и связал его с князем. Это объясняет и то, как убийца попал на крышу и как он узнал, где вас искать. Слишком многое произошло после вчерашней стычки с Касситором Сварливым.

Пока я говорил, Ангелина вернулась к прическе и стала взбивать локоны. Она не ответила. Это полнейшее отсутствие интереса стало действовать мне на нервы.

— Так что же вы все-таки собираетесь делать? — не скрывая раздражения спросил я.

— А не кажется ли вам, что более важно понять, что вы собираетесь делать?

Она не подчеркивала вопроса, но за ним скрывалось многое. Я видел, что она наблюдает за мной в зеркало, поэтому отошел к окну, глядя на балкон и покрытые снегом вершины. Что я собирался делать? Это был вопрос куда более сложный, чем ей казалось.

Что я собирался делать? Участвовать в революции, к которой не имел ни малейшего отношения? Зачем я тут? Чтобы арестовать Ангелину для Корпуса? Об этом надо пока забыть. Но ответ надо найти! Мое тело было хорошо замаскировано, но я не рассчитывал на какое-то длительное общение. Конечно, Ангелина уверена, что убила меня и не станет заниматься моей идентификацией.

И тут меня осенило. Какие-то участки памяти могут забыть тот факт, но внезапно он может проясниться. Я вспомнил все, что сказал прошлой ночью: «Все это осталось в прошлом, все в прошлом, Ангелина!» Я сказал это, и она не возражала. Хотя она уже не Ангелина, здесь она Энгела.

Когда я повернулся к ней, на моем лице наверняка была написана растерянность, но она только загадочно улыбнулась и ничего не сказала. Но волосы причесывать перестала.

— Ты знала, что я не граф Дибстол? — выговорил я с трудом.— И как давно?

— Давно. Почти сразу же, как ты вошел сюда.

— Ты знаешь, кто я?..

— Настоящего имени я не знаю, если ты это имеешь в виду. Но я помню, какая злость во мне кипела, когда ты после огромной проделанной работы выжил меня из линкора. И помню глубокое удовлетворение, когда я стреляла в тебя во Фрейбурге. Теперь ты скажешь свое имя?

— Джеймс,— сказал я невесело.— Джеймс ди Гриз, известный в своей среде как Скользкий Джим.

— Прекрасно. Мое настоящее имя — Ангела. Я думаю, это была идиотская шутка моего отца, поэтому я с радостью увидела его в гробу.

— Почему ты не убьешь меня? — спросил я, догадываясь, как отошел в лучший мир ее отец.

— Зачем, дорогой? — спросила она проникновенным голосом.— Мы оба сделали в прошлом ошибки, и потребовалось много времени, чтобы понять, что мы с тобой похожи. Я могу точно также спросить, почему ты не арестуешь меня, ведь с этого все началось, не так ли?

— Да... но...

— Но что? Ты пришел сюда с этой целью, с этой мыслью, но не выдержал внутренней борьбы с собой. Поэтому я и не сказала, что узнала тебя. Я не знала, как все получится, но надеялась. Ты видишь, я не хотела убивать тебя, я знала, что ты любишь меня, это было

заметно сразу. Это отличалось от звериной похоти всех самцов, которые говорили, что любят меня. Им нравилась только моя плоть, а ты любишь меня всю, потому что мы с тобой — одинаковы.

— Мы не одинаковы,— сказал я, но не было убежденности в моем тоне. Она только улыбнулась.— Ты убивала и наслаждалась убийствами — вот наше основное различие. Понятно?

— Ерунда! — отмахнулась она.— Ты убил прошлой ночью — тоже неплохая работа,— и я не заметила никакого раскаяния. И даже, по-моему, отмечался определенный подъем?

Я почувствовал, будто петля затягивается на моей шее. Все, что она говорила, было неправильным, но я не мог сказать, где конкретно. Где выход? Как разрубить этот Гордиев узел?

— Давай покинем Фрейбург,— сказал я наконец.— Уйдем подальше от этого идиотского восстания. Здесь опять будут смерти, убийства.

— Мы уйдем, если сможем найти место, где нам будет хорошо,— отрезала Ангела с металлом в голосе.— Но это не главное. Ты должен поправить что-то у себя в голове, изменить точку зрения. Это глупое отвращение к убийству. Ты не понимаешь, что это совершенно тривиально. Через двести лет в Галактике умрут все, кто живет сегодня, и какая разница, если нескольким людям помочь достичь этого сегодня, чуть быстрее, если у них будет возможность, они сделают то же самое с тобой.

— Ты не права,— возразил я, понимая, что философия жизни и смерти значительно сложнее, но затрудняясь сформулировать свою точку зрения в этой нервной обстановке.

Ангела слишком сильный наркотик, и моя слабая воля не устояла, смытая потоком эмоций. Я прижал ее к себе и стал целовать, понимая, что хотя это и решает сиюминутные проблемы, но окончательное решение делается более трудным.

Тонкое пронзительное жужжание ударило мне в уши. Ангела тоже его услышала. Оторваться друг от друга было трудно. Я сел в кресло, а она подошла к видеофону и что-то переключила, спросив в микрофон. Я не слышал ответа, так как она отключила динамик и пользовалась наушником. Один или два раза она сказала «да», неожиданно посмотрев при этом на меня. Мне не было видно,

с кем она говорит, да и было все равно. Хватало других проблем. Закончив разговор, она на мгновение застыла, а я ждал, что она скажет. Но Ангела подошла к столу, открыла ящик и стала в нем копаться. Там было много интересных вещей, но она достала ту, которую я меньше всего ожидал увидеть. Пистолет. Большой, смертоносный, направленный на меня.

— Зачем ты сделал это, Джим? — спросила она и слезы застыли в уголках ее глаз.— Почему ты решил это сделать?

Она даже не слышала мой ответ, уйдя в свои мысли, хотя пистолет был направлен прямо мне в лоб. Внезапно она вернулась к действительности и злость блеснула в ее глазах.

— Да ты ничего и не сделал,— сказала она старым, жестким тоном.— Это я поверила, что один мужчина может отличаться от всех остальных. Ты преподал мне очень хороший урок, спасибо тебе.

— Ты что, совсем с ума сошла? — заорал я, ничего не понимая.

— Не разыгрывай из себя невинность,— сказала она, отступая назад и доставая из-под кровати маленький тяжелый чемоданчик.— Это я установила радарный пост. Я подкупила операторов, чтобы они мне сразу послали сигнал. Кольцо кораблей, как тебе хорошо известно, снижается из космоса и окружает нашу местность. В твою задачу входило отвлекать меня, как можно дольше. И этот план чуть не удался.— Она накинула на руку плащ и стала спиной отходить через комнату.

— Если я скажу, что я тут непричем, дам тебе самое большое честное слово, ты не поверишь мне? — спросил я.— Ничего я не дал, и не делал, и не знал об этом ничего.

— Оставь это для космических бойскаутов,— сказала Ангела издевательски.— Почему бы тебе не сказать правду? Ведь все равно ты умрешь через двадцать секунд.

— Я сказал правду.— Я хотел броситься на нее, но знал, что не успею.

— Прощай, Джеймс ди Гриз. Приятно было провести с тобой время. Позволь, уходя, доставить тебе последнюю радость. Все, что ты сделал для меня и против меня, было напрасным. Позади меня есть дверь и выход, о которых никто не знает. До того, как сюда прибудет полиция, я буду в безопасности. И еще скажу, что буду убивать, убивать и убивать. И никто не сможет меня остановить.

Ангела подняла пистолет на вытянутую руку и слегка коснулась курка. За ней повернулась панель, открывая черную дыру в стене.

— Не разыгрывай сцену, Джим,— сказала она брезгливо, глядя на меня поверх пистолета.— Я не попадусь на удочку. Эти широко раскрытые глаза, это удивление, как будто кто-то стоит у меня за спиной. Я не повернусь, ничего у тебя не выйдет.

— Знаменитые последние слова,— сказал я, отпрыгивая в сторону. Пистолет рявкнул, но пуля ушла в потолок. За ней стоял Инскипп, поймав пистолет, выбитый у нее из руки.

Ангела посмотрела на меня с ужасом, даже не пытаясь сопротивляться. Уже и наручники защелкнулись на ее тонких запястьях, а она все стояла так же неподвижно и молча. Я прыгнул вперед, выкрикивая ее имя.

Позади Инскиппа появились еще двое в форме Патруля, они забрали ее, а он запер дверь, чтобы я не бросился за ними. Я был такой же вялый и безучастный, какой прежде была Ангела.

~ ~ ~

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Выпьем,— сказал Инскипп, опускаясь в кресло Ангелы и доставая из кармана плоскую фляжку.— Бренди. Эрзац немного, но все же не местный из растворенной пластмассы.

— Сгинь... ты...— мучительно подбирая слова и выражения из своего межзвездного лексикона, я попытался выбить рюмку у него из рук. Он одурачил меня — поднял ее и без малейшего раздражения выпил.

— Это что, новый язык для общения с высшими офицерами Специального Корпуса? — спросил он, вновь наполняя рюмку.— Похоже, вы совсем забыли все порядки, совсем разболтались. У нас ведь не все дозволено.— Он опять собрался выпить, но тут уж я перехватил его.

— Зачем вы это сделали? — спросил я, все еще раздираемый страстями.

— Потому, что ты не сделал этого, вот почему. Операция закончена, ты выиграл ее. До сих пор у тебя был испытательный срок, а сейчас ты получаешь звание полного агеньч.

Он залез в карман и достал маленькую звездочку, сделанную из бумаги и покрытую золотом. Аккуратно лизнув ее, он торжественно прилепил мне ее спереди на рубашку.

— Силой данной мне власти,— продекламировал он торжественно,— произвожу тебя в полные агенты Специального Корпуса.

Итак, я достиг вершины карьеры — и засмеялся. Это был абсурд.

— А я думал, что уже выбыл из команды,— сказал я ему.

— Я не получил твоей отставки,— сказал Инскипп.— Да и это не имело бы значения. Ты не можешь уйти из Специального Корпуса.

— Да, но ведь я получил ваше сообщение о своем увольнении. Или вы забыли, что я украл корабль? А сигнал управления, полученный от вас, который должен был взорвать меня? Если я сижу здесь, то только потому, что успел вытащить запал.

— Да ничего подобного, мой мальчик,— вставил он, откидываясь и потягивая свою вторую рюмку.— Ты так настаивал на преследовании этой красотки Ангелины, что я подумал, ты можешь позаимствовать корабль до того, как мы дадим его тебе сами. Корабль, который ты взял, имел запал, как и всегда в таких случаях. Но только запал, а не заряд. Он был установлен так, чтобы взорваться через пять секунд после того, как его удалят. И все. По моему мнению, это придает определенную независимость мышлению перспективных агентов.

— Значит, все это было подстроено?

— Можно сказать, что так. Но я предпочитаю термин упражнение на ученую степень. Таким образом мы узнаем, будут ли наши «отловленные» новички действительно посвящать всю жизнь борьбе за закон и порядок. И они узнают тоже. Мы не хотим, чтобы впоследствии были сожаления о выбранном пути. Ты все узнал про себя, Джим?

— Узнал кое-что... я еще не совсем уверен, что все,— сказал я, не решаясь пока заговорить о мучившем меня вопросе.

— Это была прекрасная операция. Ты проявил большую фантазию в достижении цели.— Затем он нахмурился.— Но это дело с банком я не одобряю. У Корпуса есть все необходимое, в чем ты нуждаешься...

— Те же самые деньги,— возразил я.— Откуда берет их Корпус? От планетарных правительств. А где берут они? Налоги, конечно. А я взял прямо из банка. Страховое общество выплатит банку убытки, а затем объявит о меньшей прибыли за год, выплатив меньше налога правительству. Результат всего этого тот же, что и при вашем способе.

Инскипп был наверняка знаком с этой демагогией и не удостоил меня ответом. Я все еще не решался спросить об Ангелине.

— Как вы нашли меня? — спросил я.— Ведь на корабле не было багов.

— Наивное дитя природы! — Инскипп в притворном ужасе вскинул руки.— Как, ты действительно думаешь, что на наших кораблях нет багов? Он установлен так, чтобы его нельзя было найти, если не знаешь, где искать. Для твоего сведения, внешняя дверь космошлюза содержит сложную передающую систему, с помощью которой мы точно определяем расстояние.

— Почему же я не слышал его?

— Потому, что он не передавал. Я должен добавить, что дверь содержит и приемник. Передача ведется только в случае получения соответствующего сигнала. Мы дали тебе возможность достичь места назначения, а затем отследили его. Ты потерялся на некоторое время во Фрейбурге, но потом мы напали на след в госпитале, где ты устроил розыгрыш с трупами. Мы помогли тебе там. Госпиталь был глубоко возмущен, но мы их успокоили. После этого мы взяли под контроль хирургов и соответствующее оборудование. так как твой следующий шаг был очевиден. Я надеюсь, тебе будет приятно узнать, что ты носишь в своей грудине микропередатчик.

Я посмотрел на грудь, но ничего не сказал.

— Подвернулась слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить,— продолжал Инскипп.— Однажды ночью, когда ты крепко спал от снотворного, а милый доктор дорвался до алкоголя, который оказался в одной из продуктовых посылок, наш хирург Корпуса сделал тебе маленькую операцию.

— А потом вы следили за каждым моим шагом?

— Вообще-то да, но ты мог бы вести себя по-другому, если бы знал, что мы здесь.

— Почему же вы пришли? — спросил я.— Ведь я не «свистал всех наверх».

Это был для меня важный вопрос, и Инскипп подумал, прежде чем ответить.

— Это верно,— сказал он, потягивая бренди.— Я люблю, чтобы у новичка, сидящего на привязи, была достаточная уверенность и длинная веревка, но не настолько, чтобы он мог на ней удавиться.

Что я мог сказать?

Его голос стал мягким и сочувствующим:

— Арестовал бы ты ее, если бы мы не пришли?

— Не знаю,— честно ответил я.

— Хорошо, что я сделал по-своему, черт возьми! — ругнулся он со злостью.— А то наша мультиубийца уже сбежала бы!

— Отпусти ее,— крикнул я, схватив его за рукав куртки,— отпусти ее, я тебе говорю!

— И ты хочешь, чтобы она вернулась к прежнему состоянию, к прежнему образу жизни? — спросил он.

Хочу ли я? Я не мог ответить. Я думал об этом, пока он поправлял складки своей куртки.

— Тяжелая для тебя ситуация,— сказал Инскипп, завинчивая бутылку.— Линия между добром и злом, правотой и неправотой может быть очень тонкой. А при эмоциональном возбуждении ее почти невозможно увидеть.

— Что с ней будет?

Он заколебался.

— Только правду, какая бы она не была.

— Хорошо. Только правду. Не обещаю, но психологи попробуют что-нибудь сделать для нее. Если они смогут найти причину, породившую это отклонение, но это не всегда удается.

— Только не в этом случае. Я подскажу им.

Он посмотрел на меня с удивлением, вознаградив слегка мое самолюбие.

— В таком случае есть шанс. Я отдам соответствующее распоряжение, чтобы были испробованы все другие возможности, прежде чем поставить вопрос об уничтожении личности. А если и придется пойти на это, она останется человеком, каких много в галактике. Приговоренная к смерти, она станет трупом, которых тоже не меньше.

Я отобрал у него фляжку, пока он не убрал ее в карман.

— Я знаю вас, Инскипп, и не морочьте мне голову. Когда вы кого-нибудь поймаете, вы его вербуете.

— Это верно,— сказал он.— Она будет отличным агентом.

— Мы составим суперкоманду,— сказал я.

И мы подняли бокалы. За преступников!

~ ~ ~

МЕСТЬ КРЫСЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я стоял в очереди, такой же терпеливый, как и другие налогоплательщики, сжав в горячей руке свои заполненные декларации и наличные. Наличные деньги, старомодные, складывающиеся купюры. Местный обычай, который я намеревался сделать для местных жителей достаточно дорогостоящим. Я почесывался, сунув палец под фальшивую бороду, вызывавшую отвратительный зуд, когда стоявший передо мной мужчина убрался с дороги и я оказался перед окошком. Клей некстати приклеил мой палец, и мне пришлось потрудиться, чтобы освободить его, не сорвав заодно и бороду.

— Скорей, скорей давайте их сюда! — поторапливала пожилая, топорнолицая, злая и сварливая служащая, нетерпеливо протягивая руку.

— Напротив, — возразил я, предоставляя возможность документам и банкнотам упасть и открыть внушительный пистолет 0,75 калибра, который я держал в руке. — Вы давайте их сюда. Все эти налоговые деньги, выжатые Вами из этих бараноподобных сосунков — я имею в виду население этой отсталой планеты.

Я улыбнулся, чтобы показать, что я не шучу, и она поперхнулась криком. Это была широкая улыбка, показавшая все мои зубы, которые я покрыл ярко-красными пятнышками, что окончательно склонило ее на надлежащий курс действий. Она подталкивала деньги ко мне, а я набивал ими свое длинное пальто — его подкладка состояла из множества глубоких карманов.

— Что Вы делаете?! — ахнул стоявший позади меня человек, выпучив глаза, ставшие похожими на огромные белые виноградины.

— Беру деньги, — ответил я и сунул ему одну из пачек. — Почему бы Вам самому не подобрать малость?

Он рефлекторно поймал пачку и уставился на нее. И в этот момент сработала сигнализация. Я услышал, как с треском закрылись двери. Кассирша сумела-таки включить сигнал тревоги.

— Совсем неплохо для Вас, — похвалил я ее. — Но пусть эта мелочь не мешает Вам продолжить выдачу наличных.

Она разинула рот и начала было ускользать из поля моего зрения, но взмах пистолетом и еще одна молния моих карминных зубов восстановил ее равновесие, и поток банкнотов продолжился. Люди начали суетиться вокруг меня, а тут еще появились размахивающие пистолетами охранники, с энтузиазмом высматривающие, в кого бы пострелять, поэтому я включил радиореле в своем кармане. По всему банку прозвучала серия взрывов: я заблаговременно подложил во все мусорные корзины газовые бомбочки. После этих приятных звуков послышались еще более очаровательные вопли клиентов. Я прекратил прятать деньги на время, достаточное для того, чтобы надеть защитные очки и хорошенько их приладить. Заодно я плотно закрыл рот, так что вынужден был дышать через затычки-фильтры в ноздрях.

Это было завораживающее зрелище. Затемняющий газ невидим и не имеет запаха, но он содержит химическое вещество, действующее почти мгновенно и вызывающее паралич зрительных нервов. Через пятнадцать секунд все в банке ослепли.

Все, за исключением Джеймса Боливара ди Гриза, то бишь меня, человека многих талантов. Насвистывая сквозь зубы счастливый для меня мотивчик, я разложил по карманам оставшиеся деньги. Моя благодетельница ускользнула наконец из моего поля зрения и теперь несдержанно визжала где-то за стойкой. Так же, как и масса других людей. Их было много, шаривших вслепую, когда я прокладывал себе дорогу через этот маленький бедлам. Жуткое ощущение все-таки — кривой среди слепых, и все такое. Снаружи уже собралась толпа: в сладостном ужасе они прижимались к стеклам и стеклянным дверям, следя за разворачивающейся внутри драмой. Я помахал им рукой и улыбнулся, в результате чего они в панике рванули от двери. Я отстрелил замок, ориентировав пистолет таким образом, чтобы пули провизжали над самыми их головами, а потом пинком от-

крыл дверь. Прежде чем выйти самому, я отыскал в кармане то что мне было нужно и швырнул зуду на тротуар. Затем я быстро сунул в уши затычки.

Зуда завизжала и все начали быстренько рассеиваться. Вам приходится быстренько рассеиваться, когда вы слышите одну из этих штук. Они испускают смешанный компот из дьявольских звуков на децибельном уровне крупного землетрясения. Некоторые слышимые звуки напоминают усиленное поскребывание ногтем по школьной доске или ножом по тарелке, в то время как другие — инфразвуковые — вызывают ощущение паники и близкой смерти. Зуда — безвредная и высокоэффективная штука. Когда я подошел к только что затормозившей у тротуара машины, улица в остальном была пуста. Голова у меня подергивалась от инфразвуковых колебаний, для которых затычки не были преградой, и я был более чем счастлив проскользнуть через открытую дверцу и расслабиться, в то время как Ангелина вела машину вперед по улице.

— Все прошло отлично? — спросила она, не сводя глаз с дороги, когда на двух колесах свернула за угол. Вдали завыли сирены.

— Как кусок торта. Гладко, как касторовое масло...

— Твоя улыбка оставляет желать много лучшего.

— Извини. Отголоски несварения желудка сегодня утром. Но мое пальто набито большим количеством денег, чем нам может понадобиться.

— Как мило! — рассмеялась она. Эта неотразимая улыбка, этот наморщенный носик! Я так и жаждал куснуть его или, по крайней мере, поцеловать, но удовольствовался товарищеским похлопыванием по плечу, поскольку сейчас все ее внимание должно было быть сосредоточено на управлении машиной. Я сунул в рот жевательную резинку, чтобы удалить красную эмаль с зубов, и начал сдирать свою маскировку.

Я менял свою внешность, и одновременно со мной то же делала наша машина. Ангелина свернула в боковую улицу, нашла еще более тихую улочку и поехала по ней. Никого не было видно. Она нажала на соответствующую кнопку. Ого! Нынешняя техника способна проделывать весьма интересные вещи! Слезли номера, открывая другие цифры — впрочем, этот трюк слишком прост для того, чтобы его обсуждать. Ангелина включила дворники на ветровом стекле, тогда спереди брызнули струи любопытного катализатора: там, куда они попадали, голубая краска становилась ярко-

красной, за исключением верха машины, который стал прозрачным. Так что через несколько минут мы сидели под прозрачным колпаком, обозревая окружающий нас мир. Многое из того, что на вид было хромированной сталью, растворилось, отчего изменился не только внешний вид машины, но и ее марка. Как только этот процесс был завершен, Ангелина спокойно повернула за угол и поехала обратно, в том направлении, откуда мы прибыли. Ее рыжий парик был заперт вместе с моей маскировкой, и я подержал руль, пока она надевала внушительного вида солнцезащитные очки.

— Куда дальше? — спросила она, когда стая визжащих полицейских машин рванула в противоположном направлении.

— Я думал о побережье. Ветер, солнце, песок и тому подобное. Вещи здоровые и укрепляющие.

— Немного слишком укрепляющие, если ты понимаешь, что я хочу сказать! — Она похлопала себя по округлой выпуклости живота с более чем удовлетворенной улыбкой. — Ему уже шесть месяцев, седьмой идет, так что я чувствую себя не так уж спортивно. Что, кстати, напоминает мне о...

Она, хмурясь, взглянула на меня, а затем снова перенесла свое внимание на дорогу.

— Ты обещал сделать из меня честную женщину, так что мы можем назвать это медовым месяцем.

— Любовь моя... м-м... — произнес я и со всей искренностью сжал ее руку. — В первый же возможный миг. Я не хочу делать из тебя честную женщину — это было бы физически невозможно, поскольку у тебя ум столь же воровского склада, как и у меня. — Но я, разумеется, женюсь на тебе и надену самое дорогое...

— Краденное!

— Колечко на этот изящный пальчик. Обещаю. Но в ту самую секунду, когда мы попытаемся зарегистрировать брак, наши данные скормят компьютеру, и игра будет сделана. Нашему маленькому отпуску конец.

— Ты будешь на крючке всю жизнь! Так что, я думаю, мне лучше схватить тебя теперь, прежде чем я стану слишком круглой, чтобы бегать и ловить тебя. Мы поедем на твой курорт и насладимся одним — последним — днем безумной любви. А завтра, сразу после завтрака, мы поженимся. Обещаешь?

— Есть только один вопрос...

— Обещаешь, Скользкий Джим? Я знаю тебя!

— Я даю тебе слово! За исключением того...

Она резко затормозила, и я вдруг понял, что гляжу в дуло моего собственного пистолета. Калибра 0,75, без отдачи. И выглядело оно очень большим. Палец ее побелел на спусковом крючке.

— Обещай мне, ты, быстромыслящий, скользкий, хитрый аферист, или я выпущу мозги из твоего черепа!

— Дорогая, ты все-таки любишь меня!

— Конечно, люблю. Но если я не смогу заполучить тебя целиком живым, я заполучу тебя мертвым. Говори!

— Мы поженимся завтра утром.

— Некоторые мужчины... их так трудно убедить!.. — прошептала она, бросая пистолет мне в карман, а себя — в мои объятия. Затем она поцеловала меня так, что я обнаружил, что чуть ли не с нетерпением ожидаю завтрашнего утра.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Куда это ты направился, Скользкий Джим? — осведомилась Ангелина, высунувшись из окна нашего номера наверху. Я остановился, уже коснувшись ворот.

— Просто хочу по-быстрому окунуться, любовь моя, — крикнул я в ответ и распахнул ворота. Пистолет калибра 0,75 рявкнул, и обломки ворот разлетелись вокруг меня.

— Распахни халат, — без злости сказала она, одновременно сдувая дымок с дула пистолета.

Покорившись судьбе, я пожал плечами и распахнул пляжный халат. Ноги мои были голыми, но сам я, разумеется, был полностью одет, с закатанными штанами и ботинками, заткнутыми в карманы пиджака. Она понимающе кивнула.

— Можешь возвращаться наверх. Ты никуда не уйдешь.

— Конечно, не уйду! — (Горячее негодование). — Не такой я парень. Я просто хотел пощипать по лавкам и...

— Наверх!

Я пошел. В аду не придумано фурии, сравнением с которой можно было бы описать мою Ангелину... Врачи из Спецкорпуса вытравили из нее человекоубийственные наклонности, развязали запутанные узлы ее подсознания, приспособили ее для более счастливого существования, чем позволяли обстоятельства прежде. Но, когда дело доходило до решающего момента, она снова становилась прежней

Ангелиной... Я вздохнул и, тяжело поднимая словно свинцом налитые ноги, побрел вверх по лестнице. И почувствовал себя еще более немыслимым извергом, когда увидел, что она плачет.

— Джим, ты меня не любишь! — Классический гамбит со времен первой женщины в райском саду, на который, однако, до сих пор нет достойного ответа.

— Люблю, — запротестовал я и сказал правду. — Но это просто рефлекс. Или что-то вроде этого. Я люблю тебя, но жениться... Это... ну, вроде как отправиться в тюрьму. А туда меня за все годы воровской жизни ни разу не сажали.

— Это освобождение, а не плен, — сказала она и произвела некие действия над своей косметикой, устранившие овраги от слез. Я в первый раз заметил, что на губах у нее была помада в тон ее белому платью и маленькой кружевной штучке в волосах.

— Просто это то же самое, что нырнуть в холодную воду, — сказала она, встав и потрепав меня по щеке. — Покончим с этим быстро, чтобы не почувствовать этого. А теперь раскатай свои брюки и надень ботинки.

Я так и сделал, а когда выпрямился, то увидел, что дверь открыта и в соседней комнате стоят Магистр Бракосочетаний и двое свидетелей. Ангелина взяла меня за руку — мягко, отдаю ей должное, — и в тот же миг воздух наполнили могучие аккорды органа (в записи). Она потянула меня за локоть. Я немножко посопротивлялся, а затем, пошатываясь, двинулся вперед. И в этот миг глаза мои, казалось, застлал серый туман.

Когда тьма рассеялась, орган умирающе проблеял последние ноты, дверь закрылась за удаляющимися спинами, а Ангелина перестала восхищаться своим украшенным колечком пальцем на срок, достаточный для того, чтобы поднять свои губы к моим. У меня едва хватило силы воли, чтобы сперва поцеловать ее, а уж потом застонать.

На буфете стояла целая батарея бутылок и мои подергивающиеся пальцы потыкались в них и безошибочно отыскали шишковатую бутылку с «Потом Сириусской Пантеры», могучим напитком с такими отвратительными постэффектами, что его продажа запрещена на большинстве цивилизованных планет. Большой бокал этого пойла незамедлительно оказал свое действие, и я поспешил налить второй. Этого было достаточно, чтобы я погрузился в свои онемевшие мысли. Видимо, за этим занятием я провел определен-

ное время, потому что, когда я был из этого состояния выведен, Ангелина уже надевала брюки и свитер, а рядом с ней пребывали в ожидании наши упакованные чемоданы. Я испустил сдавленный стон.

— Хватит личных оргий, — без злости сказала она. — Сегодня вечером мы все это отпразднуем, но сейчас мы должны немедленно двигаться. Запись о браке будет занесена в любой момент, а когда наши имена и фамилии попадут в компьютер, он засветится, как публичный дом в день получки. Полиция рада будет повесить на нас большинство преступлений, совершенных за последние два месяца, копы кинутся за нами с лаем и пеной у рта.

— Мо-о-лчать! — приказал я покачиваясь. — О-образ знакомый. Доставай машину и уезжаем.

Я предложил было помочь ей с чемоданами, но к тому времени, когда я передал эту информацию, она уже была с ними на полпути вниз по лестнице. Каким-то образом я тоже добрался до двери. Машина стояла снаружи, гудя от невыпущенной на волю мощи, с открытой дверцей и Ангелиной за рулем, которая постукивала ногой с равно невыпущенным на волю нетерпением. Когда я, спотыкаясь, влез в машину, первые щупальца реальности начали проникать через онемевшую кору моего головного мозга. Эта машина, подобно всем другим нелетающим машинам на Камате, приводилась в движение паром, а пар генерировался сжиганием разновидности торфа, скармливаемого в топку хитрым и без нужды усложненным устройством. Требовалось, по крайней мере, полчаса поднимать пары, чтобы получить возможность двигаться. Ангелина, должно быть, разожгла топку перед бракосочетанием и распланировала также все последующие шаги. Моим единственным взносом во все это было индивидуальное остаканивание, которое никак нельзя было рассматривать, как серьезную помощь. Я содрогнулся от мысли о том, что это означало для меня в ближайшем будущем, но все же был вынужден сделать именно этот шаг.

— У тебя есть скоровытрезвляющая таблетка? — хрипло спросил я.

Она оказалась у нее в ладони, и это обнаружилось до того, как я успел закончить фразу. Маленькая, круглая, розовая, с черным черепом и скрещенными костями на ней. Протрезвляющее изобретение какого-то безумного химика, действующее как метаболический пылесос. В считанные минуты после попадания в лужу соляной кислоты в

желудке ингредиенты производят блицкригатаку через кровеносную систему. При этом не только удаляется весь алкоголь, но и напрочь вытравливаются также все побочные продукты, связанные с пьянством, так что обрабатываемый субъект мгновенно становится мертвецки трезвым и болезненно осознает это.

— Я не могу принять ее без воды, — промямлил я. И заморгал при виде пластиковой чашки в другой ее руке. Пути назад не было. С внутренним содроганием я щелчком отправил эту штучку в глубину горла и осушил чашку.

Говорят, что это не занимает много времени, но при этом имеют в виду объективное время. Субъективное же время тянется часами. Это крайне необычный опыт, и его трудно описать. Вообразите, если вам угодно, какое возникнет ощущение, если вы вставили в рот брандспойт шланга, а затем пустите на полную мощность холодную воду. В следующий миг эта вода начнет хлестать мощными струями из всех отверстий вашего тела, включая поры, и это будет длиться до тех пор, пока вы не будете отмыты дочиста.

— Уф... — слабо произнес я, выпрямляясь и вытирая лоб носовым платком.

Мы пронеслись мимо маленькой деревни; за окнами замелькали отдельные фермы. Ангелина вела машину спокойно и эффективно, а паровой котел весело гудел, съедая очередной брикет торфа.

— Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше? — Она выехала на транспортную развязку и покинула ее уже по другой дороге, бросив лишь один быстрый взгляд на карту. — Из-за нас поднята тревога — армия, флот, все.

— Откуда ты...

— Слышала их команды по радио.

— Мы оторвемся?

— Сомневаюсь. Если ты быстро не выдашь какую-нибудь светлую мысль, то нет. Они создали прочное кольцо вокруг района, с воздушным прикрытием, и теперь сжимают его.

Я все еще отходил от героического излечения с помощью вытрезвляющей пилюли и никак не мог мобилизовать свой ум. Существовала прямая связь между моими спутанными мыслями и голосовыми связками, работающими без вмешательства цензора разума.

— Великолепное начало брака. Если брак похож на такое, то неудивительно, что я избегал его все эти годы.

Машина свернула с дороги и с содроганием остановилась

в густой траве под деревьями с голубой листвой. Ангелина выскочила, хлопнув дверцей, и протянула руку за своим чемоданом, прежде чем я успел отреагировать. Я попытался заговорить с ней:

— Я дурак...

— Я тоже дура, раз вышла за тебя замуж. — Глаза ее были сухими, а голос — холодным. Все эмоции под жестким контролем. — Я обманом и с помощью ловушки вынудила тебя вступить в брак, потому что, по-моему, именно этого ты и хотел. Я была неправа, а потому дело это будет закончено прямо сейчас, Джим. Ты создал для меня новую жизнь, и я думала, что смогу сделать то же самое для тебя. Приятно было с тобой познакомиться. Спасибо тебе, и до свидания.

К тому времени, когда она закончила, мои мысли сгустились в нечто, приблизительно напоминающее их нормальный облик. Теперь я был готов действовать, невзирая на слабость. Я выскочил из машины, прежде чем она закончила свой монолог, и встал перед ней, загораживая ей дорогу и предельно мягко держа ее за руки.

— Ангелина, я скажу тебе это только раз и, вероятно, никогда в своей жизни не повторю. Так что слушай хорошенько и запоминай. Одно время я был самым лучшим аферистом в Галактике, прежде чем меня закатали в Спецкорпус помогать ловить других аферистов. Ты была не только аферисткой, но и более серьезной преступницей-убийцей с этаким веселым садизмом. — Я почувствовал, как ее тело вздрогнуло в моих руках, и сжал ее крепче. — Это должно быть сказано, потому что именно такой ты и была. Ты больше не такая. У тебя были причины быть такой, и эти причины были устранены, а некоторые несчастные выверты в твоей в остальном не испорченной коре головного мозга выправлены. И теперь я люблю тебя. Но я хочу, чтобы ты помнила, что я любил тебя и тогда, во времена твоих нереконструированных дней, что говорит о многом. Так что если сейчас я буду фыркать, как олень в упряжке, или со мной трудно будет иметь дело по утрам, ты помни, о чем я сказал, и делай допуски. Заметано?

Явно, да. Она уронила чемодан мне на ногу, но я не посмел вздрогнуть, обняла меня, расцеловала и опрокинула в траву. Я провел время весьма весело, отвечая на ее поцелуй. Полагаю, вы назвали бы это новобрачным эффектом. Жутко забавно...

Мы замерли, когда пара махоциклов застонала и затормозила у нашей машины. Махоциклами пользовались

только полицейские, поскольку они двигались намного быстрее, чем торфяные паровики. Махоцикл — трехколесная машина с большим маховиком под кожухом между двумя задними колесами. На ночь их подключали к моторному генератору, который разгонял маховик до высшей скорости. Днем маховик генерировал электричество, приводившее в действие моторы каждого колеса. Машины очень эффективные и бездымные. И очень опасные.

— Это та самая машина, Поддер! — заорал один из полицейских, стараясь перекрыть голосом непрерывные стоны маховиков.

— Я вызову подмогу. Они не могли уйти далеко. Теперь они наверняка в нашем капкане!

Ничто так не бесит меня, как безапелляционные заверения мелких чиновников. О, да, мы действительно теперь в капкане. Я глухо заворчал, когда другой некомпетентный субъект в мундире, порыв носом вокруг машины, разинул рот при виде нашего уютного гнездышка в траве. Он все еще стоял с разинутым ртом, когда моя рука метнулась вперед, обхватила его шею, плотно сжала горло и притянула его к нам. Забавно было смотреть, как у него вывалился язык, вылезли глаза и покраснело лицо, но Ангелина все испортила. Она сбила с него шлем и стукнула его резко — и точно — по макушке каблучком своей туфли. Он отключился, а я не дал ему упасть.

— И ты все это говорил обо мне, — прошептала она, моя новобрачная. — В твоей собственной натуре можно найти куда больше, чем налет старого садизма.

— ...Я вызвал. Все уже знают. Теперь мы наверняка их найдем, — с энтузиазмом заявил второй полицейский, но голос оборвался под зубную дробь, когда он уставился в ствол укрощающего пистолета своего помощника. Ангелина выудила из сумки сонную капсулу и раздавила ее у него под носом.

— А теперь что, босс? — спросила она, мило улыбаясь двум фигурам в черных мундирах с медными пуговицами у обочины дороги.

— Я думаю об этом, — сказал я и потер челюсть, дабы доказать это. — У нас было свыше четырех месяцев беззаботных каникул, но все хорошее должно когда-нибудь кончиться. Мы можем продлить наш отпуск. Но он будет, мягко говоря, лихорадочным, пострадают люди... Да и ты... хотя фигура твоя прекрасна, но она не совсем подходящая для бегства, погонь и вообще грязной работы. Не вер-

нуться ли нам на службу, с которой мы сбежали?

— Я надеялась, что ты это скажешь. Тошнота по утрам и потрошение банков как-то не совмещаются. Забавно будет вернуться.

— Особенно, если учесть, что они будут так рады нас видеть. Учитывая, что они отвергли нашу просьбу об отпуске, и нам пришлось украсть почтовую ракету.

— Не говоря уже о деньгах на мелкие расходы, которые мы крали, потому что не могли прикоснуться к своим банковским счетам.

— Правильно. Следуй за мной, и мы сделаем это с шиком.

Мы стащили с полицейских мундиры и бережно уложили похрапывающих блюстителей порядка на заднее сидение машины. У одного из них нижнее белье было в розовую крапинку, в то время как у другого — утилитарно черное, но отороченное кружевом. Таков мог быть здешний обычай одеваться, но у меня это вызвало кое-какие потаенные мысли насчет полиции на Камате, и я был рад, что мы отбываем. Надев мундиры, шлемы и очки-консервы, мы, весело гудя, понеслись по дороге на своих махоциклах, помахивая танкам и грузовикам, с ревом двигающимся в противоположную сторону.

Прежде чем зазвучали разоблачительные крики и вопли, я затормозил посреди дороги и просигналил остановиться бронемашине. Ангелина развернула свой махоцикл позади них, чтобы они не нашли созерцание беременного полицейского слишком отвлекающим.

— Мы загнали их в угол! — крикнул я. — Но у них есть радио, так что не объявляйте об этом по радиосвязи. Следуйте за мной.

— Ведите! — крикнул водитель, а его напарник закивал, соглашаясь, тогда как перед его мысленным взором ослепляюще плясали соблазнительные картины — слава, ордена, награды. Я повел их по заброшенной дороге в лес, кончавшейся у маленького озера в комплекте с ветхим сараем для лодок и доком.

Я притормозил, махнул им, чтобы они остановились, коснулся пальцами губ и на цыпочках вернулся к бронемашине. Водитель опустил боковое стекло и выжидающе посмотрел на меня.

— Вдохни-ка это, — сказал я и щелчком метнул гранату с усыпляющим газом в кабину.

За облачком дыма последовали ахи, после чего еще две

молчаливые фигуры в мундирах, похрапывая, растянулись на траве.

— Собираешься взглянуть по-быстрому на их белье? — поинтересовалась Ангелина.

— Нет, я хочу сохранить некоторые иллюзии, даже если они ложные.

Махоциклы весело покатились по доку, бултыхнулись в воду. Последовавшее за этим короткое замыкание вызвало массу пузырей, а над водой поднялась туча пара.

Как только бронемашина проветрилась, мы залезли в нее и укатили. Ангелина нашла нетронутый завтрак водителя и бодро потребила его. Я, избегая большинства крупных дорог, лег на обратный курс — в город, где в центральном полицейском управлении располагался командный пост. Я хотел отправиться туда, где происходят крупные действия.

Мы припарковались в подземном гараже, теперь пустынном, и поднялись на лифте в башню. Здание было почти пустым, за исключением командного центра; я нашел поблизости незанятый кабинет и оставил там Ангелину, невинно забавляющуюся с запечатанными — но легко открывающимися — конфиденциальными досье. Я опустил очки-консервы на место и разыграл спектакль с появлением в центре связи пропыленного, утомленного гонца. Меня проигнорировали. Человек, которого я хотел видеть, расхаживал, посасывая длинную потухшую трубку. Я подскочил к нему и,отдал честь.

— Сэр, вы — мистер Инскипп?

— Да, — буркнул он. Его внимание все еще было приковано к огромной карте на стене, теоретически отражавшей состояние охоты.

— Некто хочет видеть вас, сэр.

— Что? Что? — переспросил он рассеянно. Гарольд Питер Инскипп, директор и голова Спецкорпуса, был в этот день не совсем в форме. Он достаточно легко последовал за мной, а я закрыл дверь и стащил защитные очки.

— Теперь мы готовы вернуться домой, — сообщил я ему. — Если вы сможете найти способ тихо вытащить нас с этой планеты, не дав местным властям заполучить нас в свои излишне жадные руки.

Он в гневе сжал челюсти так, что они раздробили мундштук трубки на бесчисленное множество осколков. А я повел его, выплевывающего куски пластика, в кабинет, где ждала Ангелина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Рррр!.. — прорычал Инскипп, потрясая пачкой документов, которые он держал в руке, так, что они загремели, словно сухие листья или кости скелета.

— Очень выразительно, — нахально заметил я, вытаскивая сигару из карманного портсигара, — но с минимальным содержанием информации. Вы не могли бы высказаться более определенно?

Я отщипнул кончик сигары без какого-либо хруста. Превосходно.

— Вы знаете, во сколько миллионов обошлась ваша волна преступности? Экономика Каматы...

— Не пострадает ни на йоту. Правительство возместит потери, понесенные пострадавшими учреждениями, а потом, в свою очередь, вычтет ту же сумму из своих ежегодных платежей Спецкорпусу, у которого все равно больше денег, чем он может истратить. А теперь оцените полученные взамен выгоды. Масса волнений для населения, увеличение тиражей газет, упражнения для засидевшихся блюстителей порядка — а это уже само по себе интересная история, так же как и полевые маневры, доставившие огромное удовольствие всем участникам. Чем обижаться, им бы, наоборот, следовало выплатить нам гонорар за то, что мы сделали возможными все эти волнующие вещи.

Я зажег сигару и выпустил большое облако дыма.

— Не умничайте, вы, старый мошенник! Если бы я выдал вас и вашу новобрачную властям Каматы, вы и через шестьсот лет были бы еще в тюрьме.

— На это мало шансов, Инскипп. У вас и так не хватает хороших полевых агентов. Мы вам нужны больше, чем вы нам, так что считайте эту накачку законченной и переходите к делу. Я уже понес наказание. — Я оторвал от пиджака пуговицу и бросил ее ему через стол. — Вот, срываем ордена и понижаем в звании. Я виновен. Следующее дело.

С последним явно симулированным рычанием он отправил документы в мусорную корзину и взял большую красную папку, которая угрожающе загудела, как только он прикоснулся к ней. Отпечаток его большого пальца обезвредил взрыватель прибора безопасности, и папка раскрылась.

— Здесь у меня имеется совершенно секретное, особо важное задание.

— Разве мне доставались какие-нибудь другие?

— Оно также исключительно опасное.

— Инскипп, вы в тайне завидуете моей красивой внешности и желаете моей смерти. Бросьте, Инскипп! Кончайте спаринг и дайте мне узнать, в чем дело. Мы с Ангелиной управимся с ним лучше, чем все остальные ваши агенты — престарелые и слабоумные.

— Эта работа для вас одного. Ангелина... Ну, это... — Лицо его покраснело, и он принялся внимательно изучать досье.

— Вот это да! — воскликнул я. — Инскипп, убийца, головорез, грозный начальник, тайная власть в сегодняшней Галактике, и он не может произнести слово б е р е м е н н а! А как насчет м л а д е н ц а! Погодике-ка, с е к с, вот в чем дело! Вы краснеете при мысли о нем. Ну-ка, быстро скажите слово с е к с три раза. Это пойдет вам на пользу...

— Заткнитесь, ди Гриз! — прорычал он. — По крайней мере, вы хоть женились наконец на ней. Это свидетельствует, что в вашей гнилостной сущности есть еще капля честности. Она останется. Вы сами отправитесь на это задание, оно для одного человека. Вероятно, оставите ее вдовой.

— Она ужасно выглядит в черном, так что вам не удастся так легко отделаться от меня. Говорите.

— Поглядите-ка на это, — сказал он, вынимая из папки катушку с пленкой и вставляя ее в прорезь стола. С потолка упал экран, и в помещении потемнело. Начался фильм.

Камера была ручная, цвет временами пропадал, и вообще фильм был снят крайне непрофессионально. Но это был самый лучший любительский фильм, какой я когда-либо видел. В аутентичности его не могло быть никаких сомнений. Кто-то вел войну. Был солнечный день. На небе — белые пуфики облаков на голубом фоне. А среди них черные кляксы противовоздушного огня. Но огонь не был массированным, и его было недостаточно, чтобы помешать приземлиться низко летящим десантным судам. Это был средних размеров космопорт со зданиями на заднем плане и несколькими грузовыми кораблями поблизости. Над ним ревели другие воздушные суда, а взрывы бомб достигали небес. А рвались они на том, что должно было быть оборонительными позициями. До меня только сейчас дошла невозможность того, что происходило.

— Это же к о с м и ч е с к и е к о р а б л и! — пробулькал я. — И космические транспортные суда. Неужели

существует тупоголовое правительство, настолько глупое, чтобы думать, будто оно можеть преуспеть в межпланетной войне? Что случилось после того, как они проиграли? И как это затрагивает меня?

Фильм кончился, и свет зажегся снова. Инскипп сплел пальцы рук, лежащих на столе и злобно посмотрел сквозь них.

— К вашему сведению, мистер Всезнайка, это вторжение было успешным, так же, как и другие до него. Этот фильм был снят контрабандистом, одним из наших последних осведомителей — его корабль оказался достаточно быстрым, чтобы смыться во время боя.

Это заставило меня заткнуться. Я глубоко затянулся сигарой, обдумывая то малое, что я знал о межпланетных военных действиях. Малое потому, что такие вещи простонапросто не удавались. Разве что когда местные условия были очень уж подходящими. Ну, скажем, солнечная система с двумя обитаемыми планетами. Если одна планета отсталая, а другая — промышленно развитая, то на примитивную можно успешно вторгнуться. Однако этого нельзя сделать, если те выставят хоть какую-то постоянную оборону. К тому же взаимосвязь пространства и времени делают такого рода военные действия попросту непрактичными. Когда каждого солдата, оружие и паек приходится поднимать из гравитационного колодца планеты и перевозить через космос, расход энергии становится чудовищным, спрос на транспорт — невозможным, а стоимость — невероятной. Если к тому же агрессор сталкивается при высадке с решительным противодействием, вторжение попросту становится невозможным. И это внутри солнечной системы, где планеты, по галактическим масштабам, практически соприкасаются. Мысль о военных действиях между планетами различных звездных систем еще более невероятна. Однако то, что я видел, еще раз доказывало, что нет ничего невозможного принципиально, если люди захотят взяться за это достаточно энергично. А такие вещи, как насилие, война и кровопролитие все еще имеют страшную привлекательность для таящегося насильственного потенциала человечества, несмотря на длительный период мира и стабильности. У меня возникла мысль, внезапная и угнетающая.

— Вы говорите, что было совершено успешное межпланетное вторжение? — спросил я.

— Больше, чем одно. — Когда он это говорил, его лицо украшала нехорошая улыбка.

— А вы и Лига хотите видеть эту практику прекращенной?

— Прямо в точку, Джим, мой мальчик.

— А я — тот сосунок, которого выбрали для этого поручения?

Он протянул руку, взял сигару из моих пальцев и бросил ее в пепельницу, а затем торжественно пожал мне руку.

— Это твоя задача. Ступай туда и победи! — В такие минуты шеф предпочитал обращаться ко мне на «ты».

Я вырвал руку из его предательского пожатия, вытер пальцы о штанину и снова ухватил свою сигару.

— Я уверен, что вы позаботитесь о том, чтобы мне были обеспечены самые лучшие похороны, какие только может позволить себе Корпус. А теперь не соблаговолите ли вы выжать из себя несколько деталей, или вы предпочтете завязать мне глаза и выстрелить мной в односторонней грузовой ракете?

— Спокойствие, мой мальчик, спокойствие. Ситуация представляется совершенно ясной. Об этом мало говорилось в средствах массовой информации из-за окружавшей эти вторжения определенной политической смутности, плюс жестокой цензуры рассматриваемых планет. Согласно нашей реконструкции,— очень хорошие люди погибли, добывая эту информацию, — ответственность за это несет планета Клизанд, третья планета в системе Эпсилон Индейца. Вокруг этого солнца вращаются по своим орбитам около двух десятков планет, но только три из них пригодны для обитания. И обитаемы. Клизанд прибрал к рукам две братские планеты несколько лет назад, но мы не сочли нужным бить тревогу. По-настоящему мы встревожились, когда стало фактом, что они увеличили размах: м е ж з в е з д н ы е завоевания, считавшиеся до этого невозможными. Они завоевали еще пять планет в близлежащих системах и, кажется, подумывают о большем и лучшем. Мы не знаем, как они это делают. Но они, кажется, научились это делать. У нас есть агенты на завоеванных планетах, но они узнали очень мало ценного. Было принято решение — заверю тебя, на самом высоком уровне: ты встал бы и отдал честь, если бы я назвал тебе имена некоторых участвующих в этом людей, — что мы должны отправить человека на Клизанд докопаться до корней проблемы в стоге сена и разрубить гордиев узел.

— Я думаю, что эта идея самоубийственна, даже если не принимать во внимание содержащуюся в ней смешанную и

отвратительную метафору. Вместо этого мы могли бы...

— Ты отправишься. От этого тебе никак не открутиться, Скользкий Джим.

Я все же попытался. Но ничего не вышло. Мне дали копию всех имеющихся материалов, запись языка на кору головного мозга и отмычку к скоростному кораблю-разведчику, который должен был доставить меня туда, куда нужно. Мрачный вернулся я в нашу квартиру, где Ангелина, устав заниматься своими волосами, метала нож в установленную у противоположной стены мишень размером с голову. Даже нижним броском после быстрого выхватывания клинка из ножен она безошибочно поражала черное пятно любого глаза.

— Дай я повешу фото Инскиппа, — предложил я. — Оно будет более интересной мишенью для тебя: все же какое-то удовлетворение ты получишь.

— Этот злой старик посылает моего мужа на задание?

— Этот старый грязный козел добивается, чтобы меня убили. Задание настолько секретное, что я не могу рассказать о нем ни одной живой душе, особенно тебе. Так что вот документы, прочти их сама.

Пока она была занята этим, я сунул запись клизандского языка в штамп-машину. Такая машина переписывает материал прямо на кору головного мозга без скучного и отнимающего много времени любого учебного процесса. Первая сессия займет примерно полчаса, после чего последует дюжина подкрепляющих сессий. К концу я заговорю на этом языке, заработав дополнительно адскую головную боль от этого электронного щупанья моих синапсов. Однако пока машина работала, обучающийся пребывал в полной бессознательности, а я именно этого жаждал в данный момент. Я надвинул шлем на уши, устроился на кушетке и нажал кнопку.

Прошло какое-то время, и Ангелина осторожно сняла с меня шлем и в тот же миг вручила мне пилюлю. Я проглотил ее, после чего держал глаза закрытыми, пока не иссякла боль. Мягкие губы поцеловали меня.

— Они пытаются убить тебя, но ты им не позволишь. Ты посмеешься над ними и победишь, а в один прекрасный день займешь место Инскиппа.

Я чуть приоткрыл глаз и увидел торжествующее выражение на ее лице.

— Явлюсь домой со щитом или на щите? Грудь в крестах или голова в кустах? Ты будешь беспокоиться обо мне?

— Все время. Но такова уж участь женщин. Я, разумеется, не могу стоять на пути твоей карьеры...

— Я и не знал о ней, пока ты мне только что не сообщила.

— ...и сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе.

— Ты не сможешь отправиться со мной по очень важной и выпирающей причине.

— Я это знаю. Но в душе я все время буду с тобой. Как ты собираешься высадиться на эту планету?

— Поднимусь на борт своего сверхшустрого корабля-исследователя, быстро, минуя радарный экран, ворвусь в атмосферу и...

— И тебя распылят на атомы. Вот, почитай-ка этот рапорт. Его написал уцелевший с последнего корабля, попробовавшего такой подход.

Я прочел рапорт. Он производил крайне гнетущее впечатление. Я швырнул его обратно в кучу других.

— Предупреждению внял. Похоже, эта планета милитаризована до предела. Держу пари, у них даже домашние животные носят мундиры. Переть вот так, напролом, значит подходить к ним на их собственных условиях, конкурировать с ними в области, где они лучше всего организованы. А вот против чего они не организованы, так это против маленького обмана, изящного воровства, гладкого подходца, прикрывающего хитрую атаку. Проскользнуть, проникнуть, действовать и искоренять.

— Мне это что-то начинает не нравиться, — нахмурилась моя любовь. — Ты позаботишься о себе, Джим? Я не думаю, что беспокойство пошло бы мне сейчас на пользу.

— Если ты желаешь беспокоиться, то беспокойся о судьбе этой несчастной планеты, на которую спустили Скользкого Джима: ее завоеваниям конец, можно считать, что с ними покончено.

Я звонко поцеловал ее и вышел; моя голова была высоко поднята, плечи расправлены, и я очень желал хоть на минуту, хоть на одну десятую секунды быть столь уверенным в себе, как разыгрывал. Задание будет очень тяжелым.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мое планирование операции было детальным, приготовления — сложными, расходы — огромными. Я выжал из Инскиппа не один визгливый крик боли из-за стоимости этой затеи и должным образом эти крики игнорировал, про-

должая подготовку. В петле-то предстояло оказаться моей шее, а не его, и я ограждал все ставки, какие мог, чтобы гарантировать свое выживание. Но разработка даже самого совершенного плана в конечном итоге приходит к завершению, последние детали утрясаются, отдаются финальные команды. И барашка ведут на убой.

База! И вот я, явившийся нагим в этот мир, сижу в баре межсистемного лайнера «Кзинеттава»; передо мной стоит стакан со спиртным, в пальцах стиснута сигара. Объявление о том, что через час мы приземлимся на Клизанде, я слушал нагим — фигурально говоря, конечно. Потребовались сила воли и крепкая самодисциплина, чтобы заставить себя оставить дома все предметы незаконного характера. За всю свою жизнь я никогда этого не делал. Никаких минибомб, газовых капсул, пальцевых буравчиков, подслушивающих устройств. Ничего. Нет даже отмычки, которая всегда была закреплена на ногте большого пальца моей правой ноги. Или...

Я скрипнул зубами, подумав об этом, и посмотрел по сторонам. Сидящие за столами с решительным видом налетали на не облагаемое налогами спиртное, и никто не смотрел на меня. Вытащив бумажник, я коснулся его верхнего шва. И ощутил некоторую жесткость. Память — вещь обоюдоострая: она и открывает и затуманивает. Мое собственное подсознание боролось против меня. Только мой разум испытывал какой-то энтузиазм относительно высадки на Клизанде без каких-либо незаконных предметов. Я сильно сжал бумажник определенным образом, и крошечная, но невероятно прочная отмычка упала на мою ладонь. Произведение искусства. Я повосхищался ею, а затем поднял свой стакан в знак прощания. По пути назад в свою каюту я бросил ее в мусоросборник. Она полетит дальше вместе с кораблем, в то время как я высажусь на этой исключительно негостеприимной планете.

Все доклады и опросы показывали, что на Клизанде живут самые придирчивые таможенники во всей вселенной. Контрабанду попросту нельзя было провезти туда. Поэтому я и не пытался. Я был всего лишь тем, кем я был на вид. Коммивояжером, представителем фирмы «Фанциолетта-Мумнар Лимитед», производящей самое убийственное оружие. Фирма существовала, и я был ее представителем, и никакое самое тщательное расследование не могло доказать обратное. Пусть попробуют!

Они попробовали. Высадка на Клизанд смахивала на

оформление в тюрьму. Я и кучка других сошедших скатились по трапу в серое помещение зловещего вида. Мы сбились в кучку под оком бдительных, основательно вооруженных охранников и стали ждать. Привезли наш багаж и свалили поблизости. Ничего не происходило, пока трап не был убран и корабль не отбыл. И тогда нас начали вызывать по одному.

Я оказался не первым и был рад этой возможности изучить местные типажи. Все они были безразличны к нам — топали сапогами, перебирали свое оружие, держа подбородки высоко поднятыми. У них у всех мундиры были одного цвета, который на первый взгляд — и ошибочно — можно было принять за очень невоенный оттенок карминового, пурпурно-красного. Но я очень быстро сообразил, что это был почти точный цвет крови, полуартериальной — голубой, полувенозной — розовой. Достаточно мерзкий цвет, и было трудно удержаться от того, чтобы периодически на него не поглядывать.

Все охранники были здоровенными парнями с выпирающими челюстями и свинячьими глазами. На них были шлемы из черного фиберглаcа со зловещими черными забралами и прозрачными лицевыми щитками, которые могли опускаться и подниматься. Каждый имел при себе гауссовку — многоцелевое и особо смертоносное оружие. Мощные батареи накапливали в них впечатляющий заряд. Когда нажимали на спуск, в стволе генерировалось сильное магнитное поле, разгоняющее снаряд до скорости, не уступающей скорости снаряда любого другого оружия с реактивными патронами. Но гауссовка имела то превосходство, что обладала более высокой скорострельностью, была абсолютно бесшумной и стреляла любыми снарядами от отравленных игол до разрывных пуль. Корпус получал рапорты об этом оружии, но мы никогда не видели ни одного образца. Я запланировал как можно скорее исправить эту ошибку.

— Пас Ратунков! — крикнул кто-то, и я шевельнулся, оживая, так как вспомнил, что так зовут меня по легенде. Я замялся, колеблясь, и один из охранников, топая и чеканя шаг, подошел ко мне. Уверен, что он приделал к каблукам металлические набойки для увеличения милитаристического эффекта. Я поймал себя на том, что жду, когда сам получу пару таких сапог: Клизанд начинал мне нравиться.

— Вы — Пас Ратунков?

— Он самый, сэр, к вашим услугам, — ответил я на его

родном языке, предусмотрительно сохраняя иностранный акцент.

— Заберите свой багаж. Идите со мной.

Он развернулся, а я имел безрассудство окликнуть его.

— Но, сэр, чемоданы слишком тяжелы, чтобы унести их все сразу.

На этот раз он пронзил меня холодным, иссушающим взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и с намеком поправил свою гауссовку.

— Тележка, — прорычал он наконец и ткнул пальцем в противоположной конец тюремного двора.

Я покорно пошел за тележкой. Это была моторизованная тележка-платформа, катившаяся на маленьких колесах. Я быстро погрузил на нее свои чемоданы и поискал взглядом своего гида. Он стоял у открытой двери, а палец его теперь был даже ближе к спусковому крючку, чем раньше. Электромотор завыл на высшей скорости, и я галопом понесся за этой штукой к двери.

Началась проверка.

Как легко это сказать. Но это — одно из тех простых речений, вроде: «Я бросил атомную бомбу, и она жахнула». Это была детальная и тщательная проверка — самая детальная и самая тщательная из всех, какие я когда-либо проходил, и я был счастлив, что первым нашел ту отмычку.

В антисептической комнате с белыми стенами ждало десять человек. Шестеро взялись за мой багаж, в то время как оставшаяся четверка взялась за меня. Первое, что они сделали, это оставили меня в чем мать родила и бросили под флюороскоп. Спустя несколько секунд они уже совещались над крупным снимком пломб в моих зубах. Было единогласно решено, что одна из них подозрительно велика и имеет несколько необычную форму. Появился набор зубоврачебных инструментов зловещего вида, и они в миг единый эту пломбу извлекли. Покуда зуб снова заполняли цементом — отдам им должное, весьма квалифицированно, — старую пломбу долбанули спектроскопом. Они не выглядели ни разочарованными, ни ликующими, когда оказалось, что это обычный металлический сплав, используемый дантистами. Обыск продолжался.

Пока они зондировали мою нежно-розовую личность, один из инквизиторов произвел пачку документов. Большая часть их представляла псиграммы, отправленные после моего заявления относительно высадки. Они связались с фирмой «Фанциолетто-Мушуар Лимитед», моими работода-

телями, и получили все подробности, касающиеся моей работы. Хорошо, что все это было законным. Я правильно ответил на все вопросы, вставив неуместные звуки только дважды, когда физическое изучение касалось чувствительных мест. Эта часть проверки, похоже, прошла хорошо: по крайней мере, досье было закрыто и отложено в сторону.

Пока все это происходило, я мельком прослеживал судьбу своих чемоданов. Они пострадали больше, чем я. Каждый из них был открыт и опустошен, их содержимое разложили по белым столам, а чемоданы затем были методично разъяты на куски. На очень маленькие куски. Швы были распороты, замки сняты, ручки рассечены. Полученный в результате этого хлам был разложен в пластиковые мешки, снабжен ярлыками и оставлен на хранение. Несомненно, для последующей более тщательной проверки. Мою одежду осмотрели довольно поверхностно, а затем отложили в сторону. Я скоро выяснил, почему: просто я не увижу ее вновь, пока не покину планету.

— Вам будет выдана хорошая клизандская одежда, — объявил один из моих инквизиторов. — Носить ее — одно удовольствие.

Я в этом очень сильно сомневался, но предпочел хранить молчание.

— Это религиозный символ? — спросил другой, державший кончиками пальцев вытянутой руки фотографию.

— Это фото моей жены.

— Разрешаются только религиозные символы.

— Она для меня все равно, что ангел.

Они немного поломали над этим головы, а затем неохотно разрешили мне иметь снимок. Не то, чтобы мне разрешили иметь при себе столь опасную вещь, как оригинал. Нет, его поспешно унесли и вскоре вернули мне фотокопию. Мне показалось, что на ней Анжелина хмурилась. Впрочем, скорее всего это было лишь мое воображение.

Все ваши личные вещи, удостоверение и так далее будут возвращены вам перед отбытием, — холодно уведомили меня. — Во время своего пребывания на Клизанде вы будете носить местную одежду и соблюдать местные обычаи. Вот ваши личные принадлежности... Вот ваше удостоверение личности.

Я схватил его, радуясь тому, что мне гарантировано существование, все еще нагой и начинающий замерзать.

— Что находится в этом запертом чемодане? — крикнул один из проверяющих, и голос его зазвенел, как лай гончей,

напавшей на след. В нем звучала надежда. Все остальные прекратили работу и окружили меня, когда мне протянули для проверки инкриминируемый чемодан. Выражения их лиц указывали, что любой данный мной ответ будет признанием в преступлении, и за сим последует смертная казнь.

Я позволил себе раболепно закатить глаза.

— Господа, я не сделал ничего плохого... — заныл я.

— Что в нем?

— В нем оружие.

Раздались приглушенные возгласы, а один из них принялся что-то искать взглядом — наверное, пистолет, чтобы казнить меня на месте. Я продолжал, заикаясь:

— Но, господа, вы должны понять... Именно по этой причине я и прилетел на вашу замечательную планету. Моя фирма «Фанциолетто-Мушуар Лимитед», старый и многоуважаемый производитель оружия. Мы специализируемся в области военной электроники. Это образцы. Некоторые — крайне чувствительные. Открывать можно только в присутствии специалиста по вооружению.

— Я специалист по вооружению, — заявил, шагнув вперед, один из моих мучителей.

Я заметил его и прежде из-за лысой головы и зловещего шрама, затянувшего глаз в вечном подмигивании.

— Рад с вами познакомиться, сэр. Я — Пас Ратунков.

Мое имя не произвело на него впечатления, и он не назвал своего.

— Если мне можно будет получить мое колечко с ключами, я открою этот чемодан и продемонстрирую вам его содержимое.

Они развернули видеомонитор, чтобы записывать ожидаемую информацию, прежде чем разрешили мне приступить.

Я отпер крышку и откинул ее. Специалист по вооружению прошелся пылающим взглядом по лежащим внутри в мягких гнездах образцам. Я пустился в объяснения.

— Моя фирма — создатель и единственный производитель мины с механизмом памяти и взрывателя близости. И нет в мире мины столь компактной, как наша и столь многоцелевой.

Чтобы вынуть взрыватель из гнезда, я воспользовался пинцетом. Взрыватель был не более булавочной головки.

— Это самый миниатюрный взрыватель, предназначенный для применения в небольшом оружии типа пистолета. Выстрел активирует взрыватель, который затем детони-

рует заряд в пуле, когда та приблизится к мишени на заданное расстояние. А вот это — взрыватель другого типа, предназначенный для более тяжелого оружия, скажем, для ракет.

Они нетерпеливо подались вперед, когда я вытащил облатку Пам-IV и принялся расписывать ее исключительные достоинства.

— Эта конструкция способна сопротивляться невероятным нагрузкам в тысячи «же», мощным ударам. Она может быть запрограммирована заранее на любую специфическую цель, и тогда детонирует лишь при приближении этого объекта. Модель содержит селективные цели, которые предотвращают взрыв при приближении дружественных объектов. Она по-настоящему уникальна.

Я осторожно положил взрыватель обратно и опустил крышку чемодана. По рядам зрителей прокатился счастливый вздох. Это было именно то, что им в самом деле нравилось. Специалист по вооружению взял чемодан.

— Он будет возвращен вам, когда его понадобится продемонстрировать.

Проверка без былого энтузиазма плелась к концу. Взрыватели были кульминацией обыска: ничто другое не могло сравниться с этим. Они немного поразвлекались, выжимая тюбики и опустошая банки в моем выборе предметов туалета, но и это они делали без души. Устав от всего этого, они все свалили в кучу и швырнули мне новую одежду.

— Четыре с половиной минуты на одевание, — сказал инспектор на выходе. — Принести чемоданы.

В любом случае моя одежда не была тем, что можно было счесть чем-то супермодным. Нижнее белье и все такое прочее было скучного серого цвета. Сделано это было из материала, по виду и на ощупь воспринимавшегося, как смесь отходов, мусора и наждачной бумаги. Я вздохнул и натянул все это на себя. Верхнее одеяние было похоже на комбинезон и придавало мне вид гигантского мутанта осы из-за широких поперечных черно-желтых полос. Ну что ж, если хорошо одетые клизандцы носят такие наряды, то и я буду это носить. Впрочем, не скажу, чтобы у меня был большой выбор. Я взял два чемодана с острыми ручками, врезавшимися мне в ладони, и вышел через единственную открытую дверь.

— Машина, — произнес стоявший снаружи охранник, указывая на стоявший поблизости экипаж с прозрачным верхом без шофера.

— Я буду рад воспользоваться машиной, — кивнул я с улыбкой. — Но куда мне ехать?

— Машина знает. Залезайте.

Да, здесь обитали не самые остроумные собеседники в галактике. Я бросил в машину свои чемоданы и сел. Дверца засопев, закрылась, загорелся ряд огоньков на роботе-водителе. Мы тронулись вперед, и тяжелые ворота распахнулись перед нами. И еще одни, и еще, каждые достаточно толстые, чтобы замуровать подвал банка. Миновав последние ворота, мы вылетели на открытое пространство, и я зажмурился от удара солнечного света. С превеликим интересом смотрел я на пролетавший мимо пейзаж.

Клизанд, если этот безымянный город был его образцом, являлся модернизированным, механизированным и деловым миром. Шоссе заполняли грузовики и легковые автомобили, все явно управляемые роботами — очень уж четко они соблюдали дистанцию, двигаясь с весьма впечатляющей скоростью. Пешеходные дорожки имелись по обеим сторонам и пересекали улицы над головой. Мелькали магазины, вывески, люди, мундиры. Мундиры! Это короткое слово не может охарактеризовать окружавшее меня медализированное и многоцветное великолепие. Все носили мундиры разных цветов, которые, должно быть, обозначали войска и службы разного рода. Но среди них не было ни одного в желто-черную полоску. Еще одно препятствие, поставленное на моем пути, но я выбросил это из головы. Когда ты тонешь, разве тебя взволнует, если тебе на голову выльют еще одну чайную ложку воды? В этом деле ничто не обещало быть легким.

Моя машина вырвалась из стремительного уличного потока, нырнула в туннельный вход и остановилась перед весьма изящно разукрашенной дверью. Над входом было начертано золотыми буквами: «ЗЛАТО-ЗЛАТО», что поклизандски может быть прочитано как «ЛЮКС». Это была приятная неожиданность. Представительный швейцар в позументах и золоте кинулся открывать дверцу, но тут же замер и скривил губы, увидев мою одежду. Он отпустил ручку двери и ушел, громко топая, а его место занял некий индивид с бычьей шеей в темно-сером мундире. На обоих плечах у него были маленькие серебрянные знаки различия: скрещенные нож и боевой топор. А пуговицами служили серебряные черепа. Не очень ободряющий вид.

— Я Паков, — громыхнула эта давящая на психику фигура, — ваш телохранитель.

— Рад с вами познакомиться, сэр, очень рад.

Я вылез из машины и, неся, следует заметить, сам свои чемоданы, последовал за мрачной спиной моего сторожевого пса в кулуары отеля — именно отелем и оказалось это здание. Мое удостоверение было принято с максимальной невежливостью, мне неохотно выделили номер, а потом принудили явно не симпатизировавшего мне боя показать мне дорогу. Мы пошли. Мой статус теоретически уважаемого инопланетного торгового представителя давал мне доступ в первый класс, но это не значило, что мне там должно было понравиться. Моя осиная раскраска клеймила меня как чужака, и именно за чужака они собирались держать меня.

Покои были роскошными, кровать — мягкой, «клопы» присутствовали в изобилии. Звуковые и оптические, они были встроены не только в каждый осветительный прибор, но и в арматуру. Каждая вторая выпуклость на изобилующей таковыми мебели была микрофоном, а камеры включались, следя за мной своими глазами-бусинками, когда я передвигался.

Когда я зашел в ванную побриться, оптический глаз смотрел на меня сквозь слегка посеребренную поверхность зеркала, и еще один оптический наблюдатель был вмонтирован на конце моей зубной щетки — несомненно, чтобы следить за секретными устройствами, таящимися в моих коренных зубах. Все очень эффектно.

По их мнению. Но меня это заставило рассмеяться. Правда, я постарался превратить смех в фырканье, чтобы мой терпеливый телохранитель ничего не заподозрил. Он шлепал за мной, куда бы я ни пошел в этих просторных апартаментах. Я не сомневался, что он будет спать в моей постели у меня в ногах, когда я отправлюсь на боковую.

Ну, им все это мало поможет! Любовь смеется над технарями, равно как и Джим ди Гриз, который невероятно много знает, если вы извините мне кажущуюся нескромность, о подобной публике. Это был случай массированного перебора. Да, тут было множество «клопов», но что же вы будете делать со всей этой информацией? Компьютерные системы будут совершенно бесполезны в ситуации с наблюдениями вроде этого. А это означает, что огромный штат человеческих существ будет следить, записывать, анализировать. Есть предел числу людей, которым можно поручить такого рода работу, потому что с увеличением их неминуемо приходишь к геометрической прогрессии со сторожами,

сторожащими сторожей и так далее, пока никто не будет заниматься ничем иным, кроме этого. Я был уверен, что за мной будет постоянно следить большой штат: иностранцы здесь достаточно редки, как не насладиться предоставившимся случаем? «Клопами» будут кишеть не только мои покои, но и улицы, по которым я буду обычно проходить, здания, в которых я буду бывать, машины и тому подобное.

Но весь город нельзя клопизировать, да и не было причин делать этого. Все, что должен был делать я, это какое-то время играть свою роль послушного коммивояжера — до тех пор, пока я не найду возможности покинуть «клопизированные» районы. И сварганить план, который позволит мне полностью исчезнуть, коль скоро я вырвусь из поля зрения наблюдателей. У меня будет только один шанс на это. Составленный план, каким бы он ни был, должен сработать с первого раза, или же я стану очень мертвой крысой.

Чтобы я ни делал, Паков всегда был тут как тут и следил за каждым моим движением. Он следил за мной, когда я отправлялся спать, а утром, когда я просыпался, взгляд этих маленьких твердых глаз был первым, что я видел. Паков будет устранен первым, но до тех пор его постоянное присутствие расслабляюще действует на тех, кто за мной следит. И пусть они расслабляются. И я тоже старался выглядеть расслабившимся, хотя таковым не был. Я старательно изучал город, выискивая ту крысиную нору, которая была мне нужна.

На третий день я нашел ее. Это была одна из многих возможностей, рассмотренных мной, но она показалась мне наилучшей. Я составил соответствующий план и в ту ночь позволил себе улыбнуться в темноте, отходя ко сну. Я уверен, что улыбка эта была замечена инфракрасными камерами, но что можно прочесть по улыбке?

Четвертый день начался как и все предыдущие — с поданного в номер завтрака.

— Ого, а я сегодня что-то голоден, — сказал я сердито глядевшему на меня Пакову. — Возможно, это веселое настроение, свойственное вашей планете, так на меня действует. Знаете, я охотно съел бы еще что-нибудь.

И съел. Второй завтрак. Поскольку не знал, когда мне в следующий раз удастся перекусить. Вот я и решил запастись как можно лучше.

Последовала стандартная рутина. Мы вышли из отеля в назначенный час, и нас уже ждал автомобиль с роботом-водителем. Автомобиль сразу же поехал по обычному

маршруту в военное министерство, где я демонстрировал достоинства взрывателей фирмы «Фанциолетто-Мушуар Лимитед». Было уничтожено немало мишеней в различных условиях. Все это было неплохим развлечением. Сегодня предстояло это дело продолжить.

Мы выехали из туннеля на главную магистраль, некоторое время ехали по ней, а потом свернули на боковую улицу, которая вела к нашей цели. Уличное движение здесь было малоинтенсивным — как всегда, — и не было видно пешеходов. Превосходно.

Мелькала улица за улицей, я чувствовал, как затягивается знакомый узел напряжения. Все или ничего, Скользкий Джим, вот мы и начали...

— Ап-чхи! — Я надеялся, что это прозвучало достаточно реалистично. Я потянулся за носовым платком. Паков подозрительно взглянул на меня и подобрался.

— В нос попало немножко пыли, знаете, как это бывает, — объяснил я. — Скажите, вот там, это не уважаемый ли генерал Трогбар? — Я указал своей свободной рукой.

Паков был очень хорошо обучен, его глаза лишь на мгновение стрельнули в сторону и тут же вернулись ко мне. Но это мгновение и было тем, что мне требовалось. В носовом платке у меня был завязан столбик монет, единственное оружие, которым я мог обзавестись под бдящим оком властей. Я собрал его, монету за монетой, ночью под одеялом. Моя правая рука, взмахнув твердым столбиком, ударила по короткой дуге, кончавшейся на скуле Пакова. Он обмяк с приглушенным стоном.

Он еще падал, когда я подал сигнал аварийной остановки, перегнувшись через сидение машины и ударив по нужной кнопке. Мотор заглох, тормоза сработали, и мы с визгом остановились. Не далее чем в дюжине шагов от избранного мною места. В яблочко. В тот же миг я выскочил и побежал.

На пульте контроля уже наверняка пылал сигнал тревоги — в машине была масса всевидящих глаз. Силы врага были пущены в ход в тот же миг, что и мои. Все, чем я располагал, это секунды, может быть минута свободы, прежде чем налетят солдаты и схватят меня.

Хватит ли времени?

Опустив голову, я на всех парах нырнул в узкий проход служебной улицы, который тянулся позади ряда зданий и выходил на другую улицу. Здесь работали роботы, грузив-

шие бачки с мусором, но они игнорировали бегущего человека, то бишь меня, поскольку были они простейшего типа М, не запрограммированные ни для чего, кроме такой работы.

А вот погонщик роботов — другое дело. Он был человек и держал электронный хлыст, который применялся для того, чтобы роботы пошевеливались. Хлыст щелкнул, обвившись вокруг моего тела, и от удара тока у меня защекотало в боку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Удар был, мягко говоря, шоковым, но в тот момент я едва почувствовал его. Напряжение было не слишком высоким, потому что хлыст предназначался для взбадривания роботов, я не для того, чтобы варить вкрутую их мозговые цепи. Я ухватился за хлыст в тот момент, когда он ударил, и с силой рванул его на себя.

Все это, разумеется, происходило в полном соответствии с планом. Я видел этого погонщика роботов и его бригаду каждый день в этом самом месте, когда мы проезжали мимо: Клизанд любил свою рутину. Можно было смело рассчитывать, что погонщик роботов, индивид бандитского вида с толстой шеей и узким лбом, бросится на перехват, видя бегущего чужака, и он поступил именно так, как я надеялся.

Рванув на себя хлыст, я заставил его потерять равновесие, и он с открытым ртом качнулся ко мне, а я нанес ему артистический удар по этой отвисшей челюсти. Удар попал в цель.

Он мотнул головой, прорычал что-то и бросился на меня, вытянув руки, готовые давить и рвать.

Это было не по плану. Ему полагалось сразу же упасть, чтобы я мог быстренько проделать остальную работу, прежде чем прискачет кавалерия. Откуда я мог знать, что у него не только нет мозгов, но и конституция совсем другая. Я шагнул в сторону, его пальцы схватили воздух, а меня бросило в пот. Время шло, а его-то у меня и не было. Я должен был привести эту тушу в бессознательное состояние наибыстрейшим способом.

Что я и сделал. Выбранный способ не был изящным, но сработал. Я подставил ему ногу, когда он бросился на меня, а потом вскочил ему на спину и долетел на нем до земли, по возможности ускоряя его падение. Ухватив противника за волосы, я замолотил его головой по мостовой. Потребова-

лось три добрых удара — я боялся, что дорожное покрытие поддастся прежде, чем он, — чтобы погонщик крякнул и расслабился.

Вдали завыла сирена. Я вспотел сильнее. Безразличные к делам людей роботы грузили мусор.

Погонщик был одет в темно-зеленый мундир, несомненно символизирующий его ремесло. Он застегивался на единственную молнию, которую я расстегнул. А затем я начал трудиться над снятием одежды с его объемистой, неподатливой туши. Сирены выли все ближе. В последний момент возникла непредвиденная задержка: мне пришлось срывать с него сапоги, так как иначе я не мог снять штаны. И задержка эта ничего хорошего мне не сулила.

Эхо сирены гулко отскакивало от стен служебной улицы, где-то поблизости эффектно завизжали тормоза.

С тем, что вполне может быть названо лихорадочной спешкой, я натянул мундир поверх собственного осиного одеяния и застегнул молнию. Затем схватил хлыст и треснул ближайшего робота по шарикоподшипнику.

— Сунь этого человека в бачок! — скомандовал я и отступил, когда он схватил своего бывшего хозяина.

Ноги надсмотрщика только-только исчезли из вида, когда в поле зрения влетел первый солдат в красном мундире.

— Чужак! — крикнул я и махнул хлыстом в сторону другого конца улицы. — Побежал туда! Умчался так быстро, что я не смог его остановить.

Солдаты тоже помчались очень быстро, и это было хорошо, поскольку пара сапог лежала прямо на виду. Я бросил их в бачок вслед за владельцем и щелкнул хлыстом перед своей полудюжиной роботов.

— На следующий участок! — приказал я. — Шагом марш!

Я надеялся, что они запрограммированы на регулярный маршрут. Так оно и было. Робот-грузовик двигался впереди, а остальные цепочкой шли за ним. Я шествовал позади с хлыстом наготове. И вот наша маленькая процессия вышла на забитую солдатами и полицейскими улицу.

Бронемашины лавировали среди нас, водители громко ругались. Мой отряд верных роботов двигался прямиком через всю эту сумятицу, в то время как я с парализованной улыбкой на губах трусил за ними следом. Я боялся, что если сейчас попытаюсь как-то изменить приказ, моя механическая бригада устроит сидячую забастовку прямо посреди ули-

цы. Мы прошли позади покинутой мной машины как раз в тот момент, когда моему старому приятелю помогали выбраться из нее. Я повернулся к нему спиной, стараясь игнорировать крадущийся по шее холодок. Если он меня узнает...

Первый робот достиг следующей служебной улицы. Мне показалось, что я плелся за своей командой минимум два дня, пока и я достиг этого относительно безопасного прибежища. День был прохладный, но я обливался потом. Я привалился к стенке передохнуть, пока мои роботы опустошали бачки. На столь недавно покинутой нами улице появлялись все новые и новые машины, а над моей головой гремели реактивные двигатели. Да, они определенно скучали по мне.

Что дальше? Хороший вопрос. Не приходится сомневаться, что очень скоро, не найдя никаких следов беглеца, кто-нибудь из этой публики вспомнит единственного свидетеля его побега. И они захотят снова поговорить с погонщиком роботов. И прежде, чем этот момент наступит, я должен быть где-то в другом месте. Но где? Активы мои были очень ограничены: коллекция роботов-мусорщиков, которые в данный момент, трудолюбиво лязгая, занимались своей работой, два мундира — один поверх другого, причем каждый из них делал меня меченым, — и электронный хлыст. Хлыст, годный только для роботов, так как генерируемого им слабого тока было достаточно лишь для того, чтобы замкнуть реле, отменяющее предыдущий приказ. Что делать?

За моей спиной раздалось скрежетание. Я отпрыгнул в сторону. Распахнулась ржавая железная дверь, и наружу высунул голову толстяк в белом колпаке.

— У меня здесь есть еще один бак для тебя, Слободан, — сказал он, а затем подозрительно посмотрел на меня. — Ты не Слободан!

— Вы правы. Слободан — это кто-то другой. И он где-то в другом месте. В больнице, удаляет грыжу. Вот меня сюда и поставили.

Не плывет ли удобный случай прямо мне в руки? Я говорил быстро, а думал еще быстрее. На недавно пересеченной мною улице беготня продолжалась, но сюда, в служебный проход, никто не заглядывал. Я щелкнул хлыстом по коробке передач ближайшего робота и подозвал его.

— Следуй за этим человеком, — приказал я, хлыстом указывая направление.

Белый колпак нырнул внутрь, робот последовал за ним, а я последовал за роботом.

В кухню. В большую, явно ресторанную кухню. И там больше никого не было.

— Когда вы открываетесь? — спросил я. — У меня от этой работенки разыгрался еще тот аппетит.

— До вечера не откроемся... Эй! Прикажи этому роботу, чтобы он не таскался за мной. Пусть заберет отсюда мусор.

Повар, отступая, кружил по помещению, а робот верно топал за ним. Они составляли прекрасную пару.

— Робот, — скомандовал я, щелкнув хлыстом. — Не следуй больше за ним. Просто схвати его за руки так, чтобы он не мог убежать.

Рефлексы робота, будучи электронными, оказались более быстрыми, чем рефлексы повара. Стальные руки сомкнулись, повар открыл рот, чтобы пожаловаться, и я заткнул его поварским колпаком. Повар сердито жевал его, издавая приглушенные звуки, а я в это время привязывал его к стулу, используя прекрасный ассортимент полотенец. Надежно закрепив его, я позаботился о кляпе. И пока никто другой не появлялся в поле моего зрения. Мне все еще везло.

— Выйди, — приказал я роботу. Снаружи остальные роботы продолжали работать быстро и усердно. Я размахивал хлыстом до тех пор, пока все они не затрепетали, ожидая нового приказа.

— Возвращайтесь. В то место, откуда вы явились сегодня утром. Ступайте.

Словно хорошо обученные солдаты, они повернулись и тронулись в путь. К счастью не в направлении только что пересеченной улицы. Я нырнул обратно на кухню и запер дверь. На какое-то время я был в безопасности. Рано или поздно мои преследователи проследят меня до роботов-мусорщиков, но у них не будет ли малейшего представления, где и когда я покинул команду. Дела шли просто прекрасно.

Плененный повар сумел опрокинуть стул и теперь полз, извиваясь, с этим стулом и всем прочим к выходу.

— Озорник! — попенял я его и взял со стойки большой тесак. Он сразу остановился и выпучил на меня глаза. Я положил нож и хлыст туда, где они были бы под рукой, и оглянулся. Да, на некоторое время я был в безопасности и мог заняться составлением плана. По-

ка все шло стремительно и с хорошей долей импровизации. Внезапно в отдалении раздался стук, а потом звонок.

Я вздохнул и снова взял нож. Стремительность и импровизация были девизом этой операции.

— Что это? — обратился я к повару, выдернув на минуту колпак из его рта.

— Передняя дверь, там кто-то звонит, — хрипло произнес он, не спуская глаз с ножа, который я держал неподалеку от его горла.

Я вернул кляп на место, бочком прокрался к двери в противоположной стене и приоткрыл её настолько, чтобы можно было взглянуть на соседнее помещение.

Зал ресторана был пуст и темен. Стук и звон доносились от входа на противоположной стороне. Никто не появился на эти шумные вызовы: видимо, повар и я были здесь наедине. Что ж, посмотрим, что всё это значит.

Держа нож наготове, я подошел к входной двери и, отодвинув засов, слегка приоткрыл её.

— Что нужно? — спросил я, стараясь подражать рудиментарной грамматике и низкому голосу повара.

— Рефрижераторный сервис. Вы позвонили, что у вас нелады. Какого типа нелады?

— Нелады крупные! — Сердце моё подпрыгнуло от этой неожиданной радости. — Заходите и прихватите с собой самую большую сумку с инструментами, какая у вас есть.

Это была сумка очень приличных размеров. Я впустил его, закрыл за ним дверь, а затем, вежливо пропустив его вперед, резко ударил его по затылку тесаком плашмя. Он мило сложился. Мундир его был утилитарного цвета хаки — явное улучшение по сравнению с осиным, белым и мусорным, которые ограничивали мой выбор до настоящего времени. Я торопливо раздел его и привязал к стулу рядом с поваром. Теперь они могли молча соболезновать друг другу. В первый раз я опередил своих преследователей. При некоторой удаче пройдет несколько часов, прежде чем моих пленников обнаружат и свяжут это происшествие с моим побегом. Я надел мундир цвета хаки, приготовил изрядное количество бутербродов, взял сумку с инструментами, сделал ручкой под козырек своей форменной фуражки пленникам в кухне и выскочил за дверь.

У двери стоял большой верховой робот, с его руки свисала вторая сумка с инструментами. Он тихо гудел про себя,

а на его металлической груди был нарисован тот же герб обслуживающей фирмы, украшавший теперь и мою собственную грудь.

— Мы будем путешествовать с комфортом, — сказал я. — Возьми-ка это.

Я только-только успел убрать свои пальцы с его пути, когда он протянул руку за сумкой.

Во время своих стремительных поездок через год я видел издалека множество таких верховых роботов, но никогда раньше не приближался ни к одному. На спинах у них имелось приспособление вроде седла — на нем сидел оператор, — но я не имел ни малейшего представления, как на это сидение попасть. Опустится ли он на колени, чтобы на него можно было сесть, или выбросит лесенку? По улице двигались машины и другие роботы, а слева с хорошей скоростью приближался отряд солдат. Я обнаружил, что снова вспотел.

— Я желаю уехать. Немедленно.

Ничего не случилось. За исключением того, что солдаты несколько приблизились. Робот стоял бесстрастно, словно статуя. Не знаю, был ли этот способ ортодоксальным или нет, но я должен был что-то делать. Поэтому я поставил ногу на бедренное гнездо робота, схватился за сигнализатор поворота в районе его лопатки и вскарабкался на него. Скрытые моторы загудели громче, когда он переместил центр тяжести в соответствии с моим весом. Я скользнул в седло как раз тогда, когда отряд протрусил мимо. Меня они совершенно игнорировали.

Сидение было удобным. Я имел хороший обзор, так как моя голова находилась метрах в трех над поверхностью земли. Но не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше. Впрочем, просто удаление от той улицы будет прекрасным началом. На макушке головы робота я обнаружил компактный пульт управления, после непродолжительного раздумья я нажал кнопку с надписью «ХОД». Я ощутил скребущую вибрацию сцепления внутренних передач, после чего робот начал шагать на месте. Хорошее начало. Мгновением позже я обнаружил кнопку «ВПЕРЕД». Я нажал ее, робот накренился и пустился мелкой рысью. Вскоре я оставил полицию и волнения позади.

Нужен был план. Я ехал на своем механическом рысаке через сердце города и обдумывал свое положение. Один человек против всего мира. Очень поэтично и, возможно, могло бы привести в замешательство, если бы не тот факт,

что я бывал в таком положении и раньше, а они нет. Вся система безопасности здесь свидетельствовала, что чужаки бывали на Клизанде не часто и их всегда удавалось держать под контролем. Наверное, мои противники никогда раньше не теряли след наблюдаемого, и этот случай будет для них очень обидным. Полетят головы. Прекрасно. Покуда одной из них не будет моя.

В некотором смысле я имел преимущество. Они ничего не знали обо мне, кроме прикрывающей легенды. Если я смогу затеряться в глубинах их угнетающей культуры, меня будет невозможно найти. Что я и сделаю. Активные действия начнутся позже, а сейчас я должен спасать свою драгоценную шкуру и составить план.

Впереди был один из выездов из города. Там необычно большое число индивидов в мундирах занималось проверкой и обыском всех пытавшихся выехать. Прикосновение к кнопке «ВЛЕВО» заставило моего рысака свернуть на другую улицу и убраться от этой опасности. Когда я захочу покинуть город, я его покину. Но это время еще не пришло.

К полудню я имел рабочее представление о расположении города и нажил мозоли на заднице. Робот шел все медленнее и явно нуждался в подзарядке из какой-нибудь подходящей настенной розетки. Мне тоже нужно было подкрепиться бутербродами из сумки. И мы оба нуждались в отдыхе. К тому же были неплохие шансы, что моих пленников уже нашли на кухне и в городе поднята новая тревога. По более свободной стороне улицы я направился обратно в промышленный район, который заприметил ранее, чтобы поискать подходящую нору, в которой можно было бы спрятаться. Я приметил несколько фабрик и складов с явно покинутым видом, которые могли бы подойти для моих нужд.

Одно из этих мест мне подошло. Паутина на окнах и ржавчина на дверных петлях. Никого в поле зрения и замок, который я мог бы открыть в темноте ногтем. Дверь со скрипом отворилась, не было видно ни одной живой души. Мы проскользнули внутрь, и замок щелкнул за нами. Безопасность.

Место было покинутым, пыльным и почти пустым. В одном углу стоял древний образец местной машинерии, лишенный специфических черт и таинственный, как затерянный в джунглях идол с жертвоприношениями в виде выброшенных перфокарт у его ног. Превосходно. Я пообедал, отдохнул, обыскал здание, нашел внутреннюю комнату

без окон, перенес туда обе сумки с инструментами, фонарик и карандаш с одной из жертвенных карточек. Пришло время следующего шага.

С карандашом в руке, глядя на чистый квадрат картона передо мной, я заговорил вслух:

— А теперь слушай, Джим. Воспоминание готово проявиться. Отсчет начнется с десяти. По ходу его я засну. Память включится при слове «зеро»!

— Десять, — произнес я, чувствуя себя прекрасно. — Девять...

И зевнул. К тому времени, когда я добрался до пяти, веки мои отяжелели, а что было дальше, я просто не помню.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я проснулся с одеревеневшими пальцами, затекшей рукой и утомленными глазами. И с большим квадратом картона, покрытым чертежами сложных электросхем. Подсознание — прекрасное место для сокрытия вещей, которые надлежит прятать от разума. Я не только имел теперь чертежи, но и вдруг осознал, как ими пользоваться.

План был восхитительно простым, и я на миг ощутил ревность к тому, кто его выдумал. Его реализация требовала немного времени, много электронных схем и оборудования. Все это придется украсть. Я вздохнул и потянулся, расправляя затекшие мускулы. День был утомительный, и мой сон во время гипнотического транса вовсе не являлся сном. Завтра тоже будет день, а темп преследования завтра спадет.

Завтрашний и послезавтрашний дни были очень насыщены работой. Я был стальной крысой, вылезшей на землю, где мне предстояло проделать немало шмыганий. Город вокруг меня продолжал заниматься своими делами. Я уверен, что они неослабно продолжали поиски, хотя никто и близко не приближался к моему уютному гнездышку. Я паял, монтировал электросхему, крал пищу и другие предметы комфорта, прямо скажем, походя. Клизанд, казалось, обладал очень низким уровнем преступности, а потому здесь, похоже, не предпринималось никаких мер против того рода краж со взломом, какими занимался я. Либо преступный класс был уничтожен, либо он заправлял теперь правительством. Такое вполне могло случиться. Период моего одиночества скоро должен был кончиться, и я буду

заниматься шпионажем, ради чего, собственно, и был сюда послан.

Покинуть город оказалось намного проще чем мне казалось. Слоняясь с должной осторожностью в районе контрольно-пропускного пункта, я обнаружил, что во главе этой операции стояли военные, и она, похоже, шла на простодушный военный лад. Изучение разрешения на выезд и документов, отшлепывание печатей, быстрый осмотр и проваливай! Я надеялся что и ко мне они отнесутся без предвзятости. Чтобы гарантировать исход операции, я похитил в сумерках военный грузовик.

Чтобы остановить машину, я выставил на ее пути робота. Грузовик, завибрировав, остановился, а водитель высунул голову и лихо выругался. Большинства слов, которые он использовал, не было в моих уроках по языку, и я занес их в картотеку для употребления в будущем. Благословением божьим было то, что он ехал один.

— От такого слышу, — ответил я ему. — Некрасиво так разговаривать со штатским. Тем более в чрезвычайной ситуации.

— Какая чрезвычайная ситуация? — спросил он подозрительно.

— Такая чрезвычайная ситуация! — с воодушевлением ответил я.

Игла воткнулась ему в шею, и он отключился. Я отодвинул его в сторону, надел его форменную фуражку, приказал роботу топать за грузовиком и вернулся на склад за своими ящиками. Они надежно спрятались за ящиками с обезвоженной пищей, формулярами в трех экземплярах, сапожным кремом и другими весьма важными военными грузами в кузове грузовика. Переодевшись в красный мундир солдата,— его я оставил тихо дремать в моем зеленом, — я сказал «до свидания» роботу, моему единственному другу на этой малоприятной планете. Он ничего мне не ответил, но я не обиделся. После этого я уехал.

Мои документы, удостоверение, командировочная были приняты с военной молчаливостью, изучены, одобрены, и я был свободен. Я весело понесся в ночь и во вторую фазу моего плана. Физически это требовало много беготни, похищения различных машин, чтобы запутать мой след, и долгого путешествия через центральную пустыню к определенному ориентиру. Ориентиром этим была огромная каменная глыба, стоящая в гордом одиночестве в море песка. Формой она весьма походила на горшок и называлась

по-клизандски л о н а к, что означает г о р ш о к и дает вам представление об уровне их воображения. Маскировочная сеть прикрыла похищенную машину, а я с предельным трудолюбием работал целых семь дней, прежде чем был удовлетворен результатом. Мною было построено, моими собственными двумя руками, и с помощью лишь робота-экскаватора полностью самообеспеченное подземное убежище, расположенное не далее сотни метров от упомянутой ранее скалы. Это было последним этапом подготовки к третьей фазе. В ту же ночь я положил начало этой фазе.

Мой маленький, домашней выделки передатчик был настроен и готов к работе, антенна была направлена точно в зенит. Ровно в полночь я включил его, и в космос рванулся узкий, точно направленный радиолуч. Я продержал сигнал включенным ровно тридцать секунд, а затем вырубил.

Так-то! Метать кости и делать следующий ход полагалось им. Им — это значит подразделению Спецкорпуса, на которое была возложена организация этой фазы. И, будем надеяться, организовавшему ее. Я не буду знать ничего наверняка до следующего вечера. Если план сработает,— я немного пожевал губу над этим «если», пряча рацию обратно в машину, — мой сигнал будет принят ими, и только ими. Канал предельно узкий, сигнал очень точно направленный. Запеленговать его невозможно. Клизандцы вообще не должны знать о нем. Но он приведет в движение чудовищные силы.

Заработают лучшие компьютеры, полыхнут огнем гигантские ракеты. Выбранный для этой цели метеорит придет в движение вместе с коллекцией сопутствующих космических обломков. Сейчас он далеко в космосе, за пределами действия клизандских детекторов, но он движется в сторону этой системы, нацеленный на одинокую скалу Горшок. Мне требовалось подождать день и ночь.

Зная, как действует на меня непродуктивное ожидание, я устроил себе маленькую вечеринку. Была хорошая еда,— насколько может быть хорошей еда из содержимого консервированных пайков, — была выпивка получше еды, поскольку ее я мог выбирать из куда более широкого ассортимента. Вино к закуске, а потом более крепкие, хорошо очищенные напитки. В завершение ужина я закурил сигару и, включив карманных размеров экран минипроектора, прокрутил пару чернушно-причернушных фильмов, купленных мною в армейских магазинах. Весьма грубая поделка для солдат, хотя мне в моей роли кочевника

пустыни фильмы эти показались достаточно привлекательными.

А потом сон окутал меня своим мягким одеялом. Пролетела ночь, за ночью последовал день, а потом снова пришла ночь. И как только стало темно, я оказался снаружи с полевым биноклем в руке. Я обшаривал ночное небо по квадратам. Ничего. И ничего не должно было быть еще несколько часов, но мне не терпелось. План начинал мне казаться абсурдным. Я чувствовал себя одиноким, попавшим в западню на этой планете во многих световых годах от цивилизации. Борясь с депрессией, я отхлебнул из своей карманной фляжки.

Если все шло хорошо, то сейчас большая каменная глыба направлялась к Клизанду курсом, ведущим к столкновению.

Когда защита засечет ее, то ее сочтут обычным космическим обломком, которому предстоит врезаться в атмосферу и сгореть.

Если же они решат проследить за ней на тот маловероятный случай, что она может быть чем-то большим, чем кажется, наблюдения разуверят их. Ее скорость и температура таковы, что наличие какого-либо живого груза исключается. Да и следить за ней будет очень трудно из-за тех сопровождающих ее обломков, которые тоже будут отражать сигналы радаров. Метеорит прошьет атмосферу и врежется в пустыню с силой, достаточной, чтобы уничтожить все живое.

Если будет назначено расследование, то прежде чем прибудут следователи, произойдут вещи, куда более важные. На это я надеялся. Все это звучало так хорошо в теории, но казалось сейчас нелепым образчиком безумия на практике.

Очень близко к полуночи в ясном небе над моей головой загорелась и замерцала новая звезда, я вздохнул и отложил фляжку. Точно в назначенный час, словно ежедневная ракета. Точка становилась все ярче и ярче. И нацелена она была прямо на меня. Я знал, что компьютеры и астрономы хорошо поработали — но не настолько же хорошо!

Ведь эта штука собиралась приземлиться прямо на меня.

Однако, не совсем. По мере того, как я следил за ней, она, похоже, смещалась в сторону, ускоряя по ходу дела движение. Это сопровождалось громким шипением, словно где-то надо мной треснул небесный чайник. Я прыгнул в машину и оживил ее пинком ноги, когда пылающая бомба исчезла за башней Горшка. Последовал раскатистый взрыв,

осветивший воздух и обрисовавший огнем силуэт скалы.

Я бросил машину вперед. Ее фары выхватили из темноты свежее пятно на земле, окруженное обломками, над которым нависало облако дыма и пыли.

На дне углубления лежал большой глазированный кусок испускавшего пар камня. В яблочко! Я отогнал машину за ближайшую песчаную дюну и врубил передатчик. Раздался еще один взрыв, бесконечно меньший, чем от столкновения, и над моей головой просвистели куски камня.

Когда я снова подъехал к яме, то увидел, что заряды раскололи метеорит почти пополам, желеобразная жидкость, защищавшая содержимое, впитывалась в песок.

В тот же миг я услышал нарастающий грохот приближающихся реактивных самолетов и вырубил фары. Самолеты проревели над головой — треугольники тьмы на фоне звезд — и накренились на вираже. В эти мгновения я по-новому оценил силу подозрительности Клизанда, возросло мое уважение к их радарам, компьютерам и службе ПВО. У меня будет меньше времени, чем я думал. Я прыгнул в яму, стараясь игнорировать жар, испускаемый треснувшим камнем.

Снаряжение было цело, упакованное в плоские ящички, а света звезд было как раз достаточно, чтобы вытащить их и спрятать в машине. Самолеты кружили надо мной, приведенные в ориентировочный район радарной триангуляцией, теперь они разыскивали точное место падения.

Не то, чтобы они могли много увидеть — при их-то скорости, да еще в темноте! — но в пути уже были, несомненно, воздушные суда помедленней. Оснащенные приборами и осветительными установками, они могли прочесать весь район.

При мысли об этом я задвигался побыстрее. Мое воображение уже рисовало мне трепетание огромных пропеллеров на горизонте. Уложив в машину последний ящик, я, тяжело дыша, ждал, пока самолеты отлетят подальше, чтобы тронуться к своей тайной норе.

Я ехал как можно быстрее, лавируя среди больших ухабов и подпрыгивая на меньших. Когда самолеты развернулись в моем направлении, я остановился, стараясь думать, какой я крохотный, в ожидании, когда они пролетят мимо. На следующем броске я сумел добраться до входа. Когда я бросил в земляную нору первый ящик, то услышал далекий звук моторов. Вдали замерцал яркий свет — он двигался в мою сторону. Бритва чиркала чересчур уж близко. Я швырял ящики один за другим, не заботясь, где и как они приземляются.

Я был уже готов нырнуть вслед за ними, перевести дыхание и заботливо разложить их, когда над моей головой затрепетали огромные крылья, а из-под Горшка вырвался и блеснул молнией ослепительный свет.

Свет двигался дальше, а я нащупывал стартер машины сквозь галактику радуг и ревущих дисков света. Машина тронулась с места, затем резко ускорила движение, когда я переключил скорость. Свет ударил вновь, я упал набок и лежал не двигаясь.

Так я лежал неподвижно бесконечно долгий отрезок времени, омываемый светом, опалявшим глаза даже сквозь мои сомкнутые веки. Ощущение было такое, словно длилось это где-то между двумя и тремя годами, хотя могло продолжаться и долю.

Лесенка была на месте, и я спустился по ней, основательно ободрав свои голени о сваленный как попало груз.

Пробираясь в темноте, словно крот, я пинками толкал ящики впереди себя по входному туннелю. Рев больших машин стал громче, а минуту спустя к нему присоединились звуки частой стрельбы и грохот взрывов.

— Превосходно, — выдохнул я, швыряя последний ящик. — Оружие предназначено для того, чтобы его использовать, вот они его и используют.

Я был уверен, что это такая компания, которую хлебом не корми, только дай пострелять. То, что мои выводы оправдывались, крайне обрадовало меня.

Еще более громкий взрыв засвидетельствовал, что моя машина уничтожена. Лучше и быть не могло. Я нащупал передатчик у входа и взял его с собой. Затем поднялся по лесенке — куда более ленивым шагом, чем спускался с нее.

Удобно стоя на лесенке и упираясь локтями в землю, я наблюдал за происходящим с самого лучшего места на этом шоу. Ревели реактивные самолеты, пропеллеры кромсали воздух в небе над головой. Пели пули и взрывались бомбы. Машина горела прекрасно, выбрасывая сердитые всплески пламени, когда обломки подвергались ураганному обстрелу. Когда же буханье и баханье начало ослабевать, я оживил его, нажав первую кнопку на передатчике.

С вершины Горшка начали стрелять скорострельные пушки, в то время как с пускателя с разными интервалами взлетали вверх ракеты. Каждый второй выстрел был трассирующим, так что спектакль был самый что ни на есть впечатляющий.

вырял в зубах не слишком чистым ногтем, в результате чего извлек кусочек мяса от недавнего обеда. Внимательное изучение добычи, по-видимому, убедило его, что кусочек слишком велик, чтобы его выбросить, а потому он с явным удовольствием вновь проглотил его. Я мог предложить ему лучшее.

— Нет ничего слишком хорошего для наших парней, несущих службу. Это — нарколет.

Я пригубил напиток и причмокнул.

Он в первый раз посмотрел на меня прямо, после чего его губы начали медленно раздвигаться, складываясь в нечто отдаленно напоминающее улыбку. Было видно, что это занятие для него непривычно.

Я выпью это, — произнес он скрипучим голосом.

Еще бы! Эта маленькая фляжка спиртного обошлась бы ему в половину его месячного жалования. Нарколет, прекраснейший напиток, известный человечеству, производился в малых количествах из скудного ботанического источника на маленькой планете у края галактики. Утешающий, чарующий напиток — тонкий, опьяняющий, вдохновляющий, возбуждающий, стимулирующий. Он был всем, чем был любой другой напиток, плюс еще многим, к тому же без всяких побочных эффектов похмелья.

Лет-майор взял предложенный ему стаканчик, склонил над ним пещеру своего носа и пригубил.

— Неплохо, — буркнул он, и я улыбнулся ему, как если бы это грубое преуменьшение было самой искренней похвалой, а потом представился ему, назвав себя присвоенным мною именем. Он поразмыслил над моими словами и сообразил, что в ответ требуется назвать свое имя.

— Лет-майор Васко Хулио.

— Рад познакомиться, сэр! Очень рад! Нельзя ли мне налить вам еще, эти стаканчики такие маленькие.

Очень скоро я почти полюбил этого лет-майора. Он был совершенством — законченным, без всяких шишек сомнений или оспин неуверенности. Точно так же, как паук бывает идеальным пауком, как летучая мышь-вампир бывает идеальной мышью-вампиром, он был идеальным, раскованным ублюдком.

К тому времени, как наш самолет распорол своим острым, словно бритва, носом звуковой барьер, дух его поднялся, а язык начал заплетаться. И анекдоты, рассказываемые им, стали более детальными. Вот несколько образцов его речений.

Лет-майор о стрельбе:

— Никогда не совершай ошибки, гоняясь за индивидами или мелкими группами — в счет идет только валовый эффект. Держись плана, поражай здания, скопления машин и кончай заход. На втором заходе можно поражать группы людей, но только крупные. И лучше всего зажигательными бомбами — они расплескивают огонь и валят больше, чем что-нибудь другое.

Лет-майор об отдыхе:

— Нас было только двое, и на двоих дюжина бутылок и ящик сигар — на пару дней достаточно. Так мы добыли тех трех девок — одну, понимаешь, про запас, просто на всякий случай, и отвезли их...

Лет-майор об инопланетянах:

— Скоты, и вы можете даже не пытаться убедить меня, что с ними возможен контакт на равных. Совершенно очевидно, что Клизанд — источник разумной жизни во Вселенной. Отсюда исходит цивилизирующее влияние и...

Было еще много подобного этому, и мне оставалось только кивать головой. Я восхищался. Совершенство, как я уже сказал. Но что заставило меня почти запульсировать от радости, так это информация о том, что он только что назначен на базу «Глупость» после предоставленного ему отдыха для восстановления сил. И это его первый визит на космическую базу после долгих лет службы на боевых фронтах. Судьба управляла метанием костей.

То, что я должен был сделать дальше, было опасным и требовало немалого риска, но предоставившаяся возможность была слишком хороша, чтобы пренебречь ею. Я уже исследовал особенности клизандского общества и познал его довольно глубоко. По-моему. Теперь настало время выяснить, так ли это на самом деле. Ибо та часть общества, через которую я продолбил себе дорогу, была лишь периферийной, невоенной его частью, а по-настоящему имела вес только военщина. Она господствовала на планете во всех отношениях и, кроме того, сумела распространить свое господство и на другие планеты. Вопреки правилам логики, обратному квадрату расстояния и истории. Этот барьер я и собирался штурмовать, используя для этого те скромные знания, которыми я располагал.

Итак, я вступаю в армию. Записываюсь в Космическую Армаду. В чине лет-майора. Когда корабль накренился, заходя на посадку, я начал превращать мысль в действие.

— Ты должен сразу же явиться на службу, Васко?

Крепкий напиток перевел нас на «ты». Он замотал головой, что должно было означать «нет».

— Должен завтра.

— Чудесно. Однако, тебе не стоит проводить эту ночь между холодными простынями одинокой койки в офицерских казармах. Подумай, что только можно совершить за это время.

Я пустился в описание того, что можно проделать на неодинокой койке с шелковыми простынями. Хорошая еда и обильная выпивка тоже были упомянуты, но лишь как нечто второстепенное. Фляжка накренилась еще разок, и он кивнул, весьма охотно согласившись с моим планом.

Как только мы приземлились и наш багаж выгрузили, такси с роботом-водителем отвезло нас в «Досадан-Глуп Робот-Отель». Это был местный филиал всепланетной системы отелей, специализировавшейся на безлюдном сервисе. Здесь все было механизировано и компьютеризировано. Человеческие существа предположительно наведывались в них через определенные промежутки времени, чтобы проверить показания приборов и опустошить денежные ящики, однако лично я никогда никого из них не видел, хотя довольно часто пользовался этими отелями.

Иногда я видел, как в отель входили клиенты и как они покидали его, но мы избегали друг друга, словно являлись разносчиками чумы. «Робот-Отели» были островками приватности в мире пялящихся глаз. Были у них определенные недостатки, но я уже научился справляться с ними. Мы отправились в «Робот-Отель».

Входная дверь автоматически отворилась, когда мы приблизились, робот с внешностью механизированной куклы выскочил из своей конуры и пропел:

— Всемирно знаменитый со дня открытия «Досадан-Глуп Робот-Отель» приветствует вас. Я здесь, чтобы взять ваш багаж... Прикажите, и я помогу вам!

Это было пропето звучным контральто под аккомпанимент духового оркестра в двести труб — стандартная запись для всех «Робот-Отелей». Я успел возненавидеть ее. Я пнул робота, который слишком уж прижимался к нашим ногам и указал ему на такси.

— Багаж там. Пять предметов. Принести.

Он отъехал с гудением и погрузил в такси нетерпеливые щупальца. Мы вошли в отель.

— Разве у нас не четыре предмета? — спросил Васко, хмуря в размышлении нависшие брови.

— Ты прав, я, должно быть, ошибся в подсчете.

Робот-носильщик догнал и обошел нас, волоча наши чемоданы и выдранное из такси заднее сидение.

— Теперь у нас вещей действительно пять.

— Добрый вечер... господа, — пробормотал дежурный робот с маленькой паузой перед последним словом: ему нужно было сосчитать нас и сравнить наши физиономии с содержимым своего банка памяти. — Чем мы можем служить вам?

— Лучшим номером в заведении, — сказал я и, вписав в учетный лист вымышленные фамилию и адрес, начал скармливать банкноты богинье щели для оплаты в столе. «Наличными вперед!» — таково было правило «Робот-Отелей». С подведением баланса и выплатой остатка при отъезде. Робот-бой, вооруженный ключом, покатил впереди и показал нам дорогу, а затем широко распахнул перед нами дверь под звуки записанных фанфар, словно наступило второе пришествие.

— Очень мило, — сказал я и нажал кнопку с надписью «на чай» у него на груди — операция, автоматически списавшая два богинье с моего кредитного баланса.

— Закажи нам выпивку и закуску, — сказал я лет-майору, показывая на встроенное в стену меню. — Заказывай все, что желаешь, но чтобы обязательно было шампанское и жареное мясо.

Эта идея ему понравилась, и он стал деловито нажимать кнопки, пока я размещал багаж. К моему запястью был пристегнут детектор для выявления «клопов». Он безошибочно привел меня к единственному оптико-звуковому устройству. «Клоп» находился в том же месте, что и все другие «клопы», найденные мною. Эти отели действительно были стандартными, и я умело поставил перед ним кресло, когда открывал свой чемодан.

Дверцы шкафа доставки раздвинулись и оттуда выскользнула бутылка охлажденного шампанского в сопровождении бокалов. Васко все еще заказывал напропалую, насилуя кнопки и мой кредитный баланс, быстро катившийся к нулю — его состояние демонстрировали крупные цифры на стене. Я открыл бутылку, выстрелив пробкой в стену поближе к лет-майору, чтобы привлечь его внимание, и наполнил бокалы.

— Выпьем за Космическую Армаду, — предложил я, вручая ему бокал и давая одновременно упасть в него маленькой зеленой дробинке.

— За Космическую Армаду, — повторил он, осушил бокал и затянул какую-то жутко шовинистическую песню — о сияющих дюзах, сверкающих пушках, доблестных воинах, горящих солнцах. Я был сыт ей по горло, даже прежде чем он начал, но знал, что мне предстоит ее выучить.

— Ты выглядишь уставшим, — сказал я ему. — Разве тебе не хочется спать?

— Спать... — согласился он и заклевал носом.

— Думаю, тебе было бы неплохо лечь в постель и немного передохнуть перед обедом.

— Лечь... — Его стакан упал на ковер, он поплелся через номер и растянулся во весь рост на ближайшей постели.

— Видишь, как ты устал. Засыпай, а позже я разбужу тебя.

Покорный действию гипнонаркотика, он закрыл глаза и сразу же захрапел. Если кто-то слушает то, что передает «клоп», то не заметит ничего подозрительного.

Прибыл обед. Еды хватило бы, чтобы накормить целое отделение — мои деньги ничего не значили для доброго старого Васко. Я съел немного мяса и салата, прежде чем приняться за работу.

Прежде всего инъекция — она должна была блокировать нервы и обезболить мое лицо. Как только она подействовала, я приподнял храпящего лет-майора и навел настольную лампу для чтения на его лицо. Это была совсем не такая уж трудная работа. Мы оба были примерно одинакового телосложения, да и сходство не должно было быть совершенным. Просто достаточно близким, чтобы совпасть с тюремнолагерной фотографией в его удостоверении. Качество этой фотографии было именно таким, какое привыкаешь ожидать от снимка в удостоверении, где сфотографированный больше похож на бритую обезьяну, чем на человека.

Самым большим делом — во всех смыслах — был подбородок, однако массированные инъекции желеобразного пластика позволили нарастить мой до размеров подбородка Васко. Я придал ему должную форму до того, как желе застыло, а затем перешел к работе над бровями. Последовавшее пластическое наращивание надбровных дуг и имплантация искусственных черных волос довели сходство до кондиции. Контактные линзы позволили воспроизвести цвет его глаз, а расширяющие кольца в моих ноздрях раздули их до пещерообразного вида оригинала. Все, что оста-

валось после этого, это перевести отпечатки его пальцев на невидимый пластик, плотно обтягивающий мои собственные пальцы.

Пока я подгонял лучший мундир Васко по своей фигуре, лет-майор, следуя полученному гипноинструктажу, поднялся и съел немного остывшего супа. После этого его снова одолел сон, но на этот раз он ретировался на постель в другой комнате: я позаботился об этом, чтобы его храп и кряхтение не раздражали меня.

Я смешал себе крепкий ерш и рано отправился спать. Завтрашний день я проведу уже в новом обличье. Я вступаю в Космическую Армаду.

При небольшом везении я смогу найти ключ к природе их удивительной военной мощи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Сожалею, сэр, но войти вы не можете, — заявил часовой перед воротами. Ворота эти были сделаны из клепаной стали, а высокую каменную стену, в которую они были встроены, венчало множество рядов колючей проволоки.

— Что значит не могу войти? Мне было приказано явиться в «Глупость!» — заорал я в военно-идиотской манере. — А теперь нажмите кнопку, или что там у вас отпирает ворота.

— Я не могу открыть их, сэр. База изолирована от внешнего мира. Я выставлен для наружного караула.

— Я хочу видеть вашего старшего офицера.

— Я здесь, — произнес холодный голос у меня под ухом. — Что за беспорядки?

Повернувшись кругом, я посмотрел на его лейтенантские нашивки, а он на мой двойной крест лет-майора, и я выиграл спор. Он провел меня в караульное помещение. Последовали многочисленные перезванивания по телефону, пока он не передал трубку мне и я не посмотрел в лицо полковнику со стальными глазами. Этот спор проиграл уже я.

— База изолирована, лет-майор, — сказал он.

— У меня есть предписание явиться сюда, сэр.

— Вы должны были явиться сюда вчера, Вы опоздали из увольнения.

— Извините, сэр, должно быть, произошла ошибка в записи. Мой приказ предписывает мне явиться сегодня. — Я

протянул предписание и только сейчас увидел, что дата прибытия была таки вчерашним днем. Этот пьяница Васко втравил меня в неприятности, которые заслужил сам. Полковник улыбнулся сладко, как королевская кобра в период течки.

— Если бы это была ошибка в приказе, лет-майор, то, разумеется, не возникло бы никаких затруднений. А раз ошибка была вашей, лейтенант, мы знаем, на кого ложится вина. Явитесь ко входу безопасности.

Я повесил трубку, и лейтенант караула, нехорошо ухмыляясь, вручил мне лейтенантские нашивки. Я отцепил свои двойные кресты и принял понижение в звании. Оставалось надеяться, что повышали в Космической Армаде также быстро, как и понижали. Караул промаршировал со мной вдоль стены ко входу шлюзового типа. Меня пропустили внутрь, мои верительные грамоты и предписание были изучены, отпечатки пальцев сняты, и через несколько минут я прошел через последние ворота на территорию базы.

Была вызвана машина, солдат-рядовой взял мои чемоданы, мы проехали к офицерским казармам, где мне показали мою комнату. И все это время я держал глаза открытыми. Не то, чтобы тут были какие-то завораживающие зрелища. Если ты видел одну военную базу, то ты видел их все.

Здания, палатки, парни в мундирах, совершающие повторяющиеся прыжки, тяжелое дорогостоящее оборудование, выкрашенное в один цвет, и так далее. То, что я должен был выяснить, будет открыть не так просто.

Мои чемоданы были свалены в крошечной комнате, честь взаимно отдана, солдат ушел, а с соседней койки донесся хриплый голос:

— У тебя случайно нет чего-нибудь выпить, а?

Я всмотрелся повнимательней и увидел, что то, что я сначала принял за узел скомканного белья, похоже содержит костлявого индивидуума в темных очках.

Истраченное на эту речь усилие, должно быть, истощило его силы, и он застонал, добавив еще один выдох к алкогольным испарениям в и так уже насыщенной ими атмосфере.

— Случайно есть, — ответил я, открывая окно. — Меня зовут Васко. Ты предпочитаешь какую-нибудь определенную марку?

— Остров...

Я не мог вспомнить напиток с таким названием, а потому

не без оснований предположил, что это имя моего собеседника.

Достав фляжку с самым мощным напитком из моей коллекции, я налил ему полстакана. Он схватил стакан дрожащими пальцами и осушил, в то время как его тело сотрясали судороги. Напиток, видимо, пошел ему на пользу, потому что он самостоятельно сел на койке и протянул стакан за добавкой.

— Через два дня мы сорвемся, — сообщил он, нюхая напиток. — Это часом не краскорастворитель, а?

— Нет, просто она так пахнет, чтобы дурачить военную полицию. Куда?

— Не шути так резко по утрам. Тебе же известно, что никогда не знаем, по какой планете ударим. Безопасность. Или ты служишь в безопасности?

Он подозрительно сощурился в моем направлении. Надо будет следить за своими вопросами, пока не узнаю побольше. Я заставил себя улыбнуться.

— Шутка. — Я плеснул спиртного в свой стакан. — Я сам себя чувствую не слишком хорошо. Этим утром я проснулся лет-майором.

— А теперь ты лейтенант. Легко достались, легко расстались.

— Они достались мне не так-то легко!

— Извини. Фигуральное выражение. Я всегда был лейтенантом, так что не знаю, как чувствуют себя другие. Ты не мог бы капнуть еще самую малость в этот стакан? Тогда я с мею одеться, и мы сможем пойти в клуб, чтобы выпить по-настоящему. Ведь нам предстоят недели без выпивки, пока мы не вернемся. Ужас!

Еще один факт. Клизанд сражается в битвах, освежаясь водой. Интересно, способен ли я на такое? Отхлебнув из стакана, я обнаружил, что на поверхность всплыла мысль, подспудно беспокоившая меня уже несколько минут.

Настоящий Васко Хулио находится в отеле и будет там обнаружен. И я ничего не мог с этим поделать, потому что находился на этой изолированной базе.

Кое-что из выпитого попало не в то горло, и я закашлялся. Остров постучал по моей спине.

— По-моему, это действительно краскорастворитель, — мрачно произнес он, когда я перестал кашлять, и принялся одеваться.

Когда мы шли к офицерскому клубу, я был далеко не в общительном настроении, в чем Остров, вероятно, винил

мое недавнее понижение. Что же делать? Кажется, предстояла выпивка. Еще и полдень не настал, а чтобы вырваться с базы, мудрее всего было бы подождать до вечера. Встречать проблемы следует по мере того, как они возникают. Сейчас я пребывал в превосходном состоянии для того, чтобы поглощать спиртное вместе со своими новыми коллегами и одновременно собирать информацию. Именно это в конце концов было основной причиной, по которой я находился здесь.

Прежде чем отправиться в клуб, я сунул в карман тюбик противоалкогольных таблеток. По одной каждые два часа, таблетки эти вызовут зверскую изжогу, а заодно нейтрализуют и большую часть алкоголя, попавшего в желудок.

Я буду пить без опаски, слушать и оставаться трезвым. Когда мы прошли через кричаще раскрашенную дверь офицерского клуба, я незаметно вытащил первую и проглотил ее.

Все это было довольно гнетущим делом. Я лил зелье себе в глотку с такой скоростью, с какой мог его глотать, и не чувствовал его.

Когда полдень миновал и жажда увеличилась, в клубе появились другие офицеры, и вскоре вокруг меня толпилась дюжина пилотов. Пили все они хорошо, а вот говорили далеко не то, что я хотел бы услышать.

— Пейте, пейте! — настаивал я, подогревая их. — Там, куда мы отправляемся, деньги не нужны.

И я ставил очередную выпивку всем присутствующим.

Как легко можно догадаться, было много чего сказано о летных характеристиках разных кораблей, и все сколько-нибудь существенные детали я занес в картотеку памяти. И было много бухтения о прежних кампаниях:

— С пятидесяти тысяч я в штопор, засадил бомбы и взмыл вверх... — И тому подобное.

Единственным примечательным моментом во всем этом была ничем не омраченная история побед. Я знал, что вооруженные силы Клизанда весьма хороши, но глядя на это пьяное сборище, становилось почти невозможно поверить, что они могут быть настолько хороши. Но так было, и об этом свидетельствовали бесконечные хвастливые истории о победе за победой, и я не мог этому не верить.

Эти парни были хорошими солдатами, а Космическая Армада — непобедимой. И все это действовало ужасно угнетающе. К вечеру первоначальные петухи буквально отпали, хотя их места за столом заполнялись достаточно

быстро. Когда какой-нибудь из них соскальзывал на пол, служители аккуратно уносили его. Я сообразил, что уже являюсь последним из первоначальных, так что никто не заметит, если я отправлюсь на выход в этой явно традиционной манере.

Дав своим глазам закрыться, я погрузился глубоко в кресло, надеясь, что этого будет достаточно: путешествие на заваленный осколками стекла пол не прельщало меня.

Им потребовалось несколько минут, чтобы заметить, что я не функционирую, но в конечном итоге они это заметили. Сильные руки подхватили меня под коленями и под мышками, и меня вынесли.

Когда дробь шагов замерла в отдалении, я открыл глаза и увидел сумрачное помещение с нарами вдоль стен. Поблизости от меня находилось зияющее «О» рта Острова, храпящего в пьяном сне. Другие были заняты тем же. Никто не наблюдал за мной, когда я натянул перчатки, подошел к двери и выпустил самого себя. Было почти темно, я должен был покинуть лагерь и не имел ни малейшего понятия о том, как я могу это сделать.

Ворота отпадали. Я прогулялся вдоль стены к ним. Они были закрыты и заперты: сталь и бдительный часовой, присматривающий, чтобы с замками не баловались. Вдоль стены, примерно в сотне шагов друг от друга стояли часовые, и я предполагал, что существует такое же или даже большее число электронных следящих устройств. С приближением вечера были включены прожекторы, освещавшие пространство за стенами, в их свете поблескивала тянувшаяся по стенам колючая проволока.

Разумеется, все это было устроено для того, чтобы помешать кому-либо забраться сюда, но это столь же хорошо срабатывало и в противоположном направлении.

Я пошел дальше, пытаясь побороть угрожавшую овладеть мной черную депрессию. Я прошел мимо средних размеров участка, занятого атмосферными самолетами, двух взлетных полос и несколько ангаров со стоящими поблизости неуклюжими реактивными транспортными судами. С минуту я раздумывал, не украсть ли мне одно из них, но где я мог бы приземлиться, не попав в плен? Ведь я должен сегодня ночью быть в городе, а не драпать в неведомые края.

Позади самолетов находилась металлическая сеть высокой ограды, отделявшей площадку космических кораблей. Попасть туда было достаточно легко, но что толку? Я видел

в отдалении все ту же высокую наружную стену. Внезапно в небе разнеслось громыхание, ударили копья ярких огней.

Обернувшись, я следил, погруженный во мрак, как дельтакрылый истребитель тяжело заходил на посадку. Он был похож на те самолеты, что обстреливали меня у скалы Горшок. Когда он приземлился, завизжали прожекторы и реактивные двигатели взревели на реверсе, а я пустился бежать еще до того, как идея наполовину оформилась у меня в голове.

Безумно? Наверное. Но если твое дело — воровство и мошенничество, то научишься полагаться на предчувствия и тренированные рефлексы. И пока я бежал, все части плана стали на свое место, и я увидел, что это было О Н О. Изящное, быстрое, чистое и опасное. Именно то, что мне нравится. Я достал из кармана фальшивые усы и на бегу закрепил их над губой. Истребитель развернулся и вырулил на взлетно-посадочную полосу, а я рысью припустил за ним. Выехала машина встречать пилота, а бригада механиков приступила к обслуживанию истребителя. Один из них приставил лесенку, и фонарь открылся, словно пасть аллигатора.

Я побежал немного быстрее, когда пилот вылез и направился к машине. Он как раз забирался в нее, когда я, спотыкаясь, добежал до машины. Я отдал ему честь, и он мне ответил. Дородный вояка в тяжелом летном снаряжении с золотым полумесяцем майора на воротнике.

— Извините меня, сэр, — выдохнул я, — но командир приказал мне удостовериться, что у вас с документами все в порядке.

— О чем вы толкуете, черт побери? — проворчал он, развалясь на сидении. Он казался очень утомленным. Я влез на заднее сидение.

— Значит, вы не знаете... О, боже! Водитель, поезжайте быстрее! Как можно быстрее!

Водитель поехал, поскольку это было его работой, а я вытащил тюбик из держателя в кармане брюк. Когда мы удалились из поля зрения бригады техников, я поднес его к губам.

— Майор... — произнес я. Он крякнул и повернулся. Я дунул.

Он снова крякнул и поднял руку к вонзившемуся в его щеку крохотному дротику, а затем повалился лицом вперед. Я поймал его, прежде чем он упал.

— Водитель, стой! Что-то случилось с майором.

Водитель, человек явно без большого воображения, бросил быстрый взгляд на повалившегося майора и нажал на тормоза.

Как только мы остановились, я позволил ему получить второй наркодротик, и он, отключившись, присоединился к майору в стране грез.

Я опустил обоих на землю, снял с офицера летный комбинезон и шлем. С некоторым трудом я сумел натянуть его поверх собственного мундира, затем застегнул шлем, надел темные летные очки. Все это заняло меньше минуты.

Я оставил уснувшую пару в объятиях друг друга и направил машину обратно к самолету. Пока все шло хорошо, но ведь это была самая легкая часть. Я нажал на тормоза и остановился на стоянке самолета.

— Срочно! — заорал я, выпрыгивая из машины и подбегая к лесенке. — Отцепите эту штуку! Я должен взлететь!

Механики только смотрели на меня, разинув рты, но даже не пытались сделать что-то с пуповиной проводов и шлангов, соединяющей самолет с системой обслуживания. Я развернул ближайшего из них кругом и использовал носок сапога, чтобы двинуть его в правильном направлении. Он четко отреагировал, и другие тоже поняли.

Они принялись за работу. Все, кроме поседевшего младкома, рукав которого был покрыт шевронами и нашивками, а физиономия — подозрением. Он перекатился ближе и осмотрел меня с головы до ног.

— Это личный самолет майора Лонты, сэр. Вы часом не ошиблись?

— Не так сильно, как ошибаетесь вы, мешая мне. Сколько времени прошло с тех пор, как вы были рядовым?

С минуту он задумчиво смотрел на меня, а затем отвернулся, не сказав больше ни слова. Я направился к самолету. Поднимаясь по лесенке, я увидел, что младком занят рацией на машине.

Это было ошибкой с моей стороны, мне следовало бы что-нибудь сделать с этой рацией. Когда я забрался в кабину, он оторвался от рации и заревел:

— Задержите этого человека! У него нет приказа на этот полет!

Человек, поддерживающий лесенку, потянулся к моей ноге, но я уперся ногой ему в грудь и толкнул. Отправив лесенку вслед за ним, я рухнул на сидение.

Ситуация быстро развивалась в несимпатичном для меня направлении. У меня не было времени, чтобы ознакомиться

с управлением: хотя я и набрал массу летных часов, но никогда не летал на клизандских самолетах. Я не только не знал, где находится стартер, но даже понятия не имел, как включить освещение приборной панели.

Когда я все-таки включил его, лесенка стукнулась о борт самолета. Я ненавидел старых подозрительных младкомов, становой хребет военщины. Теперь мне пришлось тратить время на расстегивание летного костюма и ощупывание карманов под ним.

Несколько гранат с усыпляющим газом мгновенно очистили площадку от механиков. Некоторые лежали без сознания, в то время как другие смеялись до одурения. Младком, трусливо оставшийся за пределами досягаемости, снова ухватился за рацию.

Я поспешно изучал приборы! Вот! Маленькая черная ручка с надписью «ЗАЖИГАНИЕ». Когда я хлопнул по ней, завыли и загрохотали ожившие реактивные двигатели.

Реактивный снаряд пролетел у меня над головой через открытый фонарь. Ругаясь, я пригнулся. Двигая регулятор, я увидел, что младком стоит на колене, старательно прицеливаясь. Самолет начал медленно двигаться.

Его пушка снова жахнула, и я ощутил вибрацию, когда пуля зарылась в сидении, которое, вероятно, было бронировано. Моя первая удача. Я слегка развернул хвост, так что он оказался наведенным на этого паршивца, что поставило броню между мной и им и выдало ему хороший выброс реактивной струи в морду. Самолет брыкнул, содрогнулся и снова двинулся вперед. Я увидел, как порванный шланг для подачи горючего болтается в струе ветра, изливая свои жизненные соки. Эти идиоты не отсоединили его. Я не знал, где на этой набитой датчиками приборной панели находится указатель расхода горючего, да и не хотел смотреть на него. Логика говорила мне, что гравитация выпускает кровь машины гораздо медленнее, чем ее накачивали в баки насосы, но мне сейчас было не до логики. Мне представлялось, как реактивные двигатели замирают здесь, посреди поля, в то время как вражеские силы смыкаются вокруг меня. Я чувствовал, как кровяное давление у меня взлетает, словно скоростной лифт.

Мой деловитый маленький друг, младком, явно все еще работал на рации, потому что, когда я свернул на взлетную полосу, то увидел, что несколько грузовиков мчатся, чтобы перегородить ее, а на заднем плане рычит нечто подозрительно похожее на бронемашину. Я рванул регулятор до

отказа назад и нагнулся, снова пытаясь прочитать приборную доску.

Того, что я искал, там не было! Затем я заметил еще один ряд кнопок сбоку и с трудом разобрал надписи на них при плохом освещении. Вот оно!

Я поднял голову и увидел, что вот-вот врежусь в первый грузовик. Солдаты вываливались из него и разбегались в разные стороны.

Мои ноги лихорадочно педализировали. Я нащупал колесные тормоза и, с силой бросив руль вправо до предела, проделал вызывающий содрогание поворот. Примерно полметра было оторвано ударом о крышу кабины.

Меня ослепила оранжевая вспышка выстрела, когда кто-то выстрелил в меня, понятия не имею, куда угодила пуля. Затем самолет развернулся, и я понесся в противоположном направлении. Теперь уже на полной скорости.

Мелькали огни взлетно-посадочной полосы, все быстрее и быстрее. Я был вынужден держать руль одной рукой, в то время как другая моя рука нащупывала ремни безопасности. Одна пряжка отсутствовала, уже приближался конец ВВП, когда я обнаружил, что сижу на ней.

Я щелкнул ее и схватил руль обеими руками, когда слетел с ВВП.

Самолет не набрал взлетной скорости и не оторвался, когда я потянул штурвал на себя.

Я поскакал по грейдеру, направляясь к той каменной стене, на которую смотрел весь вечер.

Все быстрее и быстрее, к неизбежному столкновению.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я должен был это сделать в строго определенный момент. Чуть раньше или чуть позже — и то и другое было бы одинакого гибельно. Когда стена выросла перед самолетом и я мог уже рассмотреть сочленения блоков, я решил, что теперь будет в самый раз, и кулаком ударил по кнопке катапультирования.

Бам! Последовательность событий была слишком стремительной, чтобы уследить за ними. Но это сработало. Прозрачная маска защелкнулась перед моим лицом, фонарь отлетел вместе с треском взрывчатки, а сиденье хлопнуло меня с такой силой, что у меня возникло ощущение, будто мой позвоночник сократился вдвое. Совсем как в замедленной съемке я проплыл вверх и прочь от самолета, видя

перед собой отвратительно долгое мгновение голый камень стены. А затем я перелетел через нее, и теперь впереди было только темное небо.

В самой высокой точке моей дуги у меня за спиной снова раздался треск. Подняв голову, я увидел взвивающийся за мной белый столб парашюта. Я падал, а крыши зданий выглядели находившимися очень близко подо мной.

Парашют раскрылся с шуршанием, сидение отпустило меня, и в следующий миг этого зубодробительного спуска мимо пронеслась стена какого-то здания. Сиденье ударилось о землю и перевернулось. Купол парашюта медленно опустился, завернув меня в свои складки.

Должен сказать, что в тот момент я вообще ничего не видел и не делал. События развивались даже быстрее, чем я планировал, а этот последний аккорд был просто ошеломляющим.

Разинув рот, я жадно глотнул воздух, потряс головой и, наконец, собрал достаточно здравого смысла, чтобы ударить по кнопке быстрого освобождения и сбросить ремни аварийного устройства. После этого я пополз, держа голову как можно ниже, и, наконец, выбрался из-под парашюта.

Мужчина и женщина стояли на противоположной стороне улицы и пялились в моем направлении. Больше никого не было видно. Признаки активности доносились вроде бы с другой стороны, из-за обрисовывающейся позади меня большой черной стены. Пламя осветило небо, вился дым, я слышал громкие хлопки загорающихся боеприпасов. Здорово!

— Испытание нового снаряжения! — крикнул я зрителям и, повернувшись, рысью скрылся за углом. В темном подъезде я стащил с себя комбинезон и бросил поверх него шлем. Неопознанный и свободный, я зашагал к «Робот-Отелю».

— Блестяще задумано, Джим, — сказал я и слегка потрепал себя по плечу.

И в тот же миг сообразил, что теперь я нахожусь вне базы и должен найти способ вернуться туда до рассвета. Я поспешил вытолкнуть эту мысль из головы. В первую очередь — первоочередное. Я должен был отделаться от настоящего Васко для того, чтобы без опаски взять на себя его роль.

Он шевелился, когда я вошел: ерзал в постели, мотал головой из стороны в сторону. Гипнотический транс истощался, и он боролся с ним. И робот-чистильщик помогал

ему в этом: он уже убрал в номере, а теперь пытался застелить постель вместе с Васко на ней. Я двинул его сапогом, целясь в кнопку «Вернуться позже», и заказал обед на двоих.

Чтобы отвлечь подсознание Васко от беспокойства, я сделал ему сильнейшее внушение, что он прошлялся два дня без еды и что это лучший обед, какой он когда-либо за всю свою жизнь получал.

Он причмокивал, похохатывал и урчал от восторга, когда ел, а я лишь ковырял в своей тарелке. В конце концов я оттолкнул ее и заказал крепкий напиток в надежде на то, что алкоголь стимулирует мои мысли и они сложатся в какой-нибудь внятный план.

Что мне делать с моим спутником, который сейчас счастливо запихивал еду в свою разинутую пасть? Его существование являлось постоянной угрозой моему существованию: в этом мире имелось место только для одного Васко Хулио. Убить его? Это было бы достаточно легко.

Расчленить его в ванной, пропустить части тела и галоны крови через дуговую печь, и от него останется лишь пригоршня золы. Искушение было велико: он, разумеется, убил за свою жизнь достаточно людей, чтобы это можно было назвать правосудием. Однако, хладнокровное убийство — просто не мой стиль. Я убивал в порядке самообороны, не стану отрицать, но я все же сохраняю немалое уважение к жизни во всех ее формах. Теперь, когда мы знаем, что по другую сторону находится только большое небо, концепция загробной жизни окончательно перекочевала в исторические романы вместе с другими концепциями забытых религий.

С исчезновением рая и ада,мы столкнулись с необходимостью создавать рай или ад прямо здесь. Что ж, с нашей наукой, метатехникой и вспомогательными дисциплинами мы сумели продвинуться вперед, и жизнь на цивилизованных планетах сейчас лучше, чем была когда-то в черные времена суеверий. Но,вместе с тем,пришло осознание того, что у каждого из нас есть только этот короткий опыт с ярким светом сознания в бесконечно темной ночи вечности, а потому мы должны уважать существование всех остальных. И самый преступный акт, который только можно вообразить — это прекращение жизни одного из носителей сознания.

Клизандцы относились к мыслящим существам иначе, поэтому я изрядно наслаждался подсыпая им в буксы песок,

но я все равно не мог думать иначе, а потому не мог принять легкий выход, низведя заляпанного подливкой Васко до уровня составляющих его молекул. Если бы я это сделал, то был бы ничем не лучше, чем они, и ввязался бы в старую игру с целями, оправдывающими средства, и начал бы скатываться по наклонной плоскости. Я вздохнул, глотнул из своего стакана, и рисовавшиеся мне чертежи дуговой печи растаяли и исчезли.

Так что же тогда? Я мог бы приковать его к пещере с автоматическим пищераздатчиком, если бы в моем распоряжении была пещера и все прочее. Отпадает. Если бы у меня было время, я, правда, с немалым трудом мог бы изменить внешность Васко и всадить в его мозг ложную память, а потом засадить его в тюрьму или в трудовой отряд, или в сумасшедший дом, или еще куда-нибудь. Отличный план, если не принимать во внимание, что у меня не было времени для свершения чего-либо столь сложного.

Я должен был закончить дело до утра — или раньше, если не хотел перечеркнуть всю уже проделанную работу по созданию и внедрению Лжеваско. Командование базы, вероятно, уже занялись перекличкой, так что мне прежде всего следует подумать о способе попасть обратно в «Глупость», нежели беспокоиться о своем свинском спутнике.

Я заметил, что живот у него начал выпячиваться, и отключил аппарат. Он откинулся на спинку стула, вздохнул и рыгнул без видимой к тому причины. С противоположной стороны комнаты раздался шорох, открылась панель и вкатился робот-чистильщик.

— Нельзя ли мне устроить у вас хорошую чистку? — прошептал он сексапильным контральто.

Я сказал ему, что он мог бы сделать, но он не был надлежаще оборудован для выполнения инструкции такого рода, а потому только щелкал и жужжал, пока я не приказал ему заняться работой. Я мрачно следил за тем, как он суетливо убирал постель, когда во тьме вдруг забрезжила первая искра идеи.

Васко оставался в «Робот-Отеле» целый день без всяких неприятностей. Сколько же можно держать его здесь? Теоретически — вечно, если будет внесено достаточно денег на счет за номер. Но под гипнозом его нельзя продержать больше, чем день-другой, если я не буду подкреплять внушение. Или можно?

Прежде чем я смогу принять окончательное решение, я

должен проникнуть в центр управления отеля. Эта идея может оказаться результативной.

Я оставил Васко смотреть по телевизору историческую космическую оперу, внушив ему, что ничего более прекрасного он никогда не видел. Вполне возможно, что это было правдой.

Нагрузившись инструментами, я отправился в поход. Позади номеров должна была находиться служебная лестница для роботов, и она, несомненно, была узкой, темной и пыльной. Да и как бы ни был механизирован этот отель, построили его человеческие существа, и они, разумеется, могли ремонтировать его, если понадобится.

Побродив немного по нижним коридорам, я обнаружил неподалеку от входа скрытую дверь с замаскированной замочной скважиной. Дверь шла вровень со стеной и очерчивалась панелями — ее спланировали так, чтобы поддерживать вымысел, что отель на сто процентов управляется роботами. Я потратил довольно много времени на то, чтобы удостовериться, что здесь нет «клопов», и гораздо меньше на открывание самой двери. Замок был анекдотом. В поле зрения никого не было, когда я проскользнул в приоткрытую дверь и закрыл ее за собой.

Я почувствовал себя тараканом внутри радиоприемника. Электронные устройства свисали, выпирали, вспучивались, кабели и провода завивались в кольца и изгибались в этакие электроспагетти. Катушки с лентами щелкали и жужжали на компьютерах, реле замыкались и размыкались, дребезжали зубчатые передачи. Это было весьма впечатляющее место.

Я скитался по этим электронным дебрям, изучая поясняющие записи и перешагивая через боксы, в которых отдыхали сменившиеся с дежурства роботы, пока не нашел то, что можно было назвать центром управления.

Там было даже сидение перед пультом, сработанное для человеческого тела. Я свалился на него и приступил к работе. Путешествуя через эти механические джунгли, я обмозговал свой план и теперь знал, что мне следует делать.

Сперва электронные «клопы» в номере Васко. Я не хотел, чтобы номер наблюдали или прослушивали. Найти цепи подслушивания было достаточно легко, имелся даже экран монитора, который можно было соединить с любой из них. Я испробовал его и убедился, что «клопы» имеются во всех номерах отеля; в некоторых из номеров происходили кое-какие интересные вещи, но и никогда особенно не

увлекался вуайеризмом, предпочитая наблюдению участие. К тому же я теперь был женатым человеком.

А время шло быстро. Все цепи подслушивания сходились и исчезали в кабеле, проходившем через стену и шедшем в местное полицейское управление или в иное государственное учреждение, что и подало мне некую мысль.

У меня не было времени всаживать звуковую дорожку в ленту, чтобы накачивать в цепь подслушивания липовую информацию, гораздо проще было достигнуть этого путем скармливания сигнала из другого номера в провод из номера, занимаемого Васко.

Судя по тому, как все тут было оборудовано, каждый «клоп» применялся для слежения за определенным единственным номером по причине, лучше известной построившим все это. Существовал примерно один шанс на десять тысяч, что когда-нибудь заметят, что из двух номеров идет один и тот же сигнал. И это соотношение было достаточно хорошим для меня.

К тому же свыше половины номеров пустовало, что еще больше улучшало соотношение.

Теперь Васко не могли видеть и слышать. За номер и за все прочее заплачено, но прежде чем уйти, я оставляю достаточное количество денег (краденых, конечно), чтобы протянуть, если понадобится, год.

Теперь нужно было найти способ удержать Васко в номере на данный отрезок времени. Я со своим обычным воображением уже изобрел такой план. К цепи динамика к номеру был подключен маленький магнитофон и таймер; все это было замаскировано в путанице других цепей и компонентов. Я снабдил магнитофончик надлежащей записью, поставил таймер и включил его. А затем бросился обратно в номер, чтобы посмотреть, как начнет работать мое творение.

Васко все еще сидел, приклеив глаза к телеэкрану, но вздыхал, когда могучие космические корабли в лихорадке разрушения обрушивались друг на друга. Шипела бластопушка, бушевали бешеные энергии, и сквозь все это прорезался мой записанный голос:

— А теперь, Васко, слушай, слушай внимательно. У тебя был долгий, трудный день, и ты хочешь спать. Ты зеваешь. Ты собираешься отправиться на боковую. Сейчас ты заснешь крепким сном, ибо завтра будет новый день.

Это была большая ложь, ибо завтра не будет нового дня, во всяком случае, для дорогого Васко. Снова будет то же самое. Все повторится сначала. Он будет убаюкан, погру-

жен в глубокий сон и даже в более глубокий транс моим утешающим голосом. И пока он будет пребывать в трансе, ему будет приказано, чтобы он забыл этот день и снова вернулся к нему, так что он никогда не проснется утром своего последнего дня в увольнении перед явкой на активную службу.

Он проснется с легким похмельем от празднества последней ночи и не станет ничем утруждать себя. Просто поваляется в номере отеля, поест, немного почитает, посмотрит телевизор и отправится спать пораньше. Так он будет проводить время, получая от того удовольствие, пока не нарушится программа.

Это был чудесный план, защищенный, насколько возможно, от дурацких случайностей. Я скормил половину своих ликвидных фондов в коппер уплаты, и баланс настенного индикатора подскочил до астрономической цифры.

Чувствуя себя счастливым, я немедленно вышел из номера и повесил на дверь табличку: «НЕ БЕСПОКОИТЬ».

А затем я впал в депрессию, вернулся, снова зажег свет и огляделся в поисках бутылки, до сих пор снабжавшей меня столь отменным вдохновением. Увы. Васко отлично позаботился о ней.

Но как мне вернуться тайно на эту теперь втрое бдительнее охраняемую базу?

Та высокая каменная вырисовывалась в моем мозгу еще более высокой, чем в действительности. Я наделал шуму, перебираясь через нее, и поднял по тревоге всех. Было бы очень мило, если бы я мог вернуться без чьего-либо ведома, прокравшись, скажем под стеной. Увы, об этом не могло быть и речи: землеройные работы, удаление земли и тому подобное — это не то, что можно совершить за несколько часов.

Угнать самолет, перелететь и спрыгнуть на парашюте? И быть подстреленным еще до приземления. Да, для того, чтобы проникнуть на базу или покинуть ее вряд ли можно было выбрать худшее время.

Караулы будут усиленными, часовые подозрительными, а вся база будет кишеть солдатами. Но, может быть, именно это давало мне ключ к решению задачи? Обратить их силу против них, воспользоваться их многочисленностью, чтобы нанести поражение. Дзюдо в гигантских масштабах. Но как?

Ответ пришел достаточно быстро, так как проблема

была правильно изложена. Я собрал требуемое снаряжение — оно было довольно объемистым, — затем сложил его в большой чемодан, который снабдил устройством для саморазрушения.

Понадобится личина — ничего особенного, просто, чтобы спрятать мою реальную, присвоенную внешность. Ах, до каких уровней обмана приходится подниматься!

Доверху застегнутое длиннополое пальто скрыло мой мундир, моя пилотка отправилась в карман — ее заменила широкополая шляпа, — а моя старая верная седая борода устроилась на моем лице намордником анонимности. Глубоко вздохнув, я выпил капельку и, выскользнув из номера, запер за собой дверь, а ключ сунул в карман.

Проходя мимо мусоропровода, я швырнул туда ключ, и вспышка мгновенного уничтожения осветила мне путь. Отойдя на приличное расстояние, я остановил робото-такси и сунул на него свой чемодан.

— База «Глупость», главный вход, — приказал я, и мы поехали.

Безумие? Возможно. Но это был единственный способ.

Не то, чтобы у меня не скребли кошки на душе, стараясь вырваться на свободу. Рассвет уже высветлил небо, когда мы катили по подъездной улице под высокими фонарями туда, где вооруженный до зубов часовой подозрительно глядел на нас, поглаживая свое оружие.

— База закрыта! — заорал лейтенант, распахивая дверцу такси. — Что вы здесь делаете?

— База? — произнес я дрожащим голосом, довольно плохо имитируя старческий фальцет. — Разве это не Центр Морковного Сока Лиги Естественного Здоровья? Это такси привезло меня не туда...

Лейтенант фыркнул и отвернулся, а я воспользовался этим, чтобы прокатить парочку гранат между его кривыми ногами. И еще пять швырнул за ним вслед. Первые гранаты еще не успели взорваться, как я натянул противогаз поверх своей шляпы.

Ого! Обстановка становилась деловой. Гранаты были заряжены отличной смесью затемняющего сознания газа, веселящего газа и думообразователя.

Ослепленные, смеющиеся, ругающиеся и кашляющие солдаты спотыкались вокруг меня. Некоторые из них разряжали свои пистолеты. Я проложил себе дорогу сквозь их расстроенные ряды, добрался до главных ворот, поставил

свой чемодан и открыл его. Кумулятивные снаряды имели клейкую основу и прилипли к воротам, когда я пришлепнул их на место.

Реактивный снаряд ударил в ворота, и шрапнель порвала мое длинное пальто. Я рухнул наземь, выхватил две дымовые гранаты и бросил их за спину.

До того, как поднялся дым, я успел мельком увидеть приближающийся отряд, который еще находился за пределами загазованного района. Солдаты стреляли на бегу. Еще две бомбы с затемняющим газом оказались очень кстати. В такой же темноте, что и все прочие, я нащупывал капсюли и соединял их с радиоподрывным устройством.

Время убегало слишком быстро. За воротами, несомненно, уже подняли тревогу, и теперь там меня будут ждать. Но я зашел слишком далеко, чтобы отступать. Я закрыл чемодан опять же на ощупь, схватил его в охапку, осторожно проследовал вдоль стены и нажал кнопку передатчика у себя в кармане.

В темноте грохнули взрывы, за ними последовал лязг стали.

Будем надеяться, что в воротах проделано отверстие.

Я, спотыкаясь, вернулся ко входу сквозь звуки бедлама в окружавшей меня темноте.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дыра там была. Об этом свидетельствовали проблески света, пробивавшиеся с той стороны сквозь клубящееся дымовое облако. По ту сторону были также и солдаты, судя по граду огня из ручного оружия, лязгавшего по двери. Несколько случайных пуль пронеслись сквозь недавно прожженное отверстие. Позади меня раздались вопли, когда в кого-то попали. Эти дураки стреляли друг в друга, помогая распространению паники.

Держась в стороне от линии огня из-за ворот, я швырнул в отверстие гранату, еще одну, еще... И когда дым здесь рассеялся, а там достиг предельной густоты, пролез в дыру сам, как можно быстрее и как можно тише.

Да, шум здесь стоял отменный! Стонали сирены, орали солдаты, лаяло оружие — царила предельная сумятица. Я бросил несколько гранат во всех направлениях, стараясь забросить их как можно дальше, чтобы расширить накрываемый район. Последние гранаты — их осталось всего полдюжины — я приберег на случай особой необходимости,

набив ими карманы пальто. В том, что такая необходимость возникнет, я не сомневался.

Мина самоуничтожения на чемодане имела пятисекундную выдержку. Я включил взрыватель и отшвырнул чемодан.

Вдоль стены, моего единственного ориентира в этой тьме, я прокрался к караульной, замеченной мной, когда я в первый раз изучал ворота. Тогда там был припаркован целый выводок машин, и я молил бога, чтобы там осталась хотя бы одна из них.

Облако поредело, и я швырнул вперед две гранаты. В темноте я услышал шум — звуки заводимого мотора. Забыв об осторожности, я побежал. Кто-то врезался в меня и тяжело упал, но я удержался на ногах и, спотыкаясь, побежал дальше. Затем я споткнулся о край тротуара и упал, но быстро поднялся и побежал, потеряв при этом шляпу. Мотор зарычал громче, а потом я увидел за краем дымового облака приземистый фургон.

Он поворачивал, готовый двинуться вперед по дороге, и я бросил как можно дальше две из оставшихся четырех гранат. Водитель нажал на тормоза, когда перед ним выросли грибовидные облака, а я, очутившись у дверцы, рывком открыл ее.

Он был в белом облачении повара, с колпаком и всем прочим. Я протянул руку и выволок его на себя, а когда он выбрался, отвесил ему резкий удар правой по отвисшей челюсти. В то же мгновение я очутился на месте водителя и переключил скорость на первую, а потом бросил машину вперед, предоставив дверце захлопнуться самой от ускорения. Вырвавшись из дыма, я увидел, что уже совсем рассвело.

«Отлично проделано», — поздравил я себя, а затем сбросил скорость, чтобы не обращать на себя внимания. По улице мне навстречу рысью бежали новые солдаты, я постарался опуститься на сидении как можно ниже и начал сдирать седую бороду. Самое время вновь вернуться к роли Васко.

Вдруг в моей голове взорвалась звенящая боль, эпицентр которой находился чуть выше виска. Я вскрикнул, отпрянул в сторону, потянув за собой руль, в результате чего фургон понесся на взвод солдат, рассеявшихся во всех направлениях. Что-то мелькнуло мимо угла моего глаза, я отпрянул, и второй удар угодил мне в плечо, так что я почти не почувствовал его через одежду. Из задней части фургона высовывалась белая рука, державшая тяжелый молоток. Я с силой крутнул руль, и рука исчезла из поля зрения: види-

мо, тот, кому она принадлежала, упал. В спешке я позабыл, что в фургоне могут быть и другие люди.

Как раз перед фургоном у стены распростерся испуганный офицер. Я снова крутнул руль и едва-едва разминулся с ним, так что мы хорошо разглядели друг друга, пока фургон проносился мимо него. Мой противогаз и борода наверняка произвели на него впечатление, и он незамедлительно доложит об этом по рации.

Время истекало. Снова появились рука и молоток, но я рубанул по запястью ребром ладони и отобрал молоток. Как только я свернул за ближайший угол, я с силой нажал на педаль газа и бросил молоток обратно владельцу с гранатой впридачу, заставив, по крайней мере, этот источник неприятностей на время притихнуть. Я выпрямил волнистый путь фургона и осторожно коснулся растущей шишки на голове. В этот момент впереди меня на дорогу вырулили две бронемашины и помчались ко мне. Я затормозил и свернул на следующем перекрестке. Фургон стал больше помехой, чем активом, и мне следовало избавиться от него.

Но что потом? Я не хотел оказаться обнаруженным вдали от своей квартиры, что немедленно вызвало бы подозрения, однако офицерские здания находились в противоположном конце базы. Но офицерский клуб был не слишком далеко отсюда, в зоне отдыха. Смогу ли я попасть туда? Может ли быть так, что упившиеся на вчерашней попойке офицеры все еще лежат на нарах, где я их оставил? Это был слишком хороший шанс, чтобы упускать его, потому что если я смогу вернуться на свое место на нарах, то, конечно, буду вне подозрения.

Клуб был достаточно близко. Были машины впереди меня, которые мчались ко мне, несомненно, еще больше машин было позади меня, но ни одной достаточно близко в этот момент. На ходу я терял свою маскировку: пальто, борода, противогаз отмечали мой след.

Я запихал оставшуюся гранату в карман, натянул пилотку, расправив ее на военный лад, и строевым шагом завернул за угол. Отделение солдат высыпало из казармы. Строясь в ряды, они игнорировали меня, всего лишь еще один мундир среди мундиров.

Офицерский клуб приближался. Еще два поворота, и я у цели. Передняя дверь была заперта, но я знал, где вход в комнату с нарами. Я как раз готовился завернуть за угол, когда услышал разговор двух солдат и задержался.

— Это все?

— Почти, сэр. Остались двое, которых мы никак не можем разбудить. И один не желает слезать с нар.

— Я с ним поговорю.

Я выглянул из-за двери и тут же быстро нырнул обратно.

Я прибыл слишком поздно. Офицер как раз заходил в дверь комнаты с нарами, а кругом мельтешило множество солдат, ведущих похмельных офицеров в поджидавший фургон. Думай побыстрее, Джим, время истекает. Я подбросил последнюю гранату на ладони, а затем прихлопнул большим пальцем активатор. Если я смогу присоединиться к пьяной компании, то буду в безопасности, а это стоило риска. Держа руку за спиной, я шагнул за угол — никто не смотрел в мою сторону — и быстрым взмахом забросил гранату как можно дальше, через фургон.

Взорвалась она славно: глухой удар, бум, тучи дыма, крики солдат... И все они смотрели в одном и том же направлении. Восемь быстрых шагов привели меня за их спины, к сидевшему офицеру, который что-то бормотал про себя, игнорируя все остальное. Я наклонился, сочувственно соглашаясь с его малопонятными жалобами и помогая ему подняться на ноги.

Затем солдаты стали помогать мне. Они подхватили меня и, поскольку я не производил впечатления человека, твердо стоящего на ногах, повели нас обоих к поджидавшему фургону. Я споткнулся и чуть не упал, а они поспешили поддержать меня. Теперь сцена была оборудована — ведь мне предстояло сделать еще одну вещь.

Повар из фургона непременно доложит, что он ударил шпиона по голове. Последует приказ, искать рану на голове — вроде той, которая украшает мой череп. Я не мог избавиться от шишки на черепе, но я мог замаскировать ее. Это будет болезненно, но необходимо.

Солдаты помогли мне влезть на первую ступеньку, и я начал подниматься. Но как только они меня выпустили, я промахнулся, ступил мимо следующей ступеньки и, рухнув назад между ними, треснулся головой о землю.

Я ударился сильней, чем планировал, мне показалось, что в мою и так болевшую голову влили расплавленный свинец, и я, должно быть, на миг отрубился. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что сижу, а по моему лицу течет кровь, я этого не планировал, но это, разумеется, добавляло красивый штрих. Ко мне бежал солдат с аптечкой.

Меня забинтовали, успокоили и снова повели в фургон,

но на этот раз поддерживали до тех пор, пока я не оказался внутри. Это было кстати, потому что чувствовал я себя ужасно. Волоча ноги, я пробирался в противоположный конец, подальше от входа, когда меня окликнул голос:

— Васко... — Голос сменился глухим кашлем.

Мой напарник Остров был тут как тут. Он выглядел помятым и несчастным.

— Выпить нет? — спросил он. Это явно было его утренним обычаем.

Увы, во время нашей поездки я мог передать ему лишь свои соболезнования, а не спиртное.

Раздались обиженные крики, когда началась разгрузка этого вытрезвителя на колесах. Офицеры присматривали за тем, чтобы пьяные не разбрелись по своим квартирам, а были бы доставлены к одному из административных зданий. Я жаловался вместе с остальными, хотя и ожидал чего-то вроде этого. Кто-то сбежал с базы «Глупость», кто-то другой проник на нее. Надо было сосчитать оставшихся и установить, есть ли лишняя или отсутствующая голова.

Нас, спотыкающихся на каждом шагу, привели в зал ожидания и начали вызывать по одному на беседу с батареей чиновников от устава. Пока мы ждали, возникло оживленное движение по маршруту к уборной и обратно, и я встал в очередь. Главным образом для того, чтобы оставить немного мыла на пальцах при мытье рук. Потом я втер его себе в глаза. Оно жгло, словно кислота, но я терпел целую минуту, прежде чем ополоснулся. Мои глаза прожигали меня из зеркала, словно пара углей. Превосходно!

Когда подошла моя очередь, я показал чиновнику свое удостоверение и дал проверить свое имя по расписанию дежурств. Я, как и все прочие, надеялся, что нам позволят скоро уйти. Прошло некоторое время, и многие офицеры начали укладываться спать на скамейках. Я присоединился к ним. Ночь была напряженная. Какая маскировка может быть для шпиона лучше, чем сон в сердце врага.

Наступившая внезапно тишина разбудила меня, задремавшего под кряхтение и жалобы моих собратьев-офицеров, топот приходящих и уходящих солдат, деловитое жужжание конторских машин. Все эти звуки вдруг прекратились и сменились безмолвием. В тишине послышался сперва отдаленный, а затем все приближающийся звук шагов единственной пары ног. Кто-то подошел ко мне и пошел дальше, а я держал глаза закрытыми и старался ровно дышать.

Только когда шаги начали отдаляться, я чуть приоткрыл глаза.

Я еще больше удивился воцарившемуся безмолвию, потому что то, что я увидел, было всего лишь спиной человека, спиной неопределенного вида, чуть сутулой. Человек был одет в мятый мундир из невпечатляющей бледно-серой ткани, на голове у него была пилотка из того же материала. Я не мог вспомнить, чтобы видел раньше такой мундир, и гадал, что же могло произвести такое впечатление. Зевая, я сел и почесал голову под бинтом, наблюдая за пришедшим. Достигнув противоположного конца помещения, он повернулся к нам лицом.

Спереди он выглядел не более внушительным, чем сзади. Волосы песочного цвета, слегка редеющие на макушке, нарождающаяся жировая складка и двойной подбородок, чисто выбритое, незапоминающееся лицо. И все же, когда он заговорил тоном старого школьного учителя, все присутствующие офицеры хранили мертвое молчание.

— Офицеры, некоторые из вас, бывшие достаточно трезвыми, могли слышать взрыв и видеть облако дыма на пути сюда. Взрыв этот был произведен неким лицом, проникшим на данную базу и все еще находящимся неопознанным в нашей среде. Мы ничего не знаем о нем, но подозреваем, что он инопланетный шпион.

Это сообщение, как и можно было ожидать, вызвало аханье и ропот. Серый человек подождал с минуту, а потом продолжил:

— Мы производим интенсивные поиски этого человека. Поскольку вы, господа, находились в непосредственной близости от места происшествия, я намерен побеседовать с вами по одному, чтобы выяснить, что вы можете знать. Я также могу обнаружить, что этот прокравшийся сюда шпион... один из вас.

Эта последняя стрела вызвала только потрясенное молчание. Приведя присутствующих в подавленное состояние, он начал вызывать офицеров по одному. Я благодарил провидение, столь удачно грохнувшее меня головой о землю.

Я оказался третьим не случайно. Но на каком основании? Общее сходство в телосложении с инопланетным шпионом Пасом Ратунковым? Бинт? Какая-то основа для подозрений должна была существовать. Я потащился вперед с той же малой скоростью, что и мои предшественники. Отдал честь, и он указал мне на стул рядом с письменным столом.

— Почему бы вам не подержать это, пока мы беседу-

ем? — произнес он рассудительным тоном, вручая мне серебряное яйцо передатчика детектора лжи.

Настоящий Васко не узнал бы его, поэтому и я не узнал его. Я просто посмотрел на яйцо с легким интересом — как будто не знал, что эта штука передает информацию в детектор лжи, — и стиснул его в своих ладонях. Мысли мои не были такими спокойными:

Я попался! Он меня раскрыл! Он знает, кто я, и просто играет со мной!

Он глянул в мои налитые кровью глаза, и я заметил, как его рот слегка скривился от отвращения.

— У вас была еще та ночка, лейтенант Хулио, — сказал он, поглядывая на лист бумаги и на дисплей детектора лжи тоже.

— Да, сэр... Знаете... выпил несколько рюмочек с ребятами.

Это я произнес вслух. А подумал про себя вот что: ведь они застрелят меня, продырявят мое сердце!

И представил себе, как этот жизненно важный орган выплескивает в грязь мою живую кровь.

— Я вижу, вас недавно понизили в звании... и где ваши взрыватели, Пас Ратунков?

«Как я устал, как бы я хотел оказаться в постели», — подумал я.

— Взрыватели, сэр? — Я моргнул своими красными глазами, поднял руку, чтобы почесать голову, но, коснувшись бинта, подумал, что лучше не надо. Его глаза впились в мои — серые глаза, почти одного цвета с его мундиром, — и на миг я уловил за его спокойствием силу и гнев.

— А ваша рана на голове, где вы ее получили? Нашего инопланетного шпиона ударили сбоку по голове.

— Я упал, сэр, меня, должно быть, кто-то столкнул с фургона. Рану перевязывали солдаты, спросите их...

— Уже спросил. Напился, упал и опозорил офицерский корпус. Убирайтесь и попытайтесь почиститься, вы вызываете у меня отвращение. Следующий.

Я нетвердо поднялся на ноги, не глядя в эти холодные глаза, и пошел было, словно позабыв, что держу в руке прибор, а затем вернулся и уронил яйцо на стол. Мужчина в сером, склонившийся над документами, игнорировал меня. Я разглядел чуть заметный шрам под редкими волосами на его лысеющей макушке. И я ушел.

Чтобы одурачить детектор лжи, требуется умение, практика и тренировка. У меня все это имелось. Сделать такое

можно лишь при определенных обстоятельствах, и теперешние были идеальными. Обычный допрос без проведения тестов на нормальные реакции субъекта. Я постарался начать допрос почти в панике, причем привел себя в такое состояние до того, как были заданы первые вопросы. Красивые пики, вырисованные самописцем прибора, отразили это. Я боялся. Его, чего-то, чего угодно. Но когда он начал задавать свои вопросы — вопросы с подковыркой, предназначенные для разоблачения шпиона, но которых я ждал, — я расслабился, и прибор показал это. Вопрос о взрывателях был бессмысленным для всякого, кроме инопланетного шпиона. Когда он увидел, что этот вопрос не сработал, он прервал допрос, так как у него было еще много работы.

Остров сидел мертвецки трезвый, с глазами большими, как блюдца, когда я вернулся и упал на скамейку рядом с ним.

— Чего он хотел? — спросил он глухим шепотом.

— Не знаю. Он спросил меня о чем-то, чего я не знаю, а потом все кончилось.

— Надеюсь, он не захочет побеседовать со мной.

— Кто он?

— Разве ты не знаешь? — недоверчиво спросил он, явно потрясенный моим вопросом.

Я начал отступать, осторожно прикрывая полное отсутствие информации.

— Но ведь все знают Края!

— Так это он?.. — ахнул я, постаравшись выглядеть столь же испуганным, как и он. Кажется, это сработало, потому что он кивнул, глянул через плечо и вновь замер в прежней позе.

Я поднялся и снова пошел в уборную, чтобы прикончить наш разговор на этом самом месте. Все знают Края...

Кто же такой Край?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отправка на вторжение пришла как облегчение для всех: лучше уж миля, спокойная война, чем подозрения и страхи, волновавшие базу «Глупость» в последние дни. Были внезапные тревоги и звуки сапог патрульных во все часы дня и ночи. Я гордился бы своими успехами в деле сеяния семян беспорядка, если бы одновременно не был сам жертвой этого самого беспорядка. Планы вторжения, должно быть, зашли слишком далеко, чтобы их изменять,

потому что при всех волнениях мы все же придерживались расписания. В «День Х» минус два дня все бары закрылись, дабы мог начаться процесс протрезвления войск. Немногие, включая меня и Острова, догадались припрятать бутылки, позволившие нам протянуть еще немного, но и этот источник иссяк, когда наши чемоданы отправили на хранение, а нам выдали заранее упакованные ранцы. У меня имелась банка порошкового спирта, замаскированная под зубной порошок, приберегаемая на черный день, который мог наступить при одной лишь мысли о грядущих неделях без выпивки, так что мы с Островом прикончили порошок в один день — в «День Х минус один». А потом после очередной полуночной проверки на месте и обыска нас собрали и — «шагом марш!» — препроводили в район отправки.

Темные ряды космических кораблей ожидали нас за воротами. Нас вызывали по одному и отправляли на предназначенные для нас места.

Вначале я подумал, что это довольно глупый способ организовать вторжение. Никаких планов, никаких схем, никаких накачек, никаких тренировок, никаких маневров — словом, ничего. А потом до меня дошло, что это был идеальный способ устраивать вторжения, если вы желаете сохранить все в тайне. Пилоты имели большой опыт кораблевождения и получат еще больший в предстоящем полете. Солдаты были готовы драться, источники снабжения — снабжены. А где-то наверху находились запертые боксы с планами, лентами курсов и тому подобное. И все это не будет открыто до тех пор, пока мы не окажемся в изоляции, с работающими двигателями искривления пространства, и возможность каких-либо внешних связей будет исключена. Все это облегчало мне жизнь, поскольку у меня было мало возможностей оплошать по части знания того, что полагается знать клизандцу.

Я с большим удовольствием узнал, что мне предстоит пилотировать десантный транспорт. Это была роль, которую я мог выполнить с честью. Мой однокомнатник на базе тоже не был человеком случайным, потому что спустя несколько минут после моего появления в навигационной рубке туда же заявился Остров и объявил, что он будет моим вторым пилотом.

— Чудесно, — сказал я. — И сколько же часов ты налетал на транспортах класса «Павиан»?

Он признался, что цифра эта, увы, довольно низкая, но я похлопал его по плечу.

— Тебе повезло. В отличие от большинства первых пилотов твой старый дядя Васко не эгоист. Нет такой жертвы, которую нельзя было бы принести для старого собутыльника. Я собираюсь позволить тебе произвести взлет, а если ты проделаешь это так хорошо, как я надеюсь, то я смогу позволить тебе совершить и посадку тоже. А теперь вручи мне список пассажиров.

Его благодарность не знала границ. Он даже признался мне в том, что бережет свою авторучку на по-настоящему черный день, потому что заправлена она двухсотградусным спиртом, и мы оба с удовольствием пустили себе в рот по струйке. И затем с чувством удовлетворения и опаленными глотками следили, как подходят строевым шагом солдаты и вливаются в погрузочные шлюзы далеко внизу. Спустя несколько минут в навигационную рубку вошел, печатая шаг, седовласый бородатый полковник в полном обмундировании.

— Пассажирам сюда вход воспрещен, — сказал я.

— Заткните рот, лейтенант. У меня ваши ленты с курсом.

— Ну так не позволите ли мне получить их?

— Что? Вы, должно быть, сошли с ума или шутите, а в бою и то и другое — преступление.

— Я, должно быть, на грани, полковник. Сами знаете...

— Да, — слегка смягчился он. — Я полагаю, что следует делать допуски. Всем было нелегко. Но теперь все это у нас позади. Победа Клизанду!

— Победа Клизанду! — ритуально отдали дань и мы. На протяжении последних двух дней это приходилось делать часто. Полковник посмотрел на часы.

— Почти время. Приготовьте командную цепь, — приказал он.

Я мигнул Острову, и он незамедлительно нажал нужную кнопку. На экране дисплея вспыхнули слова: «Есть готовность». Мы встали. Затем надпись начала мигать и сменилась другой: «Установите курс». Полковник достал из сумки контейнер с лентой, и нам пришлось расписаться в качестве свидетелей на бланке, из коего следовало, что лента, когда мы ее получили, была запечатана.

Остров вставил ленту в компьютер, и полковник, удовлетворенно хмыкнув, как человек, выполнивший работу, повернулся, чтобы уйти. Однако с порога он сделал прощальный выстрел через плечо.

— И чтобы никаких этих приземлений на десяти «же»,

которые вы, дебильные пилоты, кажется, очень обожаете. Если такое случится, я отдам вас под военно-полевой суд.

Ждать и догонять — обычное дело для всех военных сил, и именно этим мы занялись в дальнейшем. Пассажиры были приняты на борт по списку, и мы ждали, наблюдая, как корабли взлетают один за другим, пока большинство их не улетело. Транспорты отправлялись последними. Зеленый сигнал «Взлет» появился как облегчение. Мы были на пути к неизвестной планете, вращавшейся вокруг неизвестного солнца с точки зрения любого из нас. Лента сказала компьютеру, куда мы отправляемся, но не снизошла до того, чтобы уведомить об этом нас.

Этот покров секретности не нарушался до самого вторжения. Мы были в пути семь дней. И это без какой-либо выпивки; корабль пилотировался компьютером, а замороженные пайки трудно было назвать съедобными. На стайерской дистанции, без улучшающего действия алкоголя Остров оказался менее чем блестящим спутником. Какой бы разговор мы ни начинали, он неизменно кончался повторением анекдотов о его школьных днях.

Пока он болтал, я обычно дремал, и у него по этой части, кажется, не было возражений. Я устраивал ему проверки по знанию приборов и манипуляций с ними, муштровка шла ему на пользу, а меня знакомила с управлением корабля и его оборудованием.

Поскольку корабль был полностью автоматизирован, мы с Островом были единственными членами экипажа на борту. Дверь в помещение для солдат была заперта, и ключ имелся только у моего грубоватого друга полковника. Он навестил нас разок-другой, чем не доставил нам никакого удовольствия. На седьмой день он стоял у нас за спиной, прожигая мне взглядом шею, когда мы вышли из искривленного пространства в нормальный космос.

— Возьмите это, проверьте печать и распишитесь тут, — рявкнул он, и мы все это проделали прежде,чем он сломал печать на плоском футляре. Большими буквами на нем было написано: «ВТОРЖЕНИЕ», что достаточно ясно намекало, что скоро будет жарко. Мои инструкции были достаточно простыми: я должен был следовать за лидером эскадры к определенной точке, а затем к указанной цели. Желтоватое солнце ярко светило с одной стороны, голубая сфера планеты находилась с другой.

Полковник прожигал эту планету таким взглядом, как будто хотел протянуть руку, сграбастать ее и откусить

кусок. Так что будущее развитие событий казалось доста точно очевидным и без любых вопросов

Вторжение началось. Большая часть флота была впереди нас, затерянная в ночи космоса и видимая только иногда, когда они меняли курс: в эти моменты во тьме вспыхивала сеть искр. Наша эскадра транспортов держалась компактно, следуя курсом, устанавливаемым ведущим кораблем. Планета росла на передних экранах.

С этого расстояния она выглядела достаточно мирной, хотя я знал, что передовые части флота к этому времени уже должны были ее атаковать.

Разумеется я не ждал с нетерпением этого вторжения — кто, кроме сумасшедшего, может наслаждаться перспективой надвигающейся войны, — но надеялся найти здесь ответ на вопрос, приведший меня сюда. Я по-прежнему считал, что межпланетные вторжения невозможны, несмотря на тот факт, что теперь сам участвовал в таковом. Я чувствовал себя человеком, увидевшим в зоопарке одно из наиболее экзотичных животных и сказавшим: «Такого животного нет, потому что его быть не может».

Межпланетные военные силы мчались вперед, могучая армада, доказывающая, что моя теория является ложной. Когда безымянная планета увеличилась и заняла весь экран, я увидел первые признаки войны, которая, как я знал, уже должна была быть в разгаре. Крошечные искорки света на ночном полушарии. Остров тоже увидел их. Он замахал кулаками, подзадоривая тех, кто, конечно же, не мог его слышать.

— Задайте им, ребята! — кричал он.

— Заткнись и следи за своими приборами! — зарычал я, чувствуя, что вдруг возненавидел Острова. И сразу же пожалел его. Ведь он был продуктом среды, окружавшей его. Если прут согнут, из него вырастет кривая ветка и так далее. Остров на стадии прута был аккуратно согнут военной школой-интернатом. В которую его запихали в малолетстве. И о которой он по какой-то неизвестной причине все еще был хорошего мнения, хотя все рассказанное им мне о ней носило либо депрессивный, либо садистский оттенок.

Затем наша группа кораблей распалась. Каждый транспорт выходил на свою цель.

Я повозился с рацией, молча проклиная клизандскую страсть к секретности. Вот я приземляюсь и даже не знаю, куда! Разумеется, на планету, которая сейчас подо мной —

этот факт они не могли особо хорошо замаскировать. Но на какой континент? В каком городе?

Все, что я знал, это то, что первыми при вторжении прошли корабли-следопыты и посадили радиомаяки. Я имел частоту и слушал сигнал, который должен был слушать. Я должен был вести по этому сигналу корабль, а затем посадить его. И я знал, что целью был космопорт. Вместе с последними инструкциями я получил несколько больших и четких фотографий, на которых космопорт был виден с воздуха и с земли — клизандские шпионы явно поработали усердно. Большое красное «X» отмечало место, где, неподалеку от здания вокзала, я и должен был посадить свой корабль.

Сигнал был громким и четким.

— Пристегнуть ремни, — скомандовал я, — мы прибываем. — Я скормил инструкции компьютеру. Он почти мгновенно выработал траекторию приземления и включил главные реактивные двигатели. — Предупреди полковника, а затем угости его сведениями о расстоянии и высоте, пока я позабочусь о корабле.

Мы падали к терминатору, летя в зарю. Компьютер, прицепившийся к передатчику, медленно и осторожно опускал нас по огромной дуге. Когда мы пробились сквозь облачный покров и далеко внизу стала видна земля, а заметил первые признаки сопротивления. Вокруг нас начали распускаться черные облачка разрывов.

— Они стреляют в нас! — Потрясенный Остров икнул.

— Так это же война со стрельбой, разве не так? — Я гадал, что он за ветеран, если его тошнит от пушечной пальбы, в то время как пальцы мои, перехватив у компьютера управление, вырубили главные реактивные двигатели. Мы летели вниз в свободном падении, и следующая серия разрывов появилась выше и позади нас, так как компьютер пушки не мог предвидеть предпринятый нами маневр.

Далеко внизу я увидел космопорт и включил боковые реактивные двигатели, чтобы несколько изменить направление нашего движения, однако мы продолжали падать. Показания приборов анализировались компьютером, который продолжал вспыхивать красным, предупреждая о близкой земле. Я поспешил дать ему программу приземления с торможением, которая должна была уронить нас на нулевую высоту при ускорении десять «же». Это означало, что мы будем падать на максимальной скорости, а потом быстро сбросим ее, что уменьшит время, когда мы будем

открыты для наземного огня. И я хотел, чтобы полковник получил те десять «же», о которых он предупреждал меня.

Реактивные тормозные двигатели включились на высоте, не превышающей, казалось, верхушки деревьев, вдавив нас в кресла. Я улыбнулся, хотя сделать это нелегко, когда тебя прижимает твой десятикратно возросший вес, думая о выражении лица полковника в этот момент.

Следя за экраном, я добавил скорость бокового смещения, и вскоре мы оказались точно над назначенной нам целью. После этого все легло на компьютер, который прекрасно справился с этой задачей и выключил моторы как раз тогда, когда захрустели корабельные опоры для приземления. Как только моторы выключились, я ударил по кнопке выгрузки, и корабль задрожал от отдачи выброшенных трапов.

— На этом наша роль исчерпана, — сказал я, расстегивая ремни и потягиваясь.

Остров присоединился ко мне возле иллюминатора, и мы вместе следили, как солдаты слетали по трапам и бежали в укрытия. Они, казалось, вообще не несли потерь, что было удивительно. Поблизости было видно несколько бомбовых кратеров и кучи щебня, а истребители-бомбардировщики все еще ревели на малой высоте, обеспечивая нам прикрытие. И все же казалось невозможным, что так быстро удалось сломать сопротивление.

Вот каким мог быть ответ, объясняющий успех клизандских вторжений: знай и выбирай планеты, созревшие для срывания. Я мысленно сделал заметку: следует разузнать об этом побольше. Следом за солдатами из ракеты выехал полковник на своей машине. Я надеялся, что кишки у него все еще спрессованы от приземления.

— А теперь мы должны найти выпивку, — заявил Остров, предвкушающе чмокая губами.

— Пойду я, — поспешно объявил я, хватая личное оружие и пристегивая его к поясу. — Ты останешься с рацией сторожить корабль.

— Именно это всегда говорят первые пилоты, — пожаловался он, дав мне понять, что я поступил правильно.

— Привилегия звания. Когда-нибудь и ты ей воспользуешься. Я буду отсутствовать недолго.

— Бар космопорта там, где он обычно находится, — крикнул он мне вслед.

— Не учи щуку плавать, — фыркнул я. Местонахождение бара я уже вычислил.

Все внутренние двери автоматически открылись, когда мы приземлились. Я спустился по лестницам на недавно освободившуюся палубу и пинками расчистил себе путь сквозь груды выброшенных контейнеров от пайков к ближайшему трапу. Свежий утренний ветер, проникший внутрь корабля, принес с собой запахи пыли и взрывчатки. Мы принесли на другую планету преимущества клизандской культуры.

Я слышал отдаленную стрельбу. Прогремел и пропал вдали реактивный самолет, и после этого стало очень тихо. Вторжение веером расходилось от космопорта, оставляя в кильватере очаг безмолвия. Никого не встретив, я прошел непроверенным через таможню и нашел бар. Первое, что я сделал, это высосал бутылку пива, а затем плеснул в стакан немного антаресского. За стойкой выстроились ряды бутылок, новых и старых. В поисках коробки или сумки я открыл дверцу под стойкой. Неожиданно оказалось, что я смотрю в испуганные глаза прячущегося там молодого человека.

— Не мортигу мин! — завопил он.

«Не убивай меня!» — вот что означали его слова на эсперанто, которым я владел в совершенстве. Я ответил ему на том же языке.

— Мы находимся здесь для того, чтобы освободить вас, так что я не собираюсь причинить тебе никакого вреда. — Слух об этом мог дойти до властей, и я хотел произвести нужное впечатление. — Как тебя зовут?

— Пир.

— А как называется эта планета? — Для молодого человека мой вопрос мог показаться идиотским, но он был слишком испуган, чтобы заметить это.

— Бурада.

— Вот и прекрасно. Я рад, что ты решил быть правдивым. И что же ты можешь рассказать мне о Бураде?

Не скажу, чтобы я выразился очень удачно, во всяком случае, он был слишком ошеломлен, чтобы ответить. Какое-то время он молча разевал рот, затем вылез из шкафа под стойкой и повернулся, видимо, в поисках ответа. Он нашел буклет, который молча передал мне. У него была трехмерная обложка, на которой был изображен океан с великолепными деревьями на берегу; картина ожила, как только ее коснулось тепло моей ладони: волны начали бесшумно разбиваться о золотой песок, ветви деревьев зашевелились от прикосновения неощутимого ветра. По небу

поплыли сложившиеся из облаков буквы и я прочел:

ПРЕКРАСНАЯ БУРДА... МИР—КУРОРТ ЗАПАДНОГО ИСКРИВЛЕНИЯ...

— Грабим и якшаемся с врагом, — произнес знакомый и ненавистный голос. Я медленно обернулся и увидел моего друга полковника с нашего корабля. Он стоял и держал в руках гауссовку, а на лице его было то, что можно назвать мерзкой улыбкой. — И еще приземление на десяти «же», — добавил он, несомненно, называя истинную причину своей злобы, — что не является подрасстрельным преступлением, хотя первые два являются.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Пир придушенно взвизгнул и отпрянул — слов полковника он не понял, но его манеры и его оружие были достаточно красноречивы. Я улыбнулся как можно холоднее, стараясь не привлекать внимание полковника к тому, что мои руки находятся вне поля его зрения— ниже стойки. Повернувшись к юноше, я показал на противоположный конец помещения и приказал ему убираться туда. Он мигом шмыгнул в угол, и пока происходило это маленькое отвлечение, я сунул туристический буклет в карман и высвободил из кобуры свой пистолет. Когда я повернулся к полковнику, я увидел, что он поднял свою гауссовку.

— Вы ошибаетесь, — сказал я. — А также оскорбляете собрата-офицера, бывшего недавно лет-майором. Я помогаю нашим силам вторжения обеспечить неприкосновенность этого питейного заведения, дабы помешать любому из ваших солдат позорно напиться во время выполнения боевого долга и тем самым повредить нашим всесторонним усилиям. И, находясь в этом месте, я взял в плен местного жителя, прятавшегося здесь. Это, и только это произошло здесь, а в случае чего мое слово будет против вашего, полковник.

Он направил на меня дуло гауссовки и сказал:

— Нет. Будет только мое слово: я поймал вас на грабеже и вынужден был застрелить, когда вы сопротивлялись при аресте.

— Меня трудно застрелить, — заметил я, позволяя дулу своего пистолета выскользнуть из-за края стойки и посмотреть в правый глаз полковника. — Я отличный стрелок, и один из этих разрывных снарядов обязательно снесет вам макушку.

Он явно не ожидал столь находчивого ответа от офицера-летчика и заколебался. Пир слабо взвизгнул, после чего раздался глухой стук. Я предположил, что он шлепнулся в обморок, но был слишком занят, чтобы это проверить. Убийственная немая сцена продолжалась с минуту, и было совершенно невозможно предсказать, чем она закончится, но в этот момент в помещение влетел солдат с полевой сумкой и рацией. Полковник взял трубку и вернулся к войне, в то время как я сунул пару бутылок под куртку и удалился через другую дверь, перешагнув через Пира, лежавшего без сознания и, несомненно, лучшим образом разрешившего возникшую проблему. Я исчез прежде, чем полковник осознал это, отнес выпивку на корабль и служебным лифтом отправил ее Острову.

— И не выпей больше одной! — приказал я, а его голос через некоторое время ответил мне счастливым воплем.

Теперь я был предоставлен самому себе и намеревался с максимальной пользой использовать предоставившуюся свободу. Битва все еще бушует, так что за моими передвижениями следить не будут, и я могу заняться наблюдениями. Конечно, меня тоже могли убить, но это не больше чем одна из случайностей моей опасной службы.

Коль скоро вторжение преуспеет, передвижения здесь будут резко ограничены, а я, вероятно, вскоре окажусь на пути обратно в Клизанд. Туристский буклет все еще находился у меня в кармане, и тепло моего бедра поддерживало происходящее на обложке действие. Я открыл его и перелистал страницы, где было много иллюстраций и мало текста. Это была обычная, в меру навязчивая реклама с тихой музыкой, источником которой являлась иллюстрация плавучего оркестра в прекрасном заливе Сабу, и запахом цветов с полей Канапе. Я ожидал, что иллюстрации, изображающие катание на лыжах в Карских горах, покажут, как падает снег, но так далеко техника рекламы, видимо, не зашла. Там была и карта, показывающая космопорт и город, хотя вообще-то она была схематическая и потому никчемная, все же она сообщила мне, что я стою в космопорте Сукук, неподалеку от города Сукук. Я закрыл буклет и отправился смотреть достопримечательности.

Гнетущее зрелище. Немало пройдет времени, прежде чем туристы вернутся на эти солнечные берега. Я шел по пустынным улицам, выщербленным взрывами и обожженным огнем, гадая, какую цель могло преследовать все это.

Война всегда дурацкое дело, но в эту минуту она казалась мне еще более инфантильной.

А может, более подходящим будет слово «ужасной»? — подумал я, когда увидел первые трупы. Затем я услышал звук шаркающих ног, и на улице впереди меня появилась толпа пленных, охраняемых бдительными солдатами.

Многие из пленных были ранены и немногие перевязаны. Возглавлявший конвоиров сержант отдал честь, когда они проходили мимо меня, и победно взмахнул рукой. Я улыбнулся в ответ, но на это потребовалось некоторое усилие. Что я теперь должен сделать, так это найти какого-нибудь ответственного гражданина, еще не ставшего пленным или убитым, и получить ответы на некоторые вопросы.

Гражданин нашел меня первым. Я покинул главную улицу и свернул в узкий, извилистый переулок со зловещим названием Маьбаакалий-Сисуртмек — никакая улица с таким названием не может быть до конца хорошим местом. Мои подозрения незамедлительно оправдались. Это обнаружилось, когда я завернул за угол и оказался лицом к лицу с молодой женщиной, которая целилась в меня из крупнокалиберной охотничьей винтовки. Я взметнул свои руки вверх еще до того, как она заговорила.

— Сдавайся или смерть!

— Я сдался, разве не видно? Да здравствует Бурада! Ура!..

— Кончай свои тошнотворные шуточки, поганый самец, поджигатель войны, или я пристрелю тебя на месте!

— Поверьте мне, я на вашей стороне. Мир, Бурада, добрая воля ко всем людям-братьям... и сестрам, конечно, тоже.

На это она презрительно хмыкнула и взмахом винтовки велела мне зайти в темный дверной проем. Она даже в гневе оставалась красивой женщиной, круглолицей, с падающими на плечи прямыми черными волосами. На ней была темно-зеленая форма с кожаными ремнями, сапогами и всем прочим, на рукаве были какие-то знаки различия.

Несмотря на все это, она сохраняла женственность — никакой мундир не мог замаскировать великолепную выпуклость ее груди. Я вошел в подъезд, и когда она протянула руку, чтобы забрать пистолет, я не стал сопротивляться. Я мог бы проделать кое-какие быстрые операции с ее рукой и стволом винтовки и заполучить в результате и то, и другое оружие, но предпочел воздержаться. Пока она чувствовала свое превосходство, она могла говорить более свободно.

Мы вошли в темное внутреннее помещение с одним окном. Это была, видимо, какая-то контора. На столе перед нами лежала вытянувшись еще одна девушка в форме. Глаза ее были закрыты, штанина ее форменных брюк была оторвана, открывая уродливую рану, перевязанную бинтом. Кровь просочилась сквозь повязку и собралась лужицей на поверхности стола.

— У вас есть аптечка? — спросила меня конвоирующая.

— Есть, — ответил я, снимая индивидуальный пакет с пояса. — Но не думаю, что от этого будет какой-то прок. Она, похоже, потеряла много крови и нуждается в медицинской помощи.

— А где она ее получит? Не от вас ли, свиней-захватчиков?

— Наверное. — Я стал срывать старые бинты, посыпать рану антисептическим порошком из распылителя, накладывать новые бинты. — У нее скверный пульс — редкий и очень слабый. Не думаю, что ей удастся выкарабкаться.

— Если она не выживет, то считайте, что убили ее вы! — В глазах моей противницы стояли слезы, правда, это не мешало ей целиться мне в живот.

— Я пытаюсь спасти ее. И вы можете называть меня Васко.

— Бэйз, — автоматически представилась она, — сержант гвардии, пока они не взяли верх.

— Они?.. — Я почувствовал легкое замешательство. — Вы имеете ввиду нас, армию Клизанда?

— Нет, конечно, нет... Но почему я болтаю с вами, когда мне следовало бы убить вас...

— Не думаю, что вам следовало бы так поступить. Вы поверили бы, если бы я сказал, что я ваш друг?

— Нет.

— Что я шпион, неважно чей, работающий против Клизанда, хотя я и нахожусь в их Космической Армаде?

— Я бы сказала, что ты — червяк, вымаливающий свою никчемную жизнь и готовый ради этого сказать все, что угодно.

— Однако, так или иначе, это правда, — проворчал я, понимая, что она не собирается принять сказанное мной на веру.

— Бэйз... — слабо произнесла девушка на столе, и мы повернулись в ее сторону. — Бэйз...

И она умерла.

Я подумал о том, что сейчас тоже буду покойником. Бэйз вскинула винтовку, и я увидел, как побелели костяшки ее пальцев, когда она нажала на спуск. И тут я на максимальной скорости проделал множество вещей, начав с того, что нырнул под дуло винтовки и перекатился к ногам Бэйз. Винтовка выстрелила, взрыв чуть не снес мне голову в этом маленьком помещении, но осколки меня не задели.

Прежде чем она выстрелила снова, я схватился за винтовку и рубанул ладонью по мышцам ее руки, а потом проделал и некоторые другие вещи, которые обычно с женщинами не проделывают, кроме как в подобных чрезвычайных ситуациях. В результате я заполучил винтовку, да и мой пистолет вернулся ко мне обратно, а она лежала у стены, и на этот раз ей действительно было из-за чего плакать. Пройдет немало времени, прежде чем она снова сможет пользоваться своими пальцами: я только-только не сломал ей кость.

— Послушайте, — сказал я, откладывая пистолет и возясь с архаическим механизмом винтовки, — я действительно сожалею о случившемся. Но в данный момент я не испытывал желания быть убитым, а это был единственный способ остановить вас.

Я поработал с затвором и выбросил все патроны, а затем заглянул внутрь, чтобы убедиться, что я не упустил чего-нибудь.

— То, что я рассказал вам, правда. Я на вашей стороне и хочу помочь вам. Но сперва вы должны помочь мне.

Она была озадачена, но добиться ее внимания я сумел. Она вытерла рукавом слезы, когда я вернул ей винтовку, а затем ее глаза расширились, когда я передал ей и боеприпасы.

— Если вы на минуту оставите оружие незаряженным, я высоко оценю вашу любезность. Я обменяюсь с вами информацией, если вы не хотите давать ее даром. Существует некая организация, о которой вы, вероятно, никогда не слышали и которая очень заинтересована в выяснении того, чем занимается Клизанд. А занимается он межпланетным вторжением. Бурада шестая в списке, и все выглядит так, что это вторжение окажется столь же успешным, как и предыдущие.

— Но почему они этим занимаются?

— Почему — неважно, по крайней мере в настоящее время, поскольку дурные амбиции не необычны среди разнообразных политических систем человечества. Что я хочу

знать — так это к а к. Как им сошло с рук это вторжение при наличии планетной обороны?

— Вините в этом «конколослук», — со злостью ответила она, потрясая винтовкой. — Я не говорю, что женская партия не совершала ошибок, но ничего похожего на их...

— Не могли бы вы добавить несколько деталей, — прервал я ее. — Общий фон, так сказать. Потому что, боюсь, я потерял нить ваших рассуждений.

— Я дам вам деталь. Мужчины! — Она сплюнула, и глаза ее запылали гневом. Она снова начала выглядеть привлекательной. — Женская партия принесла на эту планету века просвещенного правления. Процветание, отличный туристический бизнес, никто не страдал. Да, действительно мужчины начинали голосовать на несколько лет позже женщин, и самую лучшую работу им было нелегко получить. Ну и что? Сколько страдали женщины на других планетах от подобных и худших вещей? Вот они взбунтовались. Но и конколослук, мужская партия не дремала, они шныряли, интриговали, нашептывали ложь: права мужчинам, долой угнетение и тому подобное. Взбудоражили людей, завоевали несколько мест в парламенте, учиняли беспорядки в сельской местности. Потом их однодневная революция, они захватывают власть. И все их обещания побоку. Оказалось, что единственное, чего они хотели, — это важничать и кичиться своим превосходством. Ничего себе превосходство! Они ничтожества, все до одного! Ничего не понимают ни в правлении, ни в войне. Когда высадились ваши солдаты, мужчины в большинстве предпочли бежать, а не драться. Я бы никогда не сдалась!

— Наверное, они были вынуждены?

— Никогда! Собаки они, вот и все!

То, что я узнал, дало пищу для размышлений, а вместе с мыслями пришло прозрение, и передо мной забрезжил предрассветный свет открытия. Разноплановые куски начали складываться в моей голове в некую картину. Я старался не дать возбуждению овладеть мной. Пока еще это была лишь бесформенная мысль, но если она сработает...

Тогда я буду знать, как Клизанд сумел провернуть свой фокус с вторжением. Просто, как все хорошие идеи, и к тому же застраховано от всяких случайностей...

— Мне понадобится ваша помощь, — обратился я к Бэйз. — Я останусь в Космической Армаде, по крайней мере, на какое-то время, поскольку там я смогу узнать многое. Но я не покину эту планету. Именно здесь клизандцы

слабее всего, и именно здесь они будут побиты. Вы слышали когда-нибудь о Спецкорпусе?

— Нет.

— Ну, теперь услышали. Это группа, которая собирается помочь вам. Я работаю на них, и они должны следить за мной. Они видели, как флот покинул Клизанд, и наверняка последовали за ними сюда. Это было одним из вариантов событий, проанализированных нами. Сейчас вокруг этой планеты должен вращаться зонд-транслятор. Он передаст любые сведения корпусу, и мы получим любую помощь, которая нам понадобится. Вы должны получить доступ к передатчику средней мощности.

— Да, но с какой стати? Почему я должна вам верить? Может быть, вы лжете!

— Может быть, но вам придется пойти на риск. — Я лихорадочно записывал на бумажке сообщение. — Теперь я покидаю вас. Я должен вернуться на корабль раньше, чем они начнут гадать, куда это я запропастился. Вот сообщение, которое вам необходимо передать на этой частоте. Вы сможете это сделать, не попавшись, это достаточно легко. При всех условиях, сделав это, вы ничего не теряете, а можете спасти свою планету.

Все еще сомневаясь, она посмотрела на бумажку.

— Трудно поверить, что вы действительно шпион и хотите помочь нам.

— Вы можете поверить, что он шпион. Положитесь на мое слово, — раздался голос из двери позади нас, и я почувствовал, как холодная рука сжала мое сердце. Я медленно обернулся.

Там стоял Край, человек в сером. Позади него стояли еще двое тоже в серых мундирах. Направив на меня свое оружие, Край прицелился в меня еще и пальцем, словно это был пистолет.

— Мы следили за тобой, шпион, и ждали этой информации. Теперь мы можем приступить к уничтожению вашего Спецкорпуса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Что-то сегодня люди слишком часто выскакивают из дверей, ха-ха! — проговорил я с веселостью, которой разумеется, не испытывал. Край улыбнулся ледяной улыбкой.

— Если вы имеете ввиду полковника, то да, я поручил ему следить за вами. Попробуйте теперь прикинуться дурач-

ком, Пас Ратунков, или как вас там действительно зовут.

— Хулио. Васко Хулио, лейтенант Космической Армады.

— Лет-майор Васко Хулио был найден в «Робот-Отеле», что и навело нас на ваш след. План ваш был крайне остроумен и мог бы иметь успех, если бы не сгорели оптические передатчики. Посланный навести порядок ремонтник обнаружил лет-майора, а его заблуждение относительно даты привлекло мое внимание. Я заберу это.

Край взял записку с сообщением из несопротивляющихся пальцев Бэйз. Он, казалось, очень здорово контролировал ситуацию. Я вцепился в собственную грудь в районе сердца, закатил глаза, зашатался, отступая назад, к окну.

— Слишком много... — простонал я. — Сердце отказывает... Не стреляйте... Это конец...

Край и двое его людей холодно смотрели, как я проделываю в их честь все это, до кульминационного момента, когда я вцепился себе в горло и зарычал от боли. Тело мое выгнулось дугой, мускулы напряглись, а в следующий момент я упал спиной вперед через окно.

Я вылетел вместе с кусками выбитого стекла, вывернулся в воздухе, приземлился на плечо, перекатился и вскочил на ноги, готовый бежать.

Оказалось, что я гляжу прямо в дуло гауссовки, находившейся в руках еще одного молчаливого и неулыбчивого человека в сером. Как остроумный собеседник он не выиграл бы и нуля очков, но в данный момент я и сам не мог придумать, что умное можно сказать в такой ситуации. Позади меня из окна с разбитыми стеклами донесся голос Края:

— Заберите девчонку в тюремный лагерь, нам она больше не нужна. Остальные вернутся за шпионом. Будьте постоянно начеку, вы видели, на что он способен.

«Явное преувеличение», — подумал я про себя с внезапной мрачной депрессией. Что и говорить, я проник куда надо и выяснил то, что хотел узнать, но оказался не в состоянии передать полученную информацию, что делало ее бесполезной. Край мог использовать мое сообщение в собственных целях — весьма скверных, в этом я был уверен. Пока я пребывал в этом темном душевном состоянии, остальные серые люди окружили меня и погнали в поджидающий грузовик. Не было ни малейшего шанса сбежать — очень уж искусно владели они своими пушками.

Путешествие было коротким, машина — примечательно некомфортабельной. Она была трофейной — грузовик, который использовался для перевозки мусора или еще чего-то похуже. Кажется, я оказался единственным, кого беспокоил испускаемый ею запах. Серые не отпускали никаких замечаний по этому поводу и не сводили глаз с меня во время путешествия. По крайней мере, машина двигалась бесшумно и весьма плавно. Я обдумывал отчаянные планы. Может быть, выдрать один из проводов, проходивший у моих ног? Или выпрыгнуть из грузовика сзади? Однако от этих планов было мало толку, и мы достигли места назначения, не изменив своих относительных позиций. Под дулом пистолета меня прогнали в реквизированную для военных нужд комнату, где, опять же под дулом пистолета, мне приказали раздеться. С помощью портативного флюороскопа и холодных зондов — крайне унизительная операция — они удалили с моей персоны все приборы и устройства, а затем выдали мне новую одежду.

Одежда эта была весьма примечательной. Идеальный комбинезон, сделанный из мягкого и гибкого пластика, он обеспечивал носившего его защитой и теплом. И в то же время был идеальным тюремным одеянием, потому что был совершенно прозрачным. Эта постоянная незащищенность наготы, разумеется, не повышала бодрость духа, и я начал испытывать к серым людям еще большее уважение. Причем все это проделывалось молча, а мои попытки завязать разговор игнорировались. Последним мазком этих модельеров был застегнутый у меня на шее металлический ошейник. От ошейника тянулся провод к коробке, которую держал один из серых людей. Все это имело весьма зловещий вид. Мои подозрения оправдались, когда одевавшие меня господа ушли со своим оружием, а Край повернулся лицом ко мне, держа в руке упомянутую коробку.

— Я могу сделать так, — сказал он голосом столь же серым, как и его одеяние. И нажал кнопку на коробке.

То, что я испытал вслед за этим, было совершенно неожиданным и исключительно болезненным. В один миг я был ослеплен взрывом огней, никогда не виданных прежде цветов и неистовства. Уши мои наполнил звук, который был чем-то большим, чем обычные звуки, и каждый квадратный дюйм моей кожи загорелся огнем, словно меня бросили в ванну с кислотой. Эти интересные вещи продолжались дольше, чем я хотел, а затем внезапно исчезли столь же быстро, как и начались. Зрение и слух вернулись. Оказа-

лось, что я лежу на полу, и у меня болит затылок, которым я, должно быть, треснулся, когда упал. Лежать так на полу было довольно приятно.

Эта коробочка, должно быть, генерировала нервные токи. Нет нужды пытать тело, когда ты можешь скармливать в нервную систему специфические болевые импульсы.

— Встать, — скомандовал мой конвоир, что я и сделал довольно быстро.

— Я готов вести себя хорошо! — поспешно выпалил я. — Вы только скажите, и я подчинюсь. Я буду пай-мальчиком.

Временно, конечно. До тех пор, пока не найду выхода из этой западни для стальной крысы. Я покорно потрусил в другую комнату, где сидел Край за большим письменным столом. Комната была пыльной, на стенах и на полу были видны голые места, откуда удалили картины и предметы меблировки.

Единственным новым предметом, помимо упомянутого стола, был недавно ввернутый в потолок сверкающий крюк. Я совсем не удивился, когда крюк этот продели в кольцо коробки, соединенной с моим ошейником, и я, стоявший перед своим пленителем, оказался на привязи.

Край внимательно осмотрел меня с ног до головы. Дело нетрудное, если учесть прозрачность моей одежды. Я никогда не страдал от табу на наготу, так что меня это не беспокоило. А вот холодное отвращение в его глазах вызвало у меня куда большее беспокойство. В настоящее время я находился, если использовать классическое выражение, полностью в его милости. Я понятия не имел, какие испытания он мне придумал, но решил попытаться хоть чуточку улучшить положение дел.

— Что бы вы хотели узнать? — спросил я.

— Многое, но это придет позже.

— А чем плохо прямо сейчас? Учитывая состояние современной гипнотической техники, наркотерапии и старомодных пыток, вроде этой вашей нейромашины, невозможно скрыть факты, если допрос ведется достаточно решительно. Поэтому спрашивайте, и я отвечу.

Пусть он узнает на здоровье то малое, что я знаю о Спецкорпусе. Местонахождение баз хранилось от нас в секрете — подобные допросы, несомненно, предусматривались.

Я был удивлен, когда он покачал головой в медленном «нет».

— Информацию вы дадите мне позже. Сперва мне нужно убедить вас в серьезности моих намерений. Я намерен допросить вас, а затем привлечь на службу нашему делу. Добровольно. Чтобы убедить вас в этом, я должен прежде всего сказать, что вас не убьют. Сильные люди храбро встречают смерть. Она — легкий выход из некоторых проблем. У вас такого выхода не будет.

Я почувствовал, что становлюсь все менее заинтригованным относительно того, что он хотел сказать. Я ожидал грубого допроса, но у него на уме были дела покрупней. Так что я бросил этот небрежный тон и сказал:

— Забудьте об этом. Посмотрите в лицо факту, что я не люблю ни вас, ни вашу организацию, ни того, за что вы стоите и не намерен менять свое мнение. Даже если я пообещаю помогать вам, у вас не может быть уверенности, что это всерьез. Так что давайте не будем вовлекать себя в такого рода фарсовое положение с самого начала.

— Совсем наоборот, — сказал он и нажал кнопку на столе. Коробка наверху загудела и начала сматывать толстый провод, подтягивая меня вверх, пока я не был вынужден встать на цыпочки для того, чтобы дышать. Ошейник впился мне в шею. — Прежде чем я закончу с вами, вы будете умолять меня о возможности сотрудничать, вы будете рыдать, пока я не разрешу вам этого, и счастливейшим моментом вашей жизни будет миг, когда вы, наконец, вымолите исполнение этого единственного вашего желания. Позвольте продемонстрировать вам лишь один образчик нашей простой, но крайне убедительной техники.

Ступни мои уже вибрировали от боли, но я продолжал стоять на цыпочках, иначе ошейник просто удушил бы меня. Край поднялся и подошел ко мне сзади, где я не мог видеть его, а затем схватил мои руки и прижал оба запястья к краю металлического стола. Стол сделал ему одолжение, замкнув на моих руках зажимы, которые тут же защелкнулись.

Зажимы обхватили мои предплечья, оставив запястья и кисти рук свободными. Правда, самое большее, что я мог сделать, это побарабанить пальцами по столу. Край снова появился в поле моего зрения и, нагнувшись, вынул что-то из ящика стола.

Это был топор. С длинной ручкой и широким лезвием, примитивный, но выглядящий достаточно эффективно

топор, который вполне можно было бы использовать для рубки деревьев. Край взял его обеими руками и высоко поднял над головой.

— Что вы делаете? Стойте! — закричал я в страхе, извиваясь в металлических объятиях, не в состоянии сделать что-либо, кроме как глядеть, как он на миг задержал топор, а затем опустил его в злобном рубящем ударе.

Полагаю, я закричал, когда он ударил. Должен был закричать, такой страшной и всепоглощающей была боль.

Так же, как и зрелище моей правой кисти, отрубленной у запястья и лежавшей без движения на столе; струйки крови, выкачиваемой из обрубка, заливали ее. Топор поднялся вновь, и на этот раз я с уверенностью могу сказать, что закричал громко и пронзительно. Я кричал, пока топор поднимался, а потом молниеносно опускался. Моя левая кисть была отрублена, как и правая, кровь струей хлестала по всему столу и стекала на пол.

От боли и ужаса туман поплыл перед моими глазами, но сквозь туман я видел лицо Края. Улыбающееся. В первый раз улыбающееся.

Затем я был без сознания. Я погружался во тьму, умирал... не могу выразить это состояние словами. Мир умчался от меня по темному туннелю, и я остался с ощущением боли, а затем даже это исчезло.

Когда я открыл глаза, то обнаружил, что лежу на полу и что прошел бог ведает какой отрезок времени. Мысли мои были вялыми от сна или от чего-то другого, и я должен был изрядно потрудиться, чтобы раскопать в памяти воспоминания о том, что случилось. Только когда ко мне четко явилось видение моих отрубленных кистей, я открыл глаза и сел, потирая одну ладонь другой. Я ощущал кисти совершенно нормально. Что же произошло.

— Встать, — произнес голос Края, и я понял, что сижу на полу перед его столом и что мой ошейник все еще на месте, а провод ведет от него к устройству на потолке. Я медленно встал и посмотрел на стол. Он был чист, никакой крови.

— Готов поклясться... — начал было я, но мой голос оборвался, когда я увидел две бороздки на металлической поверхности стола, как будто по ней ударили два раза каким-то тяжелым лезвием. Затем я поднес руки к лицу и посмотрел на запястья.

Оба запястья были окружены красным рубцом зажива-

ющей плоти с красными точками удаленных швов по краям. И в то же время мои руки ощущались такими же, как всегда. Что же произошло?

— Вы начинаете понимать, что я имел в виду? — спросил Край, снова усевшийся за стол, голосом столь же серым, как и его одежда.

— Что вы сделали? Вы не могли отрубить их... мои кисти... и пришить их обратно. В этом я уверен — на это потребовалось бы время, вы не могли... — Я понял, что начинаю балабонить и замолчал.

— Вы не верите, что это произошло? Мне проделать это снова?

— Нет! — выкрикнул я и отпрянул от стола. На это он одобрительно кивнул.

— Так, значит тренировка началась. Вы утратили маленький кусочек реальности. Вы не знаете, что произошло, но знаете, что не желаете, чтобы это произошло снова. Именно так и будет идти процесс. В конечном итоге вы потеряете всякий контакт с реальностью, которую знали всю жизнь, потеряете всякий контакт с личностью, которой вы всю жизнь были. Когда вы достигнете этого состояния, мы примем вас, как одного из своих. И тогда вы расскажете во всех подробностях о своей работе, о Спецкорпусе, не только мучая свою память ради крох информации, которые вы могли бы упустить, но и активно составляя планы его уничтожения.

— Это не сработает, — заявил я с куда большей уверенностью, чем на самом деле чувствовал. — Я не один. Корпус теперь взялся за вас и активно против вас работает, так что теперь стало просто делом времени, когда они вытащат пробку и ваши замыслы завоеваний отправятся в дренаж.

— Совсем наоборот, — заявил Край, переплетя пальцы рук, лежавших на столе, словно учитель, который собирается прочесть классу лекцию. — Мы давно знаем о том внимании, которое уделяет нам Корпус, и на каждом повороте мы его опережали. Мы взяли в плен, подвергли пыткам и убили немало сотрудников Корпуса, добывав тем самым нужную нам информацию. И мы ждали появления полевого агента, такого, как вы. Вы явились, и вы в наших руках. Вот как все просто. Теперь вы — оружие, которым мы уничтожим Спецкорпус.

Он заставил меня наполовину поверить ему. Изложен-

ный им план казался разумным, но я поспешил отбросить эту мысль. Я не должен был соглашаться с ним, мне следовало скорее нападать, чем защищаться.

— Отдаю должное вашему честолюбию и надеюсь, что вы не откусываете больше, чем можете прожевать. Не забывайте про сотни планет, которые поддерживают Лигу. Подумайте о том, что они сделают с вами, когда узнают, какие беды вы затеваете.

— Сотни планет существуют только в теории, в действительности их можно перебирать одну за другой. Мы срываем их в такой манере, что они падают перед нами; нас нельзя остановить, и процесс этот ускоряется. По мере того, как наша империя расширяется, мы будем продвигаться все быстрее и быстрее.

— Но есть предел этой скорости, — перебил его я, пытаясь ввести в свои слова презрительное фырканье. — Я знаю, как работает ваша техника завоевания. Вы не вторгаетесь на планету, пока она для этого не созреет. Разве это не правда?

— Совершенно верно. — Он кивнул утверждающе, и я погнал дальше.

— Вы находите планету, созревшую для срывания, с какими-нибудь диссидентствующими элементами среди населения. А поскольку существуют люди, которые будут жаловаться даже в раю, у вас нет проблем с тем, чтобы найти подобную группу на любой планете. Здесь, на Бураде, это были мужчины — партия Конколослук. Они активно выступали за права мужчин. Вы поддержали их всем, в чем они нуждались. Ваши агенты снабжали их деньгами, оружием, пропагандой — всем, что необходимо для захвата власти. Это сработало. И вы ничего не просили в обмен за всю эту помощь, кроме оказания лишь символического сопротивления, когда начнется сражение. Ваши агенты присмотрели за тем, чтобы вооруженные силы отступили без настоящего боя. Это вторжение было выиграно прежде, чем началось! Не приходится удивляться, что ваши военные не привыкли нести потери.

— Вы очень наблюдательны. Именно это мы и делаем. Ваш анализ — мастерское описание нашего образа действия.

— Тогда вы у меня в руках, — с облегчением сказал я.

— Напротив, это вы у нас в руках. Вы — единственный,

кто знает о нашей технике вторжения, и вы никогда не доложите о ней своим шефам.

— О, не знаю, — сказал я с бравадой, которой не ощущал.

— Возможно, вы и не знаете, но мы-то знаем. Мы перехватили составленный вами отчет, и он никогда не будет отправлен. Они тщетно будут ждать от вас каких-либо вестей, а время уйдет, и скоро им будет слишком поздно что-либо предпринимать, потому что мы перейдем ко второй фазе нашей операции. На этой фазе планируется привлечение к операциям множества союзников с оккупированных нами планет, правительства которых готовы сделать все, что мы пожелаем. Мы будем располагать огромным количеством солдат. Таких солдат, по-моему, называют наемниками. Им предстоит быть войсками вторжения, конечно, их будут убивать во множестве, но мы всегда будем побеждать, потому что наши источники человеческих ресурсов будут неистощимы. Интересная картина вырисовывается, не так ли?

— Это никогда не сработает! — крикнул я с усиливающимся в то же время ощущением, что такое сработать может. — Корпус вас остановит.

Как? С его единственным агентом, выслеженным и попавшим в западню? Мне было трудно убедить в этом себя, и я вообще ничего не добился, пытаясь убедить его.

Край поднялся и двинулся в обход стола.

— А теперь настало время начать вашу индокринацию.

Не могу выразить охватившего и одолевшего меня страха, когда я услышал эти слова.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Меня отвели в камеру. Голую, лишенную окон камеру, единственным предметом меблировки которой было пустое ведро. Крюк в потолке был установлен здесь недавно, и сопровождающий меня серый человек услужливо подцепил меня за него.

— Существует мало шансов, что я умру от голода, — уведомил я его. — Потому что сперва умру от жажды.

Он не дал на это никакого ответа, но вернулся с полевым пайком. Не самая вдохновляющая пища в мире, но жизнь мне она сохранит.

Жуя концентрат и запивая его водой, я крепко цеплялся за эту последнюю мысль. Сохранит мне жизнь. Да они сделают что угодно, кроме лишения меня жизни. Они хотели меня, они нуждались во мне. Они знали, что Корпус дышит им в затылок, что им придется приложить всесторонние усилия, чтобы остановить его. Край говорил серьезно и наполовину убедил меня. Я посмотрел на свои запястья и содрогнулся. Он таки убедил меня, но почему он так старался?

Потому что я явно был больше чем пешкой в этой игре. Я был фактором, который мог качнуть исход в любую сторону.

В данный момент времени Клизанд действовал успешно в своем завоевательном бизнесе, но его могли остановить. Располагая добытой мной информацией, Спецкорпус мог бы начать организацию контринсургентов и предотвратить экспансию на другие планеты. Клизанд можно будет остановить даже здесь.

Если бы я оказался по другую сторону баррикады, то мои специальные знания не смогли бы быть причиной поражения Корпуса, но это, наверное, могло бы замедлить его действия на срок, достаточно долгий для того, чтобы пришла в действие вторая фаза завоевательной операции.

А это означало, что серые люди совершили ошибку. Им следовало убить меня, как только они раскрыли, кто я такой. Если бы меня можно было перевербовать, я мог стать в их руках серьезным оружием. Эти два «может быть» не позволяли игнорировать тот факт, что покуда я жив, я могу оказаться самым смертоносным и могучим оружием против них.

Они совершили ошибку. Я ухватился за этот вывод, я терзал его точно также, как терзал мой ломающий челюсти паек. Я не принимал во внимание, что во всех отношениях был их пленником. Во всех отношениях? Ха! Физически — да. Умственно — решительно нет. Однако во время нейропытки они почти убедили меня в обратном.

При мысли об ампутации мой желудок вздыбился, и я вдруг потерял аппетит. По веской причине.

Теперь мне предстоит вспомнить и подумать об этой жуткой процедуре. И вот под каким углом зрения. Это был трюк, это должен быть трюк, и именно за это предположение я должен держаться. Пока я пережевывал и заглатывал

остатки своей малоаппетитной закуски, я организовал себе сильнейшее внушение. Слушай, ди Гриз, убеждал я себя, ты достаточно знаешь о реальности, чтобы суметь определить, когда она подделана. Ты сам всегда подделывал ее для собственной выгоды и в ущерб другим. Так значит, теперь кое-кто провернул тот же трюк с тобой. Перерубленные запястья, качающие кровь! Спокойно, парень, спусти часть эмоций в канализацию. Через некоторое время мы доберемся до воспоминаний. Но сперва давай посмотрим на реальность.

Реальность... Как ни чудесна машина, она не может отремонтировать ампутированные руки за пару часов или пару дней.

А теперь, откуда взялась эта цифра? На каком-то подсознательном уровне я чувствовал, что прошло лишь короткое время между ампутацией и выздоровлением. У нас у всех есть часы, тикающие в глубине мозга. Они управляют суточными ритмами сна и бодрствования, они работают непрерывно. И вот сейчас они пытались сообщить мне, что прошло совсем немного времени с тех пор, как меня привели сюда серые люди. Но имелись ли у меня какие-нибудь реальные доказательства в подтверждение этому? Я ощупал лицо и волосы — я нуждался в бритье, но не так уж сильно, и волосы мои были нормальной длины. Однако меня могли побрить и подстричь, так что это ничего не доказывало.

Мои ногти? Я держал их коротко подстриженными, а один подстриженный ноготь выглядит похожим на любой другой. Подожди, подумай, вспомни... Было же что-то незначительное, какая-то мелочь... Да... во время приземления, напряжение, внимание рассеивается... Точно! Я сломал ноготь мизинца на левой руке! Нет, пока не смотри, посиди на нем и вспомни. Сломанный ноготь... отвлечение... нужно откусить его. Довольно неаппетитное действие, которое вряд ли кто-нибудь из нас никогда не совершал. Досаждающая частичка ногтя оторвана напрочь с быстрым тихим «ой» и крошечной капелькой крови. Происшествие, совершенно забытое в гонке последующих событий.

Осторожным движением я освободил ладонь от ягодицы, державшей ее в заточении, и поднес к глазам. Мизинец, короткий ноготь и крошечный сгусток крови.

Уел я тебя, Край, старый факир!

Судя по виду ногтя, я был пленником самое большее. Красные точки на моих запястьях были просто красными отметками, которые можно сделать сотней различных способов. А ампутация? Край поддел мою реальность, прибегнув, наверное, к гипнозу. Но по-настоящему это не имело значения.

Край и его команда не были такими толковыми, какими выглядели. Они, несомненно, много раз использовали эту нейропытку и загипнотизировали себя успехами этой техники.

Наверное, именно таким способом происходило обращение рекрутов на планетах, намеченных для завоевания. Вполне возможно. Но головорезы Края привыкли работать с солидными гражданами и туповатыми крестьянами, обычно принимавшими раскрашенные задники — бутафорию своего существования — за единственную реальность. Их мир был единственным реальным миром, их город — действительно наилучшим городом. Вытащи их из знакомой окружающей среды, окажи давление на их сознание, и их мозги потекут из их ушей, как желе. Люди-желе, легкая добыча для серых мундиров.

Но не благородный, прямой, гибкий, бесчестный, подобный хамелеону, Скользкий Джим ди Гриз. Человек с тысячью лиц, знакомый с сотней культур, компетентный в десятках языков. И они хотели, чтобы моя реальность запаршивела? Это заставило меня рассмеяться.

Я не только засмеялся, но и забегал, заплясал. Я бегал кругами, крича: «Гип-гип-ура!» и «Победа!», вне себя от счастья. Кругами я был вынужден бегать из-за своего ошейника и провода, однако вскоре я обнаружил, что могу вносить в это дело некоторые вариации, резко меняя направление. Провод был слишком тонок, чтобы я мог влезть по нему наверх, и я был уверен, что его преднамеренно сработали таким, но я мог свернуть его в петлю и повиснуть на нем. Я сделал петлю столь высоко над головой, как только мог дотянуться, ухватился за нее, оттолкнулся и свободно закачался. В нижней точке качания я с силой оттолкнулся от пола и пошел выше. Отличное развлечение. Пока моя рука не соскользнула и петля не распустилась.

Все чуть-чуть не кончилось, когда весь мой вес обрушился на металлический ошейник, охватывающий мою бедную шею. Именно таким способом убивают людей при

повешении: их не удушают, а резким рывком удавки ломают шейные позвонки.

Эта мысль билась в моей голове, когда я хватался за провод, пытался вскарабкаться по нему и таки сумел стиснуть его, прежде чем последовал резкий рывок. Рывок вперед, а не вбок, иначе я, наверное, услышал бы резкое «хряк!», сигнализирующее о конце этой истории. Было очень больно, и с минуту все вокруг ходило кругами, а когда я сказал «уф!», то произнес это шепотом, потому что в тот момент не мог сделать своими голосовыми связками ничего хорошего.

В конечном итоге я присел, выпил немного воды и почувствовал себя несколько лучше. И тут я подумал: почему никто не явился расследовать это недавнее безобразие? Я был уверен, что они снабдили камеру «шпионами» и наблюдали за мной. Наверное, мои акробатические номера не произвели на них впечатления. Или, может быть, они были так заняты завоеванием планеты, что не имели времени непрерывно наблюдать за мной. Если последнее предположение верно, то я смогу извлечь из этого факта определенную выгоду.

Упаковка пайков и пластиковая бутылка из-под воды были смяты вместе и превратились в превосходные подушечки для моих пальцев. Я свернул двойную петлю рядом с шеей. Затем, крепко вцепившись в провод, я подпрыгнул как можно выше и дал своему весу обрушиться на провод.

И на мои руки. Когда я проделал это в десятый раз, мне начало казаться, что мои руки оторвутся раньше, чем поддастся какая-нибудь важная часть державшего меня в плену механизма. Теория, разумеется, была достаточно здравой: металлическая коробка, провод, ушко, крюк, множество составных частей, отказ любой из которых мог предоставить мне свободу. Хотя мои составные части отказывали намного быстрее. Я немного передохнул, вытер лоб и подпрыгнул в попытке номер тринадцать.

Счастливое число тринадцать! Что-то лопнуло с резким металлическим треском, коробка обрушилась вниз и отскочила от моей головы.

Я отключился не знаю на сколько, вероятно, всего лишь на несколько минут, а потом очнулся и, мотая головой, попытался встать.

Двигайся! — настаивала давящая мысль. Убирайся отсю-

да, пока они не пришли за тобой. Но сперва я должен был отключить коробку для нейропыток, поскольку она могла быть радиоуправляемой. Я перевернул ее и увидел, что металлическая петелька, на которой она висела, сломалась. На коробке имелся пульт управления, на котором располагалось около пятидесяти маленьких красных кнопок. Я содрогнулся при мысли о нажатии на одну из них. Выше находились две большие кнопки — одна красная, другая — черная, и красная была утоплена. Это казалось достаточно очевидным. По логике мне следовало нажать черную кнопку и отключить коробку, но в сознание продолжали вторгаться воспоминания о боли. Наконец я ткнул в черную кнопку.

Ничего не случилось. Это я мог почувствовать. При таком обеспечении я легонько коснулся одной из маленьких красных кнопок, а затем другой. Ничего.

Коробка была теперь кучкой мертвого металла. На что я и надеялся. Я смотал лишний провод, а потом попробовал дверь, которая оказалась незапертой. Неумелые тюремщики, а может, слишком большая вера в свои пыточные машины. Приблизив глаза к краю двери, я чуть приоткрыл ее.

И закрыл много быстрее, чем открывал. По коридору в направлении моей камеры шли двое серых людей, неся зловещего вида предмет. Я не столь долго смотрел на него, чтобы заметить какие-то детали, но и от того, что я увидел, мурашки побежали по моей спине. Следующий шаг в программе умиротворения ди Гриза? Это казалось вероятным, когда дверная ручка начала поворачиваться.

Для этой пары у меня был припасен сюрприз, и я хотел скрывать его от них как можно дольше. Когда дверь начала открываться, я шагнул за нее и подождал, пока они протиснутся внутрь со своей машиной для пыток. Услышав, как один из них тревожно охнул, я двинул дверь плечом и вогнал ее в них всем своим весом и силой. Как только они заверещали, я выпрыгнул из-за двери и взмахнул металлической коробкой на конце провода.

Один из них стоял согнувшись, больше заинтересованный тяжестью машины на своей ноге, чем всем прочим, и я дал своему оружию опуститься на его череп. Пока оно взлетало снова, второй пытался достать свой пистолет, и он действительно наполовину вытащил его из кобуры, прежде чем мое колено попало ему ниже живота, и он сложил-

ся поверх своего напарника. Я вырвал пистолет из его обмякших пальцев, когда он упал. Теперь я был вооружен.

Большую часть времени, проведенного мной в этом здании, я находился в сознании, а потому полагал, что знаю, как отсюда выбраться. Главный ход наверняка охраняется. Он находится этажом ниже, в противоположном направлении от кабинета Края. В пистолете полный заряд энергии, плюс запасной магазин. Не было времени проверять, какими боеприпасами он заряжен, но они, разумеется, представляли нечто весьма смертоносное, что мне подходило как нельзя лучше. Мое настроение тоже можно было назвать смертоносным. Я намотал провод так, чтобы коробка не болталась и не мешала мне идти, сделал глубокий вдох и нырнул за дверь.

Коридор был пуст. Хорошее начало. Я протрусил до лестницы, никого не увидев, а затем кинулся вниз, прыгая через две ступеньки. Следующий этаж будет нижним, поскольку меня поднимали только на один этаж. Но этому воспоминанию противостояла реальность: лестничный колодец отнюдь не собирался закончиться на следующем этаже.

Когда мои медлительные синапсы зарегистрировали этот факт, я затормозил и осторожно поглядел через перила.

Ниже меня имелось еще по меньшей мере восемь этажей.

Они пробежали по коре моего головного мозга в кованных сапогах. Это, разумеется, доказывало мою теоретическую позицию, согласно которой многое из случившегося со мной было иллюзией и ложной памятью. Что же было реальным? Был ли в настоящий момент реальным этот побег? От такой мысли меня бросило в холод. Все происходящее могло быть генерированной серией нереальных событий для того, чтобы доказать мне, что я не могу убежать. Я мог вечно продолжать спускаться по этой лестнице и мог в любой момент снова очутиться в своей камере, по-прежнему присоединенным к своей коробке. Ну, если это так, то я абсолютно ничего не могу с этим поделать. Я должен отнестись к этой иллюзии как к реальности, пока не будет доказано обратное. Если же это не бесконечное сновидение, то эта лестница должна была где-то кончиться, и я собирался это выяснить.

Четырьмя этажами ниже, как раз, когда у меня начала кружиться голова от непрерывного бега по нисходящей спирали, я встретил человека, поднимавшегося мне навстречу. Серого человека с пистолетом и очень подозрительным взглядом. Поскольку я ожидал этой встречи, а он нет, первый выстрел достался мне.

Еще тот выстрел! Пистолет был заряжен разрывными пулями. Пуля прожгла в лестнице зияющую дыру и взрыв отшвырнул серого человека к стене, где он и рухнул. Эхо еще гремело, а пыль еще не улеглась, когда я перепрыгнул через дыру и с самоубийственной скоростью бросился вниз по лестнице. Промедление было равносильно самоубийству.

Лестница кончилась, я оказался внизу и врезался в стену, так быстро я летел. Надо мной раздавались крики, был слышен топот бегущих ног. С пистолетом наготове я толчком распахнул дверь и вылетел... в темноту.

Это было для меня небольшим шоком, и я чуть не выпустил пару пуль наугад, но когда мои глаза приспособились, я увидел вдали слабый свет. Неоштукатуренные стены, пыль и другие признаки указывали, что я пропустил первый этаж и очутился в подвале. Это тоже было отлично, поскольку этажом выше меня ждал теплый прием. Если я смогу выбраться из подвала, то буду все еще на один шаг впереди преследователей. С пистолетом наготове, размахивая металлической коробкой, набивая на голенях синяки о невидимые препятствия, я, спотыкаясь, пробирался к дальнему свету. Однако я не преисполнился энтузиазма, когда достиг его, преодолев невидимую полосу препятствий. Это было окно.

Маленькое окошко, покрытое грязью, и с прочной решеткой.

Позади меня в темноте раздались крики и топот, послышались звуки падения, грохот и крепкие ругательства. Что делать?

Очевидно, надо убираться. Я отступил, поднял пистолет, прикрыл лицо рукой и выстрелами вышиб окно. А также часть стены вокруг него и кусок улицы снаружи, пока мой пистолет, щелкнув, не исчерпал свои возможности. Я отшвырнул его, перекинул коробку через плечо и воспользовался освободившейся рукой, чтобы вскарабкаться по скату из щебня и выбраться на улицу.

Чтобы снова броситься бежать. Кто-то увидел меня и

крикнул, но я не ответил, а побежал еще быстрее, хотя уже начал задыхаться и чувствовал, что больше, чем мне хотелось, утомился от усилий, прилагаемых в течение последнего часа. Одно дело сбежать, но совсем другое дело остаться на свободе, после того как сбежал. Босой, одетый в совершенно прозрачную одежду, с ошейником и несколькими метрами провода вокруг шеи, не упоминая уже о коробке управления, я, должно быть, представлял собой достаточно необычное и неоднозначное зрелище.

Мне нужно было спрятаться, забраться в нору, переодеться, избавиться от ошейника. И много еще чего было мне нужно. А я чувствовал все большую усталость.

Я на максимальной скорости свернул за угол и врезался в кого-то, идущего в противоположном направлении. Мы оба свалились, и я, словно жук, перекатился на спину, близкий к полному истощению и жадно хватающий ртом воздух. Затем я увидел лицо человека, на которого наткнулся, и ощутил маленькую вспышку надежды.

— Остров! — ахнул я. — Старый друг, старый сокомнатник, старый собутыльник! Я в беде, и мне нужна твоя помощь. Понимаешь, местные...

Я увидел, как Остров, мягкий человек в самые худшие времена, превратился в очень сердитое животное. Искаженное лицо, выпученные глаза, пена на губах. Он бросился на меня и прижал к холодной земле.

— Местные тут ни при чем! — закричал он. — Край расспрашивал о тебе, сам Край! Край разыскивает тебя! Что ты наделал?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я немного поборолся, но это не принесло мне ничего хорошего. Делал я это без души, так как силы мои были на исходе. Однако я сумел нанести один хороший удар пыточной коробкой ему по голове. Его глаза перекосились, но он не выпустил меня, а к этому времени к нам подоспел маленький отряд серых людей, стащивших его с меня и заставивших дулами пистолетов меня подняться на ноги. Я медленно встал — спешить мне, разумеется, было некуда, — погруженный в темное отчаяние и с обмякшими от усталости конечностями.

Их было шестеро. И Остров, который, судя по выраже-

нию его лица, предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

— Понимаете... Край говорил мне о Васко... сказал, что он разыскивает его... — Голос его угасал, так как серые полностью игнорировали его. — Я... нет...

— А чего ты ждал, благодарности? Ты, предатель! Начнем собственную неделю «Заложу своего кореша», да? — Я попытался презрительно фыркнуть, но фырканье превратилось в бульканье, когда один из конвоиров дернул меня за провод. Один из пяти конвоиров. Я моргнул и сосчитал их снова, потому что я мог поклясться, что минуту назад их было шестеро.

Пока я считал, появилась пара рук и сомкнулась на шее номера пять. Глаза у него выскочили из орбит, а рот широко раскрылся, и мне пришлось потрудиться, чтобы сохранить спокойное выражение лица, а не пучить собственные глаза на тот же манер. Руки нажали, глаза закрылись, и номер пять исчез из поля зрения. Я немного поборолся, чтобы удержать внимание уцелевших на мне, и даже лягнул ногой и попал Острову по голени, чтобы задействовать его тоже.

— Ты не должен был это делать, — пожаловался он. Я улыбнулся, так как номер четыре отправился за другими.

Было что-то восхитительное в этом эффективном и тихом устранении неприятеля. Оно напоминало мне об охотнике, с которым я когда-то работал на одной планете — название ее я забыл. Он был профессионалом, причем очень умелым в своем деле. Он выходил на охоту на рассвете, когда поднимались стаи птиц, и подстреливал последнюю птицу в клине. А потом следующую и следующую. Иногда ему удавалось подстрелить четыре-пять штук, прежде чем другие птицы понимали, что происходит. Здесь применяли те же приемы и столь же профессионально.

Система дала сбой на номере три, который немного потрепыхался и привлек внимание одного из оставшихся — в конце концов человеческие существа малость поумнее птиц.

Я подождал, пока они не обернулись к источнику беспокойства, а затем двинул ближайшего серого человека по шее ребром ладони. Состояние, в котором я пребывал, ослабило мой удар, так что он упал не сразу, и мне приш-

лось еще немного поработать, чтобы успокоить его. И пока я трудился над ним, до меня доносился глухой стук падающих тел и оборванные крики.

Когда я выпрямился, то увидел, что Остров и все серые люди, кроме одного, счастливо дремлют, сваленные кучей, в то время как мои спасители укладывают последнего. Это был здоровенный жлоб, и дрался он хорошо, но уступал противной стороне в классе и скоро оказался без сознания. Что выглядело особо интересно потому, что атаковавшими его были две женщины, одетые в колоритные бурадские сорочки, скудно прикрывающие тело, и местные туфельки на высоких каблучках. Та, что была поближе ко мне, обернулась, и я узнал сержанта Блэйз, после чего некоторые части головоломки начали становиться на свои места.

Другая женщина была поменьше ростом, очень изящного сложения с фигурой, которую я помнил, и лицом, которое я никак не мог бы забыть. Моя жена.

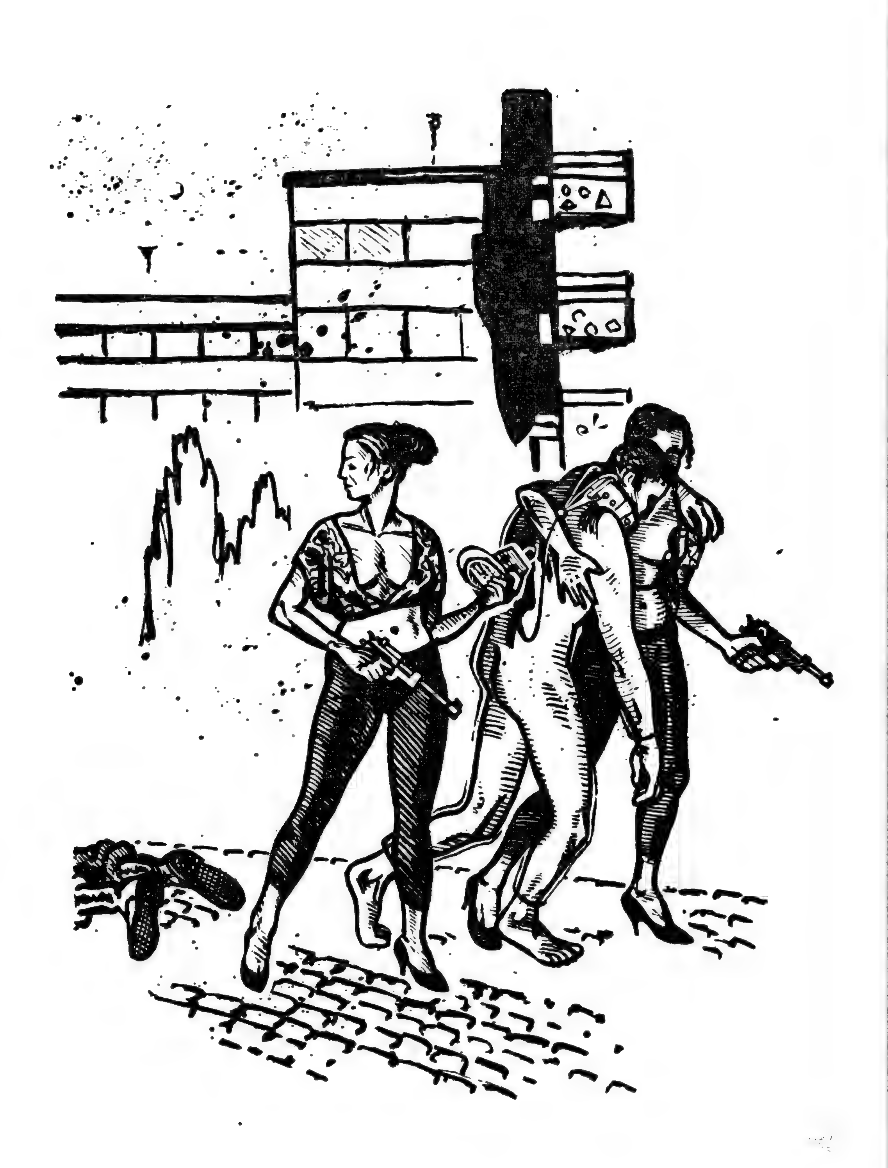
— Ну-ну, — успокаивающе сказала Ангелина, потрепав меня по одной щеке и наградив быстрым поцелуем другую. — Я надеюсь, что ты сможешь немного побегать, милый, потому что на подходе куда больше этих бандюг.

Подчеркивая это утверждение мимо пролетел неясной разновидности снаряд.

— Бегать... — хрипло произнес я и понесся, все еще не совсем уверенный в достоверности случившегося, но сохранивший достаточно ума, чтобы не задавать вопросов. Бэйз обняла меня одной рукой и поволокла в правильном направлении, в то время как моя жена облегчила меня от груза коробки и проводов. Мы помчались таким вот образом, и я уверен, что это было очаровательное зрелище: я в своей прозрачной одежде и две девушки в изящных нарядах. Жаль, что на улице не было никого, кто мог бы по достоинству оценить эту сцену.

— Не останавливаться! — крикнула Бэйз, увлекая меня за угол. Позади нас раздались взрывы. Я игнорировал все, кроме задачи переставлять ноги как можно быстрее, и гадал, сколько я еще протяну.

Бэйз, казалось, знала, что делала. Прежде чем мы сколько-нибудь далеко продвинулись в этом направлении, она свернула и полуотнесла меня по лестнице на несколько ступеней вверх, а потом в здание. Она закрыла тяжелую дверь на засов, и мы потащились дальше, теперь уже помед-

леннее, через какие-то покинутые кабинеты. Так мы проникли в заднюю часть здания, где окна выходили во двор. Высота здесь была вполне приемлемой для прыжка, и Бэйз прыгнула первой, гибкая, словно большая кошка, а затем помогла спуститься мне с помощью поддерживающей меня сверху Ангелины. Я был в их руках словно глина, и это было чертовски приятно.

Бэйз побежала вперед и распахнула большую дверь. Внутри находилась большая клизандская офицерская машина со все еще развевающимся на антенне генеральским флажком.

— Вот это мне больше нравится, — сказал я, приближаясь к ней на ватных ногах.

— Вы, двое, на заднее сидение, — приказала Бэйз, натягивая военный китель и заталкивая волосы под клизандский шлем. Я не спрашивал, что случилось с владельцем этой машины.

Когда я вполз в машину и рухнул на заднее сидение, Ангелина последовала за мной и прильнула ко мне своим теплым телом. Машина рванулась вперед. Мне было удивительно хорошо. Я насладился крепким объятием и великолепным поцелуем, прежде чем подумал о получении какой-либо информации.

— Твоя фигура улучшилась, — сумел я выдохнуть во время непродолжительной передышки.

— Ты можешь гордиться: ты теперь счастливый отец близнецов. Оба мальчики. С большими ртами и здоровым аппетитом, в точности их отец. Я назвала их Боливаром и Джеймсом в честь тебя.

— Как тебе угодно, милая, — улыбнулся я. — Полагаю, ты не против сообщить мне, как это ты явилась сюда в самый подходящий момент?

— Я явилась позаботиться о тебе, и, как видишь, была права.

— Да, конечно, — согласился я с этим прекрасным образчиком женской логики. — Но я имел ввиду, так сказать, механический аспект. Когда я видел тебя в последний раз, ты направлялась в больницу с выпуклым животом и светом материнства в глазах.

— Ну, с этим все прошло прекрасно, как я тебе сказала, разве ты не слышал? Потом до меня дошло, что эти мерзкие клизандцы отправились вторгаться еще на одну планету и что ты, вероятно, принимаешь участие во вторжении.

— Инскипп все это тебе рассказал?

— Конечно, нет! — фыркнула она, изящно морща носик при этой мысли. — Я взломала его досье и нашла записи. Он был очень рассержен, но не пытался остановить меня, когда я отправилась сюда с бригадой второго эшелона. Мне представляется, он знал, что мне лучше не мешать. И он даже пообещал присмотреть вместо меня за няней и детьми. Мы вышли на орбиту, получили сообщение, и я спустилась. Вот, примерно, и все, что я могу сообщить. А теперь позволь-ка мне испробовать эту отмычку на том странном ошейнике, который ты носишь. Не понимаю, почему ты позволил им обращаться с тобой подобным образом.

— В твоей истории есть один-два пробела, — настаивал я. — Например, какое сообщение ты имеешь ввиду?

— Мое сообщение, — ответила Бэйз, которая бесстыдно подслушивала, что не мешало ей вести машину. — Вы забываете, что я сержант Гвардии и что я видела подготовленное вами сообщение, то, которое они забрали. Я, конечно же, запомнила его, как и радиочастоты. Эти свиньи отправили меня в тюремный лагерь для штатских, так что я покинула его в ту же ночь.

Бэйз была уверена в себе, и, оглядываясь на недалекое прошлое, я должен был согласиться, что у нее есть на то причины.

— Я спустилась на разведкорабле, как только был услышан этот вызов. — Ангелина, разговаривая, манипулировала отмычкой. — Мне пришлось прокладывать себе путь стрельбой, что, разумеется, было нетрудно сделать. Для галактических завоевателей эти люди — очень неважные пилоты. А потом я встретила Бэйз.

Ангелина коснулась губами моего уха и холодно прошипела:

— Насколько хорошо ты знаком с этой девицей? — И одновременно затянула ошейник.

— Я встретился с ней только в тот раз, — выдохнул я, и давление на мое горло ослабло. — И она совсем не в моем вкусе. Не тот тип.

— Не ври мне, Джим ди Гриз, тебе нравятся такие полненькие.

Я отчаянно заморгал и попытался вернуть разговор в первоначальное русло.

— Но как вы нашли меня? Как вам это удалось?

— Достаточно просто. — Раздался щелчок, и ошейник расстегнулся. Я с облегчением потер побаливающую шею. — Есть только одно здание, где действуют люди в сером, мы следили за ними, пытались найти туда ход. Единственное, что нам досаждало, так это солдаты, все время пытавшиеся нас закадрить. Но мы выжали из них эту информацию и эту машину.

Я представил себе, как эти две смертоносные милашки неторопливо косят клизандское завоевание своим собственным оружием. О судьбе водителя и его друзей спрашивать не приходилось.

— А теперь расскажи мне, что случилось с тобой, — потребовала она и прильнула ко мне в ожидании интересной истории. — Я умираю от желания узнать, что за штуку надели они тебе на шею и почему, во имя неба, ты носишь этот ужасный прозрачный костюм?

Я им все рассказал и был награжден множеством девичьих ахов и, по крайней мере, одним взвизгом, когда я дошел до части о запястьях. Бэйз даже остановила машину, чтобы посмотреть на шрамы. После этого они слушали с холодной неподвижностью лиц, и я почувствовал жалость к тем серым людям, которые могли встретиться им в будущем. К тому времени, когда я закончил свою завораживающую и слегка отталкивающую историю, мы прибыли к месту назначения. При нашем приближении открылась широкая дверь, которая сразу же закрылась за нами. Внутри были другие девушки, хорошо вооруженные и по большей части привлекательные. И я гадал, как же эта мужская партия с неблагозвучным названием сумела организовать сопротивление подобному правительству. Благодарите за это клизандцев. Когда дело доходит до правительства и армии, я всегда чувствую себя анархистом и придерживаюсь крайне невысокого мнения и о тех, и о других. Но если уж приходится их иметь, то, разумеется, делу помогает, если они хорошенькие. Я покачал головой и дал отвести себя в комнату, где находилась очень соблазнительная армейская койка. Я рухнул на нее.

— Одежду, — произнес я, — пару глотков... и не обязательно в именно такой последовательности.

Я застенчиво набросил на себя угол одеяла — не из-за стыда, а скорее, чтобы не подвергать искушению этих амазонок. И, кроме того, здесь была моя жена. Она отлично поняла, что я имел в виду под парой глотков, и отстранила

стакан воды, который пыталась навязать мне одна из дам, и вложила в мою руку маленькую фляжку с весьма крепким напитком. Он обжег мне горло и протянул в мозг огненные щупальца.

— Боюсь, что мое ощущение реальности... мои мысли все еще путанные... — признался я и понял по выражению лица Ангелины, что она уже это знает. — Они что-то сделали со мной, не знаю что, но уверен, что это скоро пройдет.

— Я буду убивать их всех... и смерть их будет непростой, — произнесла она сквозь плотно стиснутые зубы. Слушательницы ответили на ее слова возгласами согласия. Я на миг закрыл глаза, чтобы дать им отдых, а когда открыл их, в комнате не осталось никого, кроме Ангелины. Горел свет, за окном было темно. То, что произошло, было похоже на оборванную и склеенную кинопленку с приличным вырезанным куском. Я уважал технику психического манипулирования Края и от души ненавидел его за это.

— Я голоден, — сообщил я Ангелине. Она подошла, села рядом со мной и взяла меня за руку.

— Ты спал и во сне говорил ужасные, странные вещи.

— Я от этого чувствую себя лучше. Когда мы вернемся на базу, я позволю медикам пропылесосить все темные углы моего мозга. Но в настоящее время нужно организовать сопротивление, прежде чем Клизанд прочно возьмет все в тиски. Я...

— Нет.

— Что ты подразумеваешь под этим «нет»?

У меня было ощущение, словно я пропустил какую-то важную часть разговора. Было ли это еще одним результатом манипуляций с моим мозгом или это просто особенности женского разговора?

— Под этим «нет» я подразумеваю, что мы этого делать не будем. Пока ты спал, я отправила длинный рапорт Инскиппу, там все, что ты рассказал о планах Клизанда: и как они устраивают свои вторжения, и как решили приняться за Корпус, словом, все.

— Ты, по крайней мере, подписалась моим именем? — обиженно спросил я.

Она потрепала меня по руке.

— Конечно, дорогой, ведь это было твоей работой. Я и не подумала поставить ее себе в заслугу.

Я мгновенно преисполнился сожаления за свои слова и поспешил извиниться, а затем извинилась она, потому что мой скверный характер, вероятно, связан с модифицированием моего мозга, и мы выпили, а потом, поскольку мы уладили это, я попытался вернуться к делу.

— Итак, ты, значит, отправила доклад. А потом?

— Потом он пошел на передающий корабль по другую сторону этого солнца, а оттуда его переправили Инскиппу. Пришел его ответ, он гласит: «Сообщение принято, поздравляю, немедленно взвращайтесь». Так что, как видишь, тебе придется вернуться.

Я фыркнул и пригубил напиток.

— Ты думаешь, я вернусь?

— Ты нездоров, тебе требуется медицинская помощь, ты сделал то, ради чего явился сюда...

— Я спрашивал тебя не об этом. Ты думаешь, я вернусь?

Ангелина попыталась принять свирепый вид — ей никогда не удавалось это сделать, если это не всерьез, — а затем пожала плечами с видом полной покорности.

— Конечно, нет. Если бы ты вернулся, то не был бы тем человеком, за которого я вышла замуж. Значит, теперь мы сотрем с лица земли этих бесов, спасем Бураду и остановим это вторжение.

— Не совсем все сразу, но это примерно то, что у меня на уме. Надо будет организовать движение сопротивления с нашими советами и материальной помощью. Бэйз должна бы с этим справиться, но есть одно дело, имеющее приоритет даже над этим. Мы должны захватить в плен Края или одного из его серых людей.

— Какая чудесная мысль! Если они думают, что знают толк в пытках, то скоро познакомятся кое с чем новеньким. Помню, как...

— Ангелина! Я думал совсем не об этом. Мне кажется, что несмотря на реконструкцию, в тебе высветилось кое-что прежнее.

— Чушь. Да, я могу применить один-два технических приема, усвоенных мной в те дни, но мотивы у меня абсолютно чисты. Львица защищает своего льва и все такое прочее. Совершенно оправданно.

— Да, может быть, это и так, но я говорил совсем не об этом. Я хочу заполучить одного из серых в лабораторию и подвергнуть его исчерпывающему исследованию. Когда ты

сегодня вышибала из них дух, ты не заметила ничего странного?

— Ничего особенного. Я, можно сказать, была занята иным. Только тот факт, что они недостаточно тепло одевались, потому что кожа у них была очень холодной.

— Именно так. И они никогда не смеются, не демонстрируя никаких эмоций, они не сплетничают и говорят лишь тогда, когда нужно сообщить что-то важное. И есть еще множество других привлекающих внимание мелких черт.

— Что ты, собственно, пытаешься сказать, дорогой? Что они зомби или роботы, или еще что-нибудь такое? Я думала, что штучки такого рода появляются только в космических операх или в детских книжках.

— Смейся, смейся, пока есть время! Не роботы или что-то такое, эти типы достаточно живые. Просто я не думаю, что они люди, вот и все. Чужаки среди нас.

— Наверное, тебе лучше еще поспать немного. Я выключу свет.

— Не ублажай меня, черт побери! Я думаю об этом с тех пор, как впервые встретился с Краем, так что это не плод подвергнутого пыткам мозга. Есть еще доказательства. Клизандские солдаты смертельно боятся Края и его бандюг, они даже не говорят о них. Почти так, словно это не один народ. Я вполне могу представить себе, как чужаки делают обзор человеческих планет и находят, что Клизанд вполне созрел, чтобы они его сорвали. Милитаризованный, стратифицированный образ жизни, все в мундирах. Все, что им требовалось, это сменить руководство наверху, и они уже у руля. И именно это они сделали. Они не появляются ни за одним из столов или карт, столь милых военному уму, но все же именно они заправляют делами.

— Ну...

— Вот. Ты не убеждена, но начинаешь сомневаться. Значит, ты поможешь мне добыть образчик серого человека.

— Помогу? — Она захлопала в ладоши в порыве чисто девичьего энтузиазма. — Да я просто дождаться этого не могу. Конечно, может случиться так, что он будет немного поврежден, когда я его тебе доставлю, но, коль скоро он будет продолжать функционировать, это не так уж и важно, не так ли?

Прежде чем я успел ответить, в комнату вбежала Бэйз и бросила на койку охапку одежды.

— Быстрей одевайтесь! — приказала она. — Сапоги самые большие, какие мы смогли найти. Надеюсь, они подойдут.

— Есть какая-нибудь причина для такой спешки? — спросил я.

— Разумеется, есть. Нас окружили войска. Обложили со всех сторон. И у них тяжелое оружие.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сапоги были мне тесны — узкие, с изящно заостренными носками, — но я втиснул стопу как можно дальше.

— За нами следили, когда мы ехали сюда? — спросил я Бэйз.

— Нет, конечно, нет. Я не новичок в этих делах. И похищенную машину мы здесь не оставили.

Я попытался поломать свои ленивые мозги, втискивая между делом левую ногу во второй сапог. Зазвенел телефон, и я замер, как и обе женщины, уставясь на него, словно на ядовитую змею. Он звякнул еще разок, а затем загорелся крошечный экран. С него на нас глядел столь же неэмоциональный, как и всегда, Край.

— Вы окружены, — сказал он. — Сопротивление бесполезно, вы это знаете, ди Гриз. Сдавайтесь без борьбы, и никому из ваших друзей не будет причинено никакого вреда.

Мой сапог ударил в экран, образ Края вспыхнул и умер, а я с корнем вырвал аппарат и трахнул его о стену. Моя кожа покрылась мелкими капельками холодного пота. Я знал, что большинство телефонов можно включить с центральной станции, имея необходимое оборудование, но сейчас было слишком плохое время для того, чтобы считать эту теорию доказанной.

— Без паники! — крикнул я, надо полагать в основном себе, потому что Ангелина и Бэйз оставались совершенно спокойными. Я заскакал по комнате, стараясь по возможности адаптироваться в новых сапогах и извлечь какую-нибудь более или менее ясную мысль из своего путающегося мозга. Последний прыжок закончился тем, что я оказался сидящим на койке и загибающим пальцы.

— Давайте забудем на минуту про этот звонок и вычислим, что случилось. Первое: нас выследили, когда мы ехали сюда. Это маловероятно. Второе: обнаружен наш транспорт. Но он исчез, так что навести на нас он не мог. Третье: Край знает, что я здесь, а это значит, что они имплантировали в меня направленный передатчик. В таком случае понадобятся услуги хирурга и рентгеновский аппарат, как только мы отсюда выберемся.

— Ты забываешь более простое объяснение, — сказала Ангелина.

— Так не храни его в тайне. Если ты соображаешь лучше, чем я — а в данных условиях это не комплимент — то выкладывай.

— Пыточная коробка. Ты говорил, что она радиоуправляемая.

— Понял. Когда мы скроемся, коробка останется здесь. Может быть, это задержит их внимание на здании, а коль скоро мы сбежим, они меня снова так легко не найдут. Теперь расскажите мне вкратце, Бэйз, что это за здание и как нам отсюда выбраться.

— Это фабрика, принадлежащая нам. И никакого выхода из нее нет, мы обречены сражаться и умереть, но, умирая, мы дорого продадим свои жизни и прихватим с собой много этих скотов...

— Это прекрасно, безусловно, прекрасно. Но мы дорого продадим свои жизни только если будем к тому вынуждены. Ди Гриз может найти дорогу к спасению там, где другие находят только отчаяние. Владелица вашей фабрики здесь? Хорошо, пришлите ее сюда как можно быстрее.

Бэйз отправилась за ней бегом, а я повернулся к жене.

— Я полагаю, ты прихватила с собой обычные вещички? Того сорта, что мы брали с собой на медовый месяц.

— Конечно. Бомбы, гранаты, взрывчатку, газовые заряды.

— Пай-девочка. С такой женой я чувствую растущее чувство обеспеченности.

Бэйз вбежала в комнату, а следом за ней еще одна амазонка в мундире. Немного постарше, пожалуй, с очень привлекательным налетом седины в волосах, полногрудая с приятными округлостями... Я уловил холодное выражение в глазах Ангелины и быстро направил свои мысли к более срочным делам.

— Я — Джеймс ди Гриз, межзвездный шпион.

— Фанда Фиртина из Гвардии, — рявкнула она и отдала честь.

— Да, очень хорошо, Фанда, рад с вами познакомиться. Как я понял, это здание принадлежит вам.

— Совершенно верно, «Фиртина Амальгаметед Констракшн Роборецкие Лимитед». Прекраснейший продукт на рынке.

— Что это за продукт?

— Роборецкие.

— Вы не сочтете меня тупицей, если я спрошу, что такое роборецкий.

— О, это то, что необходимо для каждого порядочного дома. Робот, запрограммированный, обученный, собранный и сконструированный только для одной функции. Дворецкий, слуга, всегда готовый помочь по дому, делающий дом родным и уютным, освобождающий хозяйку от каждодневной работы, забот и стрессов современной жизни...

Было сказано еще много в том же духе, явно цитатами из рекламной брошюры, но я этого не слышал. В моей голове складывался и обретал форму план, пока звуки стрельбы не прорвались сквозь цепочку моих мыслей.

— Они предприняли пробную атаку, — сказала Бэйз с командной рацией у уха. — Но были отбиты с потерями.

— Продолжайте сдерживать их. Некоторое время они, как я полагаю, не будут применять тяжелое оружие, поскольку надеются взять меня живым. — Я взмахом руки прервал владелицу фабрики, которая было начала новую рекламную речь. — Фанда, сделайте мне быстрый набросок плана здания и района, непосредственно прилегающего к нему.

Она выполнила задание быстро и точно — несомненно, сказывалась военная тренировка, — и указала на чертеже окна и двери, выходившие на окружающие улицы.

— Как выглядят ваши роборецкие? — спросил я.

— Форма и размеры примерно гуманоидные, это оптимальный облик для домашней среды. И вдобавок...

— Вот и отлично. Сколько их у вас есть, готовых к отправке, прошедших полевые испытания, или как вы их там называете, с заряженными энергоблоками?

Она задумчиво наморщила лоб.

— Я должна свериться с отделом доставки, но где-то от полутора до двух сотен.

— Это именно то, что требуется для наших нужд. Но вам грозит разорение. Может ли страховка покрыть потери, если ваши роботы будут уничтожены за дело свободы Бурады?

— Все роботы-дворецкие фирмы «Фиртина» охотно погибнут — я сказала бы «с радостью», если бы у них были какие-то эмоции, — за это дело. Хотя, конечно, они не способны ни носить оружие, ни совершать какие-либо акты насилия.

— Им и не потребуется. Об этом сможем позаботиться мы. Ваша бригада дворецких создаст отвлекающий маневр, который позволит нам выбраться отсюда. А теперь, девочки, подойдите поближе, и я изложу вам свой план.

Старый дигризовский мозг наконец заработал по-настоящему. Стрельба на заднем плане только стимулировала меня к еще большим усилиям. Через несколько минут приготовления были завершены, а через полчаса мы были готовы к атаке.

— Вы знаете приказ? — обратился я к роботам, плотно забившим тускло освещенный отдел доставки.

— Знаем, сэр! Да, сэр! Благодарим вас, сэр! — ответили они, демонстрируя великолепное произношение.

— Тогда приготовьтесь к отправке. То, что вы сделаете сейчас, намного лучше всего, что вы когда-нибудь сделали за свою электронную жизнь на службе по дому. Так вот, когда я прикажу выходить, каждый из вас выйдет и приступит к выполнению поставленной ему задачи.

— Вы очень добры, сэр! Благодарим вас, сэр!

Здесь, в отделе отправки, их было больше сотни. Они стояли стройными рядами, гудя и обнаруживая жажду действовать. Передние ряды были до какой-то степени одеты в наряды, которые мы сумели собрать: некоторые были в пилотках, другие — в куртках, а очень немногие носили брюки. Большая часть одежды была пожертвована по частям защитницами фабрики, каковой факт не слишком хорошо повлиял на меня в моем новом воинском статусе Слишком много было вокруг загорелой плоти для того, чтобы мужчина мог полностью ее игнорировать. Было почти удовольствием побыть для разнообразия с роботами. Их фигуры были гладкими, но твердыми, а одежда не открывала ничего интересного. И каждый из них сжимал обрезок трубы или пластика, или какой-нибудь другой предмет, напоминающий оружие. В грядущей сумятице, наде-

ялся я, их вполне смогут принять за атакующих людей. Я посмотрел на часы и поднес к губам рацию.

— Готовность по всем частям. Пятнадцать секунд до нуля. Бомбометчицы, будьте готовы. До последней секунды держитесь подальше от окон, то есть не высовывайтесь. Активировать бомбы ...Бросай!

С улицы раздалась серия глухих взрывов, подхваченных со всех сторон здания, когда девушки метнули бомбы с верхних этажей. По большей части это были дымовые бомбы, хотя к ним были примешаны бомбы с раздражающим и сонным газами.

Я дал бомбам пять минут, чтобы дым достиг максимума густоты, а затем включил рубильник двери гаража.

Дверь с грохотом поднялась, открыв нашему зрению мало чего, кроме клубящегося дыма, начавшего струиться в гараж.

— Вперед, мои верные солдаты, вперед! — приказал я, и все левые ноги поднялись, как одна. Ряды моей бригады роботов хлынули вперед.

— Благодарим вас, сэр! — сладкоречиво прозвучало из сотни металлических глоток, и я поспешил отступить, чтобы дать им дорогу.

Раздалась стрельба из окон верхних этажей, немедленно подхваченная войсками снаружи. Пятнадцать секунд после нуля, время для второй волны.

— Все другие части роборецких — пошел! — приказал я по рации.

По этой команде из других дверей и выходов фабрики в саване дыма и газа должны выступить оставшиеся роботы. Я не тратил время на организацию подслушивания вражеских команд по линии связи, но вполне мог вообразить, что там теперь происходит.

Здание было окружено, все их войска стояли настороже, наша цитадель была видна во всех подробностях на теплом полуденном солнце. И вдруг внезапная перемена: дым, химические раздражители облаком окружают здание со всех сторон. Явная попытка организовать прорыв ... И вот она! Дзинь, дзинь! Получай, поганый бурадский прохвост! Но какие бойцы эти бурадцы! Стальные ребята — по ним стреляешь, а они не падают. Паника в дыму! Сообщение, что есть и другие прорывы. Какой из них настоящий, какие для прикрытия? Как распределить войска?

Куда следует направить резерв?

Я подсчитал, что потребуется примерно минута для

того, чтобы возникшая сумятица достигла своего максимума. После этого дым начнет рассеиваться, в телах убитых опознают роботов и сообщат об этом всем. Нам следовало выбраться прежде, чем об этом сообщат. И поэтому, как только были брошены бомбы, Бэйз и ее войско поспешили на выбранную позицию, а одна минута — не очень долгий срок, чтобы добраться с верхних этажей к задней части фабрики.

И все же большинство из них оказались там раньше меня. Бэйз отсчитывала их, когда они пробегали мимо.

— Партия вся, — сказала она, ставя последнюю галочку в списке.

— Вперед! Ангелина, стой наготове с гранатами!

Открыли маленький выход и Ангелина швырнула дымовые гранаты. Не было больше разговоров, и в этом внезапном молчании ясно можно было слышать стрельбу и крики. Я был уверен, что среди всех прочих голосов засек случайное «Благодарю вас, сэр!».

Фанда показывала дорогу, а мы следовали цепочкой, положив руку на плечо идущей впереди. Я шел в середине цепочки, а Ангелина как раз передо мной, так что я держался за нее. Уверен, что размещение было случайным, поскольку в данный момент Ангелине было наплевать, вцеплюсь я или нет в одну из этих полуголых бурадских милашек.

Такое движение сквозь тьму с пониманием собственной беспомощности вызывало легкое раздражение, особенно когда мимо нас просвистел случайный снаряд. Я надеялся, что случайный. Улица эта была узкая, и с обоих концов ее блокировали клизандские войска. Если бы они знали, что происходит, то могли бы прочесать улицу перекрестным огнем. Мне хотелось надеяться, что в данный момент они заняты роботами.

Все, что нам требовалось сделать — это пересечь метров двадцать открытого пространства до многоквартирного дома на другой стороне. Если мы доберемся туда незамеченными, то там мы разделимся и рассеемся через кроличьи ходы улиц, дорожек и туннелей. Будем надеяться, что мы сольемся с гражданским населением и исчезнем прежде, чем наше отсутствие заметят. Будем надеяться.

Я считал шаги, так что знал, что почти добрался до здания, а это значило, что половина наших уже была в безопасности, когда поблизости послышался голос:

— Это ты, Зобно? Что там сержант говорил насчет роботов? Это похоже на роботов?

Цепочка остановилась. Все молчали, затаив дыхание. А ведь мы были почти у цели. Голос был мужской. Человек говорил по-клизандски.

— Роботы? Какие роботы? — переспросил я, сняв чью-ту руку со своего плеча и переместив ее на плечо Ангелины. — Двигай! — шепнул я ей в ухо. А затем покинул цепочку и тяжело затопал к говорившему в своих новых сапогах.

— Я уверен, он сказал, что это роботы, — пожаловался голос.

Я ощутил позади себя слабое движение, когда цепочка снова тронулась вперед. Я топал и кашлял, приближаясь к невидимому собеседнику. Мои руки вытянулись, готовые сжимать и душить, как только он снова заговорит.

Все это сработало бы прекрасно, доставив мне маленькое садистское удовольствие, если бы вечерний бриз не накатился на нас из-за угла здания. Ветер дохнул мне в лицо прохладой, а в дыму открылся разрыв. Я смотрел на клизандского солдата в шлеме и с гауссовкой наизготовку, на лице которого отпечаталось переживаемое им потрясение. По веской причине, вместо того, чтобы увидеть собрата-солдата, он узрел неизвестного типа, разминающего пальцы, с красными глазами и небритым лицом, одетого в совершенно прозрачную робу и женские сапожки, с висящими на плечах узлами и тюками. Разинуть рот — это, примерно, все, что он мог сделать..

Этот паралич продолжался ровно столько, чтобы я успел добраться до него. Я схватил его за горло так, чтобы он не смог выкрикнуть предупреждение, и за гауссовку так, чтобы он не мог выстрелить в меня. Мы немного поплясали в таком стиле и дым снова сомкнулся против нас. Мой противник не кричал, не стрелял, но и не покорялся.

Он был рослым, мускулистым и держался за свое. К счастью, он не отличался сообразительностью, держался обеими руками за гауссовку и пытался вырвать ее у меня. Примерно как раз в то время, когда он уразумел, что мог бы держать ее одной рукой, а другой лупить меня, я дал ему подножку и рухнул на него. Прежде чем он стукнулся о землю, он успел нанести мне два быстрых удара в живот, которые не улучшили моего состояния. Затем мы приземлились, и я вышиб из него дух. Это заставило меня освободить руку на его горле, но прежде чем он успел втянуть в себя достаточно воздуха, чтобы закричать, я привел его в бессознательное состояние.

Я сидел на нем, ожидая, когда моя голова перестанет

кружиться и развяжется узел в животе, когда поблизости раздался новый голос:

— Что это за шум? Кто это?

Я глубоко с содроганием вздохнул и приложил все силы, чтобы как-то владеть своим голосом.

— Это я... — Всегда хороший ответ. — Я споткнулся и упал. Поранил палец...

— Значит, получишь за него медаль, а теперь заткнись.

Я заткнулся, взял гауссовку у своего обмякшего спутника, встал ... и сообразил, что совершенно заблудился в дымной тьме.

Отнюдь неприятное ощущение. Дым редел, а я был один и понятия не имел, куда мне идти. Если же я пойду в неверном направлении, это будет самоубийством.

Паника! Или, скорее, мгновение паники. Я всегда готов позволить себе маленькую непродолжительную панику. Это вызывает прилив крови в сосуды мозга, заставляет сердце качать кровь быстрее, высвобождает дозу адреналина и совершает другие полезные для чрезвычайного положения вещи.

Но только совсем немного паники, потому что время поджимало. А после того, как дикая звериная эмоция рассеялась, губы снова прикрыли клыки, волосы на загривке опустились и все такое прочее, я поставил на работу старый логический центр.

Первое: я не один. Безмолвная цепочка спасенных могла промаршировать в здание, в безопасное место, но моя Ангелина меня не бросит. Я знал это столь же определенно, как если бы мог видеть, что она стоит перед этой дверью и ждет меня.

Второе: у нее имелось чувство направления, а у меня — нет. Следовательно, она должна прийти ко мне.

— Этот палец убивает меня, серж, — прохныкал я, а затем засвистел словно от невыносимой муки. Один короткий свист и один длинный. Буква «А», означающая «Ангелина» на коде, ей отлично знакомом. То, что я нуждаюсь в помощи, она вычислит сама, в этом я не сомневался.

— Прекратить этот свист и шум! — прорычал в ответ другой голос с ноткой презрения. — Скажи-ка, кто ты?

Я порылся в памяти в поисках имени, которое услышал несколько минут назад.

— Это я, серж, Зобно. Этот палец...

— Это не Зобно! — вмешался другой голос. — Зобно — это я!

— Нет, я! — крикнул я в ответ. — Кто это сказал?

— Вы оба подойдите сюда сейчас же! — крикнул сержант. — Через пять секунд я начну стрелять!

Настоящий Зобно, спотыкаясь, потопал сквозь дым, а я не смел ни заговорить, ни двинуться. Я уже ощущал, как меня рвет пуля, когда что-то дернуло меня за руку, и я подпрыгнул.

— Ангелина? — прошептал я и получил безмолвный ответ, когда она обняла меня. Я потянулся к ней, но она, не тратя времени, взяла меня за руку и увлекла меня за собой. Позади нас в дыму звучали голоса, а затем завизжала гауссовка и послышались выкрики команд.

Я споткнулся о невидимую ступеньку, и поджидающие руки втащили меня через дверной проем.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Поисковая партия... Поисковая партия... — Слова смутно доносились до меня сквозь гортанное рычание атакующих плюшевых медвежат. Я мог бы отбиться от них, даже если бы леденцовые палочки, используемые мной вместо меча, продолжали ломаться. И без леденцовой палочки достаточно дать плюшевому мишке хороший пинок в брюхо, и он опрокидывается.

Да, с мишками я бы управился, не будь на их стороне этих проклятых деревянных солдат. Из них получился бы неплохой костер, и именно об этом думал я, нащупывая спичку, когда один из них ткнул меня в руку штыком своей игрушечной винтовки. Он кольнул меня, а я открыл глаза и уставился на глядевшего на меня доктора Мутфака.

— Тревога и, должен сказать, в крайне неудачное время. Я сделал вам инъекцию для нейтрализации гипнотического наркотика. — Он держал в руке шприц. Я потер руку там, где он уколол меня. — В крайне неудачное время.

— Не я это устраивал, — буркнул я, все еще лишь наполовину проснувшись и жалея, что так и не смог покончить с плюшевыми мишками.

— Лечение идет хорошо, и на то, чтобы начать все заново, уйдет много времени. Я регрессировал вас до вашего детства и... у вас было интересное, чтобы не сказать отталкивающее детство! Вы должны дать мне разрешение описать этот случай. Символ плюшевого медвежонка, в норме олицетворяющего собой тепло и уют, преображен вашим несносным подсознанием в ...

— Позже доктор, если изволите, — пришла мне на помощь Ангелина, воплощение золотого шарма: она загорала на балконе, и носимый ею во время этой операции клочок ткани занимал примерно такую площадь, что и крыло бабочки.

Я сел и замотал головой, которая все еще была в тумане от остатков наркотика. Помещение было роскошным, одна стена выходила на балкон, над которым простиралось голубое небо, а под ним — еще более голубой океан. Мы находились высоко, на самой макушке отеля «Ринга Баличи», предположительно самого лучшего отеля на Бураде, во что я вполне мог поверить. Отель находился в центре лагуны, и приблизиться к нему можно было только по воде или по воздуху.

Это обеспечивало нам заблаговременное предупреждение о любых нежелательных визитерах, и именно такое предупреждение только что было получено. Порядок действий был разработан очень тщательно. Во время мозговыпрямляющего сеанса на мне были плавки, именно на случай чрезвычайной ситуации, вроде этой, так что я взял Ангелину на руки и мы рысью побежали к лифту. Когда мы входили в кабину, звук мотора на взлетной площадке у нас над головами стал громким и отчетливым. Мы держались за скобы, когда скоростной лифт выпал из-под нас.

— Ты чувствуешь себя пригодным для этого? — спросила Ангелина.

— Просто немножко тумана, но это пройдет. Ты думаешь, этот выкачиватель мозгов что-нибудь смыслит в этом деле?

— Считается, что он — наилучший специалист на планете. Он выправит вставленные в тебя Краем вывихи психики, если кто-либо вообще может сделать это.

— Он мог бы работать немного побыстрее. Уже три дня прошло, а мы все еще не выбрались из моего детства.

— Ты, должно быть, был ужасным мальчиком. Если судить по тому, что я слышала.

Прежде чем я смог придумать достаточно резкое выражение, лифт, засвистев, остановился, и мы вышли на уровне воды. Из закрытой купальни с вышкой для прыжков в океан вела лестница. Смотритель ждал нас с аквалангами наготове: мы надели их и нырнули. Прямо на дно, где нас ждала прогулка среди рифов. Даже если бы они пришли сюда, здесь им нас никогда не найти. Я включил звуковую связь.

— Не ахти какая поисковая группа, — сообщила мне

девушка-оператор. — Я дам вам знать, когда они доберутся до нижнего этажа.

Мы нырнули поглубже. Из чащи кораллов выскочила и замигала вокруг нас рыба радужной окраски, а зеленые растения кланялись, когда мы проплывали мимо. Вода была быстрая и теплая, она быстро восстанавливала мои силы, мысли и бодрый дух. Мы заплыли в грот, полностью окруженный кораллами, обнаруженный нами в предшествующий визит во время очередной тревоги, и расположились на золотистом песке. Я обнял одной рукой Ангелину, и она прильнула ко мне, как ради удовольствия, так и для того, чтобы наши маски соприкасались и мы могли бы разговаривать.

— Есть что-нибудь новое насчет Края и его людей? Пока доктор пробивался через серое вещество моего мозга, я не получал никакой информации.

— Их обнаружили, но это не все. Теперь, когда первая стадия вторжения завершена, клизандские вооруженные силы, кажется, располагаются для оккупации. Они забрали себе то огромное административное здание, называемое Октагоном, вероятно, из-за того, что у него восемь сторон, и вымели всех оттуда. Они, кажется, перенесли туда большую часть своих административных операций, и одного из людей Края видели выходящим из этого здания. Серые, должно быть, окопались именно там.

— Хотел бы я знать, почему они покинули старое здание.

— Несомненно, опасаясь тебя и твоей безжалостной мести.

Я фыркнул. Сделать это в маске было трудновато.

— Ты это, конечно, только говоришь, но, клянусь Велиалом, в этом есть больше чем элемент истины. Нокаутирующий удар следует нанести этой клизандской операции вообще, но серым людям следует уделить особое внимание. Однако сперва я должен поймать одного из них. Значит, мне следует проникнуть в это здание.

— Ты не сделаешь ничего подобного. — Она ущипнула меня за кожу под ребрами, и я попытался шлепком отбросить ее руку, но под водой это невозможно. Я удовольствовался тем, что щипнул ее сам, а ее, разумеется, щипать было куда удобнее, чем меня, и некоторое время мы занимались этой игрой, пока я не вспомнил, что она отвлекла меня, я безжалостно вернулся к прерванному разговору.

— Почему же я не могу попробовать проникнуть в зда-

ние? Я замаскируюсь. По-клизандски я говорю, знаю, что у них и как...

— А они знают, что и как у тебя. У них над каждым входом установлены камеры, скармливающие данные компьютерам, которые знают твой рост, сложение, вес, походку, вообще все. Ты не можешь замаскироваться так, чтобы изменить все, и ты это знаешь. Они сразу сцапают тебя, в тот же миг, как ты туда войдешь.

— Ты говоришь это не просто потому, что это правда, — прорычал я. — Так что я полагаю, у тебя есть лучший план?

— Есть. Я говорю по-клизандски, и у них нет данных обо мне. И я — опытный полевой агент, единственный на этой планете, кроме тебя.

— Нет!

— Почему же сразу нет? — нахмурилась она, и следующий щипок был уже болезненным. — Ты мой муж, а не хозяин, надеюсь, ты это помнишь. В этих делах я смыслю не меньше тебя, а может, и больше, перед нами же задача, которую необходимо выполнить. Давай отбросим твое мужское превосходство и собственничество.

Она, конечно, была права, но не мог же я позволить ей укрепиться в этой мысли.

— Я только беспокоюсь о твоей безопасности.

От этих слов она растаяла и потерлась о меня.

— Ты таки любишь меня, Джим, на свой собственный лад... ужасный, конечно, но со мной все будет в порядке, вот увидишь. Среди второго эшелона клизандцев есть немного женщин... не понимаю, как они могут носить такие уродливые мундиры... и мы с девушками заграбастаем одну. В ее мундире и с ее удостоверением я проникну в дом, найду Края...

— Ты ведь не сделаешь какой-нибудь глупости?

— Конечно, нет. Слишком важное это дело, чтобы завалить его, пытаясь выполнить в одиночку. Я тебе говорила, что хочу уделить ему на досуге свое личное внимание. А это будет только разведывательный заход. Я определю местонахождение серых людей, нанесу на карту планировку здания, погляжу на детекторные устройства и сразу же уйду.

— Великолепно! — сказал я, преисполнившись теперь энтузиазма и пытаясь отложить в сторону страхи за ее безопасность. — Это все, что нам понадобится для последующего похищения. Ударить их быстро и сильно, войти прямо туда, похитить Края и прямиком обратно. Верное дело.

Загудел звуковой коммуникатор, и я включил его.
— Поисковая партия убралась, можете возвращаться.
Мы медленно поплыли обратно, рука об руку, наслаждаясь представившимся моментом. Когда мы вылезали из воды, доктор Мутфак уже ждал нас.
— Хорошо, мы продолжим оттуда, где остановились. — В его улыбке явно не было тепла. — Плюшевые медвежата... мы должны прозондировать скрывающуюся в этом символику, чтобы можно было пойти дальше.
Он нетерпеливо притоптывал ногой, пока мы с Ангелиной сжимали друг друга в объятиях, милых и мокрых, и самозабвенно целовались. В масках это крайне расстраивающее занятие. Затем мы прошли обратно в комнату. Я позволил доктору снова подвергнуть меня наркозу, так как не хотел, чтобы Ангелина перед отправлением видела, что я нервничаю. Это не облегчило бы ей задачу. Она помахала рукой и пошла одеваться, а я помахал ей в ответ, после чего доктор всадил мне в руку шприц, никакой романтики нет в его душе.
Мы, должно быть, неплохо продвинулись, потому что, когда я проснулся вновь, плюшевые мишки давно исчезли и последний запомнившийся мне сон имел какое-то отношение к взрывающимся космическим кораблям и солнечным вспышкам. Доктор упаковал свои инструменты, а снаружи в ночном небе таял последний отблеск дневного света.
— Очень хорошо, — сказал он. — Неплохо продвигаемся.
— Вы уже открыли следы какого-нибудь вмешательства Края?
— Следы? — Ноздри его раздулись, и он запыхтел. — Они заметны, как отпечатки кованых сапог, по всей коре вашего мозга! Эти люди — мясники, просто мясники! Но в некотором плане это удача, что их следы так легко обнаруживаются. Повсюду блоки памяти. Эти воспоминания — единственное, что имеет какую-то клиническую ценность, и я должен выяснить, какую технику они применяли. Внедрили их туда очень быстро, вовлекая все чувства. Они очень полные, детальные...
— За это я поручусь.
— Я полагаю, вы не сможете отличить их от настоящих воспоминаний, вот какова сила их техники. Я удалил наиболее яркие, которые, кажется, особо беспокоили вас, а на последующих сеансах я позабочусь об остальных. А теперь

посмотрите на свои запястья и расскажите мне о красных линиях, которые вы там видите.

— Они выглядят просто как красные линии, — сказал я, а затем вспомнил, как очутился в камере и по какой-то причине счел, что у меня отрубили кисти рук. Почему — не знаю. Это были просто красные линии.

— Это ложная память?

— Да, и необыкновенно отталкивающая. Я расскажу вам о ней на следующей встрече. А сейчас вам необходимо отдохнуть.

— Прекрасная мысль. После того, как я достану что-нибудь поесть...

Дверь распахнулась, и вбежала Бэйз. И когда она пробегала мимо, я уловил выражение ужаса на ее лице. Внезапный страх ударил мне в живот, и я сел, молча следя за ней, пока она не включила телевизор. У клизандцев теперь работала пропагандистская станция, хотя никто не трудился смотреть, что она показывает.

Зажегся экран, и оказалось, что я смотрю в лицо Края. Он почти улыбался, когда говорил.

— Это запись, она продолжает повторяться, — сказала Бэйз.

— ...что мы хотим дать ему знать. Кто-то должен знать человека, известного как Джеймс ди Гриз. Свяжитесь с ним. Скажите ему, чтобы он послушал эту передачу. Это сообщение для вас, ди Гриз. У меня здесь Ангелина. Она невредима... пока и останется такой до рассвета. Я предлагаю вам связаться со мной и явиться ко мне. Добро пожаловать домой, Джеймс...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

После этого несколько минут я провел в шоке онемения. Я желал быть один. Бэйз оказалась достаточно понятливой, когда я показал ей на дверь, но доктор попытался завести разговор, который я прекратил, схватив его за шкирку и выкинув в дверь, которую Бэйз услужливо держала открытой. Затем я пнул телевизор — акт буйного разрушения, немного помогший мне, — а потом плеснул в стакан основательную дозу крепчайшего напитка. Со стаканом в руке я упал в кресло, посмотрел невидящим взглядом на усеянное звездами небо и стал разрабатывать план. Это будет не просто... а рассвет уже недалек.

Продолжавшая все время покалывать на грани сознания

мысль наконец всплыла. Мне придется сдаться и вновь получить ошейник — этого не избежать никак. Мои воспоминания о том, на что это было похоже, были не очень приятными, и мозг мой даже слегка задергался в черепной коробке при мысли об этом.

За последнее время серое вещество моего мозга испытало слишком много пробежек, и я совсем не жаждал новых, однако это было неизбежно. Ошейник и пыточная коробка должны быть частью этого плана, и их придется нейтрализвать. Этого не очень легко достичь.

Я поразмыслил над всеми возможными вариантами и, когда план атаки был вчерне готов, послал за Бэйз. Ей я сообщил, что собираюсь делать.

— Вы не можете, — ответила она, и, клянусь, эти замечательные огромные глаза наполнились слезами. — Отдать себя этим дьяволам, чтобы спасти женщину. Если бы на этой планете мужчины были похожи на вас! Невозможно поверить!..

Я воспротивился импульсу насладиться маленьким теплым женским утешением и отвернулся, чтобы вскрыть некоторые из контейнеров с оружием. При виде гранат мисс Бэйз отступила, а сержант Бэйз с интересом посмотрела на них.

— Это будет второй частью операции, — сказал я ей. — О первой части я позабочусь сам, она будет заключаться в проникновении в здание и в освобождении Ангелины. Я надеюсь прихватить также и серого человека, но если это будет связано с потерей времени, мы прибережем эту часть задания для другого раза. Второй частью операции будет выход из Октагона, и для этого мне понадобится ваша помощь. Мне понадобится план здания, я хочу поговорить с кем-нибудь, кто хорошо знает, где там что лежит, если возможно, с кем-либо из штата ремонтников, чтобы я мог найти уязвимую точку. Вы можете сделать это сейчас?

— Тотчас же, — откликнулась она через плечо выбегая. Надежная девушка наша Бэйз.

Я стал копаться в содержимом нашего контейнера.

До рассвета только два часа, когда мы были готовы двигаться. Я завершил разработку своей части операции, но устроить побег было не так-то просто. Октагон очень сильно походил на крепость, особенно для столь малых сил, которые мы могли так поспешно собрать. И нам сильно мешало отсутствие у нас каких-либо воздушных судов или тяжелого вооружения. Казалось, что ни по земле, ни по воз-

духу нельзя покинуть это здание. И все же один из штата ремонтников, наконец, обнаруженный и мелкой дрожью дрожащий,доставленный к нам, нашел выход и показал его на плане трясущимся пальцем.

— Кабельный канал… он проходит под улицей и стенами и выходит в подвал вот здесь. Большой туннель для кабелей и всего такого прочего.

— Он, разумеется, будет кишеть «клопами», — сказал я. — Но если мы все спланируем правильно, то это не будет иметь значения. Запишите, люди, потому что я не буду повторять. Вот как будет совершаться эта операция…

К тому времени, когда мы обо всем позаботились, до рассвета оставалось меньше двадцати минут, и я обливался холодным потом. Первые наши части выходили на позицию, когда я позвонил Краю. Нас связали сразу же, и я заговорил прежде, чем он успел что-либо сказать.

— Я хочу немедленно увидеть Ангелину и поговорить с ней. Я должен быть абсолютно уверен, что она невредима.

Он не спорил, он этого и ожидал. Ангелина появилась в фокусе, и я увидел тот самый ненавистный ошейник с уходящим от него вверх за пределы рамки экрана проводом.

— С тобой все в порядке?

— Настолько, насколько это возможно для человека, вынужденного находиться в одном помещении с этой тварью, — спокойно ответила она.

— Они ничего с тобой не сделали?

— Пока ничего. Только застегнули на шее ошейник и прицепили эту штуку к потолку, чтобы я не убежала. Но ты представить себе не можешь, какие угрозы высказывал этот отталкивающий субъект. Не думаю, чтобы я смогла прожить хоть минуту с подобным мозгом…

Она застыла, ее глаза незряче выкатились, хотя веки не закрылись. Край подверг ее пытке. Я понял в этот миг, что ему не жить, если я смогу заполучить его в свои руки. Лицо его вновь появилось на экране, и мне потребовалось усилие, на какое я не считал себя способным, чтобы спокойно посмотреть на него и ничего не сказать.

— Теперь вы явитесь ко мне, ди Гриз, и сдадитесь. У вас осталось лишь несколько минут. Вы знаете, что случится с вашей женой, если вы не явитесь. А если вы сдадитесь, ее тотчас же отпустят.

— Какие у меня гарантии, что вы сдержите свое слово?

— Никаких гарантий. Но у вас нет выбора, не так ли?

— Я буду там, — сказал я насколько мог спокойно и от-

ключил телефон, но не раньше, чем услышал, как Ангелина крикнула мне за кадром: «Нет!».

— Эта одежда уже высохла? — спросил я, одновременно срывая с себя рубашку и скидывая сапоги.

— Вот-вот высохнет, — ответила Бэйз. Она и еще одна девушка держали фены над клизандским мундиром, который я счел наиболее подходящим для такого случая. Он насквозь промок в ванне с химикалиями и теперь подвергался принудительной сушке.

— Он уже достаточно хорош. Больше ждать мы не можем.

Осталось несколько влажных пятен, но это не имело значения. Мы вышли. Внизу, в доке отеля, нас ждал катер с включенным мотором. Пока что все шло хорошо. На берегу стояла машина с доктором Мутфаком, который сидел на заднем сидении с черным чемоданом на коленях.

— Не нравится мне это, — ворчал он себе под нос. — Это явное нарушение врачебного этического кодекса.

— Война — нарушение любого кодекса, этического или морального, уродство, против которого допустимо использование любого оружия. Сделайте то, о чем вас просили.

— Я сделаю это, об отказе не может быть и речи. Но человеку позволительно делать замечания об этической стороне совершаемого.

— Замечания делайте на здоровье. Но одновременно наполняйте шприц.

Мы припарковались в темноте на боковой улице, Октагон был за углом.

— Катализатор, — сказал я. — И смотрите, не пролейте ни капли. Под мышки, туда, где на влажность не обратят внимания.

Я поднял обе руки и почувствовал тепло жидкости из термоизолированного контейнера, а затем быстро опустил руки, чтобы мокрая ткань оказалась между боками и предплечьями. Затем я вылез из машины и просунул руку в окошко. Игла вонзилась мне в кожу, и дело было сделано. Заворачивая за угол, я слышал, как отъезжала машина.

Октагон вырисовывался передо мной, словно гора, небо позади него начало светлеть. Мы дотянули до предела. Впереди находился вход, тот, к которому меня направили, и возле него двое серых людей ждали меня. У обоих пистолеты не были вытянуты из кобуры. Они были очень уверены в себе. Я молча подошел к ним, и один из них защелк-

нул на моем запястье поводковый браслет, после чего меня провели через дверь, мимо молчаливых часовых.

Поднимаясь по лестнице, я споткнулся и после этого внимательно смотрел под ноги, чтобы видеть, куда их ставить. Инъекция начинала действовать. Я ничего не говорил, а мои конвоиры по своей обычной моде тоже молчали.

Они просто тянули и подталкивали меня в нужном направлении и, наконец, втолкнули в какую-то комнату. Оказавшись внутри, они наставили на меня свои пушки, пока снимали браслет.

— Одежду долой! — приказал один из них.

Потребовалось усилие, чтобы не улыбнуться. Сбоку стояли флюороскоп и другое проверочное устройство. Эти типы оставались верны шаблону, следуя той же методе, которую применили, когда меня захватили в первый раз. Неужели они не понимали, что рутина в случае проигранной игры становится ловушкой?

Нет, не понимали. Я неловко стащил с себя одежду и дал им вволю поработать надо мной.

Они, конечно, ничего не нашли, поскольку находить было нечего. Точнее, была одна вещь, которую, как я надеялся, им не найти. Так оно и случилось.

Они медленно волокли свою рутинную проверку, и я начал немного беспокоиться, что они так долго возятся. Голова у меня становилась чуточку затуманенной от наркотика, я чувствовал себя так, словно меня завернули в вату. Инъекция, должно быть, достигла пика своего воздействия, и скоро оно пойдет на спад. То, что мне нужно было сделать, должно было быть сделано на пике мощи наркотика — или близко к нему, — иначе все приготовления будут бесполезными.

— Надеть это, — велел конвоир и бросил мне знакомую прозрачную робу. Я нагнулся, чтобы поднять ее, и не мог больше сдержать улыбку. Сделано.

Они не казались нетерпеливыми, когда я неуклюже надевал робу. Я должен был внимательно наблюдать за своими пальцами, чтобы наверняка знать, что они выполняют свою задачу. Когда на моей шее застегнули ошейник, я чуть не испустил вздох облегчения.

Расчет времени оказался почти совершенным. Все шло, как надо. Когда один из охранников взял пыточную коробку и вывел меня, я опустил голову так, чтобы видеть, куда ставить ноги, чтобы не споткнуться. Если это вызывало иллюзию разбитости, то тем лучше. Мы прошли по

широкому коридору мимо лестницы, и я мысленно отметил ее расположение, я даже считал шаги после того, как мы ее миновали, чтобы получить некоторое представление о расстоянии от нее до цели нашего путешествия.

Каковой было логово Края. Он ждал за письменным столом столь же терпеливо и безэмоционально, как паук в паутине. Ангелина сидела перед ним, соединенная с подвешенной к потолку пыточной коробкой.

— С тобой все в порядке? — спросил я у нее, перешагнув через порог.

— Конечно. Ничего не случилось. Тебе не следовало приходить.

Получив это заверение, я обратил свое внимание на Края, не забывая в то же время об охраннике, который закрывал за нами дверь.

— Теперь вы отпустите ее, не так ли? — спросил я.

— Разумеется, нет. Это не дало бы мне никакого преимущества. — Выражение его лица, когда он говорил, ничуть не изменилось.

— Я и не думал, что вы ее отпустите. Есть ли какая-нибудь причина, по которой вам нельзя сказать мне, как ее поймали?

— Ваша память содержала точное описание вашей жены. Когда мы обнаружили, что вашему побегу помогали две женщины, мы, естественно, предположили, что одной из них могла быть Ангелина. Компьютер ее опознал, как только она вошла в здание.

— Мы были идиотами, когда пошли на такой риск, — сказал я, повернувшись лицом к ней, но глядя на охранника. Он готовился прицепить мою пыточную коробку к другому крюку в потолке. Если он сделает это — мы в капкане.

Все, что я мог сделать, это броситься на него.

— Остановите его! — крикнул Край, и охранник, глядя на меня, быстро нажал несколько красных кнопок на коробке.

Не стану говорить, что это было приятное ощущение. Просочилось достаточно боли, чтобы рвать мой желудок тошнотой и узлами завязывать мускулы. Я споткнулся и упал у ног охранника, не совсем добравшись до него. Принятый наркотик блокировал большую часть боли, но не всю. Имелись, должно быть, еще какие-то нервные пути, доступные для контроля. Слезы залили мои глаза, и я не мог протереть их. Поэтому все, что я видел, стало смазанным и расплывчатым. Передо мной находился ботинок, и это было

нехорошо. И еще нога в форменной штанине, что тоже было плохо.

А затем появилась рука охранника: он нагнулся, чтобы взять меня за шкирку. Я нанес хлесткий удар вытянутым средним пальцем и поцарапал кожу на тыльной стороне его ладони.

Он лишь вздрогнул и продолжал нагибаться, почти как в замедленной съемке, пока не рухнул на пол рядом со мной, выронив проклятую коробку. Она упала достаточно близко, чтобы можно было дотянуться до нее и стукнуть по кнопке отключения.

Боль мгновенно прекратилась. Край был у меня за спиной. Я пополз, борясь со своими завязанными в узлы мускулами, и через несколько мгновений заставил себя подняться на ноги.

С того момента, как я напал на охранника, ситуация резко изменилась. Ангелина лежала поперек стола, держась за ошейник и корчась от боли. Край стоял на коленях за столом и тянулся за пистолетом. Я кинулся на него как раз тогда, когда он поднимался. И тут я понял, что мне не успеть: я бросился слишком поздно, он успеет выстрелить, и конец сказке.

И вдруг грохнул взрыв, пол вздыбился, с потолка посыпались кусочки пластика и пыль, а освещение мигнуло. Край — в отличие от меня — этого не ожидал, его внимание было отвлечено, а я скользнул к нему через стол, и мой ноготь чиркнул его по коже.

Он выстрелил, но заряд ушел в пространство, точнее в противоположную стену, потому что на спуск он нажимал уже лишившись сознания.

Ангелина, должно быть, напала на него, как только я бросился на охранника. Повиснув на проводе, она вскинула ноги достаточно высоко, чтобы выдать Краю хороший пинок, отправивший его на пол. Он отомстил, схватившись за радиоуправление раньше, чем за пистолет, и эта маленькая дань садизму дала мне шанс добраться до него. Но Ангелина теперь расплачивалась за это.

Я не мог смотреть на ее извивающееся тело, когда влез на стол рядом с ней. Перед креслом Края было множество кнопок, но я не собирался тратить время на то, чтобы попытаться разобраться в них. Вместо этого я отцепил коробку и отключил ее.

Ангелина открыла глаза. Она лежала, не двигаясь и глядя на меня, когда я шарил по ящикам стола.

— Милый... ты — гений, — слабо проговорила она. Я нашел ключ и нагнулся, чтобы отомкнуть ее ошейник. — Как ты это сделал?

— Перехитрил их, вот и все. Они не нашли в моей одежде никакого оружия, потому что оружием была сама одежда. Ткань была пропитана тантуралином, превратившим ее в мощную взрывчатку. На ткань под мышками я нанес катализатор, но тепло моего тела не давало ему действовать. Пока я был в мундире, ничего не происходило, но как только они заставили меня снять его — а я был уверен, что они обязательно это сделают, — катализатор начал охлаждаться, и когда он достиг критической температуры...

— Бум! — и все взорвалось! Мой гений... — Она подняла руку и притянула меня к себе. Ошейник щелкнул и открылся, а она подарила мне жаркий, страстный поцелуй, на который я какое-то время отвечал, пока не вспомнил, где мы находимся, после чего мягко высвободился. Она нетвердо села и попыталась вставить ключ в мой ошейник.

— И у тебя, я полагаю, есть чудесное, остроумное объяснение того, как ты убил этих бесов?

— Они еще не мертвые, просто без сознания. Я заточил один ноготь до достаточной остроты, чтобы им можно было поцарапать кожу, а затем смазал его каланитом.

— Конечно! Каланит невидим глазу, а чтобы обнаружить его, требуется специальный, довольно сложный тест. Однако ничтожного количества его более чем достаточно, чтобы привести оцарапанного в бессознательное состояние. Что дальше?

— Телефонный звонок, чтобы привести в действие остальную часть операции в случае, если этот взрыв не услышали за пределами здания. Но у них есть прослушивающие устройства...

Прежде чем я успел закончить фразу, свет погас. Поскольку окон в помещении не было, мы оказались в полнейшей темноте, и я тут же заблудился, потеряв контакт с реальностью.

— Ангелина, — позвал я, сознавая, как хрипло звучит мой голос. — Меня до бровей накачали наркотиками, отрубившими почти все болевые ощущения, вот почему я смог разделаться с охранником, хотя он и шарахнул меня своей радиоволновой коробкой. Но это также означает, что я вообще ничего не могу ощущать — я совершенно онемел. Все, что я могу делать, это слышать в темноте. Тебе придется помочь.

— Что мне делать?

— Найди Края и приволоки его ко мне. Я намерен посмотреть, не сможем ли мы прихватить его с собой.

Она выволокла его из-под стола, причем не слишком нежно, судя по услышанным мной ударам, а потом помогла мне взвалить его на плечи.

— А теперь выведи нас отсюда. Тебе придется вести меня, потому что я совершенно не способен передвигаться в темноте. Перейди на другую сторону коридора и иди налево, примерно через сорок пять метров выйдешь к лестнице. А потом вниз до конца.

Она взяла меня за руку и мы вышли. Я врезался в пару предметов, но это была не ее вина, просто меня окончательно покинуло чувство осязания. По коридору следовать было легче и быстрее, так как там она могла касаться одной рукой стенки. В отдалении были слышны кричащие голоса, даже один-два вполне удовлетворяющих вопля. Мой взрывчатый гардероб обеспечил изрядное отвлекающее действие, особенно в паре с исчезновением электричества. И тут, как раз, когда я поздравлял себя с тем, как хорошо идут дела, замигал, а затем вспыхнул погасший свет.

Мы остановились, щурясь от внезапного освещения и чувствуя себя находящимися посреди освещенной прожекторами сцены. В поле зрения находилась, по меньшей мере, дюжина людей.

Но они все игнорировали нас, занятые собственными бедами и едва осознавая присутствие друг друга. Толстый чиновник налетел на нас с широко раскрытыми от страха после взрыва глазами.

— К лестнице, быстро, — скомандовал я и как можно скорее потопал вперед с подпрыгивающим у меня на плечах Краем.

Конечно, это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. Аварийное освещение мигнуло, собираясь, похоже, угаснуть совсем. Шедший нам навстречу солдат имел достаточно времени, чтобы посмотреть и подумать о том, что он видит. До него, наконец, дошло, что тут что-то не так. Он поднял гауссовку и крикнул:

— Стой!

Ангелина, державшая пистолет Края, выстрелила лишь один раз. Солдат сложился. Мы уже были на лестнице, когда свет вновь погас и больше не зажигался.

Маневрировать на лестнице было трудновато, хотя некоторые ощущения ко мне вернулись, и я в какой-то мере

мог нащупывать дорогу. Мы один раз уронили Края и немного посмеялись над этим, позволив ему прокатиться по лишней ступеньке-другой, а миг спустя я упал на Ангелину, чуть было не опрокинув нас обоих. После этого мы шли осторожно. Пролетом ниже чей-то голос сказал:

— Мы ждем вас, чтобы вывести отсюда. Стойте и не двигайтесь.

Это был девичий голос, и говорил он не по-клизандски, иначе Ангелина начисто разнесла бы лестницу. Мы подождали немного, и я почувствовал, как чьи-то руки коснулись моей головы, надевая тяжелые очки. А затем оказалось, что я снова все вижу, причем очень контрастно. Это были инфракрасные очки, а у поджидавшей нас девушки имелся ручной инфракрасный прожектор. После этого мы спускались почти бегом, а девушка на бегу вызывала кого-то по рации. У подножья лестницы нас ждала Бэйз.

— Мы отправили людей на все лестницы, чтобы попытаться вступить с вами в контакт. Теперь они возвращаются сюда.

Они забрали у меня Края. Я не чувствовал ни боли, ни усталости, но по тому, как вибрировали мои мускулы, был уверен, что у меня все будет ныть, когда окончится действие наркотика. Мы припустили быстрой рысью к открытой пасти служебного туннеля.

— Туда, — показала Бэйз. — На другом конце нас ждут машины.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

При каждом движении я стонал. Немного более глухо и театрально, чем того требовало мое действительное состояние, но это заставляло Ангелину чувствовать себя нужной и отвлекало ее от мыслей о собственных неприятностях. Она квохтала, как наседка, подсовывая мне под голову подушки, наливая мне утешающего, чистя сладкие фрукты и нарезая их мне маленькими кусочками.

Я надеялся, что эти обязанности жены отвлекут ее от воспоминаний о пыточной коробке, с которой она познакомилась днем раньше. Если она о ней и думала, то не обнаруживала этого.

Воздух, вливающийся в открытые окна, был теплым, а небо, как обычно, ярко-голубым.

— Были какие-нибудь потери? — спросил я ее.

— Никаких, о которых стоило бы говорить. Несколько

ушибов и царапин, несколько поверхностных ран среди арьергарда. Все прошло точно так, как ты планировал. Как только девушки услышали взрыв, они закоротили все телефонные и электрические провода, устроив страшную путаницу на линии. Затем они прошли через туннель и вырубили аварийное освещение. Остальное ты знаешь, поскольку был достаточно любезен, чтобы сделать такое одолжение — не свалиться, пока мы добирались до машины.

— Я был бы счастлив сделать это раньше, но я не тешил себя мыслью, что амазонки Бэйз поволокут меня по трубам. Они, кажется, все еще невысокого мнения о мужчинах. Может быть, они сделают меня почетной девушкой?

— Лучше присмотрим за тем, чтобы они тебе чего-нибудь другого не сделали. Недавно звонил доктор Мутфак. Сказал, что почти довел Края до такой грани, когда мы можем с ним поговорить.

— Тогда пошли. Этого разговора я ждал долго и с нетерпением.

Когда я вылез из постели, мои мускулы затрещали, и я почувствовал себя тысячелетним старцем. На мне были купальные принадлежности. Как и на Ангелине. В роскошном отеле «Ринга» неформальность была уставом. Это также давало нам возможность нырнуть, спасая свои жизни, если поблизости будут рыскать какие-нибудь солдаты. Что и навело меня на мысль.

— Что произойдет, если сюда приедут какие-нибудь назойливые клизандцы? Я полагаю, что планы сокрытия Края составлены?

— Сокрыть — самое подходящее слово. Поскольку он без сознания, его можно хранить в одном из холодильников. Хорошая мысль, особенно если они забудут и оставят его там.

— Месть — после, сейчас — информация. Интересно, какие завораживающие факты о нашем чужаке открыл доктор?

— Он не чужак, — настаивал доктор. Пока я спал, он работал в маленькой, но отлично оснащенной лаборатории, являющейся частью минигоспиталя отеля. — За это я ручаюсь своей репутацией.

— Единственная ваша репутация, известная мне, это репутация мозговыжимателя, — сказал я. — Можете ли вы быть уверенным?

— Я не потерплю, чтобы меня оскорбляли иностранцы! — заорал доктор, вытянувшись в гневе так, что

макушка его головы почти достала до моего плеча. — К оскорблениям со стороны женщин я привык, но от иностранца такого не снесу. Даже на безымянной планете, где вас породили, должно быть известно, что базисом медицинского образования является нормальная физиология и биология. А хобби мое — цитология, так уж случилось. Я мог бы показать вам клетки, которые заставили бы вас закричать от удивления, так что я знаю, что говорю. Клетки этого субъекта человеческие, так что он — человек. Жизнеспособный хомо сапиенс.

— Но эти отличия... низкая температура тела, отсутствие эмоций и все такое...

— Все в пределах царства человеческой вариабельности — человечество очень адаптабельно, и поколения, выжившие в разной окружающей среде, могут существенно отличаться. В литературе описаны куда более экзотические примеры, чем то, что обнаружено у этого индивидуума.

— Значит, роботом он тоже не может быть? — широко открыв глаза, невинно спросила Ангелина и ловко отскочила, когда я протянул руку, чтобы схватить ее. Не скажу, чтобы мои теории держались очень хорошо.

— Когда мы сможем с ним поговорить? — спросил я.

— Скоро, скоро.

— А можно спросить, что вы сделали, чтобы заставить его отвечать на вопросы?

— Хороший вопрос. — Мутфак огладил свою серебристую голову и бороду, сосредотачиваясь на интерпретации таинства медицины для профана. — Поскольку именно этот человек, похоже, является ответственным за серьезное вредоносное вмешательство в работу вашего мозга, я не чувствовал того, что может быть вызвано обычной моральной ответственностью врача перед пациентом... особенно, когда пациент помог организовать безжалостное вторжение на мою планету.

— Это хорошо с вашей стороны, док.

— Собственно, я не испытывал никаких колебаний и расстроил его нормальные мыслительные способности для нашей, а не для его выгоды. Сделать мне это было нелегко, я чувствовал себя таким же моральным преступником, какими считаю тех, кто поработал над вами, но я возьму на себя ответственность за этот акт. Тот факт, что он был доставлен сюда без сознания, помог делу. Я посадил ложные воспоминания и вызвал регрессию в областях отношения к людям и эмоций, установил блоки памяти и сделал

еще несколько ужасных вещей, за которые я буду нести позор до дня своей смерти.

Доктор выглядел так, словно мог в любую минуту расплакаться, и я похлопал его по плечу.

— Вы, док, солдат на линии фронта, идущий в бой и делающий все, что потребуется, чтобы победить. Мы все уважаем вас за это.

— Ну, а я — нет, но речь сейчас не об этом. — Он встряхнулся и снова стал человеком науки. — Через неколько минут я собираюсь вывести пациента из глубокого транса. На вид он будет обычным проснувшимся человеком, но его сознание будет иметь минимум представлений о том, что происходит. Его эмоциональное отношение к нам будет как у двухлетнего ребенка, желающего помочь разговаривающим с ним, помните об этом. Не нажимайте, когда будете задавать вопросы, и не ведите себя враждебно. Он всей душой будет хотеть вам помочь, но доступ к информации во многих случаях будет нелегким. В таком случае будьте снисходительны и перефразируйте вопрос. Не нажимайте слишком сильно. Вы готовы?

— Полагаю, да. — Хотя для меня было весьма затруднительно представить себе Края в роли ребенка.

Мы с Ангелиной промаршировали следом за доктором в тускло освещенную госпитальную палату. Когда мы вошли, сидевший у постели санитар встал. Доктор наладил освещение так, чтобы большая часть его падала на Края, тогда как мы сидели в полутьме, а затем сделал ему инъекцию.

— Это должно подействовать очень быстро, — сказал он.

Глаза Края были закрыты, лицо — расслаблено и неподвижно. Череп его обматывали белые бинты, а из-под них тянулись пучки проводов к машине, стоявшей рядом с койкой.

— Проснитесь, Край, проснитесь, — сказал доктор.

Лицо Края дрогнуло, дернулась щека, и медленно открылись глаза. Теперь на его лице появилось выражение безмятежного спокойствия. Он слабо улыбнулся.

— Как тебя зовут?

— Край. — Он говорил тихо, хриплым голосом, напоминающим мне мальчишеский. Не было ни следа сопротивления.

— Откуда ты прибыл?

Он нахмурился, моргая и бормоча что-то бессмысленное. Ангелина наклонилась и, похлопав его по руке, заговорила дружелюбно:

— Ты должен успокоиться, не торопись. Ты прибыл сюда с Клизанда, разве не так?

— Правильно. — Он кивнул и улыбнулся.

— А теперь подумай хорошенько, ведь у тебя хорошая память. Ты родился на Клизанде?

— По-моему, нет. Я... я жил там долгое время, но родился я не там. Я родился дома.

— Дома — это на другой планете, в ином мире?

— Правильно.

— Ты не мог бы сказать мне, на что похож твой дом?

— На холод.

Голос его был таким же ледяным, как это слово, напоминая известного нам Края, и лицо его постепенно менялось, отражая мысли, эхом откликавшиеся на его слова.

— Всегда холод, ничего зеленого, ничего не растет, непрекращающийся холод. Приходилось любить холод, а я его никогда не любил, хотя ужиться с ним могу. Есть теплые планеты, и многие из нас уезжают на них. Но вообще-то нас немного. Мы не очень часто видим друг друга, и я думаю, что мы друг друга не любим. Да и с чего бы нам? В снегах, во льду и в холоде любить нечего. Мы ловим рыбу, вот и все. На снегу ничего не живет. Вся жизнь в море. Я сунул в него однажды руку, но я не могу жить в воде. А рыбы могут, и мы едим их. Есть и потеплее планеты.

— Вроде Клизанда? — спросил я так же мягко, как и Ангелина.

— Вроде Клизанда. Все время тепло и даже жарко, но я против этого не возражаю. Странно видеть на суше других живых существ, кроме людей. И много зелени.

— Как называется дом? Холодный дом? — прошептал я.

Трансформация произошла сразу же. Край начал извиваться на койке, лицо его кривилось и искажалось гримасами, глаза широко раскрылись и остановились, уставившись в одну точку. Доктор кричал, приказывая ему забыть вопрос и успокоиться, пытаясь в то же время всадить в его мечущуюся руку иглу шприца. Но было уже слишком поздно. Спущенная мной реакция продолжалась. Готов поклясться, на какой-то краткий миг в глазах Края сверкнул свет разума и ненависти — очнувшись, он осознал, что происходит.

Но только на миг. Спустя мгновение спина его выгнулась в безмолвном спазме, и он, рухнув, застыл в неподвижности.

— Умер, — объявил доктор, взглянув на показания своих приборов.

— Эксперимент был полезным, — заметила Ангелина, подходя к окну и отдергивая шторы. — Время искупаться, если ты чувствуешь себя способным на это, дорогой. А потом нам придется придумать способ добыть доктору другого серого человека. Теперь, когда мы знаем, какую область нельзя затрагивать, мы заставим его протянуть подольше во время допроса.

— Я не могу, — отшатнулся доктор. — Только не это снова. Мы убили его. Я его убил. Ему был имплантирован приказ, сигнал, которому нельзя сопротивляться: скорее умереть, чем открыть, где находится эта планета. Стремление к смерти, можно сказать. Я сейчас видел это и больше не желаю.

— Нас воспитали по-разному, доктор, — спокойно и безжалостно произнесла Ангелина. — Я без всякой жалости застрелила бы тварь, вроде Края в бою и не испытываю иных чувств из-за того, что его смерть произошла вот таким образом. Вы знаете, кто он и что он сделал.

Я ничего не сказал, потому что был согласен с ними обоими. С Ангелиной, видевшей в Галактике джунгли, в которых идет война за выживание: есть или быть съеденным. И с доктором-гуманистом, выросшим в условиях матриархата в стабильном и неизменном, мирном и спокойном обществе. Они оба были правы. Интересное животное — человек...

— Отдохните, док, — посоветовал я. — Примите одну из собственных пилюль. Вы были на ногах день и ночь, и это не могло пойти вам на пользу. Мы увидимся с вами, когда вы проснетесь, но сперва хорошенько отдохните.

Я взял Ангелину под руку и увел ее от усталого, маленького, печального человека, уставившегося невидимым взглядом в пол.

— Ты ведь не чувствуешь сожаления по поводу смерти этой твари Края? — спросила она, выдав мне свою нахмуренность номер два, означавшую что-то вроде: «Я не ищу неприятностей, но если ты настаиваешь, то, разумеется, получишь».

— Я? На это мало шансов, любимая. Край — это тот, кто раскатал недавно в моем мозгу колючую проволоку и пытался сделать то же самое с тобой. Я только сожалею, что мы не смогли побольше выжать из него, прежде чем он нас покинул.

— Следующий расскажет побольше. По крайней мере, мы теперь знаем, что твоя идея верна. Может быть, они и

не чужаки, но, разумеется, и не уроженцы Клизанда. Если мы сможем искоренить их там, мы покончим с этими вторжениями.

— Легче представить, чем достичь. Давай поплаваем, а над этим поразмыслим за выпивкой, когда вернемся.

Вода высвободила мои мускулы и заставила меня глубоко осознать, какой жуткий голод и жажду я испытываю. Я вызвал по звукосвязи служащего, так что, когда мы вышли из воды, нас уже ждали поджаренное мясо и пиво. Эта снедь немного притупила мой аппетит, но дала мне силы вернуться в номер для более солидной закуски.

Да, весьма солидной: семь блюд, начиная с огненного бурадского супа, далее рыба, мясо и другие деликатесы, слишком многочисленные, чтобы перечислять их. Ангелина немного поела и пригубила свой бокал вина, в то время как я прикончил большую часть еды, оказавшейся в поле моего зрения.

Насытившись наконец, я приказал убрать грязную посуду и со вздохом откинулся в кресле.

— Я думал, — произнес я.

— И ты вполне мог меня одурачить. Я-то думала, что ты лопал, как свинтус с обеими лапами в кормушке.

— Советую поберечь свой буколический юмор. Тяжелая ночная работа заслуживает хорошей дневной еды. Клизанд — вот наша проблема. Или, точнее, серые люди, столь твердо контролирующие его военную экономику. Держу пари, что если мы избавимся от них, у исконных клизандцев не будет того жгучего интереса к межзвездным завоеваниям.

— Достаточно просто. Программа спланированных убийств. Серых не может быть слишком много, Край об этом сказал. Разделаться с ними — я рада буду взяться за такое задание.

— О, нет, ты не возьмешься. Моя жена никогда не станет наниматься в убийцы по контракту. Это не так-то просто как физически, так и морально. Серые люди могут обеспечить себе хорошую охрану. А слова о том, что цель оправдывает средства, — это объявление о банкротстве. Ты видела, что случилось с доктором Мутфаком, когда он трудился для благой цели, но использовал средства, идущие вразрез с его моральными нормами. Мы с тобой, любовь моя, сделаны из материала пожестче, но все же и на нас подействует, если мы займемся массовой резней...

Она побелела, и я пожалел о том, что сказал это. Я взял ее за руку.

— Я не хотел сказать в таком смысле. Я говорил не о прошлом.

— Я знаю, но все равно это разворошило нездоровые воспоминания. Давай забудем об убийствах. Что еще можно сделать?

— Множество вещей, я уверен в этом, если мы сумеем задавать правильные вопросы. Должен же быть способ развалить постоянно расширяющуюся клизандскую империю.

Ангелина поднесла к губам бокал с вином, и на лбу у нее появилась высокопривлекательная линия сосредоточенности.

— Как насчет организации мятежей на всей завоеванной территории? — предложила она. — Если мы займем клизандцев боями на уже завоеванных планетах, они не очень-то разгонятся искать новые территории.

— Ты близко подходишь к нужной идее, но все же не совсем в точку. Мы не можем много ожидать от движения сопротивления на этих планетах, если пример Бурады вообще что-то показывает. Ты слышала, что говорила Бэйз: массированная реакция клизандских вооруженных сил делает свое дело. Если во время налета убивают одного клизандца, они режут в ответ двадцать бурадцев. Здешний народ после многих поколений мира психологически неподготовлен вести безжалостную партизанскую войну. Я даже сомневаюсь, стали бы клизандцы реагировать столь злобно, если бы их не принуждали к тому серые люди, все организующие и всем распоряжающиеся. Солдаты просто выполняют приказ, а выполнение приказа всегда было сильной стороной клизандцев. Мы никогда не остановим этих людей, пытаясь разжечь у них за спиной мелкие бунты. Но ты права насчет учинения им хлопот на разных планетах. Вся клизандская экономика и культура построены на основе продолжающейся войны. Это похоже на какую-то безумную форму жизни, которая должна продолжать разрастаться или умереть. Сам по себе Клизанд не может полагаться на то, что он построит свои флоты и будет их сам снабжать, а должен полагаться на завоеванные им планеты. Эти планеты находятся под абсолютным контролем Клизанда, так что они принимают заказы и выдают товары, а вторжение катится дальше, и ничто не может остановить это наступление.

— Желала бы я, чтобы клизандские завоевания были той безумной формой жизни, о которой ты говорил, какой-нибудь уродливой зеленой порослью. Мы могли бы вырвать ее с корнем, оборвать побег...

Она разломила пополам булочку, чтобы продемонстрировать, что она имела в виду, а затем куснула ее. Когда она хотела заговорить снова, я поднял руку.

— Стоп! — приказал я. — Ничего не говори. Я думаю. Я что-то вижу, оно почти тут.

Затем я принялся расхаживать по номеру, складывая два и два и получая четыре, умножая четыре на два и получая восемь, совершая и другие подобные математические и логические операции. А потом все стало ясно, все части встали на места, а я рухнул в кресло и схватился за стакан.

— Я — гений, — заявил я.

— Знаю. Именно поэтому я и вышла за тебя. Физически ты очень непривлекателен.

— Скоро ты будешь извиняться за свои слова, женщина. А в данный момент выпьем за мой план и за победу.

Мы чокнулись и выпили.

— Какой план? — пожелала уточнить она.

— Пока не могу сказать, он еще не детализирован в отношении частностей и нуждается в доработке. Как ты думаешь, серые люди объявили публично о похищении Края?

— Сомневаюсь. Мы ничего не слышали по прослушиваемой нами сети. И я уверена, что это не та новость, о которой они хотели бы уведомить простых клизандцев.

— Так я и думал. Добавь к этому характерную для них гипертрофированную отстраненность и эгоцентризм даже в отношениях друг к другу. Я намерен сыграть на том факте, что никакого широкораспространенного объявления о Крае не было.

— Как?

— Доставай грим, оборудование для пластической операции. Я намерен проникнуть на военную базу в обличье Края. Мне надо сделать там несколько важных вещей.

Она начала было протестовать, но я поднял палец, и она умолкла. Точно так же, как и я, когда она отправлялась в Октагон. Ей нечего было сказать, и она это знала.

Без единого слова она отправилась за требуемыми маскировочными материалами.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Мне требовался клизандский транспорт, и я добыл его самым простым из всех возможных способов. У врага. А

поскольку проделанная нами гримерная работа не вызвала у меня буйной радости, я решил действовать после наступления темноты, когда тусклое освещение поможет иллюзии.

В соответствующее время я, одетый в мундир Края, но с собственным чемоданчиком, отправился с Гамалем к Октагону, месту прежних представлений. Гамаль был членом вспомогательных полицейских сил. Мужчина в такой роли являлся довольно редким исключением, поскольку большую часть вооруженных сил составляли женщины. Я бы предпочел одну из девушек, они казались намного более уверенными в себе. Но в это время на планете находились клизандские войска только мужского пола. Кучка клизандских женщин оставалась вне поля зрения.

Гамаль выглядел излишне нервным, и мне не понравилось, как он время от времени закатывает глаза, однако пришлось довольствоваться им.

— Ты понял свою роль? — спросил я у него, толкая его в тень глубокого парадного.

— Да, сэр, разумеется, понял.

Не стучат ли у него зубы? Трудно сказать. Я вынул пузырек, который дал мне доктор Мутфак для применений в случае чрезвычайной ситуации.

— Возьми эти две таблетки, разжуй и проглоти. Это пилюли счастья, они должны поднять твой боевой дух, не отправляя тебя плясать по улицам.

— Я не...

— Теперь ты да. Возьми.

Он взял, а я шмыгнул к Октагону, держась в тени, и осторожно выглянул за угол, прежде чем начать свою игру. Даже в этот час ночи машины довольно часто подъезжали к зданию и выезжали из него, но все это было не то, в чем я нуждался.

Наконец подъехала маленькая машина, выбросила двух офицеров, а затем отправилась обратно в моем направлении. Я шагнул на улицу перед ней и махнул рукой. Она, взвизгнув, остановилась, почти коснувшись меня передним бампером. Водитель выглядел испуганным, и я постарался удержать его в этом состоянии.

— Вы всегда так ездите?

— Нет, сэр, но...

— Приберегите свои извинения, меня они не интересуют. — Я влез в машину и уселся рядом с ним, а он все еще не мог закрыть рот. — Езжайте дальше, я скажу вам, куда направляться.

— Сэр, эта машина... Я хочу сказать...

Один-единственный холодный краевский взгляд заставил его увянуть, словно весенний цветок на морозе, и он рванул машину вперед.

Как только мы отъехали немного от Октагона, я приказал ему остановиться и раздавил у него под носом сонную капсулу. Я был уверен, что отдых не помешает ему. А затем я отвез его к месту, где ждал Гамаль. Он открыл дверь склада, в котором прятался, и мы занесли туда шофера. После этой капсулы он должен был спать до утра, и пока Гамаль переодевался в его форму, я подложил ему под голову для удобства пачку бумаг.

— Ты умеешь водить такую машину? — спросил я у Гамаля, когда он переоделся.

— Должен бы. Эта машина одна из наших. Они украли ее и нарисовали на ней свой грязный флаг.

— Значит, вновь отбитый военный трофей. А теперь отвези меня в космопорт. И не останавливайся в воротах, а лишь притормози и продолжай катить. Все это блеф, так что держи нос кверху и постарайся не выглядеть таким испуганным, каким ты являешься. Будь мужчиной.

— Я и мужчина, — простонал он. — Ну а это — женское дело. Не понимаю, как я вообще дал уговорить себя на это.

— Заткнись и поезжай. И прими еще пару этих пилюль.

Космопорт был перед нами, и я больше беспокоился о своем водителе, чем о том, что будет дальше. Я видел, как они спешат убраться с дороги Края. Наверное, это поможет объяснить и явный страх водителя. Я вздохнул. Катись, машина. Предполагалось, что все знали Края, и теперь я намеревался подвергнуть это теорию испытанию.

Часовые вытянулись по стойке смирно, когда мы появились. Сержант начал было что-то говорить, но я опередил его.

— Держитесь подальше от этого телефона. Я намерен поговорить с некоторыми людьми и не хочу, чтобы вы сообщили им о моем появлении. Вы знаете, что случится с вами, если вы это сделаете.

Мне пришлось чуть ли не выкрикивать эти фразы, поскольку близкий к панике Гамаль притормозил недостаточно, и мы промчались мимо часовых. Но они, должно быть, меня расслышали, потому что никто не сделал попытки приблизиться к телефону. Первый шаг.

— Я не могу это делать! — завопил Гамаль и так крутнул руль, что мы направились обратно к воротам. — Я еду

домой! Я никогда не был создан для работы в полиции — все это идеи моей матери, она хотела, чтобы я был для нее вроде дочери, вот и сделала из меня... А я хотел быть просто домохозяином, как мой отец!..

Ворота надвигались с огромной скоростью, и я, бегло выругавшись, выудил сонную капсулу, раздавил ее у него под носом, а затем рванул руль. Мне пришлось, поддерживая одной рукой Гамаля, сделать еще один поворот. Мы снова умчались прочь. Мне стало немного не по себе, когда я представил, что могут подумать часовые обо всем этом. Борясь с незнакомым управлением, я сумел завести машину в один из ангаров, прежде чем нога Гамаля соскользнула с акселератора и мотор заглох.

На заднем сидении машины были какие-то ящики и узел армейских одеял. Я вынул все, кроме одеял, которые использовал, чтобы прикрыть Гамаля, сладко спавшего теперь на полу, свернувшись калачиком.

Наверное, мне следовало застрелить его или просто выбросить. Но ведь он не был виноват в том, что родился мужчиной при матриархате. Пока никто не приближался к машине, мы были в безопасности, но я понимал, что машина Края должна привлечь к себе внимание. Я подъехал к ближайшему космическому кораблю и припарковался подальше от огней входа. Теперь второй шаг.

— Вы знаете, кто я? — спросил я старшину, дежурившего у подножья трапа. Голос мой был холодным и пустым.

— Да, сэр, знаю. — Он встал по стойке смирно, глядя прямо перед собой.

— Отлично. Тогда передайте старшему механику, чтобы он встретил меня на палубе.

— Его нет на борту, сэр.

— Я сделаю пометку об этом нарушении воинского долга, а вы сообщите ему об этом, когда он вернется. Дайте тогда помощника.

Я прошел мимо него, не удостоив его лишним взглядом, а он прыгнул к телефону. К тому времени, когда я добрался до палубы А, меня уже ждал механик в промасленном комбинезоне, нервно вытиравший руки тряпкой.

— Извините, мы разбираем один из генераторов... — Голос его иссяк и выдохся, когда я прожег его взглядом.

— Я знаю, что у вас неполадки. Именно поэтому я нахожусь здесь. Отведите меня в машинное отделение.

Он поспешил туда, а я шагал за ним, тяжело ступая. Пожалуй, то пройдет легче, чем я думал. Трое побелевших

рядовых оторвали взгляд от внутренностей генератора, когда мы вошли.

— Выставьте их отсюда, — сказал я, и повторять приказ мне не пришлось.

Я посмотрел на вскрытый генератор и глубокомысленно кивнул, словно понимая, что там ремонтировали. Затем я начал медленно обходить машинное отделение, постукивая по датчикам и щурясь на мигающие индикаторы, в то время как механик трусил за мной вслед. Когда я добрался до генератора двигателя искривления, то обратил внимание на заводскую марку, покрытую символами и цифрами, которые мне ничего не говорили. Я повернулся к механику.

— Почему используется эта модель?

Я еще никогда не видел механика, который не мог бы сказать что-либо о любом предмете, находящемся под его опекой, и этот не был исключением.

— Мы знаем, что это устаревшая модель, сэр, но замена не прибыла вовремя, чтобы мы могли установить и отрегулировать ее до полета.

— Принесите мне техсправочник.

Как только он повернулся ко мне спиной, я сжал ручку чемоданчика, и мне на ладонь выпала бомба. Я установил часовой механизм на сорок минут, взвел ее и активизировал. Затем я нагнулся и затолкал ее под толстую станину генератора, где ее нельзя было заметить. К тому времени, когда механик вернулся с техсправочником, я уже изучал другое оборудование.

Быстрое перелистывание страниц, сопровождающееся похмыкиванием над идентификационными номерами, удовлетворило его, и я вернул справочник обратно. Я чувствовал стыд, потому что работа оказалась такой легкой.

— Позаботьтесь, чтобы ремонт был закончен быстро, — приказал я уходя, ничего не уточняя, а в ответ получил его горячие заверения, что так и будет сделано.

Я повторил этот маневр в следующем корабле, припарковав свою машину в тени рядом с ним. Как раз тогда, когда я понял, что в этом корабле есть что-то знакомое, по трапу спустился Остров и повернулся лицом ко мне.

Это внезапное столкновение поразило меня также сильно, как и его. Но если его голос изменился, глаза выпучились и он встал на мертвый якорь, то я, войдя в роль Края, только холодно уставился на него. Узнает ли он меня? Я жил с ним в одной комнате, пил с ним из одной бутылки в бытность мою Васко Хулио, я пилотировал этот корабль,

Личина Края была хороша, но можно ли было ожидать, что она выдержит столь близкое изучение тем, кто так хорошо меня знал?

— Ну? — прошипел я, когда стало ясно, что он не проявляет намерения двигаться или говорить, или вообще делать что-либо помимо пяления глаз сверху вниз.

— Извините, сэр, вы застали меня врасплох... Я не ожидал увидеть вас здесь, если вы понимаете, что я имею ввиду... — Он начал потеть, а я хранил молчание. — Ваш голос... — произнес он наконец. — Что-нибудь случилось?

Конечно, случилось. Я знал, что не могу заставить свой голос звучать так, как у настоящего Края, для того, кто говорил с ним столь недавно, как Остров. Я также знал, что шепот одного человека очень похож на шепот другого, но ему я этого не сказал.

— Рана, — прохрипел я. — В конце концов идет война, и некоторые из нас сражаются.

— Да, конечно, сэр, я понимаю.

Он переминался с ноги на ногу. Я решил, что с меня этого хватит и проследовал дальше, но он окликнул меня, и я с холодным нетерпением снова повернулся лицом к нему.

— Извините, что беспокою вас, сэр. Я просто хотел бы знать... не скажете ли вы мне что-нибудь о местонахождении Васко...

— Это не его имя. Он — шпион. Вы ведь не желаете продолжить знакомство со шпионом, не так ли?

Остров покраснел, но не отстал от меня.

— Нет, конечно, нет, если он шпион. Но одно время мы были вместе... и тогда он был вроде бы неплохим человеком. Я просто интересуюсь...

— Интересоваться буду я, а вы занимайтесь пилотажем.

После этих вполне краевских слов я повернулся и затопал по кораблю. Остров удивил меня свой попыткой противостоять Краю. Видимо, где-то глубоко под его дубленой алкоголем шкуры жило борющееся за освобождение существо.

Подложить эту бомбу оказалось столь же легко, как и первую, и я установил взрывной механизм приблизительно на то же время. Работая с ускорением, я быстро носился от ракеты к ракете и сумел подложить семь бомб, прежде чем бабахнула первая. Когда прозвучала тревога, я находился в машинном отделении девятой ракеты.

— Что это? — спросил я, услышав отдаленные стенания сирен.

— Понятия не имею, — ответил немолодой механик и снова перенес свое внимание на моторы. — Эти импульсные трубки — второсортные и дрянные, но я не могу достать замену…

— Я не интендант, — прорычал я, внезапно сильно заспешив. — Пойдите и выясните, что стряслось.

Как только он вышел, я сунул бомбу в подходящее место, установив ее на три минуты, и последовал за ним.

— Что там? — спросил я его у трапа.

— Взрыв на одном из кораблей в машинном отделении.

— Где? Я должен видеть это.

Я выкрикнул эти слова и сошел как можно скорее. Теперь должны рвануть остальные бомбы, после чего посыпятся доклады. Сперва будет сплошное замешательство, и за это время я должен покинуть космопорт. Потому что очень скоро придет понимание того, что все эти взрывы произошли в одном и том же месте на многих кораблях вслед за невероятной новостью, что Край недавно побывал во всех этих машинных отделениях.

Края не заподозрят, во всяком случае, сперва, но власти, разумеется, захотят с ним немного побеседовать. И подобная беседа в мои планы не входила. Я направился к своей машине насколько мог быстро, стараясь, однако, не привлекать лишнего внимания.

И увидел около нее двух чинов военной полиции, державших с двух сторон обмякшего Гамаля.

— Это ваша машина, сэр? — спросил один из них.

— Конечно. Что вы здесь делаете?

— Дело в этом человеке. Мы увидели его на заднем сидении, он говорил сам с собой. Мы подумали, что он пьян, но потом прислушались, и оказалось, что он говорит на каком-то иностранном языке, сэр. Похожим на тот, на котором говорят на этой планете. Вы знаете, кто он?

Я не колебался. Это была война, а солдаты на войне гибнут по множеству причин.

— Никогда раньше не видел его.

Мой голос проник в одурманенный мозг Гамаля, потому что он, моргая, поднял взгляд. Как ни слабы были его нервы, он, должно быть, обладал физической конституцией быка, если был способен двигаться после того количества газа, которое он вдохнул. Затем он ухватился за меня и закричал:

— Вы должны помочь мне! Они убьют меня, увезите меня отсюда. Это была ошибка — привозить меня сюда!

— Что он говорит? — спросил один из полицейских.

— Понятия не имею, хотя, я думаю, он может быть тем шпионом, который совершил диверсии в машинном отделении. — Время уходило слишком быстро, они вот-вот должны были подумать о Крае. — Посадите его на заднее сидение машины и отправьте со мной. Я знаю, как заставить его говорить членораздельно.

Пока они это проделывали, я завел мотор и тронулся даже раньше, чем они уселись. Это немного побросало их, но если они и заметили одеяла на полу, то не упомянули о них. Поставив передачу на первую скорость, я погнал машину к выходу из космопорта. К офицеру, который стоял, блокируя дорогу, с поднятой рукой, требуя, чтобы я остановился. Я продолжал ехать, но вынужден был крепко притормозить в последний момент, потому что он не сдвинулся с места.

— Вы не можете выехать. База закрыта. — Он был холодноглазым, твердолицым и злющим. Таким же, как и я.

— Я уезжаю. Приберегите свои приказы для других.

— Мне было приказано закрыть ворота для всех без исключения.

— У меня пленный, который может быть диверсантом, и двое охраняющих его. Ваше профессиональное рвение похвально, капитан, но вы должны знать, что я тот, кто отдает приказы, и я не подчиняюсь им.

— Вы не можете уехать.

Был ли он упрям до грани сумасшествия или имел на мой счет особый приказ? У меня не было времени на выяснение этого.

Я видел через окно, как один из солдат отвечает по телефону, и ощущал острое подозрение, что происходящий разговор имеет прямое отношение ко мне. Я вытащил пистолет и прицелился в капитана.

— С дороги, или я убью вас, — произнес я, стараясь придать своему голосу скучающую интонацию.

Он было потянулся за пистолетом, но тут же отказался от этого намерения. Еще миг он колебался, и я увидел в его глазах обыкновенный страх. Затем он неохотно шагнул в сторону, и я бросил машину вперед. Я мельком увидел выбегающего из караулки солдата, показывающего на машину и кричащего что-то. Рев мотора заглушил его голос.

После этого я не оглядывался, хотя военные полицей-

ские явно это делали. В зеркальце заднего обзора я видел, как они перешептываются. Вот-вот они могли потянуться за собственными пистолетами, и я не стал рисковать.

Как только мы свернули за первый угол, я бросил на заднее сидение газовую гранату, а затем остановился ровно настолько, сколько нужно было, чтобы выгрузить эту пару спящих красавцев.

Гамаль теперь тоже крепко спал, и мне ужасно хотелось последовать его примеру. Я широко зевнул и по боковой дороге направился к доку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Объясните, ди Гриз, и пусть это объяснение будет хорошим.

Инскипп, пребывая в своем обычном очаровательном настроении, расхаживал по салону космического корабля.

— Сперва скажите, как там мои дети, мои сыновья, которых никогда не видел их отец, как они там?

— Да, как они там? — спросила Ангелина, удобно располагаясь в одном из кресел.

Инскипп немного пошипел, но вынужден был ответить.

— Прекрасно. Набирают вес, много лопают, точь-в-точь как их отец. Вы их скоро увидите. А теперь хватит об этом. Я пролетел не знаю сколько световых лет, чтобы проконтролировать эту операцию, потому что она, кажется, пришла к полной остановке. И что же я нахожу? Два моих агента решили, что с них хватит, и покинули порученную им планету. Они встречают меня здесь, на орбите, и пусть там эта несчастная планета крошится под железной пятой Клизанда. Объясните.

— Мы победили.

— Без шуток, ди Гриз, я могу расстрелять вас.

— Вы меня пальцем не тронете. Вы слишком много вложили в мою шкуру. И я говорю серьезно. Мы победили. Бурада, крошащаяся под железной пятой, еще этого не знает. Клизандские правители тоже этого не знают. Только немногие избранные.

— Я не принадлежу к числу этих счастливчиков, так что поторопитесь.

— Требуется демонстрация. Ангелина, милая, наша маленькая игрушка у тебя с собой?

Она открыла ящик рядом со своим креслом и вручила мне Штуку. Она была гладкая, черная, не больше моей

ладони. Внизу и на каждом конце у нее имелись маленькие отверстия, на одном конце также располагалось несколько маленьких линз. Я протянул ее Инскиппу, который подозрительно посмотрел на нее.

— Вы знаете, что это такое? — спросил я.

— Нет. И не могу сказать, что особенно стремлюсь узнать.

— Это надгробный камень на могиле всех экспансионистских амбиций Клизанда. Каков тип корабля, на борту которого мы находимся?

— Легкий эсминец класса «Гнашер». А какое это имеет значение?

— Терпение, и вам откроется все.

Я взял из рук Ангелины маленькую коробочку дистанционного управления и вставил конец выступающего из нее штыря в соответствующее отверстие на Штуке. Затем я отстучал на клавиатуре серийный номер эсминцев класса «Гнашер». Не отсоединяя коробочку, я отнес Штуку к выходу из салона, где мы могли видеть объемистый диск главного шлюза. Ангелина последовала за мной, буксируя протестующего Инскиппа.

— Мы должны представить себе, — сказал я, — что этот корабль стоит на земле и шлюз открыт. Рано или поздно все шлюзы открываются, и Штука будет ждать момента, когда это сделают. За этим наблюдает также оператор с расстояния в три километра. Шлюз открывают и оператор активизирует Штуку. Она летит прямо к открытому шлюзу, пролетает его и...

Я нажал кнопку «Пуск» и она ожила. Завизжали крошечные реактивные двигатели и Штука, вырвавшись из рук, словно колибри, помчалась по коридору к корме.

— За ней! — крикнул я и возглавил погоню.

Мы настигли ее двумя палубами ниже, где ее остановила закрытая дверь, но недолго. Термическая пика на носу Штуки быстро прожгла дыру в металле, и она снова газанула.

Когда мы добрались до машинного отделения, она почти прогрызла себе дорогу сквозь эту дверь, и оказались там как раз вовремя, чтобы распахнуть дверь, когда она прошла. Летая по помещению, Штука сделала свечку, словно уточняя свои координаты, такая маленькая и быстрая, что за ней почти невозможно было уследить, а потом спикировала.

Прямо на генератор двигателя искривления, где она и взорвалась в облачке черного дыма.

— Безвредный дымовой заряд, — пояснил я. — В полевой операции заменяется мощной взрывчаткой, более чем достаточной для уничтожения генератора двигателя искривления и все же не слишком большой дозой, чтобы не причинить иных серьезных повреждений. Исключительно гуманное оружие.

— Вы — сумасшедший!

— Только для Клизанда и серых людей, продолжающих эту бессмысленную войну. И если мы сможем вернуться к выпивке, я расскажу вам, как она будет установлена.

Удобно устроившись и немного охладив глотку, я перешел к объяснениям.

— Я лично покончил с генераторами двигателей искривления на девяти клизандских кораблях, просто чтобы посмотреть, можно ли это сделать и не будет ли каких-либо проблем с планировкой и конструкцией корабля. Никаких проблем не возникло. Клизандские корабли точно такие же, как и любые другие, только еще более одинаковые, поскольку они любят мундирное однообразие, что существенно облегчает нашу работу.

Для выполнения этой работы и была спроектирована Штука. Оператор Штуки может спокойно сидеть за пределами космопорта, наблюдая в мощный бинокль за клизандскими кораблями. Когда наблюдаемый корабль открывает свои шлюзы, Штука наносит удар.

Оператор должен лишь активизировать ее, ввести тип корабля и пустить ее в работу. У Штуки имеется блок памяти на молекулярном уровне и компьютерные цепи. Она на высокой скорости подлетает к кораблю, находит шлюз и влетает, а затем, используя введенные в ее память сведения о внутреннем устройстве судна, проделывает путь в машинное отделение, не отступая ни перед чем. Там она взрывает генератор двигателя искривления пространства. Конец клизандского вторжения.

— Конец одного генератора двигателя искривления, — поправил Инскипп с презрением в голосе. — Они закажут другой, и все дела.

— А вот и не все. Генераторы сложны, и изготовить их нелегко. Фабрик, выпускающих их, немного, потому что их закупают там, где соответствующее производство налажено. Я уверен, что на Клизанде есть по крайней мере одна такая фабрика, но ее можно найти и уничтожить из космоса.

— Так они получат генераторы со склада.

— Есть предел числу генераторов, хранящихся на складах, и склады эти очень скоро опустеют. А эмбарго на поставку генераторов Корпус сумеет заставить соблюдать сотрудничающие планеты. Конец империи.

— Как?

— Подумайте, Инскипп, подумайте. Возраст не мог иссушить ваш мозг так же сильно, как вашу дубленую кожу. Ключ мне дала Ангелина. Клизандцы должны или продолжать расширение или погибнуть. У них не хватит ресурсов на своей собственной планете для ведения такого рода постоянной экспансии. Потому что они, завоевывая планету, заставляют ее работать на себя, тем самым восстанавливая свои силы и снабжают их всем необходимым, а потом идут дальше за следующим куском пирога. Да вот только дальше они больше не пойдут. У них все еще будут их планеты и материалы, но что от них толку, если их нельзя отправить туда, где они нужны? Экспансию придется остановить, а по мере того, как кораблей будет становиться все меньше, им придется отходить все дальше и дальше, пока они снова не окажутся на своей родной планете. Тут-то и будет конец делу.

Любая планета может обеспечить себя сырьем и продовольствием в той мере, в какой это необходимо для выживания. Но империя не может выжить с перерезанными торговыми путями. Я даю им год, не больше, после чего Клизанд будет еще одной отсталой планетой с массой парней в мундирах, но без работы. Когда же все будет окончено, можно снова начать нормальную торговлю с ними. На все это потребуется от силы год. Что вы думаете?

— Я думаю, что ты снова преуспел, мой мальчик, как я заранее знал.

Он просиял, а я подмигнул Ангелине, и мы выпили за исполнение всего этого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мы стояли в шлюзе, готовые к высадке с корабля, когда подбежавший стюард вручил мне псиграмму. Ангелина бросила на нее испепеляющий взгляд.

— Порви ее, — сказала она, — если она от поганца Инскиппа, и он отменяет в ней единственный маленький отпуск, который мы наконец получили.

— Успокойся, — ответил я, быстро просмотрев текст. —

Нашему отдыху опасность еще не грозит. Это от Бэйз...

—- Если эта грудастая нахалка все еще преследует тебя, то у нее будут неприятности.

— Не волнуйся, любовь моя. Депеша чисто политического характера. Результаты первых выборов после отступления клизандцев. Мужскую партию вымели из правительства, и девушки вернулись к рулю. Бэйз назначена военным министром, так что, я думаю, будущее вторжение пройдет не так легко, как предыдущее. И еще в псиграмме сообщается, что мы оба награждены орденом Голубых Гор первой ступени — когда мы в следующий раз посетим Бураду, состоится большая церемония с прикалыванием орденов.

— Смотри, только не вздумай отправиться туда сам по себе, Скользкий Джим!

Я вздохнул, когда массивный внешний шлюз корабля открылся и вместе с наружным воздухом внутрь влетела бравурная музыка военного оркестра. Небо было ясное, и на нем не было ничего, кроме пуфиков белых облачков и вертолетов, тянувших транспарант, который гласил:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

— Очень мило, — сказал я.

— Уг-гу, — сказал Боливар. Или это Джеймс говорил? Их было трудно различать, а Ангелина отнеслась крайне несочувственно к моему предложению нарисовать «Д» на одном лобике и «Б» на другом. Лишь на время.

Она склонилась над их крошечными фигурками в роботоколяске, поправляя одеяла и совершая другие мелкие операции. Да только я-то знал, что она держит пистолет на поясе и нож в пеленках. У моей Ангелины материнские чувства как у любой тигрицы: она заботится о своих детенышах, но когти держит острыми, просто на всякий случай. Жаль бедного похитителя, который попытался бы умыкнуть дигризовских детей.

— Это улучшение по сравнению с обычным грохочущим эскалатором, — сказал я, показывая на платформу снаружи.

Верфь для ремонта кораблей была надраена, украшена флагами и превращена в пассажирский лифт. Он не только выдерживал всех высаживающихся людей, но на нем оставалось еще и достаточно места для военного оркестра, который сейчас стучал и трубил, словом, хорошо развлекался. Мы сошли на платформу и роботоколяска скатилась следом за нами. Джеймс — или Боливар — попытался

выброситься через край, но мягкое щупальце толкнуло его обратно на подушки.

— Выглядит не так уж плохо, — сказала Ангелина, окидывая взглядом космопорт и город, пока подъемник медленно опускался. — Не могу понять, на что ты жаловался.

— Давай скажем так: когда я был здесь в прошлый раз, прием был немного иным. А это разве не приятное зрелище?

Я показал на ряды заброшенных космических кораблей. По бокам их тянулись видимые даже отсюда полосы ржавчины.

— Очень мило, — не глядя ответила она, закутывая ребенка, о котором роботоколяска и так уже прекрасно позаботилась. Подобно всем новоявленным отцам, я больше чем малость ревновал к вниманию, расточаемому ей на ребятишек, и с нетерпением ожидал нового задания, когда я смогу оказаться немного ближе к центру фокуса ее приязни.

Я привыкал к брачным узам и, несмотря на свою врожденную ненависть к браку и брыкание, начинал наслаждаться ими.

— Разве это не опасно? — спросила Ангелина, когда мы достигли земли и двойной ряд солдат почетного караула вытянулся по стойке смирно со звучным грохотом и лязгом. Их было, должно быть, не меньше тысячи, и все они были вооружены гауссовками.

— Их оружие небоеспособно. Это было частью соглашения.

— Но можем ли мы им доверять?

— Абсолютно. Единственное, что они знают, это как выполнять приказы.

Мы шли к зданию между рядами сверкающих солдат с винтовками, взятыми на караул, выпрямившихся, как статуи.

— Я тебе покажу, — сказал я и повел ее к ближайшему солдату. Коляска повернула и последовала за нами.

Он был высоким, прямым, с большой челюстью, стальными глазами, словом, со всем, что следует иметь солдату.

— На пле-е-чо! Арш! — рявкнул я в своей лучшей плац-парадной манере. Он мгновенно подчинился, демонстрируя незаурядную выучку. Седые волосы говорили о том, что он, должно быть, долгое время занимается этой игрой. — Проверка оружия! Выполнять!

Он четко бросил оружие на руку и с двойным клацаньем выдвинул затвор, после чего протянул мне оружие. Я взял

винтовку и заглянул в казенник. Без единого патрона и ни одного пятнышка. Я поднял ее к небу и посмотрел через ствол, но увидел только непроницаемую темноту.

— Дуло чем-то забито.

— Да, сэр. Приказ, сэр.

— Какой именно? Что там?

— Свинец, сэр. Сам расплавил и влил его.

— Великолепное оружие. Носите его, солдат. — Я швырнул винтовку обратно.

Он поймал ее и эффектнс щелкнул. В нем было что-то знакомое.

— Я не знаю вас, солдат?

— Может быть, сэр. Я служил на многих планетах. Одно время я был полковником.

Когда он сказал это, в его глазах появился отдаленный блеск, который быстро растаял. Конечно, я не узнал его без бороды. Он был офицером, приставленным ко мне Краем, и пытался застрелить меня, когда мы впервые высадились на Бураде.

— Я знал этого человека. Он был офицером высокого ранга, — сообщил я Ангелине, когда мы пошли дальше.

— Теперь у него мало шансов на такую работу. Пусть радуется, что у него есть работа, позволяющая ему находиться на свежем воздухе. Просто удивительно, что они все так хорошо воспринимают то, что произошло.

— У них не было особого выбора. Когда рухнула их империя, они хлынули обратно на Клизанд и обнаружили, что их минеральные и энергетические ресурсы за годы экспансий поистощились, а они этого так и не заметили. Так что им пришлось или заниматься земледелием, или ходить голодными. Ну, а насколько я понял, сельское хозяйство у них сейчас прямо-таки процветает. А серые люди исчезли. Инскипп отправил своих агентов и обнаружил, что все они упаковались и уехали. Устраивать неприятности в другом месте, я полагаю. В один прекрасный день нам придется проследить их до родной планеты.

— Мерзавцы. Вот где от планетоуничтожающей бомбы была бы хоть какая-то польза.

— Только не при детях, — сказал я, потрепав ее по щеке. — Ты ведь не хочешь, чтобы они получили неверное представление о своей матери.

— Они получат верное. Я все еще не доверяю этим эксвоинам.

— Не нужно. После развала мы поместили здесь полити-

ческих агентов, отдающих приказы, а приказы — это единственное, что они умеют выполнять. Учитывая все обстоятельства, они очень легко отделались.

Все еще не убежденная Ангелина фыркнула.

— Хотела бы я знать, какой это умник придумал этот туристический бизнес и предложил, чтобы мы отправились первым кораблем?

— Я! Виновен в обоих случаях. И не смотри на меня кинжальным взглядом. Им требуется какое-то занятие и приток иностранной валюты. А туризм — это, примерно, все, что способна организовать планета без ресурсов. У них есть пляжи, лыжные трассы и все такое прочее, плюс смертельная притягательность для некоторых завоеванных ими планет. Это сработает, ты только подожди и сама увидишь.

Орды портье в мундирах столкнулись из-за нашего багажа, а затем пошли вперед с чемоданами к поверхностному транспорту. Обстоятельства сильно изменились со времени моего первого визита на эту планету. Они, к тому же, кажется, были счастливы. Не думаю, что они были созданы стать расой воинов и межзвездных завоевателей. Ради старых времен я зарегистрировался в отеле «Злато-Злато», где я останавливался в первый раз, он все еще был самым роскошным отелем в городе.

Манеры швейцара на этот раз были лучше, а дежурный администратор даже поклонился, когда мы вошли.

— Добро пожаловать на Клизанд, генерал и госпожа Джеймс ди Гриз с сыновьями. Да будет ваше пребывание здесь счастливым.

В путешествиях титул помогает всегда, а на этой планете и подавно. Я оглядел фойе, а потом взглянул на администратора.

— Остров! Ты ли это? — воскликнул я.

Он снова поклонился.

— Я действительно Остров, сэр, но я боюсь, что вы знаете меня лучше, чем я вас.

— Извини. Нельзя ожидать, чтобы ты сразу узнал меня с моим настоящим лицом и настоящей подписью. Когда ты в последний раз говорил со мной, ты думал, что я тварь по имени Край, а до этого ты знал меня как Васко Хулио.

— Васко... Не может быть! Да, я верю, это твой голос... — Затем его собственный голос упал. — Надеюсь, вы примете мои столь запоздалые извинения. Я никогда не чувствовал себя хорошо, помогая Краю схватить вас. Хотя после того я пролежал без сознания полтора дня, я все

равно был счастлив узнать, что вы сбежали. Я знал, что вы шпион и все такое, но...

— Ни слова больше! Вопрос закрыт, и я предпочитаю думать о тебе, как об однокомнатнике и собутыльнике.

— Очень мило. Вы не окажете ли мне честь, позволив пожать вашу руку?

Мы обменялись рукопожатиями, и я с любопытством посмотрел на него.

— Ты изменился и, по-моему, к лучшему. Прибавил немного в весе, отшлифовал манеры.

— Спасибо, Васко. Очень мило с вашей стороны. Я бросил пить, так что теперь приходится следить за диетой. И мне больше не надо беспокоиться о полетах на этих поганых космических кораблях! В моей семье всегда работали в отелях, традиционное ремесло и все такое. Пока меня не поймал призыв. Приятно вернуться к тому, что я знаю, и к тому же, как видите, сразу наверх. Сейчас дефицит на хороших служащих отелей. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Он вручил мне ручку и все тем же нейтральным голосом, только не так громко, сказал.

— Надеюсь, вы простите мне мои слова, но эта ситуация, по моему мнению, чрезвычайная, поэтому, пожалуйста, не подпрыгивайте и не оглядывайтесь. Но здесь с того момента, как мы открылись, остановился один человек. Я считаю, что он из людей Края, и он запугал весь штат. До этой минуты я не знал, что ему нужно. Теперь я считаю, что он охотится за вами. Надеюсь, вы вооружены. Он подходит сзади справа от вас. Одет в темно-фиолетовый пиджак и желтую шляпу в полоску.

У меня был отпуск, и я был безоружен. В первый раз за долгое время. Я мысленно поклялся, что это будет в последний раз. А затем я вспомнил про Ангелину и увидел, что она снова склонилась над роботоколяской.

— Я не хотел бы беспокоить тебя, дорогая, — сказал я, улыбаясь и чувствуя, как зуд ползет по моей спине к черепу. — Но подходящий ко мне сзади человек в темно-фиолетовом пиджаке — убийца. Как ты думаешь, ты могла бы что-нибудь предпринять, желательно так, чтобы он остался живым?

— Как мило, что ты меня об этом попросил! — засмеялась она и похлопала по кучк пеленок в коляске.

Я шагнул к столу регистрации, следя за ней. Очаровательной, расслабленной, улыбающейся, приглаживающей волосы.

И не торопящейся к тому же. Я открыл было рот, чтобы упомянуть об этом факте как раз в тот момент, когда ее рука метнулась вниз. Позади меня раздался приглушенный вопль, и я, пригнувшись, обернулся.

Все было кончено. Темно-фиолетовый пиджак потерял свою полосатую шляпу. И пистолет тоже — он лежал теперь на ковре. Он тянулся к ножу, торчавшему из его предплечья, делая слабые царапающие движения. Затем рядом с ним оказалась Ангелина. Она рубанула его по шее и опустила потерявшего сознание убийцу на пол.

— Ничего себе, планета отдыха, — фыркнула она, но я-то знал, что она наслаждается.

— За это ты получишь медаль, моя радость. Корпус позаботится об этом парне, и, мне представляется, они выжмут из него информацию о его родной планете, что будет очень кстати.

Я снова повернулся к Острову.

— Благодарю тебя, ты спас мне жизнь.

— Не стоит благодарить меня, сэр. Я всегда считал, что в счет идут маленькие дополнительные услуги. А теперь можно проводить вас в номер?

— Можно. Ты ведь выпьешь с нами стаканчик, не так ли?

— Ну, только один раз. Пусть это будет рассматриваться как особый случай. Должен сказать, что вам повезло иметь жену одинаковых взглядов и талантов.

— Этот брак был создан состязанием на стезе преступлений. Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

Я нежно посмотрел на Ангелину, аккуратно вытиравшую нож о рубашку потерявшего сознание убийцы. Затем она аккуратно спрятала его. Когда дети станут постарше, они оценят ее таланты.

Она была такой матерью, какую следовало бы иметь каждому мальчику.

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ СПАСАЕТ МИР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Джеймс Боливар ди Гриз, вы мошенник,— сказал Инскипп. Звуки из его глотки вылетали какие-то совсем животные, и при этом он потрясал передо мной пачкой бумаг. Дело происходило в его кабинете. Я стоял, прислонившись к стеллажам — картина оскорбленной невинности.

— Я не виновен. Все это холодная расчетливая ложь,— хныкал я. Прямо за мной находилось отделение для сигар и я, одной спиной, без помощи рук, нащупывал его замок. На такие штуки я мастер.

— Мошенничество, обман, одно хуже другого, докладные на вас поступают до сих пор. Вы обманывали свою организацию, наш Специальный Корпус, своих товарищей...

— Да нет же! — вскричал я, а сам в это время быстренько вскрывал замок.

— Недаром вас прозвали Скользким Джимом!

— Так это же просто детское прозвище,— сказал я.— Когда меня мама купала в детстве, я показался ей очень скользким.

В это время сигарный ящик открылся, и я втянул носом ароматнейший запах.

— Да знаете ли вы, сколько вы украли? — Лицо Инскиппа налилось кровью, а глаза выпучились. Все это выглядело не очень симпатично.

— Я?! Украл? Да я лучше умру! — трогательно провозгласил я, незаметно вытаскивая из ящика пригоршню дьявольски дорогих сигар, предназначенных для Очень Важных Персон. Уж лучше я выкурю их сам — так оно будет правильнее. Нужно признать, что я больше уделял внимания краже курева, чем нудным упрекам Инскиппа, так что не сразу заметил перемену в его голосе. Вдруг я понял, что едва слышу его слова — не то, чтобы мне хотелось их слышать, он даже не шептал — было такое

впечатление, что в горле у него вырубили регулятор громкости.

— Говори громче, Инскипп,— сказал я твердо.— Или тебе стыдно за свои слова?

Я отошел от шкафа и повернулся боком к Инскиппу, чтобы он ненароком не увидел, как я засовываю в карман кучу редкостных сигар. Стоимость их была не меньше сотни кредиток. Он продолжал невнятно бормотать, не обращая на меня внимания и злобно потрясая бумагами.

— Ты что, нездоров?

В голосе у меня было немного настоящей озабоченности, потому что теперь он выглядел совсем худо. Даже когда я переменил место, он не повернул головы и, беззвучно шевеля губами, продолжал смотреть в то место, где я стоял раньше. Он был очень бледен. Я зажмурился и снова посмотрел на него. Он был вовсе не бледный. Просто прозрачный. Сквозь его голову стала отчетливо видна спинка стула.

— Прекрати! — завопил я, но он, пожалуй, не услышал.— Что это за штучки? Объемные проекции? Хочешь меня одурачить? И не трудись! Скользкий Джим — не из тех, кого можно надуть, ха-ха!

Быстро пройдя через комнату, я протянул руку и ткнул указательным пальцем ему в лоб. Преодолев слабое сопротивление, палец вошел вовнутрь, а он как будто этого не заметил. Только вот, когда я отвел руку, раздался слабый хлопок, и Инскипп исчез начисто. Осталась только пачка бумаг, лишенная поддержки, она упала на крышку стола.

— Брргм! — проворчал я нечто невразумительное. Потом я нагнулся и стал искать под столом скрытый проектор, но в этот момент раздался треск, и дверь кабинета слетела с петель.

Ну, в таких-то делах я разбираюсь. Еще стоя на четвереньках, я быстро повернулся и как раз успел встретить первого вошедшего. Ребро моей ладони врезалось ему в горло, прямо под противогазную маску. Человек хрюкнул и упал, как подкошенный. Но вслед за ним ворвалась еще целая куча народу, все в таких масках и белых халатах, с маленькими черными ранцами за спиной. Часть была без оружия, а некоторые — с импровизированными дубинками. Все это выглядело весьма необычно. Превосходящие силы противника оттеснили меня в глубь комнаты, однако я успел залепить одному ногой в подбородок, а второму —

поддых. Потом я прижался спиной к стене, а они все скопом кинулись на меня. Я врезал кому-то по загривку и тот упал... и растаял, не успев долететь до пола.

Вот это интересно! Число людей в комнате начало изменяться, когда некоторые из них стали пропадать. Это было очень здорово и могло бы уравнять шансы, если бы прямо из воздуха не возникали все новые и новые люди. Я попытался прорваться к двери, но этот номер не прошел, и на мою голову обрушилась дубинка и вышибла из нее остатки соображения.

После этого все стало похоже на драку под водой. Я повалил еще нескольких и сделал это уже без души. Меня схватили за руки и потащили из комнаты. Я немного подергался и отругал их на дюжине наречий, но все, конечно, без толку. Они поволокли меня по коридору в ожидавший лифт. Кто-то поднял газовый баллон и, как я не старался отвернуть голову, струя газа попала мне в лицо.

Никакого действия я не ощутил, зато разозлился еще больше и стал лягаться, щелкать зубами и вовсю ругаться. Люди в масках что-то бормотали, должно быть, тоже поливали меня ругательствами, и это еще больше меня бесило. К тому времени, как мы добрались до места назначения, я был готов убивать, что в обычном состоянии для меня довольно трудно, и убил бы кого-нибудь, не будь я привязан к какому-то электрическому стулу, с электродами, прикрепленными к лодыжкам и запястьям.

— Хоть расскажите потом, собаки, что Джеймс ди Гриз умер как мужчина! — с пеной у рта проорал я. На голову мне опустили металлический шлем, и перед тем, как он закрыл мне лицо, я ухитрился выкрикнуть:

— В задницу ваш Специальный Корпус!!! И пошла в задницу ваша...

Опустилась темнота, и я понял, что дожил до разрушения сознания, а может быть, и до электрического стула.

Но ничего не произошло, шлем снова сняли, и один из нападавших пустил мне в лицо новую порцию газа. Я почувствовал, как моя злоба исчезает также быстро, как и появилась. Тут я еще немного поудивлялся и увидел, что они освобождают мне руки и ноги. И еще, большинство из них уже сняли маски и я узнал техников и ученых Корпуса, которые обычно околачиваются в этой лаборатории.

— Скажите мне, какого черта все это было затеяно?

— Дайте мне сначала закончить,— сказал один из присутствующих, седовласый мужчина с кривыми зубами, по-

хожими на старые, пожелтевшие надгробные камни, зажатые между губ. Он повесил мне на плечи один из ранцев и вытянул из него кусок провода. На конце у него был какой-то небольшой черный диск. Человек коснулся моего затылка, и провод пристал.

— Ведь вы — профессор Койпу? — спросил я.

— Да,— зубы задвигались вверх и вниз, как клавиши пианино.

— Скажите, уместно ли, если я попрошу у вас объяснений?

— Конечно. В данных обстоятельствах это более, чем уместно. Ужасно неприятно, что нам пришлось обойтись с вами так грубо. Это был единственный выход — захватить вас врасплох и как следует разозлить. В ярости рассудок существует только для самого себя и может сам себя поддерживать. Если бы мы пытались вас уговаривать, объяснять, что к чему, то только провалили бы дело. Пришлось просто напасть. Дали вам газ ярости и сами им надышались. Больше делать было нечего... черт возьми! Пришла очередь Магистера! Это все сильнее чувствуется даже здесь.— Один из белохалатников вдруг задрожал, сделался прозрачным и исчез.

— С Инскиппом вышла такая же история,— сказал я.

— Конечно, ведь он — в первую очередь.

— Почему? — спросил я, тепло улыбнувшись и решив, что это самый идиотский разговор в моей жизни.

— Они борются против Корпуса. Начинают с руководителей.

— Кто?

— Не знаю.

Мои зубы заскрипели, но я постарался сохранить спокойствие хотя бы внешне.

— Будьте добры объяснить все более подробно или найдите кого-нибудь, кто может рассказать вашу историю более внятно.

— Виноват. Прошу прощения.

Он промакнул со лба бусинки пота и облизал сухие концы зубов.

— Это началось слишком быстро. Экстренные меры и все такое. Можете называть это темпоральной войной. Кто-то где-то пытается изменить время. Естественно, первым объектом они должны выбрать Специальный Корпус, даже если они вынашивали какие-то другие планы, так как наш Корпус является самой эффективной и широко орга-

низованной сетью по охране законности в истории Галактики. Мы, естественно, становимся для них главным препятствием. Рано или поздно любой обширный план по изменению времени должен наткнуться на противодействие Специального Корпуса. Вот они и решили расправиться с нами как можно раньше. Если они смогут устранить Инскиппа и других руководителей Корпуса, то вероятность нашего существования сильно понизится, и нас всех сдует, как только что сдуло бедного Магистера.

Я быстро моргнул.

— Не могли бы мы чего-нибудь выпить? Мне нужно прочистить мозги.

— Отличная идея. Пожалуй, я и сам не прочь выпить.

Диспенсер выдал по его выбору какую-то тошнотворного вида зеленую жидкость, я же заказал большую порцию «Пота Сириуской Пантеры» и выпил почти все одним глотком. Это чудовищное варево дает такое потрясающее похмелье, что торговля им запрещена в большинстве цивилизованных миров. Сейчас эта штука явно пошла мне на пользу. Я прикончил стакан и на хитросплетении моего подсознания выскочило одно воспоминание.

— Остановите, если что не так, кажется, я слышал одну вашу лекцию о невозможности путешествий во времени.

— Конечно. Темпоральные исследования — моя специальность. Можете считать мое выступление дымовой завесой. Мы освоили путешествия во времени уже много лет назад, но боялись их использовать. Изменения темпоральных линий и все такое. Именно то, что творится сейчас.

Но мы вели обширную программу изысканий и расследований во времени. Именно поэтому, когда все началось, мы смогли понять, что происходит. Тревога была такая неожиданная, что у нас не было времени кого-либо предупредить, хотя, по правде сказать, предупреждения тут не помогают. Мы выполняли свой долг. Ведь только мы могли что-то предпринять. Сначала соорудили вокруг этой лаборатории фиксатор времени, потом сделали портативные модели, как та, которую вы сейчас носите.

— А как она работает? — спросил я, с большим уважением дотрагиваясь до металлического диска у себя на затылке.

— В ней хранится копия вашей памяти, которая записывается назад в мозг каждые три миллисекунды. Он, таким образом, напоминает вам, кто вы такой и

исправляет изменения личности, которые могли появиться от искажения темпоральных линий в прошлом. Чисто защитный механизм, но это пока все, что мы можем.

Уголком глаза я заметил, как пропал еще один человек. Голос профессора посуровел.

— Мы должны атаковать, если хотим сохранить Специальный Корпус.

— Атаковать? Сейчас?

— Нужно послать кого-нибудь в прошлое, чтобы разоблачить силы, начавшие темпоральную войну и уничтожить их, пока они сами не расправились с нами. У нас есть необходимое оборудование.

— Считайте меня добровольцем. Работенка как раз для меня.

— Оттуда нельзя вернуться. Это задание — без возврата.

— Тогда я от последних слов отказываюсь. Мне и здесь нравится.

Внезапно я весь сжался от воспоминания, без сомнения, всего три миллисекунды назад, и приступ страха начал качать мне в кровь всякие интересные химикалии.

— Ангелина! Мне нужно с ней поговорить!

— Она же не единственная!

— Для меня — единственная, профессор. Отойдите вв сторону, а не то я пройду сквозь вас.

Он отступил, нахмурившись и постукивая себя по зубам кончиками ногтей. Я торопился быстрее набрать номер на визионе. Экран дважды звякнул, и в следующие несколько секунд, пока он не ответил, время для меня тянулось бесконечно долго.

— Ты здесь! — выдохнул я.

— А где же мне еще быть?

По ее совершенному лицу пробежала тень, она втянула в себя воздух, как будто через экран пытаясь уловить запах алкоголя.

— Ты опять пил, да еще так рано.

— Только капельку, и звоню тебе вовсе не из-за этого. Как у тебя дела? Ты просто отлично выглядишь, совсем не прозрачно!

— Капельку? Похоже на большую бутыль,— голос ее заледенел, и она вновь стала похожа на прежнюю Ангелину, непеределанную, самую ловкую и безжалостную мошенницу в Галактике, какой она была до тех пор,

пока врачи Корпуса не исправили ей в мозгу какие-то извилины.— Вешай-ка трубку, прими пилюлю и позвони снова, как только протрезвеешь.— Она потянулась к кнопке отбоя.

— Не-ет! Я совершенно трезв и жалею об этом. Это тревога, З — А, высший приоритет! Моментально двигай сюда и привози близнецов.

— Конечно,— она молниеносно вскочила на ноги, готовясь бежать.— А где ты?

— Координаты этой лаборатории, быстро! — рявкнул я, поворачиваясь к профессору Койпу.

— Уровень 120, комната 30.

— Ты слышала? — спросил я, поворачиваясь к экрану.

Он был пуст.

— Ангелина...

Я отсоединился, снова набрал на клавишах ее код. Экран осветился и появилось сообщение: «Неотсоединенный номер». Тогда я побежал к двери. Кто-то схватил меня за плечо, но я отшвырнул его в сторону, схватился за дверь и распахнул ее.

Снаружи не было ничего. Только бесформенное, бесцветное нечто, которое, когда я глядел на него, творило странные вещи с моим мозгом. Потом меня оттащили от двери и захлопнули ее. Профессор Койпу встал спиной к двери и тяжело задышал. Его лицо было искажено теми же непонятными ощущениями, которые испытывал и я.

— Исчезли,— сказал он хрипло,— коридор, вся станция, все здания, все. Исчезли. Осталась только лаборатория, блокированная нашим фиксатором. Специального Корпуса больше не существует. Никто во всей Галактике о нем даже не вспомнит. А когда выключится фиксатор, исчезнем и мы.

— Ангелина, где она? Где они все?

— Они даже не родились и никогда не существовали.

— Но я ведь помню всех их и ее тоже.

— На это весь расчет. Пока жив хоть один человек, который помнит нас, мы имеем микроскопический шанс в конце концов выжить. Кто-то должен сорвать темпоральную атаку. Если не ради Корпуса, то хотя бы ради цивилизации. Сейчас переписывают историю. Но это не навечно, если мы сможем противодействовать.

Путешествие в прошлое на всю жизнь. Без возврата. В чуждый мир, в чуждое время. Всякий, кто на это решится,

будет самым одиноким из живущих, за тысячи лет до своего рождения, до своих современников, до своих друзей.

— Готовьтесь. Я отправляюсь.

XXX XXX XXX

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Сначала мы должны выяснить, куда вы отправитесь и в какое время.

Профессор Койпу пересек, пошатываясь, лабораторию, я последовал за ним, чувствуя себя почти так же скверно. Он забормотал что-то, склонившись над сложенными в гармошку листами компьютерного листинга, которые с шелестом выползали из машины и громоздились на полу.

— Все должно быть точно, очень точно,— сказал он.— Последнее время мы непрерывно зондировали прошлое, прослеживая источник возмущения времени, и нашли искомую планету. Теперь следует установить нужное время, так как если вы прибудете слишком поздно, они уже успеют закончить свое дело, а если раньше, то успеете умереть от старости, прежде, чем эти дьяволы родятся на свет.

— Очаровательная перспектива. А что это за планета?

— Странное название, даже не одно. Она называется Грязь, или Земля, или что-то в этом роде. Предполагается, что это легендарная родина всего человечества.

— Еще одна? Никогда о ней не слышал.

— Это вполне естественно. Она взлетела на воздух в атомной войне за столетия до вас... Вот оно! Вас придется отправить в прошлое на 32 598 лет, и мы не сможем на таком расстоянии обеспечить точность выше, чем плюс-минус три месяца.

— Я, наверное, и не замечу. А какой это будет год?

— За много лет до нашего начала теперешнего календаря. Полагаю, что по древним записям тогдашних дикарей это будет 1975 год от рождества Христова.

— Не такие уж они и дикари, если развлекаются со временем.

— По всей вероятности, это и не они вовсе. Все сходится на том, что люди, которых мы ищем, базируются в этом времени, но они не оттуда.

— Как же я найду их?

— При помощи вот этого.— Один из ассистентов подал мне маленький черный ящичек с кнопками и циферблатами,

с прозрачным выступом, в котором свободно плавала иголка. Эта самая иголка дрожала, как охотничья собака, и постоянно указывала своим концом в одном и том же направлении, как бы я не вращал ящичек.

— Это — детектор генераторов темпоральной энергии,— сказал Койпу,— портативный, но не менее мощный, чем наши большие аппараты. Сейчас стрелка указывает на нашу темпоральную спираль. Когда вы прибудете на эту планету Грязь, используйте прибор для отыскания этих людей. А вот эта шкала показывает напряженность поля. Она поможет вам оценить расстояние до источника энергии.

Я поглядел на прибор и почувствовал, что в моей голове зашевелилась идея.

— Если я могу взять это, то, наверное, могу унести и другое оборудование?

— Точно. Но только небольшое по размеру. Такое, чтобы можно было укрепить прямо на теле. Дело в том, что темпоральное поле создает статический заряд, похожий на электрический.

— Тогда я возьму все оружие, которое найдется в вашей лаборатории.

— У нас его не очень много. Только самые миниатюрные образцы.

— Что ж, я возьму свое собственное. Работают у вас тут оружейные техники?

Он огляделся вокруг, подумал и сказал:

— Вот, старый Ярл работал в отделе вооружений. Но у нас нет времени делать что-нибудь новое.

— Я не это имел в виду. Давайте его сюда.

Старый Ярл омолаживался совсем недавно, поэтому был похож на пресыщенного девятнадцатилетнего юнца, только взгляд у него был стариковский, подозрительный.

— Мне нужен этот ящик,— сказал я, указывая на устройство памяти у него за спиной. Он заскулил, словно пришпоренный пони, и отскочил прочь, прижимая устройство к груди.

— Он же мой! Мой, говорю я вам! Вы его не получите. Бесчестно просить об этом, ведь без него я просто исчезну!

В его старческих глазах появились слезы испуга.

— Не распускай себя, Ярл! Я вовсе не хочу, чтобы ты растворился. Мне нужна копия ящика. Ну-ка, займись этим, быстро!

Он заковылял прочь, что-то бормоча самому себе, а нас обступили техники.

— Я не понимаю,— сказал Койпу.

— Очень просто. Если я буду охотиться за большой организацией, мне понадобится мощное оружие. Если это случится, я врублю старого Ярла себе в мозг, чтобы изготовить все, что мне нужно.

— Но ведь он станет ВАМИ, получит контроль над вашим телом. Этого никто не пробовал.

— А теперь сделаем. Тяжелые времена требуют отчаянных мер. А это подводит нас еще к одному вопросу. Вы говорите, я не могу вернуться назад?

— Да. Темпоральная спираль забросит вас в прошлое, но чтобы вернуть вас оттуда, ее уже не будет там.

— Однако, если я смогу построить ее, могу ли я вернуться?

— Теоретически. Но этого никто никогда не пробовал. Большую часть материалов и оборудования нельзя достать у примитивных туземцев.

— А если я достану материалы, то темпоральная спираль может быть построена? Как по вашему, кто может ее изготовить?

— Только я сам. Я ее конструировал и строил.

— Великолепно. Тогда мне нужно и ваше устройство памяти. Велите вашим парням написать на ящиках имена, чтобы я не ошибся и не перепутал.

К профессору подскочили техники.

— Фиксатор времени теряет свою мощность! — завопил один из них голосом, полным ужаса.— Когда поле выключится, мы исчезнем без следа! Только не это!..— выкрикнул он и свалился, потому что кто-то из окружающих выпустил ему в лицо струю парализующего газа.

— Быстрее! — сказал Койпу.— Ведите ди Гриза к темпоральной спирали! Подготовьте его!

Техники схватили меня и потащили в соседнюю комнату, крича на ходу друг другу инструкции. Они едва не уронили меня, когда двое из них исчезли одновременно. В большинстве голосов слышались истерические нотки. В этом не было ничего удивительного — наступал конец света. Самые дальние стены становились мутными и туманными. Меня спасала от паники только тренировка и опыт. В конце концов мне пришлось отшвырнуть их от космического скафандра, в который они пытались меня засунуть, и застегнуться самому. Спокойным оставался только профессор.

— Наденьте шлем, но забрало держите открытым до последней минуты. Отлично. Вот воспоминания. Я думаю, коленный карман — лучшее место для них. Гравитатор у вас за спиной. Полагаю, вы умеете им пользоваться. Оружие на груди. Вот темпоральный детектор...

И так далее и тому подобное до тех пор, пока от тяжести я еще мог стоять. Я не жаловался. Если не возьму сейчас, потом не будет. Вешай еще!

— Переводное устройство! — заорал я.— Как я буду общаться с туземцами?

— У нас его нет,— сказал Койпу, засовывая мне под мышку связку газовых баллонов.— Но есть мнемограф...

— У меня от него головная боль.

— ...так что вы можете выучить местный язык. Вот в этом кармане.

— Что мне делать, вы еще не объяснили! Как я там окажусь? И где?

— На большой высоте. Точнее — в стратосфере. Так меньше шансов столкнуться с чем-нибудь материальным. Туда мы вас и забросим. После этого все будет зависеть только от вас.

— С соседней лабораторией все кончено! — закричал кто-то и почти тотчас же растворился сам.

— К темпоральной спирали! — хрипло выкрикнул Койпу, и они поволокли меня через дверь.

Они тащили меня все медленнее и медленнее по мере того, как исчезали все новые и новые ученые и техники, как проколотые воздушные шары. Наконец, их осталось только четверо, и я, позорно покачиваясь, заковылял впереди сам.

— Вот темпоральная спираль,— задыхаясь сказал Койпу.— Это колонна из чистой энергии, которая закручивается в спираль и держится в напряжении.

Она была зеленого цвета и мерцала, почти заполняя собой комнату: свернувшаяся в кольцо полоса искрящегося света толщиной в мою руку. Она мне что-то напомнила.

— Похоже на взведенную пружину.

— Да, возможно. Мы предпочитаем называть ее спиралью. Она взведена... поставлена под напряжение. Силы тщательно рассчитаны. Мы поместим вас на ее внешний конец и освободим затвор. Когда вас швырнет в прошлое, спираль забросит себя в будущее, где ее энергия постепенно рассосется. Теперь вам пора.

Нас оставалось только трое.

— Помните меня! — выкрикнул низкорослый черноволосый техник.

— Помните Чарли Нейта! Пока вы меня помните, я никогда...

Мы остались вдвоем с профессором. Стены исчезали, воздух темнел.

— Это конец! Прикоснитесь к спирали! — закричал он. Неужели его голос слабеет?

Я споткнулся и в падении потянулся к сверкающему кольцу темпоральной спирали. Коснувшись его, я ничего не почувствовал, но зеленое сияние сразу же окутало меня и сквозь него было очень плохо видно. Профессор стоял за пультом, что-то переключал, наконец, он потянулся к большому рубильнику и дернул его вниз...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Все остановилось.

Профессор Койпу замер за пультом с рукой, застывшей у включенного рубильника. Мой взгляд был устремлен прямо вперед, и я видел профессора только потому, что стоял к нему лицом. Застыли не только глаза, но от ужаса даже душа ушла в пятки, а мозг забился в уголок своего костяного вместилища, когда я понял, что перестал даже дышать. Насколько я знал, сердце тоже остановилось. Что-то не так, я был в этом уверен. Ведь темпоральная спираль была все еще туго свернута. Моя паника все увеличивалась, особенно когда Койпу сделался прозрачным, а стены позади него — дымчатыми. Все исчезло, бледнело у меня перед глазами. Неужели настает мой черед? Как знать?..

Примитивная часть моего рассудка, унаследованная от обезьяны, бесновалась и вертелась волчком. В то же время я чувствовал холодную отрешенность и любопытство. Ведь не каждому дается привилегия увидеть, как исчезает наш мир, пока ты сам висишь в силовом поле, которое, возможно, забросит тебя в отдаленное прошлое. Я, правда, с удовольствием уступил бы эту привилегию кому-нибудь еще. Жаль, что никто не вызвался. Вот я и торчал там, застывший, как статуя, с выпученными гла-

зами, а лаборатория вокруг меня постепенно исчезала и оставила меня плавать в межзвездном пространстве. Теперь, видимо, даже астероид, на котором была построена база Специального Корпуса, больше не существовал в реальности этой новой Вселенной. Что-то стало подталкивать меня совершенно немыслимым образом и нести в направлении, о существовании которого я и не подозревал. Темпоральная спираль стала раскручиваться. Возможно, правда, что она раскручивалась с самого начала, но изменения времени скрывали это. Стало казаться, что некоторые звезды начали двигаться, причем все быстрее и быстрее, пока не превратились в размытые штрихи. Это было пугающее зрелище. Я попытался закрыть глаза, но паралич все еще не прошел. Мимо проскочила звезда, да так близко, что я смог увидеть ее диск, потом унеслась, оставив на моей сетчатке яркие, постепенно исчезающие полосы. Все вокруг ускорялось вместе с моим временем, и, в конце концов, космос слился в серое марево: даже звездные события стали слишком быстрыми, чтобы я мог за ними уследить. Либо это марево обладало гипнотическими свойствами, либо на меня действовало движение во времени, но только мысли у меня перепутались, и я впал в бессознательное состояние между сном и обмороком. Это длилось очень долго, а может, и коротко — точно не знаю. Быть может, оставался кусочек моего мозга, который создавал страшно долгое течение всех этих лет. И если так, то у меня нет никакого желания думать об этом. Мне всегда нравилось жить и я, как крыса из нержавеющей стали в бетонных коридорах общества, всегда полагался только на свои силы в деле самосохранения. В мире есть значительно больше дорог к провалу, чем к успеху, к сумасшествию, чем к здоровью. И всегда моя энергия уходила на поиски верного пути. Поэтому-то я и выжил. И сохранил способность худо-бедно соображать даже в этом безумном рейде во времени — выжил и стал ждать, что будет дальше. Через неизмеримый промежуток времени я добрался до места.

Конец путешествия был еще драматичнее, чем начало. Я снова стал видеть — сначала свет ослепил меня, но потом ко мне вернулись все ощущения, которых я был так долго лишен.

К тому же я падал. В ответ на это мой давно парализованный желудок попробовал взбунтоваться, а потоки адреналина и тому подобных штук, которые мой мозг уже 32598 лет пытался вогнать в кровь, устремились

вперед. Сердце застучало радостно и ритмично. Падая, я повернулся. Солнце скрылось с глаз, и я увидел черное небо, а далеко внизу — пушистые облака. Неужели это она? Грязь — таинственная прародина человечества? Как бы то ни было, но мне определенно доставило удовольствие очутиться где бы то ни было, лишь бы вокруг все было устойчиво и не исчезало бы вдруг. Все мое снаряжение было, кажется, на месте, и, коснувшись регулятора на запястье, я почувствовал тягу заработавшего гравитатора. Отлично. Я включил его и снова стал свободно падать, пока не почувствовал, что верхние слои атмосферы коснулись скафандра. Достигнув облаков и окунувшись в их мокрые объятия, двигаясь вперед ногами, я опускался, как падающий лист. Падая вслепую и непрерывно протирая запотевающее забрало шлема, я уменьшил скорость еще больше. Выбравшись из облаков, я переключил управление на «парение» и медленно оглядел новый мир, родину человечества, по предположению, и мою новую родину — уже наверняка.

Прямо надо мной висел мягкий и влажный потолок из облаков. Внизу, в трех тысячах метров от меня, расстилалась земля — леса и поля, искаженные запотевшим забралом шлема. Так или иначе, но испробовать местную атмосферу мне придется, поэтому в надежде, что мои предки дышали не метаном, я решительно приоткрыл забрало и быстро вдохнул.

Неплохо. Воздух холодный и слегка разреженный на такой высоте, но свежий и приятный. И главное — он не убил меня. Я широко открыл забрало, вдохнул глубоко и поглядел вниз. С этой высоты вид был хорош. Волнистые зеленые холмы, покрытые какими-то деревьями, голубые озера, дороги через долины, что-то вроде города на горизонте, испускающее мерзкие облака смога. Оттуда я должен первое время держаться подальше: надо сперва устроиться, оглядеться...

Наконец, до моего сознания дошел звук, похожий на жужжание насекомого. Но на такой высоте не может быть насекомых. Я подумал бы об этом и раньше, не будь мое внимание приковано к пейзажу внизу. Как раз в этот момент жужжание переросло в рев, я изогнулся и поглядел через плечо. Челюсть у меня отвисла. За прозрачными стеклами шаровидной летательной машины, поддерживаемой в воздухе допотопным воздушным винтом, сидел человек, на лице которого было написано такое же изумле-

ние, как и у меня. Я перебросил контролер на запястье на подъем и скользнул назад, под защиту облаков.

Неудачное начало. Пилот успел хорошо рассмотреть меня, хотя оставался шанс, что он просто не поверит своим глазам. Однако он поверил. Должно быть, в этом веке средства связи были развиты отлично, так же, как и боеготовность армии или страх, потому что не прошло и нескольких минут, как я услышал внизу грохот мощных реактивных машин. Они покружились немного, ревя и воя, а одна даже пронеслась через облака. Я успел взглянуть на серебристую стреловидную фигуру, потом она унеслась, оставив за собой облачный след. Пора было сматываться. Горизонтальное управление гравитатора было не слишком совершенным, но я все же тронулся прочь через облака, чтобы уйти от этих аппаратов как можно дальше. Перестав их слышать и выждав некоторое время, я рискнул опуститься немного ниже границы облачности. Во всех направлениях — ничего. Я захлопнул забрало и вырубил гравитатор.

Свободное падение не могло занять много времени, но казалось чертовски длинным. Меня посетили неприятные видения щелкающих детекторов, жужжащих, переваривающих информацию компьютеров, двигающихся металлических стволов и с ревом несущихся на меня могучих военных машин. В падении я вращался и косил во все стороны глазами в поисках сверкающего металла.

Ничего такого не случилось. Только рядом пролетали какие-то большие белые птицы. Когда я проскочил мимо, они увернулись и резко закрякали. Увидев внизу голубое зеркало озера, я дал гравитационный толчок в этом направлении. Если покажется погоня, я смогу нырнуть под воду и скрыть из поля действия их детекторов себя и свое снаряжение, очутившись ниже уровня окружающих холмов. Видя, что вода приближается слишком быстро, я врубил тягу и в тело врезались ремни скафандра. Я весь передернулся и застонал. Гравитатор за спиной опасно разогрелся, правда, вспотел я совсем по другой причине. До воды было уже совсем близко, а при такой скорости она оказалась бы такой же твердой, как сталь.

Когда я, наконец, остановился, ноги были уже в воде. В конце концов неплохое приземление. Когда я поднялся чуть-чуть над поверхностью, погони по-прежнему не было. Я начал медленно двигаться к серым скалам, которые отвесно спускались в озеро у дальнего берега. Когда я снова открыл забрало шлема, вокруг было тихо-тихо. Воздух был

по-прежнему хорош. Не было слышно ни голосов, ни грохота машин, никаких признаков человеческого жилья. Подлетев ближе к берегу, я услышал шум ветра в листве деревьев и только. Прекрасно. Как раз такое местечко и нужно мне на первое время. Серые скалы оказались монолитной каменной стеной, высокой и недоступной. Я скользил вдоль ее поверхности, пока не нашел карниза, достаточно широкого, чтобы на нем усесться. Это было очень здорово — сидеть.

— Давненько мне не удавалось присесть,— сказал я, радуясь звукам собственного голоса.— «Да-а,— напомнило сознание,— примерно 33 тысячи лет». Я снова погрустнел — мне захотелось выпить. Однако именно этот важный продукт я как раз и забыл прихватить с собой. Ошибка, которую надо исправить в первую очередь. При выключенном питании скафандр начал нагреваться на солнце, и я скинул его, разложив свое снаряжение на скале, подальше от края.

А что теперь? Я почувствовал в боковом кармане треск и вытащил из него пригоршню чудовищно дорогих, но, увы, сломанных сигар. Трагедия! Каким-то чудесным образом одна из них все же уцелела. Я откусил от нее кончик, зажег ее и глубоко затянулся. Просто чудо! Я немного покурил, болтая ногами, и мое самообладание достигло обычного, совершенно непоколебимого уровня. В озере плеснула рыба, какие-то маленькие птички щебетали на деревьях. Я стал обдумывать следующий этап. Мне необходимо укрытие, но чем больше я буду искать его, тем больше шансов быть обнаруженным. Почему бы не остаться прямо здесь?

Среди различного хлама, который на меня навешали в последнюю минуту, был лабораторный прибор под названием «массер». В тот момент я начал возражать, но мне повесили его на пояс, не спрашивая. Теперь я его рассмотрел. Рукоятка, содержавшая источник энергии, расширялась в массивный корпус, который вновь утончался в игловидный наконечник. На его острие создавалось поле, обладавшее любопытной способностью концентрировать большинство форм материи путем усиления межмолекулярных связей. Это поле втискивало вещество в значительно меньший объем, сохраняя массу неизменной. Некоторые предметы могли быть сжаты до половины объема.

На противоположном конце мой карниз сужался, пока не исчезал совсем. Я рискнул. Вытянувшись, я прижал

острие к поверхности серого камня и нажал кнопку. Раздался резкий толчок, и съежившаяся плитка камня размером с мою руку отвалилась от поверхности и соскользнула вниз. В руке она больше походила по весу на свинец, чем на камень. Швырнув ее в озеро, я включил инструмент и принялся за работу.

Стоило только приспособиться и работа пошла быстрее. Я научился создавать почти сферическое поле, которое сразу отделяло от скалы шар сжатого камня размером с мою голову. После того, как я попробовал скатить через край парочку таких гирь, то сам едва не улетел вслед за ними. Тогда я стал подрезать скалу под углом и резать затем над получившимся склоном. Шары катились вниз под уклон и срывались с карниза по короткой дуге, поднимая внизу шумные всплески.

Каждый раз я останавливался, чтобы прислушаться и оглядеться. Вокруг по-прежнему никого не было. Солнце опустилось близко к горизонту, когда я закончил вырезать в скале маленькую уютную пещеру. Ее как раз хватило, чтобы вместить меня и мое оборудование. Я с удовольствием залез в эту нору, спустившись предварительно к озеру за водой. Концентраты были безвкусны, но питательны, так что мой желудок был вполне удовлетворен этой трапезой. Когда стали появляться первые звезды, я начал планировать следующий шаг в покорении этой Грязи, или как ее там, Земли.

Мое путешествие было, видимо, значительно более утомительно, чем я думал, потому что следующее, что я увидел, открыв глаза, было черное небо и огромная оранжевая полная луна, висящая над горами. Зад мой заледенел от контакта с холодной скалой, и я весь онемел от сна в неудобной, скорченной позе.

— Вперед, могучий творец истории,— сказал я и застонал, когда заныли мои мускулы и заскрипели суставы.— Вылезай и принимайся за работу.

Именно этим и следует заняться. Под лежачий камень вода не течет. Пока я торчу в этой дыре, все, что я могу придумать, может оказаться бесполезным, потому что из-за отсутствия исходных данных я пока не знаю даже, нужная ли это планета и эпоха. Не знаю вообще ничего. Необходимо выяснить это и заняться чем-нибудь. Хотя есть одна вещь, которую нужно сделать без промедления, которую надо было сделать сразу же по прибытии сюда. Проклиная собственную глупость, я порылся в куче при-

везенного с собой хлама и извлек детектор темпоральной энергии. Я осветил его маленьким фонариком. Сердце у меня ушло в пятки, когда я увидел, что иголка свободна: время на этой планете не было свернуто.

— Ха, придурок,— сказал я громко, обрадованный звуком собственного голоса, который любил больше всего на свете.— Машина будет работать много лучше, если ты включишь питание.— Экая оплошность.— Глубоко вздохнув, я повернул выключатель.

По-прежнему ничего. Иголка висела все так же беспомощно, и от этого зрелища мои надежды стали таять. Хотя по-прежнему оставались неплохие шансы на то, что эти темпоральные бандиты все же где-то здесь. И просто выключили на время свою аппаратуру. Будем надеяться.

Теперь за работу. Я укрепил на себе несколько подручных средств и отстегнул от скафандра гравитатор. Его батареи еще наполовину полны, этого мне хватит, чтобы много раз добраться до верха скалы и обратно. Я просунул руки в лямки, шагнул с карниза и прикоснулся к регулятору, превратив падение в полую дугу, направленную к ближайшей дороге, замеченной мной при спуске. Пролетая над деревьями, я все время отмечал направление и ориентиры. Громадные, усеянные мерцающими циферблатами часы, которые я всегда ношу на левой руке, умели делать много больше, чем только показывать время. Прикосновение к правой кнопке высвечивало стрелку радиокосмоса, показывающего направление на мой новый дом. Я продолжал скользить в молчании.

Наконец лунный свет отразился от гладкой поверхности, рассекавшей лес, и я мягко опустился на землю среди деревьев. Сквозь ветви пробивалось достаточно света, так что, когда я направился к дороге, преодолевая несколько последних метров с предельной осторожностью, фонарик мне не понадобился. Дорога была пуста в обоих направлениях, ночь молчала. Я нагнулся и осмотрел поверхность, она была изготовлена из цельной плиты какого-то твердого белого вещества, не металла и не пластика. Казалось, в поверхность вкраплены песчинки. Ничего интересного. Держась поближе к обочине, я повернул в сторону города и пошел вперед. Это было очень медленно, но зато экономило энергию гравитатора.

Случившееся потом можно объяснить только беспечностью, смешанной с усталостью и усиленной моим незнанием этой планеты. Мысли мои блуждали: Ангелина

и дети, мои друзья из Корпуса — все они существуют только в моей памяти и реальны не больше, чем мои воспоминания о персонажах какого-нибудь романа. Угнетающие мысли. Но я, вместо того, чтобы сразу их отбросить, продолжал нянчиться с ними, поэтому внезапно раздавшийся рев моторов захватил меня врасплох. В этот момент я проходил поворот дороги, проложенной, вероятно, сквозь небольшой холмик, так как по обе стороны возвышались крутые склоны. Мне следовало бы заранее предвидеть возможность попасть в этой щели в ловушку и позаботиться о способе избежать ее. Теперь же, пока я раздумывал, взобраться ли мне по откосу, включить гравитатор или проделать еще что-нибудь, впереди засверкал яркий свет и из-за поворота послышался рев. Я прыгнул в придорожную канаву, лег ничком и постарался сделаться как можно более незаметным. Одежда у меня была простого темно-серого цвета и вполне могла слиться с землей.

Потом меня оглушил дробный рев, окатило ярким светом — все это пронеслось совсем рядом. Тогда я сразу сел и поглядел вслед четырем странным машинам, только что проехавшим мимо. Деталей не было видно, потому что я различил только силуэты на фоне света их собственных фар. Они показались мне очень узкими, похожими на моноциклы. Сзади каждого виднелся маленький красный огонек. Их звук начал стихать и вдруг смешался с пронзительным визгом и гоготанием, похожим на крик животного. Они остановились, должно быть, увидев меня.

Щелкающие, лающие звуки отдавались эхом по выемке, лучи фар сделали полный круг и направились назад. Ко мне.

XXX XXX XXX

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Когда не знаешь, что делать — подожди, когда противник ошибется первым» — вот мой любимый девиз. Я мог бы попытаться вырваться, вскарабкавшись по склону, но у этих людей, кто бы они ни были, могло быть оружие. Из меня вышла бы первосортная мишень. К тому же, даже сбежав от них, я все равно бы привлек внимание к этой местности. Лучше сперва поглядеть, что они из себя представляют. Повернувшись спиной, чтобы их фары не слепили меня, я терпеливо ждал, пока машины, громыхая, подъедут

и остановятся, образовав вокруг меня полукольцо из трещащих моторов и слепящих фонарей. Я прищурился от яркого света и прислушался к странным звукам, при помощи которых ездоки переговаривались между собой, но я не понял ни слова. Все было за то, что одет я, с их точки зрения, странно. Они, должно быть, договорились о чем-то, потому что мотор одного из экипажей, стукнув, замолчал и его водитель вышел вперед на свет.

Мы с интересом обменялись взглядами. Он был немного ниже меня ростом, но казался выше из-за похожего на корзину металлического шлема. Шлем этот, усаженный заклепками и увенчанный высоким острым наконечником, был очень непривлекательным, как и его остальная одежда. Она вся была выполнена из черного пластика со множеством сверкающих пуговиц и пряжек. Как верх вульгарности, он носил на груди стилизованный череп со скрещенными костями, весь утыканный какими-то поддельными камешками.

— ...? сказал он весьма оскорбительным тоном, одновременно сильно выпячивая вперед челюсть. Я улыбнулся, изображая милого добродушного парня и дружелюбно ответил:

— Мертвым ты будешь выглядеть еще отвратительнее, типчик, так что не говори со мной больше таким тоном.

Он поглядел озадаченно, и между ними вновь завязалась непонятная болтовня. К первому водителю присоединился еще один, одетый столь же странно. Он возбужденно показал на мое запястье. Все уставились на мой наручный хронометр, издавая при этом пронзительные злобствующие крики, которые сменились на злобные, когда я спрятал руку за спину.

— ...! — сказал первый тип, выступая вперед с протянутой рукой. Раздался резкий щелчок, и в другом кулаке у него появилось сверкающее лезвие.

Ну что ж, такой язык мне понятен. Я едва не улыбнулся. Непорядочные люди, если только закон в этих землях не предписывает носить оружие и грабить на дорогах первого встречного. Зная правила, я могу с ними поиграть.

— ...? — воскликнул я, отступая и поднимая в отчаянии руки.

— ...! — закричала эта деревенщина, прыгая на меня.

— Ну, а как насчет ..., а? — спросил я, залепив ему ногой в запястье. Нож полетел в темноту, а он издал крик

боли, постепенно перешедший в клокотанье, когда я пальцем ударил его в горло.

К этому времени они, должно быть, во все глаза смотрели на меня, поэтому я выпустил из нарукавного держателя в ладонь световую бомбу и бросил ее перед собой на землю, закрыв глаза перед тем, как она взорвалась. Опущенными веками я почувствовал яркий обжигающий свет, а когда снова поднял их, то увидел перед глазами световых зайчиков. Это было много приятнее того, что испытывали нападавшие. Временная слепота, если только их стоны и жалобы что-то значили. Никто не пытался меня остановить, когда я подошел и отвесил им носком ботинка по самым интересным местам. Они вопили от боли и бегали маленькими кругами до тех пор, пока двое из них случайно не столкнулись и не начали дубасить друг друга. Пока они развлекались, я осмотрел их машины. Странные штуки — только два колеса и никакого намека на гироскоп для стабилизации движения. Каждый имел единственное сиденье, на котором водитель во время езды помещался верхом. Они не выглядели безопасными и мне совсем не хотелось управлять им.

Что же делать с этими типами? Мне никогда не доставляло удовольствия убивать людей, так что заставить их замолчать таким образом было трудно. Если они преступники, а похоже, что это именно так,— тогда вероятно, не доложат об этой истории властям. Преступник! У них я узнаю все, что нужно. Одного вполне хватит. Лучше взять того, первого, уж с ним-то я могу не церемониться. Он уже стонал, постепенно приходя в себя, но глоточек усыпляющего газа снова его выключил. У этого парня на талии был широкий, разукрашенный металлом ремень, который показался мне достаточно прочным. Я прикрепил конец ремня к одной из моих поясных пряжек и дружески подхватил хозяина под руки. Потом я включил гравитатор.

Мы поднялись бесшумно и плавно, оставив внизу маленькую шумную компанию, и устремились к моему озерному убежищу. Исчезновение их приятеля будет выглядеть весьма таинственно, и даже если они и сообщат властям, все равно это ни к чему не приведет. Я собирался затаиться на несколько дней с моим дремлющим пока компаньоном и выучиться местному языку. Лексикон, конечно, будет самым низкопробным, но это поправимо. Вскоре нам приветливо оскалился вход в мою нору, я скользнул в нее и грубо бросил бесчувственную ношу на каменный пол.

К тому времени, когда он очухался, я уже разложил нужное оборудование и все приготовил. Молча, с удовольствием попыхивая извлеченной из карманного контейнера сигарой, я наблюдал, как он мучительно приходит в себя. Он долго облизывал губы, потом открыл, наконец, глаза и сел, застонав и схватившись за голову. У моего газа очень неприятные последствия. Однако память о направленном на меня ноже сделала меня равнодушным к его страданиям. Очумело озираясь, он испуганно оглядел меня и мое снаряжение и с надеждой — выход из пещеры. Как будто случайно, он подобрал под себя ноги, чтобы в следующее мгновение прыгнуть к выходу. И чтобы в тот же момент шлепнуться о камень, натянув шнурок, который держал его за лодыжку.

— Пора кончать с играми и браться за работу,— беззлобно сказал я, садясь спиной к стене и укрепляя на его запястье свое устройство. Пока он спал, я состряпал эту штуку — примитивно, зато действенно. В ней были измерители кровяного давления и сопротивления кожи с индикаторами на выносной панели, которую я держал в руке. Это была простейшая разновидность детектора лжи, но кроме того, в нем была еще одна электрическая цепь. В обычных условиях я никогда не стал бы пробовать ее на человеке — такие опыты обычно используют только на подопытных животных. Но в отношении этого типа можно было сделать исключение. Мы играли по его правилам, и эта штука могла сэкономить массу времени. Когда он начал, как я совершенно уверен, грубо браниться, пытаясь сорвать с руки мою коробочку, я нажал специальную кнопку. Тут его ударило током, он завопил и задергался. Не то, чтобы это было очень больно. Я все испытал на себе и установил такой уровень, который вызывал боль, хотя и с трудом, но терпимую.

— А теперь начнем,— сказал я,— только дай мне самому приготовиться.

Молча, с широко раскрытыми глазами, он смотрел, как я укрепляю у себя на висках металлические пластины мнемографа и подключаю его.

— Ключевое слово будет,— я поглядел на своего подопечного,— «противный». Теперь начнем.

Рядом со мной лежала куча предметов, я подобрал один из них и поместил его ему перед глазами. Когда он осмотрел его, я громко сказал: «Камень»,— и замолчал. Он тоже молчал. Через некоторое время я снова нажал

обучающую кнопку. От внезапной боли он подпрыгнул и безумно огляделся... «Камень»,— повторил я тихо и терпеливо. Ему понадобилось некоторое время, чтобы постичь идею, но в конце концов, он понял. За ругань или любое не относящееся к делу выражение следовал удар током и двойной удар за попытку соврать: мой детектор всегда сообщал мне об этом. Такая жизнь быстро ему надоела и он предпочел сразу давать мне нужное слово. Мы очень быстро исчерпали запас предметов и переключились на рисунки и движения. Я принимал на веру его «не знаю», если они повторялись не слишком часто, и мой словарь постепенно рос. Под действием микротоков мнемографа новые слова втискивались в мой мозг, но, увы, не безболезненно. Когда голова стала прямо-таки раскалываться, я принял таблетку болеутолителя и приступил к игре в слова: в нашем распоряжении их было уже достаточно, чтобы перейти к освоению грамматики. «Как тебя зовут»? — сказал я и добавил кодовое слово «противный».

— Как... имя? — сказал я вслух. Действительно, дрянной язык.

— Слэшер.

— Мое... имя... Джим.

— Отпусти-и, я же тебя не трогал.

— Сначала учиться... уходить потом. Говори, какой год?

— Что, какой год?

— Какой сейчас год, дурень?

Я повторял этот вопрос по-всякому, пока его значение не просочилось в его тупую башку. Я даже вспотел.

— А-а, год. 1975-й. 19 июля 1975 года.

Прямо в цель. Через все столетия и тысячелетия темпоральная спираль бросила меня с феноменальной точностью. Я мысленно поблагодарил профессора. Поскольку он и все ученые жили теперь только в моей памяти, то это был, вероятно, единственный способ выразить им признание. Весьма обрадованный, я продолжал занятия языком.

Мнемограф схватывал, упорядочивал и запихивал в мой измученный мозг все произносимое им. Подавляя стоны, я принял еще одну таблетку болеутоляющего. К восходу я почувствовал, что знаю язык достаточно, чтобы совершенствоваться самому и выключил аппарат. Мой собеседник заснул и, падая, стукнулся головой о камень, но даже не проснулся. Я оставил его спать и отсоединил нас обоих от электронной аппаратуры. После ночного бдения я и сам устал, но с этим справилась таблетка стимулятора. В жи-

воте урчало от голода, и я принялся за еду. Слэшер скоро проснулся и тоже получил свою долю. Правда, он съел свою плитку только после того, как я сам отломил от нее кончик и проглотил. Я удовлетворенно рыгал, он вторил. Поглазев некоторое время на меня и мое снаряжение, он заявил:

— Я знаю, кто ты.

— Так скажи.

— Ты с Марса, вот что.

— Что это, Марс?

— Такая планета.

— Да-а, ты примерно прав. Это неважно. Сделаешь, что я скажу, поможешь некоторые вещички прибрать?

— Я же тебе говорил, я на поруках. Коли меня зацапают, век воли не видать.

— Не дрожи. Держись меня, и они тебя пальцем не тронут. Будешь кататься в зелененьких. Кстати, есть у тебя эти зелененькие? Хочу поглядеть, на что они похожи.

— Нет,— сказал он и потянулся к выпуклости, образованной куском материи, укрепленной на нижнем предмете одежды. К этому времени я уже замечал примитивную ложь этого типа без помощи приборов.

Успокоив парня газом, я достал из его одежды что-то наподобие кожаного конверта, наполненного хрустящими бумажками. Это, наверное, и были те самые зелененькие, которых у него якобы не было. На вид они прямо смех! Простейшая копировальная машина может выдавать дубликаты этих штук бочками, если только они не наделены какими-то скрытыми признаками. Для проверки я прошелся по ним самыми тонкими приборами и не нашел ни следа каких-нибудь химических, физических или радиоактивных меток. Изумительно. Бумага, кажется, содержала что-то вроде коротеньких ниток из другого материала, но дубликатор напечатает на поверхности их изображение, которое вполне сгодится. Если бы у меня был дубликатор. А может, и есть? Ведь на меня навесили все, что было под руками. Я разворошил кучу, и там действительно нашлась портативная модель аппарата. Она была заряжена плиткой исключительно плотного материала, который, каким-то образом распухая внутри машины, давал листы гладкого белого пластика — на них и делались копии. После множества регулировок мне удалось понизить качество пластика, так что он стал таким же мягким и грубым, как эти «зелененькие». Теперь, стоило мне коснуться

кнопки аппарата-копировщика, и машина выдавала точную копию «зелененькой», точь-в-точь похожую на оригинал. Самой большой купюрой у Слэшера была десятка. С нее я и сделал несколько копий. Конечно же, номер у них был один и тот же. Но мой опыт показывал, что люди никогда не разглядывают полученные деньги.

Настало время приступить к следующему этапу внедрения в общество этой примитивной планеты Земля. Я выяснил, что название Грязь не точно и имеет другое значение. Я надел на себя снаряжение, которое могло понадобиться, а все остальное оставил в пещере вместе со скафандром. Когда оно мне понадобится, все будет на месте. Слэшер бормотал и похрапывал, когда я летел с ним назад, через озеро и дальше, к дороге. Теперь, днем, на ней было больше движения. Я слышал рев машин и снова спустился в лесу. Перед тем, как разбудить его, я закопал гравитатор вместе с радиомаяком, который в случае чего поможет мне найти это место.

— Что-что? — выговорил Слэшер, усаживаясь, как только антидот подействовал. Он непонимающе глядел на лес.

— Поднимайся на копыта. Пора отсюда двигать.

Он заковылял за мной, еще наполовину во сне, пока я не помахал у него перед носом пачкой денег — тут он сразу проснулся.

— Как на твой взгляд эти зелененькие?

— Отлично, но ведь у тебя этого добра совсем не было?

— Добра у меня всякого достаточно, а вот денег не было. Ну я и сделал эти. Как они — о'кей?

— О'кей, никогда не видел лучше.— Он посмотрел на них взглядом профессионала.— Единственное — у них один и тот же номер, а так — высший класс.

Вернул он их мне очень неохотно. Человек без воображения и предрассудков. Именно такой мне и нужен. Вид этих денег выгнал из парня весь страх передо мной и он, пока мы брели по дороге, активно принялся помогать мне в планировании обретения еще большего их количества.

— Эта сбруя, которую ты носишь,— издалека, конечно,— она о'кей. Никто в машинах ничего и не заметит. Но нужно достать тебе другие шмотки. Тут под горой есть что-то вроде универмага. Ты подойдешь и подождешь в сторонке, пока я схожу и куплю все, что нужно. По правде, может удастся еще раздобыть колеса, ноги меня прямо убивают. Тут есть маленькая фабрика со стоянкой, посмотрим, что у них там имеется.

Фабрика оказалась приплюснутым зданием со множеством труб, выплевывающих дым и всякую отраву. С одной стороны было собрано множество разноцветных экипажей. Низко согнувшись по примеру Слэшера, я быстро подобрался к ближайшему из них, стоявшему во внешнем ряду. Убедившись, что нас никто не видит, мой компаньон открыл замок на раздутой, ярко-красной машине при помощи зубастой металлической штуковины и поднял большую крышку. Я заглянул внутрь и подивился излишне усложненной и удивительно примитивной двигательной установке, стоящей там. Вот уж действительно угодил в прошлое! По моей просьбе Слэшер описал мне ее, пока закорачивал провода, которые, видимо, управляли зажиганием.

— Мы зовем это двигателем внутреннего сгорания. Почти новый, должно быть, триста лошадей. Забирайся внутрь и погнали, пока нас никто не заметил.

Я заметил для себя позднее поинтересоваться теорией этого «внутреннего сгорания». Из разговоров я уже знал, что лошадь — это большое четвероногое, так что, может быть, внутреннее сгорание — это миниатюризация животных с целью уместить их большее число в моторе. Но как ни примитивно выглядело это устройство, двигалось оно довольно быстро. Слэшер манипулировал рычагами и крутил большое колесо. Мы вынеслись на дорогу и дальше — видимо нас действительно никто не заметил. Я с радостью доверил управление своему спутнику и стал разглядывать этот новый для меня мир.

— Где у вас хранятся деньги? Ну, такое место, куда их запирают?

— Ты, должно быть, говоришь про банки? Дома с толстыми стенами, большими сейфами и вооруженной охраной. В любом городе есть хотя бы один такой.

— И чем больше город, тем больше банк?

— Ты верно схватываешь.

— Тогда поезжай в ближайший большой город и найди самый большой банк. Мне понадобится масса денег. Мы его обчистим сегодня ночью.

Слэшер в ужасе посмотрел на меня.

— Ты шутишь! У них там сплошная сигнализация и все такое!

— Плевать я хотел на эти уловки из каменного века. Только дай мне город и банк, а потом — поесть и выпить. К вечеру я сделаю тебя богачом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

По правде говоря, мне никогда не приходилось грабить банк с такой легкостью и взламывать столь простые замки. Заведение, которое я выбрал, находилось в центре города с совершенно невероятным названием «Хартфорд». Это было прочное строение из серого камня, все отверстия в нем были забраны толстыми металлическими прутьями. Однако все это сводилось на нет тем, что к банку по обе стороны примыкали другие здания. Крыса ведь редко ходит через парадную дверь. Когда мы отправились на дело, было начало вечера, и Слэшер весь трясся от ужаса, несмотря на громадное количество проглоченного им низкосортного алкогольного варева.

— Нужно еще подождать,— ныл он.— На улице полно народу.

— Это мне и нужно. Кому какое дело до двух человек. А теперь паркуй эту железку за углом, как договорились, и принеси мне сумки.

Я нес в маленьком футляре мой инструмент, а Слэшер следовал за мной с двумя чемоданами, которые мы успели купить по дороге. Впереди, в здании слева от банка, было темно, и дверь, конечно, была заперта на замок. Не беда. Этот замок я осмотрел еще днем и решил, что никаких хлопот с ним не будет. Приборчиком в левой руке я обезвредил сигнализацию, а правой в это время орудовал отмычкой. Замок открылся так легко, что Слэшеру даже не пришлось остановиться: он прошел мимо меня со своими функциями. Ни одна живая душа на улице не обратила на нас ни малейшего внимания. Коридор привел нас к новым запертым дверям, которые я преодолел с такой же легкостью. Наконец, мы добрались до места.

— У этой комнаты должна быть общая стена с банком. Надо уточнить,— сказал я.

Тихо насвистывая, я принялся за работу. Будьте спокойны, это не было моим первым ограблением банка, и я вовсе не хотел сделать его последним. Из всех многочисленных форм преступной деятельности ограбление банков — наверняка самое полезное для личности и общества. Личность, ясное дело, получает кучу денег, это само собой. К тому же она приносит пользу обществу тем, что снова пускает в оборот кучу наличных. Экономика стимулируется, лавочники процветают, народ с огромным интересом читает о преступлениях, а полиция имеет шанс проявить свои

многочисленные таланты. Хорошо всем. Я, правда, слышал, что иные дураки утверждают, что это вредит банкам. Форменная чушь. Все банки застрахованы, так что они ничего не теряют, а страховые суммы ничтожны в общем обороте страховых компаний. Поэтому единственный результат, который может случиться — это микроскопическое уменьшение выплачиваемых дивидентов. Совсем малая цена за все доброе. Поэтому, прижимая к груди и стене ультрафиолетовый зонд, я чувствовал себя не вором, а благодетелем человечества. Ну, правильно, с другой стороны — большое помещение, несомненно, банк.

В стене проходило множество труб и кабелей: вода и энергия, я полагаю, а также, безусловно, сигнализация. Я отмечал их положение в стене до тех пор, пока система не стала кристально ясна. Там была область, свободная от всяких препятствий, и я ее пометил.

— Войдем здесь,— сказал я ему.

— Как же мы проломим стену? — Слэшер колебался между страхом и алчностью: и денег хочется, и страшно. Ясно, что он — мелкий преступник, и это — самое большое дело в его жизни.

— Зачем ломать, дурачок? — сказал я добродушно и поднял «массер».

— Мы просто попросим ее открыть перед нами.

Конечно, он и понятия не имел, о чем я говорю, но вид мерцающего аппарата его, по-видимому, успокоил. Я переключил механизм так, чтобы вместо увеличения притяжения молекул он уменьшал его почти до нуля. Медленно и осторожно я провел наконечником массера по периметру отмеченной области. Затем я выключил его и убрал.

— Ничего не вышло,— пожаловался Слэшер.

— Сейчас выйдет,— ответил я.

Я слегка толкнул стену рукой и вся подготовленная площадь развалилась с легким шипением, скользнув вниз, как тонкая пыль, в которую она, собственно, и превратилась. Мы заглянули в отверстие — в ярко освещенное помещение банка.

Невидимые с улицы мы вползли внутрь и начали красться вдоль высокого прилавка, за которым днем сидят кассиры. Строители предусмотрительно поместили сейфы в самом низу здания, так, чтобы их не было видно с улицы, поэтому, спустившись по ступенькам, мы смогли выпрямиться и продолжать наше дело с комфортом. Сначала

быстро прошли сквозь запертые двери и решетку из толстых стальных прутьев. И замки, и сигнализация были так просты, что даже не стоят упоминания. Дверь сейфа выглядела более внушительно, однако открыть ее оказалось проще всего.

— Гляди-ка,— обрадованно вскрикнул я.— Тут есть часовой механизм, который по утрам автоматически открывает дверь.

— Я знаю,— простонал Слэшер.— Давай выбираться отсюда, пока не сработала сигнализация...

Когда он побежал вверх по лестнице, я подставил ему ножку и уперся ногой в его грудь, пока объяснял, что к чему.

— Это же хорошо, дурачок! Для того чтобы открыть эту штуку, нужно просто перевести часы, как будто бы уже утро.

— Невозможно! Они же закрыты двумя дюймами стали!

Конечно, откуда ему знать, что самый обычный стандартный манипулятор «СМ» предназначен для работы через любые стенки. Почувствовав, что поле захватило шестерни, я повернул его и стрелки закрутились. Глаза Слэшера выпучились, механизм издал удовлетворенный щелчок и дверь распахнулась.

— Тащи сумки,— сказал я, заходя в сейф.

Весело мурлыкая и насвистывая, мы туго набили их пачками хрустящих банкнот. Слэшер застегнул свою сумку первым и стал нетерпеливо погонять меня.

— Что за спешка? — спросил я, закрывая свою сумку и укладывая инструменты.— Нужно время, чтобы сделать все, как следует.

Убрав последние приборы, я заметил, что одна из стрелок дернулась и замерла. Любопытно. Я отрегулировал напряженность поля, встал, держа индикатор в руках, и огляделся. Слешер торчал у дальней стены и возился с какими-то длинными металлическими ящиками.

— Что это ты делаешь? — спросил я вкрадчиво.

— Гляжу, нет ли в этих боксах каких-нибудь мешков.

— Ах вот чем ты занят. Спросил бы меня сначала.

— Я и сам могу,— сказал он угрюмо и самоуверенно.

— Да, но я могу к тому же при этом не трогать сигнализацию и не вызывать полицейских. Как раз это ты только что и сделал,— сказал я холодно и злобно.

Прямо красота, как он побелел. Руки у него так и задрожали, он даже уронил ящик, потом подпрыгнул и кинулся к сумке с деньгами.

— Вот дубина,— огрызнулся я и здорово наподдал по подставленной заднице.— Теперь забирай свои вещи и иди наружу, заводи машину и жди. Я — следом за тобой.

Слэшер, пошатываясь, вскарабкался по лестнице. Я последовал за ним более спокойно, останавливаясь около всех дверей и решеток, запирая их за собой. Это максимально должно было усложнить работу полиции. Они будут знать, что в банк пытались вломиться, но не узнают о грабеже, пока не разбудят кого-нибудь из банковских служащих, и с его помощью не откроют сейф. К этому времени мы благополучно смоемся.

Но, поднявшись по лестнице, я услышал визг покрышек и увидел через окно подъехавшую машину.

Однако невероятно быстро для такого примитивного общества. Хотя, может быть, как раз естественно. Наверняка, преступления и их раскрытие поглощают большую часть их энергии. Не тратя, правда, время на эти философствования, я пополз под кассовой стойкой, толкая перед собой сумку. Пролезая через дыру в другое здание, я услышал громыхание ключей в замке входной двери. Все правильно. Когда они войдут, я как раз выберусь на улицу. Так оно и получилось. Выглянув наружу, я увидел, что все пассажиры полицейской машины вошли в банк, а вокруг уже собралась небольшая толпа любопытных. Все стояли спиной ко мне. Я медленно вышел и пошел вперед по улице.

Эти первобытные фараоны что-то слишком легки на ногу. Видать, от большого опыта ловли моих коллег. Не успел я дойти до угла, как они уже вываливались из двери, из которой я только что вышел, до боли в ушах дуя в пронзительные свистки. Они вошли в банк, увидели дыру в стене и прошли по моему пути. Я быстро оглянулся — сплошные оскаленные зубы, синие мундиры, латунные пуговицы и пистолеты — и припустил бегом.

За угол и в машину.

Вот только машины не было.

Должно быть, Слэшер решил, что заработал достаточно для одного вечера и уехал, оставив меня в руках закона.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я не утверждаю, что изготовлен из более прочного материала, чем большинство людей. Хотя чувствую, что это

большинство, оказавшись в таком положении, как я — за тысячи лет в прошлом и краденые деньги, да наседавшая на пятки полиция — изрядно испугалось бы. Только тренировка и тот факт, что за всю жизнь я слишком часто попадал в такую ситуацию, заставили меня спокойно бежать вперед, обдумывая следующий ход.

Через несколько минут тяжеловесные слуги закона выскочат из-за угла, к тому же наверняка в это время кто-то уже вызывает по радио подкрепление, чтобы перерезать мне дорогу. Думай быстро, Джим.

Сказано — сделано. Раньше, чем я успел пробежать и пять шагов, весь план спасения был намечен, отредактирован, набран, отпечатан и переплетен в маленькую брошюру, открытую на первой странице.

Во-первых, убраться с улицы. Заскочив в ближайший подъезд, я сбросил деньги и зажал в пальцах мини-гранату из нарукавного держателя. Она прекрасно поместилась в круглую замочную скважину и с внушительным треском разнесла в щепки замок и часть косяка. Мои преследователи еще не появились, поэтому я переменил тактику и подождал с открытием развороченной двери до их появления. Резкие крики и свистки показали, что я замечен. Дверь вела в длинный коридор. Я встал в его дальнем конце и поднял руки, сдаваясь, когда вооруженный блюститель закона осторожно заглянул в дверной проем.

— Не стреляйте, копы! — закричал я.— Я сдаюсь. Я бедный молодой человек, которого привела к преступлениям дурная компания.

— Не двигайся, или мы тебя продырявим,— радостно завопили они, осторожно входя с фонариками внутрь и светя мне в лицо. Я просто стоял, цепляясь пальцами за воздух, пока лучи не скользнули в сторону и не раздался двойной стук падающих тел. Этого и следовало ожидать, так как воздуха в коридоре было куда меньше, чем сонного газа. Осторожно дыша через фильтры в ноздрях, я содрал мундир с одного из моих спящих друзей, на которого больше походил фигурой, и надел его поверх собственной одежды. Ну и намучился же я с этими дурацкими застежками. Потом я подобрал его оружие и снова вложил в кобуру, взял свои сумки и вышел, направляясь по улице к банку. Напуганные жители выглядывали из дверей, как звери из нор. На углу я повстречался с другой полицейской машиной. Как и следовало ожидать, их здесь собралось великое множество.

— Со мной награбленное,— сказал я крепкому человеку за рулем.

— Несу обратно в банк. Мы прищучили этих крыс, всю банду, вон та дверь, отправляйтесь туда.

Последний совет был излишен, потому что машина уже умчалась. Первый полицейский автомобиль все еще стоял на том месте, где я видел его в последний раз. Под робкими взглядами зрителей я бросил сумки на переднее сиденье и забрался внутрь.

— Расходитесь! Представление окончено! — заорал я, манипулируя незнакомыми приборами. Чертова прорва, достаточно, чтобы управлять космическим кораблем, а не то, чтобы наземной допотопной колымагой.

Никакого эффекта. Толпа отхлынула, потом снова слегка пододвинулась. Я слегка вспотел, только теперь заметив, что замочная скважина пуста и с опозданием вспомнил, как Слэшер говорил что-то о ключах для запуска этих машин. Вокруг все громче завывали сирены. Я спохватился и начал шарить по своему набору карманов и кармашков мундира.

Ключи! Целое кольцо ключей. Ликуя, я начал пихать их один за другим в замочную скважину, пока не сообразил, что все они слишком велики для нее. Снаружи толпа, как зачарованная, подходила все ближе, пораженно следя за моими действиями.

— Назад! Назад! — заорал я и выхватил из кобуры оружие, чтобы придать вес своим словам.

Как видно, оно было заряжено и готово к действию, а я неосторожно коснулся не той кнопки. Раздался ужасный взрыв, возникло облако дыма и оружие выскочило из руки. Какой-то метательный снаряд пробил металлическую крышу машины. Большой палец у меня сильно заболел.

По крайней мере, зрители убрались. И притом, в спешке. Когда они разбежались, а бежали они по всем направлениям, я увидел, что сзади подъезжает еще одна полицейская машина, и дела идут совсем не так, как хотелось бы. Должно быть, другие ключи. Я снова стал шарить, швыряя найденные вещи на соседнее сиденье, пока они не иссякли. Другая машина остановилась позади моей и ее дверцы открылись.

Металлический блеск в маленьком футляре? Ну да, пара ключей! Один из них мягко вошел в отверстие как раз в тот момент, когда два копа подошли с обеих сторон к моей машине.

— Что здесь происходит? — спросил ближайший. Ключ повернулся и раздался стон мотора и металлическое щелканье.

— Неприятности,— сказал я, хватаясь за металлические рычаги.

— Выходи-ка, ты! — сказал он, вытаскивая оружие.

— Дело жизни и смерти! — закричал я срывающимся голосом, нажимая одну из педалей, как это делал Слэшер. Мотор взвыл, колеса завертелись, машина, проснувшись, рванулась с места.

Конечно, не вперед, а назад.

Раздался ужасный грохот и звон, полицейские исчезли. Я снова схватился за рычаги. Один из фараонов появился впереди, поднимая оружие, но тут же отпрыгнул, как ужаленный, когда я нашел нужную комбинацию рычагов и машина с ревом рванулась на него. Дорога была чиста, и я свободен.

Но на пятках висела полиция. Раньше, чем я добрался до угла, другая машина тронулась с места и понеслась за мной. На ее крыше завертелись цветные огни, завыла сирена. Я стал шарить одной рукой, а другой — защелкал переключателями: побрызгал водой на ветровое стекло, потом поглядел, как ее вытерли движущиеся руки, послушал громкую музыку, согрел ноги струей теплого воздуха и в конце концов заполучил воющую сирену и, может быть, и вертящиеся огни. И мы понеслись по широкой дороге, пока я не почувствовал, что так спасаться негоже. Полиция знает свой город и свои машины и может легко вызвать по радио перехват. Сообразив это, я завертел баранку и свернул на ближайшую улицу. Так как я двигался намного быстрее, чем следовало, шины завизжали, машина въехала на тротуар и, перед тем, как соскочить на дорогу, стукнулась боком о дом. Преследователи приотстали, не желая поворачивать столь же картинно, но вновь сумели пристроиться в хвост, когда я прогрохотал за следующий угол. Сделав два поворота вправо, я ехал теперь прямо назад и снова приближался к месту преступления.

Это может показаться безумным, но на самом деле это было самым безопасным. Через несколько мгновений моя воющая сиреной и сверкающая огнями машина оказалась в безопасности среди таких же воющих и сверкающих бело-голубых машин. Все складывалось очень мило. Автомобили поворачивали, пятились и мешали друг другу, я же со своей стороны делал все, чтобы увеличить этот бес-

порядок. Было очень интересно: масса ругани и красноречивых жестов. Я задержался бы, наверное, и дольше, не возобладай во мне осторожность. Когда веселье достигло максимума, я выбрался из свалки и заехал за угол. Погони не было. С более разумной скоростью, выключив сирену и мигалки, я поехал по улице, ища, где бы пристать. Ускользнуть в полицейской машине невозможно, да я и не собирался этого делать. Мне необходима крысиная норка, чтобы затаиться.

И эта норка была роскошной. Нельзя делать ничего наполовину. Чуть дальше я увидел то, что мне требовалось: сияние света и вывесок, мерцающих украшениями, отель экстра-класса, всего в двух шагах от места преступления. Здесь, надеюсь, меня искать точно не будут. Определенный риск, однако, есть всегда. За следующим поворотом я остановил машину, снял мундир, положил в карман пачку денег и, взяв две свои сумки, побрел, гуляючи, к отелю. Когда машину найдут, то подумают, что я сменил ее на другую — очевидная уловка, и еще расширят район поисков.

— Эй, вы! — окликнул я одетого в мундир служителя, который гордо стоял у входа.— Несите багаж.

Тон был оскорбителен, манеры грубы и, наверное, он бы проигнорировал меня, не заговори я на другом языке и не сунь я ему в руку крупную купюру. Быстрый взгляд на нее породил улыбку и фальшивое раболепие. Подхватив вещи, он засеменил вслед за мной в вестибюль.

Сверкающая деревянная обшивка, мягкие ковры, скрытый свет, сильно декольтированные женщины в сопровождении мужчин с отвислыми животиками. Такое место мне и нужно. Пока я шел наискосок до конторки, многие с удивлением поднимали брови, глядя на мою грубую одежду. Тип за конторкой поглядел на меня поверх своего длинного аристократического носа, и я нутром почувствовал, как начинает образовываться ледок. Я расколол его пачкой денег, брошенной на стол.

— Вы имеете удовольствие встретиться с богатым, но эксцентричным миллионером,— сказал я ему.— Это для вас.— Банкноты исчезли, как только я их отпустил.— Я только что вернулся с веселенькой прогулки и хочу занять самый лучший номер.

— Что-нибудь можно устроить... но сейчас свободны только Императорские Аппартаменты, а это стоит...

— Не приставайте ко мне с деньгами, возьмите это и дайте знать, когда понадобится еще.

— Да, что-нибудь можно устроить. Не будете ли вы так добры вписать свое имя...

— А вас как зовут?

— Меня? Хм... Роско Амбердекстер.

— Какое совпадение — меня тоже так зовут, но вы должны обращаться ко мне просто «сэр». Должно быть, наше с вами имя здесь очень распространено. Так что заполните все сами, раз мы с вами однофамильцы.

Я поманил его к себе, он наклонился вперед, и я хрипло прошептал:

— Я не хочу, чтобы меня здесь знали. Все охотятся за моими денежками. Если управляющий захочет получить дополнительную информацию — пошлите его ко мне.

Вместо информации он, конечно, получит на лапу, но, я думаю, это вполне сойдет.

Дальнейшее плавание на волне зелененьких проходило гладко. Меня проводили в мои аппартаменты, и я щедро одарил двух носильщиков за то, что у них хватило ума не уронить мой багаж. Они открывали и закрывали дверцы, показывали все удобства. Один по моей команде позвонил в ресторан и заказал массу еды и питья, после чего они удалились в наилучшем настроении, с оттопыренными от денег карманами. Я положил сумку с деньгами в шкаф и открыл другую.

И замер.

Стрелка индикатора на детекторе темпоральной энергии сдвинулась и теперь упорно показывала в направлении окна и внешнего мира.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Руки попробовали было задрожать, но я тут же пресек это, вытащил детектор и осторожно положил его на пол. Напряженность поля оказалась равной 117,56. Я это моментально записал. Потом опустился на пол и поглядел в точку под окном, куда указывала стрелка. Быстро подбежав, я пометил эту точку крестом, затем вернулся и проверил. Пока я глазел на стрелку во второй раз, она свободно закачалась и вернулась в ноль.

Но я их засек! Кто бы ни были эти типы, они действуют из настоящего. Однажды они уже использовали

свою аппаратуру и наверняка включат ее снова. Уж тогда я буду их ждать. Впервые с тех пор, как я попал на эту грубую, варварскую планету, в груди затеплилась искорка надежды. До сих пор я действовал инстинктивно, просто охраняя свою жизнь и постигая обычаи этого странного мира, стараясь ни на минуту не задумываться о будущем, которого не будет, если мне не удастся заново его создать. Этим-то я теперь и займусь.

После плотного обеда, разметав целые водопады ассигнаций, я отправился ко сну. Ненадолго, правда: двухчасовая снотворная таблетка погрузила меня в глубочайший из возможных снов с почти непрерывными сновидениями. Я проснулся, чувствуя себя почти по-человечески. В соседней комнате был бар и в нем масса интересных бутылок, некоторые даже с приятным содержимым, и я уселся с наполненным стаканом перед стеклянным глазом прибора под названием ТВ. Мое произношение местного языка оставляло желать лучшего, и я хотел послушать, чтобы кто-то говорил на лучшей его разновидности.

Сделать это было не так-то просто. Во-первых, трудно отличить учебные каналы от развлекательных. Я нашел что-то похожее на нравоучительную пьесу с историческим сюжетом, в которой все герои носили широкополые шляпы и ездили на лошадях. Однако, весь использовавшийся словарь составлял не более ста слов и большинство персонажей погибло от пуль, прежде, чем я успел понять, о чем действие. Ружья вообще играли значительную роль в большинстве спектаклей, которые я просмотрел, хотя зрелище сопровождалось садизмом и различными видами членовредительства. Все эти насилия и частые гонки с места на место в различных экипажах не оставляли этим людям много времени для межполового общения: краткий поцелуй был единственным проявлением привязанности или полового влечения, которое я видел. Большинство передач были трудными для понимания еще и потому, что без конца прерывались коротенькими интермедиями и поучительными лекциями о достоинствах различных потребительских товаров. К утру я понял, что с меня хватит. Язык мой усовершенствовался лишь микроскопически, поэтому я вместо комментариев пнул экран ногой и отправился мыться в розовую комнату, утыканную экспонатами, иллюстрирующими историю водопроводного дела.

Утром, как только открылись магазины, я разослал во все стороны служителей отеля, снабдив их в изобилии

деньгами, и вскоре ко мне в номер стали поступать покупки. Новая одежда, под стать моему высокому положению, и роскошные чемоданы для нее. Плюс множество карт, тщательно выполненное устройство под названием магнитный компас и книга теории навигации. Это оказалось удивительно просто: определить точное направление, которое показал детектор: перенести на местную карту и получить вполне точную оценку расстояния до источника темпорального поля в единицах, называемых милями.

Длинная черная линия на карте указывала мне направление, черта поперек нее — расстояние: вот и цель. Мои линии пересеклись в точке, которая, видимо, принадлежала области высокого скопления населения, самого большого, пожалуй, на всей карте.

Называлась эта область довольно странно: Нью-Йорк-сити. Никаких указаний, где находится Олд-Йорк-сити, не было. Да это и не имело значения. Теперь я знал, куда мне следует ехать.

Мой отъезд из отеля напоминал больше отъезд коронованной особы, чем простое расставание; в мою честь раздавались приветственные крики и пожелания скорейшего возвращения. Что ж, может быть. Наемный автомобиль доставил меня в аэропорт, услужливые руки тотчас донесли мой багаж к нужным воротам. Тут меня поджидала большая неожиданность — ведь я забыл об ограблении банка. А кое-кто это отлично помнил.

— Открой-ка сумки,— сказал мрачного вида блюститель порядка.

— Конечно,— ответил я очень весело. Я заметил, что остальные пассажиры подвергаются такому же обыску.— Могу я узнать, что вы ищите?

— Деньги. Банк ограбили,— пробормотал он, ковыряясь в моих вещах.

— Боюсь, я никогда не ношу с собой больших сумм,— сказал я, крепко прижимая к груди сумку с деньгами.

— С этими все в порядке. Теперь посмотрим другую.

— Если вы не против, не на людях, сэр. Я ответственный чиновник правительства, и эти бумаги имеют высочайшую секретность,— процитировал я слова из телевизионной передачи.

— В той комнате,— сказал он, указав пальцем.

Я почти сожалел, что ввернул эту фразу — так по-детски она прозвучала.

В комнате, когда вместо сумки я вскрыл усыпляющую гранату, он принял несколько шокированный вид, а потом уснул. У стены стоял большой металлический ящик, наполненный бланками и бумагами, такими милыми бюрократическому уму. Я переложил их и ухитрился выкроить там место для своего похрапывающего приятеля. Чем дольше его не обнаружат, тем лучше. Если не случится непредвиденных задержек; то до того, как он очнется, я уже буду в Нью-Йорке: Ведь ему придется просыпаться естественным путем. У него же нет антидота против моего газа.

Когда я выходил из комнаты, другой служитель в мундире с интересом поглядел на меня. Поэтому я повернулся и заговорил во все еще открытую дверь: «Благодарю вас за содействие, ну что вы, никакого беспокойства». Я закрыл дверь и, проходя мимо, улыбнулся чиновнику. Он нехотя приложил кончики пальцев к козырьку фуражки и ухватился за багаж какого-то пожилого человека. Я прошел дальше, неся свою сумку, и не очень удивился, обнаружив у себя на лбу крохотные капельки пота.

Полет был короткий, шумный, безынтересный и, пожалуй, слишком тряский в огромном аппарате с неподвижными крыльями, который, по-видимому, приводился в движение реактивными двигателями, сжигающими жидкое топливо. Хотя запах этого топлива был повсюду, и я уже успел к нему привыкнуть, никак не верилось, что они просто сжигают невосполнимые запасы углеводорода. Пришлось пережить несколько неприятных моментов при высадке, но здесь никакой тревоги не было. Поездка в центр из аэропорта оказалась весьма мучительной: тряска, крики, невероятный шум. Поэтому, пройдя, наконец, в дверь прохладного гостиничного номера, я почувствовал облегчение. Тем не менее, когда под действием тишины и двух стаканчиков местной дистиллированной отравы, к которой я уже успел пристраститься, ко мне вернулась способность размышлять, я был готов к следующему шагу.

Каким же он будет? Разведка или атака? Благоразумие диктовало необходимость осторожного поиска источника темпоральной энергии, чтобы выяснить, против кого и против чего я должен действовать. Уже решившись и выбранив себя за то, что осмелился думать о прямом нападении, я вдруг передумал. Сработала холодная

логика. Я повернулся и ткнул пальцем в свое отражение в зеркале.

— Ты дурень,— сказал я и в отвращении погрозил себе пальцем.— Как это один таксист обзывал другого: недоносок безмозглый.

Ведь у меня только одно преимущество: внезапность. Любая разведка может наделать шуму, и эти бандиты во времени поймут, что за ними следят, и нападут сами. Конечно, начав темпоральную войну, они, несомненно, готовы к возможному возмездию. Но не могут же они оставаться начеку недели и месяцы, может быть, даже годы? Стоит им узнать, что я поблизости, в этом времени и месте, как они примут все возможные меры предосторожности. Чтобы это предотвратить, я должен нанести удар, и ударить сильно. Правда, я не знаю, по кому.

— Какая разница?— спросил я, открывая футляр с гранатами.— Конечно, было бы интересно узнать, кто и почему нападает на Корпус. Но так ли это важно и нужно? Конечно же, нет.— Я поглядел поверх маленькой термоядерной бомбочки в красные, усталые глаза своего отражения и потряс головой.— Нет, нет и нет. Они должны быть уничтожены и точка. Сейчас. И быстро.

Передо мной не было другого пути, поэтому я спокойно и уверенно укрепил все самые мощные средства уничтожения, когда-либо созданные за тысячелетия самых любимых исследований человечества — военных. В обычных обстоятельствах я не сторонник принципа «убей, или убьют тебя». Дела, как правило, не доходят до такой крайности. Только не сейчас. Я не чувствовал ни малейших угрызений совести по поводу своего решения. Идет необъявленная война против всего человечества будущего — иначе почему первым объектом нападения стал именно Специальный Корпус? Кто-то или какая-то группа желает получить контроль над всем пространством и временем. Это, вероятно, самый эгоистичный и безумный план в истории и совершенно безразлично, кто его собирается исполнить. Смерть им, пока не уничтожено все достойное, созданное человеком.

Покидая отель, я представлял из себя ходячую бомбу, орудие уничтожения. Черный ящичек детектора темпоральной энергии находился в атташе-кейсе, который я нес в руке. В его крышке были проделаны отверстия, через которые я мог видеть показания индикатора. Где-то рядом враг, и он должен себя обнаружить, а я буду начеку.

Ждать пришлось недолго. Совсем неподалеку, если верить показаниям стрелки, высвободилось большое количество невидимой темпоральной энергии — я был на верном пути. Определив по ходу направление и дистанцию, я бросился вперед, почти не замечая окружающих людей и машин. Потом, едва не попав под грузовик, я замедлил темп и стал более осторожным. Впереди показалась обширная застройка с зеленью посередине. Удручающе однообразные дома, огромные призмы из металла и стекла, маячившие в отравленном воздухе, были неотличимы друг от друга. Какой из них мне нужен? Стрелка вновь качнулась, дрожа от напряжения и поворачиваясь по мере того, как я двигался. Индикатор расстояния указывал на самый верх шкалы.

Здесь, в этом черном с медью здании. Я вошел внутрь, готовый ко всему, кроме того, что произошло.

Они запирали за мной все двери и прикрывали все выходы. В этом участвовали все. Посетители, лифтеры, даже человек в табачном ларьке. Бежали ко мне, теснили, и глаза у всех горели холодным огнем ненависти. Меня обнаружили. Должно быть, они засекли мой детектор. Они знают, кто я, и напали первыми.

XXX XXX XXX

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Это развивалось как кошмар наяву. Все мы иной раз бываем подвержены приступам паранойи и чувствам, что весь мир против нас. Теперь я столкнулся с этим на деле. Инстинктивный страх охватил меня на мгновение, но потом я стряхнул его и начал действовать.

Однако хватило и этого одного мига сомнений. Мне следовало стрелять, жечь и убивать, уничтожая все вокруг, как и планировалось заранее. Но я вовсе не предполагал оказаться лицом к лицу с таким количеством врагов. Выиграть я не мог. Конечно, я кое-что сделал, газом, бомбами, голыми руками, но этого было недостаточно. Все новые и новые руки цеплялись за мою одежду — без конца. И они были вовсе не ласковы, эти люди, набросившиеся на меня с такой же ненавистью, какую я питал к ним. Две стороны медали, и каждая видит

в другой свое уничтожение. Меня преследовали и догнали. Когда наступило забытье, оно было даже приятно.

Не то, чтобы мне позволили пребывать в нем долго. Боль и резкий запах, обжигающий ноздри, вновь поставили меня перед лицом действительности — неприятной. Предо мной стоял, глядя на меня, какой-то человек, огромный, высокий, с чертами лица, смазанными моим расфокусированным зрением. Видимо, меня держало множество рук, которые стискивали и трясли меня. По лицу провели чем-то мокрым, очистив то, что мешало моему зрению, и я смог рассмотреть его также хорошо, как и он меня.

Он был в два раза больше обычного человека — такой огромный, что мне пришлось откинуться назад, чтобы рассмотреть его целиком. Кожа, залитая румянцем, темные, угловатые глаза. Когда он раскрыл рот, его зубы оказались остроконечными.

— Откуда ты?— грубо спросил он рокочущим голосом на языке Специального Корпуса. Видимо, я прореагировал на это, потому что он улыбнулся победоносно и холодно.

— Должно быть, Специальный Корпус. Последняя вспышка перед темнотой. Как много вас здесь? Где остальные?

— Они... вас найдут,— ухитрился выговорить я. Какой маленький успех по сравнению с их победой. Пока они не знают, что я один, есть шанс остаться в живых — до выяснения. Это не займет много времени. Я крепко связан, все снаряжение отнято, я беззащитен. Они быстро проследят мой путь в прошлое до отеля и скоро узнают, что бояться больше некого.

— Кто вы?— спросил я. Язык заплетался, но он являлся моим единственным оружием. Вместо ответа он победоносным жестом поднял вверх оба кулака. Ответ пришел ко мне автоматически.— Вы безумец!

— Конечно!— заорал он возбужденно, и держащие меня руки задергались.— Так оно и есть! И хотя вы однажды нас уничтожили за это, вам не удастся нас обыграть. И на этот раз победа будет за нами! Мы истребим наших врагов прежде, чем они родятся на свет, обрекая их тем самым на несуществование.

Я вспомнил, как Койпу говорил что-то об уничтожении Земли в далеком прошлом. Может быть, это сделали для того, чтобы остановить безумцев? Неужели сейчас это переделывается? Его выкрики прервали мою мысль.

— Заберите его. Пытайте самым основательным образом — для моего удовольствия и чтобы ослабить его волю, потом высосите из его мозга все знания. Нужно многое выяснить.

Когда меня поволокли из комнаты, я понял, что нужно делать. Ждать. Подальше от этого человека, от толпы, среди искусных палачей и в относительном, очень нужном мне уединении. Случай представился, когда в белой лаборатории техники накинулись на тащивших меня людей и оторвали от них. Они были так же зверски грубы друг с другом, как и со мной — великан был прав, они безумцы. Какое извращение человеческой истории вывело этих людей на сцену? И представить невозможно.

И снова ожидание. Я хранил спокойствие, зная, что может представиться только одна возможность, и я не должен ее упустить. Дверь закрылась. Меня прижали спиной к столу, прикрепив к нему лодыжки. Кроме меня в комнате было еще пять человек. Двое стояли спинами, все их внимание было приковано к приборам. Остальные навалились на меня. Я оттопырил челюсть и как можно сильнее нажал на крайний зуб.

Это было мое последнее оружие, абсолютное, которое я никогда еще не использовал. Как правило, я даже не носил его, считая, что в обычных конфликтах жизни со смертью не стоит платить такую цену за победу. Тут был другой случай. Когда я надавил, искусственный зуб треснул и капельки горькой жидкости, содержавшиеся в нем, скатились мне в горло.

Меня пронзила боль и, едва появившись, исчезла, поглощенная наркотиками, убивающими нервную чувствительность и помогающими перенести действие других ингредиентов. Прежде его испытывали только на подопытных животных, в малых дозах. Это было дьявольское зелье, приготовленное медиками Корпуса по моему предложению. Сюда входили все когда-либо открытые стимуляторы, ввключая новый класс синеграторов — сложных химических соединений, которые позволяли человеческому телу раскрывать феноменальные резервы сверхестественной силы, о которых давно знали, но считали невозможным использовать.

Время ускорилось, и люди, нависшие надо мной, задвигались медленнее. Увидев это, я подождал еще доли секунды, чтобы снадобье полностью подействовало, а потом вытянул руки. Хотя каждый из крепко сложенных

мужчин изо всех сил навалился на меня, это не имело значения. Не почувствовав веса и даже не приложив специального усилия, я оторвал обоих от пола и стукнул лбами перед тем, как швырнуть их в третьего, стоявшего у другого конца стола. Они столкнулись и, упав, покатились. Лица их были искажены смесью боли и ужаса. Они еще падали, а я уже сидел и отрывал от стола толстые металлические зажимы для ног, которыми был прикован. Это показалось мне простейшим и самоочевидным делом. Кажется, я причинил какой-то вред своим пальцам, но отметил это лишь как мелкий, не имеющий никакого значения эпизод. В комнате оставалось еще два человека, и они все еще поворачивались ко мне, потому что борьба с первыми тремя отняла всего несколько мгновений. Как по нотам. Видя их еще неподготовленными — одного с наполовину поднятым оружием — я набросился на них, выделив каждому по кулаку, повалил обоих и швырнул в шевелящуюся кучу — к трем коллегам. Их было пятеро против меня одного, и я не мог позволить по отношению к ним никакого снисхождения, даже если бы и захотел. Теперь, когда мои руки были не совсем в порядке, я бил ногами до тех пор, пока в куче не прекратилось всякое движение, и только тогда дал возможность холодному рассудку пробиться через бешеную ярость берсерка.

Что делать? Бежать? От моей одежды остались только лохмотья и я безжалостно сорвал их. Мои мучители были одеты в белое, и я потратил некоторое время, чтобы расстегнуть все непривычные застежки и одеться в один из наименее испачканных костюмов. На лбу у меня оказалась рваная рана, которую я аккуратно забинтовал — думаю, что после побоища у входа это была не единственная здесь повязка — затем замотал себе кисти. Мне никто не помешал, да это и не отняло много времени. Закончив, я вышел и заспешил по коридору, повторяя путь, по которому меня тащили. Здание жужжало, как растревоженный улей, и все, кого бы я не встретил, казались слишком занятыми, чтобы обращать на меня внимание. Даже в вестибюле, где народ роился вокруг моего снаряжения, разложенного на большом столе, мной никто не заинтересовался. Будь для этого более подходящее время, я бы посмеялся.

Осторожно, никого не потревожив, я пробрался к столу и активировал связку газовых бомб, задержав дыхание,

пока не вставил себе в ноздри специальные фильтры. Газ действовал очень быстро, и даже те, кто увидел, что я проделываю, не успели никого предупредить. Воздух содержал дымку от скопления газа. Я подобрал свой гаусс-пистолет и распахнул огромную дверь в соседнюю комнату.

— Ты!— закричал он, и его массивное тело выпрямилось как раз тогда, когда газ уложил на пол все его окружение. Он качнулся и потянулся ко мне, борясь с газом, который должен был свалить его моментально, но я обрушил ему на голову пистолет. Но все же его глаза, налитые злобой и смертью, не отрывались от меня, пока я привязывал его к стулу. Только закрыв за собой дверь, я улучил момент снова поглядеть ему в глаза и обнаружил, что он еще в сознании.

— Что вы за человек?— снова спросил я. Слова непрошенными приходили на мой язык.— Кто вы?

— Я — это он, который будет править миром! Я буду править вечно — я разум, который никогда не умрет! Освободи меня!

В его словах была такая сила, что я почувствовал, как меня тянет к нему почти помимо моей воли, его круглые глаза гипнотизировали меня. Я был как в тумане, может быть, от того, что действие наркотика кончалось. Я затряс головой и быстро заморгал. Но другая часть моего Я по-прежнему была начеку и не поддавалась влиянию этой силы великого зла.

— Долгое правление, но не очень приятное,— я улыбнулся.— Разве что вы сможете что-то сделать с этими ужасными солнечными ожогами.

Лучше сказать было нельзя. Это чудовище было лишено чувства юмора и привыкло, надо думать, только к рабской услужливости.

Сначала он завыл, совершенно по-животному, потом разразился речью, бешеным потоком безумия, которое клокотало вокруг, пока я делал последние приготовления, чтобы закончить эту темпоральную войну.

Безумен? Да, но безумие его было организованным, которое размножается и заражает окружающих. Тело у него было искусственным: я видел шрамы и следы пересадок, да и он сам говорил об этом. Сфабрикованное тело, все из транплантантов, краденное, с искусственным скелетом, красноречиво говорило о складе ума того, кто предпочел жить в такой страшной оболочке.

Есть еще такие, как он, он лучший, но он одинок — было очень трудно уловить смысл того, что он говорил, но я запомнил, что мог, для того, чтобы разобраться в будущем. Одновременно я сыпал в воздушную вентиляцию свои порошки и вообще пытался подбросить песочку в механизм этой сатанинской мельницы.

Он и его сторонники были уже однажды уничтожены в прежней истории. Он сам сказал мне это. Каким-то неведомым путем они получили еще один шанс захватить власть во вселенной, но этот номер не пройдет. Меня, Джеймса Боливара ди Гриза, грабителя-одиночку, уже не раз призывали для разных важных дел, и я всегда добивался успеха. Теперь меня просят спасти мир, и я это сделаю.

— Они не могли выбрать лучшего человека,— гордо сказал я, оглядывая устройство темпоральной лаборатории и пол, весь усыпанный распростертыми телами. Гигантская зеленая закрученная пружина темпоральной спирали как будто улыбнулась мне, и я улыбнулся в ответ.

— Бомбы заложены в механизмы, а ты меня подвезешь,— воскликнул я счастливо, делая нужные приготовления.— Уничтожить аппаратуру и оставить здешних психов местным властям, хотя красномордым стоит, я думаю, заняться специально.

Все это, конечно, верно, но я немного удивился, чего же я жду. А ждал я, вероятно, возможности прикончить его в пылу борьбы.— Я не могу хладнокровно убить человека, даже самого безжалостного убийцу. Хотя на этот раз, видимо, это придется сделать. Поняв наконец это, я переставил механизм своего гаусспистолета на стрельбу разрывными зарядами и заглянул в первую комнату.

Удобный случай представился значительно раньше, чем я рассчитывал. На меня обрушилась, сыпя ударами, огромная туша. От толчка я покатился к противоположной стене, извиваясь и пытаясь прицелиться. Быстро двигаясь, он включил рубильник и рванулся к темпоральной спирали.

Пули тоже двигаются быстро, и мои со свистом вылетали из гаусспистолета и взрывались в его теле.

И тут он исчез. Брошенный во время, вперед или назад — не знаю, потому что аппаратура начала мерцать и растворяться, пока я еще бежал к ней. Будет ли он мертв, когда явится по назначению? Должно быть, ведь я использовал разрывные заряды.

Действие некоторых наркотиков стало проходить, и пальцы от утомления стали дрожать, а боль — стучаться в края моего сознания. Пора было уходить отсюда. Я забрал снаряжение и решил отлежаться сначала в отеле, а потом в больнице. Небольшой отдых, пока они будут меня штопать, даст мне время для размышлений, что предпринять дальше. Технологии этого века может оказаться достаточно, чтобы построить темпоральную спираль, и тем более, у меня в черном ящике заперта память профессора Койпу. Денег, вероятно, потребуется очень много, но всегда есть масса способов их раздобыть.

Болезненно пошатываясь, я побрел к выходу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я нес с собой чемоданчик-дипломат с самыми обыкновенными вещами: гранатами, газовыми бомбами, взрывчаткой, носовыми фильтрами и парой пистолетов — малый джентльменский набор. Выпрямившись, развернув плечи — одним словом, весьма воинственно — я зашел в контору военно-морского казначейства. Держался я так хотя бы для того, чтобы поддержать достоинство моего мундира — новехонького, сверкающего золотом и усеянного нашивками Командора Флота Соединенных Штатов.

— Доброе утро,— сказал я звонко, затворяя за собой дверь и незаметно запирая ее зажатым в кулаке инструментом.

— Так точно, сэр!

Сидевший за столом хмурый старшина говорил достаточно вежливо, но было ясно, что его внимание занято всецело работой — бумагами, аккуратно сложенными на столе, а всякие незнакомые офицеры должны дожидаться своей очереди. Подобно тому, как любая армия держится на сержантах, всеми флотами мира управляют старшины. Моряки сновали по всевозможным военно-финансовым делам, а в дверном проеме напротив я увидел раскрытую пасть стандартного казенного сейфа. Я положил чемоданчик на стол старшины и распахнул его.

— Я читал об этом в газетах,— сказал я,— о том, что военные, когда просят дотации, всегда округляют цифры вверх до следующего миллиона или миллиарда долларов. Это меня восхищает.

— Да-да, сэр,— пробормотал старшина, щелкая клавишами арифмометра, явно не интересуясь ни моей способностью читать, ни комментариями прессы.

— Я думал, вам это будет интересно. Так или иначе, но мне пришла в голову одна мысль: нужно поделить деньги. При такой свободе обращения с ними у вас должна быть целая куча лишних — как раз для меня. Именно поэтому я собираюсь застрелить вас, старшина.

Что ж, это привлекло его внимание. Я дождался, пока его челюсть совсем не отвисла, а глаза не вылезли из орбит, и нажал на курок длинноствольного пистолета, который, издав звук «шуффф», вздрогнул в руке. Старшина хрюкнул и скрылся с глаз под столом.

Это отняло всего лишь мгновение, и остальные в комнате едва успели заметить, что происходит что-то необычное, когда я повернулся и перестрелял их одного за другим. Перешагнув через нагромождение тел, заглянул в другую комнату и позвал:

—Хо-хо, капитан, а вот и я.

Он отвернулся от сейфа, пробормотал какое-то морское проклятие и заполучил иголку в шею. Свалился он также быстро, как и остальные. Снадобье у меня мощное — усыпляет мгновенно. Из передней комнаты уже раздавался храп. Жалованье было налицо: пачки хрустящих банкнот, аккуратно разложенные на множестве подносов. Я раскрыл свой складной чемодан и стал укладывать в него первую связку благословенной зелени. В это время оконное стекло разлетелось и в меня полетели пули.

Этого я не ожидал. Если б они стреляли сквозь стекло, меня бы уже давно изрешетили свинцовые пули, так нравящиеся людям этой эпохи. То, что перед тем, как начать стрельбу, они разбили стекло, дало возможность моим отлично настроенным рефлексам среагировать и начать работу, для которой они всегда готовы. Я перекувыркнулся и откатился назад, выхватив из рукава мини-бомбы еще раньше, чем коснулся пола. Вспышка и дым. Бомбы грохнули и запылали, воздух моментально потерял прозрачность. Вслед за первыми бомбами я швырнул еще, и стрельба прекратилась. Извиваясь по полу, как змея, я приблизился к сейфу, оставив его между собой и окном, и начал работать на ощупь, собирая деньги и набивая ими чемодан. Пускай меня обнаружили, загнали в угол и я в смертельной опасности — это вовсе не повод

бросать награбленное. Уж коли я пошел на эти хлопоты, они должны быть оплачены.

Волоча за собой ноги, я пополз к первой комнате и уже было миновал дверь, как снаружи раздался рев громкоговорителя:

—Мы знаем, что ты внутри. Выходи и сдавайся, или мы тебя уничтожим. Здание окружено, у тебя нет никаких шансов.

Около двери дым поредел, и, встав в тень, я понял, что голос говорил правду. Там стояли грузовики, наполненные полицейскими — безжалостными и хорошо вооруженными. И еще джипы с установленными сзади крупнокалиберными пулеметами. Вполне достойный комитет по встрече.

— Ведь вы, крысы, не возьмете меня живьем!—заорал я, разбрасывая как сеятель, дымовые и световые бомбы во всех направлениях, а заодно и разрывную гранату побольше, которая снесла часть задней стены. Под прикрытием всей этой суматохи я подполз к спящему старшине и содрал с него китель, который служил ему уже так долго, что локти лоснились, а нашивок было больше, чем полос у тигра. Я отбросил в сторону свой китель и надел куртку старшины. Затем я обменялся с ним фуражками. Эти люди снаружи поставили мне, вероятно, хорошую ловушку, а это значит, что они знают обо мне значительно больше, чем хотелось бы. Однако это знание можно было обернуть против них быстротой перемены моего чина. Я швырнул еще несколько бомб, сунул пистолет в карман, подобрал оба чемодана и распахнул входную дверь.

— Не стреляйте!—завопил я хрипло, выбравшись на свежий воздух и встав в дверном проеме, как мишень в тире.—Не стреляйте! Он держит меня на мушке! Я заложник!—я старался выглядеть напуганным, что не потребовало больших усилий, когда я увидел напротив себя маленькую армию. Затем я шагнул вперед и поглядел через плечо, давая каждому из встречающих как следует рассмотреть меня. При этом я пытался не обращать внимания на ощущение, что у меня на груди нарисована здоровенная мишень с большой черной точкой прямо на сердце.

Ни один не выстрелил.

Я подождал какое-то мгновение, а потом нырнул со ступенек вниз и откатился в сторону.

— Огонь, дайте ему жару! Я в порядке!

Это было в высшей степени зрелищно. Все ружья выстрелили сразу, сорвали с петель дверь и выбили все стекла. Передняя стена здания стала похожа на дуршлаг.

— Цельтесь выше!— закричал я, отползая под прикрытие ближайшего джипа.— Все наши парни на полу!

Они стали стрелять выше и еще энергичнее, да так, что верх здания стал отделяться от основания. Я прокрался мимо джипа, но тут ко мне подошел офицер и упал: я раздавил у него под носом капсулу сонного газа.

— Лейтенанта ранило!— закричал я, запихивая его и чемоданы на заднее сиденье.— Его надо скорее увозить!

Шофер был очень услужлив и сделал, что было сказано, едва дав мне возможность сесть. Не проехали мы и пяти метров, как пулеметчик тоже заснул рядом с лейтенантом, а как только водитель врубил высшую передачу, заснул и он. Довольно сложное дело — стащить его с сиденья и забраться туда самому, несясь на хорошей скорости. В конце концов я это проделал и надавил на педаль газа.

Они очень быстро сообразили, в чем дело, и первый из джипов пустился за мной, еще когда я засовывал шофера к остальным на заднее сиденье. Этот барьер из тел был весьма полезен — по мне никто не стрелял. Однако они висели у меня на хвосте. Я круто повернул вокруг здания и послал врассыпную целый взвод каких-то солдат. Затем быстро оглянулся на преследователей. Вот это да! Двадцать-тридцать машин всех видов и систем неслись за мной, обгоняя друг друга, в реве гудков и сирен: легковые машины, джипы и даже один или два мотоцикла. Просто прелесть! Джеймс ди Гриз, благодетель человечества. Куда бы я не двинул, за мной всегда следует счастье. Я повернул в большой ангар и понесся между рядами припаркованных вертолетов. Механики разбегались в стороны, облака брошенных инструментов крутились вокруг, а я круто развернулся среди машин и понесся к раскрытым воротам ангара.

Когда я вылетел с одной стороны, мои преследователи как раз въехали в ангар с другой. Совсем неплохо.

Вертолеты. А почему бы и нет? Ведь это Гринфилд, самозванная вертолетная столица мира. Если они могут их чинить, то, несомненно, могут на них и летать. К этому времени вся военно-морская база крепко заперта и окружена. Нужно искать путь наружу. Вдалеке маячил зеле-

ный стеклянный силуэт диспетчерской башни, туда я и направился. Передо мной расстилалась взлетная полоса, на ней стояли плоскобрюхие вертолеты с рокочущими моторами и медленно вращающимися лопастями. Я с визгом остановил джип под открытым настежь люком, но когда я встал, чтобы забросить в него чемоданы, чей-то тяжелый башмак попытался ударить меня по голове.

Конечно же, их предупредили по радио. Как, впрочем, и всех в радиусе 100 миль. Это досадно. Пришлось нырнуть под удар, схватить башмак и расправиться с его обладателем, пока орда моих верных преследователей ревела у меня за спиной. Хозяин башмака знал слишком много об этом виде спорта, так что я словчил и закончил матч раньше времени, выстрелив ему в ногу одной из своих иголок. Потом я зашвырнул деньги внутрь, а за ними — несколько гранат с сонным газом, и, наконец, взобрался сам.

Не желая беспокоить похрапывающего за приборной доской летчика, я уселся в кресло второго пилота и вылупил глаза на циферблаты и ручки. Для такого примитивного аппарата их было более, чем достаточно. Методом проб и ошибок я ухитрился найти все необходимое, но к тому времени вертолет был уже окружен толпой, состоящей из полицейских в белых касках, вооруженных дубинками и ружьями, которые состязались за право первыми войти в вертолет. Сонный газ валил их, даже тех, кто был в противогазах. Я подождал, пока их не наберется достаточное количество, и дал полный газ.

Видно, бывают и лучшие взлеты, но, как однажды сказал мне инструктор, все, что поднимает тебя в конце концов в воздух — удовлетворительно. Я видел, как люди подо мной, ища спасения, разбегались, услышал скрежет колес по крыше одного грузовика. Потом мы повисли в воздухе, медленно развернулись и затарахтели прочь, на юг, к океану. Не одна только случайность привела меня именно в это военное заведение, когда мои деньги стали подходить к концу. Гринфилл был расположен в нижнем конце Калифорнии, с Тихим океаном по одну сторону и Мексикой — по другую. Нельзя забраться дальше на юг и на запад, продолжая оставаться в Соединенных Штатах. Как раз в этот момент мне почему-то расхотелось оставаться в этом государстве. Теперь, когда почти все вертолеты морской пехоты и Флота страны спешили за мной в погоню, я сообразил, что к ним подключаться и истре-

бители. Однако, Мексика — суверенное государство, другая страна, и погоня не может следовать за мной туда, по крайней мере, я на это надеюсь. Во всяком случае, возникнут какие-нибудь проблемы, и прежде, чем их разрешат, я буду далеко.

Передо мной неслись белые пляжи и голубая вода, а я занимался планом спасения, а также старался поподробнее разобраться в управлении. После многих проб я отыскал автопилот и, ошибившись несколько раз, наконец, включил его правильно. Отличное устройство, которое можно включить на парение или полет по определенному курсу. Именно то, что нужно! Простой взгляд на него представил мне новый план. Подо мной пролетела граница, потом арены корриды, а затем — розовые, голубые и желтые дома мексиканского морского курорта. Они промелькнули и началась береговая линия. Байя Калифорнии. Черные зубы скал, окруженные пеной, песок и отвесные ущелья. Серые кустарники, пыльные кактусы. Редко — дом или лагерь. Прямо в океан выдавался скалистый полуостров. Я повел машину над ним и вниз по другую сторону. Остальные вертолеты отставали от меня на несколько секунд.

Только эти несколько секунд мне и были нужны. Я установил автопилот в режим парения и перебрался через блюстителей порядка. Океан был примерно в десяти метрах внизу. Огромные вращающиеся лопасти вырывали с его поверхности облака брызг. Я швырнул в воду оба чемодана и повернулся, чтобы сделать укол антидота летчику. Он зашевелился и заморгал. Антидот сонного газа действует почти мгновенно — а я установил автопилот на прямой полет и кинулся к открытому люку.

И очень вовремя. Вертолет уже двигался вперед на полной скорости, когда я оказался в воздухе. Высота была небольшой, но все же я успел сориентироваться и войти в воду ногами вниз. Я погрузился, глотнул воды, закашлялся, выплыл и стукнулся головой об один из чемоданов. Вода было холодней, чем я ожидал. Я начал дрожать, левую ногу свело судорогой. Чемодан помогал мне держаться на поверхности. Вскоре, барахтаясь и брыкаясь, мне удалось добраться до второго чемодана. Пока я этим занимался, сверху раздался могучий рев, и свора вертолетов пронеслась мимо, подобно ангелам мщения. Я уверен, что никто из них не глядел вниз, все глаза были сосредоточены на одном вертолете, летя-

щем далеко впереди по направлению к югу. Пока я смотрел, эта машина начала раскачиваться и отвернула по медленной плавной дуге. Неожиданно появился реактивный самолет с треугольными крыльями, спикировавший рядом с вертолетом. Он стал кружить вокруг вертолета, видимо, пытаясь заставить его сесть. Времени, чтобы посмотреть, у меня не было. На голых скалах и песке пляжа спрятаться было негде.

— Импровизируй,— сказал я себе, гребя к берегу и отплевываясь.— Недаром ведь тебя зовут Скользким Джимом. Выскользни из этой переделки.— Судорога охватила меня всего, и сейчас я хотел только одно — не уйти под воду. Потом под ногами оказался твердый песок. Я вышел, покачиваясь, на берег.

Мне следовало укрыться без посторонней помощи. Мимикрия — древнее свойство матери-природы. Разозленные вертолеты по-прежнему роились на горизонте, когда я бешено стал рыть песок голыми руками.

—Прекрати,— приказал я себе и сел, раскачиваясь.— Используй мозги, а не мускулы — урок номер один.

Ну конечно. Я сунул в руку гранату, активизировал ее и бросил в неглубокую ямку. Затем кинулся прочь. Граната вполне удовлетворительно бабахнула и пустила во все стороны фонтаны песка. После взрыва остался аккуратный кратер, который как раз вместил оба моих чемодана. Вслед им я швырнул свою одежду. Вертолеты, должно быть, поболтали друг с другом и теперь, разворачиваясь, снова направлялись к берегу.

Чисто случайное тщеславие заставило меня надеть поутру это ярко-красное белье, которое могло сойти за купальный костюм. Я разделся до этих ослепительных трусов и забросал яму песком, скрыв все лежащее в ней.

К тому времени, когда надо мной пронесся первый вертолет, я уже лежал лицом вниз и загорал, совсем как обыкновенный купальщик. Они прошли над головой, выстроившись в цепь, прочесывая окрестности. Я сел и поглядел на них, как сделал бы всякий в такой ситуации. Потом они пронеслись над скалистой грядой и унеслись. Шум их моторов постепенно затих в отдалении.

Но это ненадолго, я думаю. Что же мне делать? Ничего. Сидеть и прикидываться дурачком. Я выбрал роль и должен играть ее до конца.

Много времени им не понадобилось. Тот, кто ими командовал, приказал выстроиться в линию и прочесать

океан, пляж и холмы. Теперь они двигались медленно, рассматривая, вероятно, с помощью биноклей, каждый дюйм. Пришло время еще раз искупаться. Я задрожал, едва вода забурлила вокруг моих лодыжек, и наверняка знаю, что посинел, когда она поднялась выше. На мою голову обрушилась волна, и я величаво поплыл по-собачьи.

Вертолеты вернулись, и один повис надо мной, подняв облако брызг, но я погрозил ему кулаком и проорал вполне нормальные проклятия под звук его мотора. Кто-то высунулся из открытого люка и звал меня, но я не вслушивался. Помахав еще некоторое время кулаком, я нырнул и поплыл под водой, пытаясь заставить одну, нетронутую судорогой ногу, работать за две. Вертолет полетел вслед за остальными, а я вновь проделал свой мучительный путь на берег, чтобы меня могло согреть и высушить солнце.

Как же я выберусь отсюда?

ХХХ ХХХ ХХХ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Как только вертолеты скрылись из виду, я уподобился кроту и раскопал чемоданы и одежду, потом бегом отнес их по берегу вверх, выше приливной линии. Еще одна бомба и еще одна закрытая яма — только на этот раз я предварительно надел брюки и ботинки. Несколько разрезов превратили форменную рубашку с длинными рукавами в спортивную с короткими. Когда эта одежда стала подсыхать, то потеряла всякое сходство с военной формой — и это было весьма полезно. Перед уходом я разбросал и разровнял песок, чтобы скрыть следы моего пребывания здесь, тщательно запомнил ориентиры — три больших пика в глубине материка, чтобы потом найти это место. Затем я направился к прибрежной дороге, проходившей в нескольких сотнях метров от береговой полосы.

Мне по-прежнему везло. Едва я выбрался на дорогу, ведущую на север, как ко мне подъехала похожая на жука машина на высоких колесах. Универсальным жестом я поднял указательный палец, и ответом был скрежет тормозов. Я разглядел, что на заднее сиденье были засунуты моторные серферы, а спереди сидели двое загоре-

лых молодых людей, одежда которых была еще в большем беспорядке, чем моя. Такая мода, подумал я. Может быть, они примут меня за своего.

— Человече, а ты мокрый,— прокомментировал один, пока я залезал на заднее сиденье.

— Я тут наклюкался и решил пройтись по водичке.

— Нужно как-нибудь попробовать,— сказал водитель. Машина рванулась вперед по дороге.

Не прошло и минуты, как навстречу нам пронеслись в сверкании огней и вое сирен два громоздких черных седана. На их бортах было большими буквами написано до боли знакомое слово: ПОЛИЦИЯ. Мои новые друзья, отказавшись от предложения освежиться, высадили меня в деловой части города Тихуана и быстро уехали. Я остался сидеть за столиком кафе с большим бокалом текильи, с лимоном и солью и рассудил, что только что спасся из тщательно расставленной ловушки.

А это действительно была ловушка. Теперь, когда я смог остановиться и хорошо подумать, это стало очевидным. Все эти джипы и грузовики не могли возникнуть из воздуха. И очень сомнительно, что кому-то удалось в столь короткий срок собрать весьма значительные силы — даже если сработала сигнализация. Я припомнил шаг за шагом свои действия и убедился, что разворошить этот муравейник я не мог.

Тогда как же они проведали о том, что должно произойти?

А узнали они об этом потому, что какой-то попрыгунчик во времени прочитал об этом в газетах, рванул назад в прошлое и послал предупреждение. Я почти ожидал такого поворота, хотя это и не значит, что получил от него удовлетворение. Я слизнул с руки соль, заглотнул текилью и впился зубами в лимон. Эта комбинация, как бы прожигая себе дорогу вниз по горлу, попала в желудок. На вкус она оказалась восхитительной.

Итак, ОН жив. Я уничтожил его организацию в добром от рождества Христова 1975 году, но ОН отправился творить свои большие и маленькие подлости в другую эпоху. Темпоральная война снова в самом разгаре. ОН и его сумасшедшие прислужники хотят контролировать всю историю во все времена, и эта безумная затея вполне может увенчаться успехом, потому что они уже уничтожили Специальный Корпус будущего, единственную организацию для поддержания порядка, которая могла их

остановить. Точнее, они уничтожили весь Корпус, за исключением меня. Я же прыгнул в прошлое, чтобы уничтожить их самих. И тем самым я могу воссоздать Корпус на вероятностных путях будущей истории. Важное задание, и я выполнил его на 99,9%. Оставшаяся жизненно важная десятая часть процента по-прежнему сулила хлопоты. Чудовищный ОН ускользнул от меня на конце темпоральной спирали, хотя и был хорошенько нашпигован пулями из моего пистолета. Не иначе, как у него бронированные кишки! В следующий раз придется использовать что-нибудь посерьезнее. Атомная бомба на подносе с завтраком или еще что-нибудь в этом же роде.

За работу. Прежде я надеялся, что удастся построить темпоральную спираль, которая швырнет меня назад, в прошлое или вперед — в будущее. Когда дело доходило до путешествий во времени, грамматика оставляет желать лучшего. Одним словом — вперед-назад. В объятия моей Ангелины и к похвалам коллег. Но не прямо сейчас, потому что пока они еще реально не существуют. Темпоральная война — тонкая штука и иногда может быть весьма запутанной. Время могло быть и более последовательным. Я очень рад, что мне не требовалось знать теорию для того, чтобы мотаться взад-вперед по времени этаким темпоральным теннисным мячиком, прилагая усилия для выполнения своего задания.

Следующее утро не принесло никаких сложностей — нужно было лишь достать машину и откопать деньги. Правда, при этом пришлось заставить уснуть прямо на работе нескольких полицейских. Перетащить деньги назад, в Соединенные Штаты было даже проще. Еще до полудня я появился в конторе «Чиззиер Электроникс Инкорпорейтед» в Сан-Диего. В результате этого визита я получил большую лабораторию с маленькой приемной, в которой сидела не очень любознательная секретарша. Место я устроил как только мог хорошо, и теперь пришло время обратиться за помощью к профессору Койпу.

— Вы понимаете, проф,— сказал я, обращаясь к маленькому металлическому ящику с его именем на крышке,— все устроено и готово к работе.— Я потряс ящик.— Однажды вы мне расскажете, как это ваши воспоминания могут существовать в этом аппарате, когда вас самих нет, а может быть, и не будет никогда в Галактике, потому что ОН и его психи уничтожили вашу службу. И лучше — не говорите ничего. Я не совсем уверен, что

хочу это знать.— Я поднял коробку и обвел ею вокруг комнаты.

— Лучшее оборудование, которое можно было купить на краденые деньги. Все современные исследовательские инструменты, до которых я смог добраться, запасы сырья и всевозможные запчасти. Каталоги всех физических и химических фирм. Большой счет в банке, чтобы купить все, что понадобится, и куча подписанных чеков, которые только и ждут, чтобы их заполнили. Тщательно записанный лингафонный курс. Инструкции, история всего, что случилось. Передаю это вам, проф, обращайтесь с моим телом хорошо. Оно — единственное, которое у нас с вами осталось.

Не давая себе возможности опомниться и передумать, я лег на кушетку, прикрепил контакт ящика воспоминаний сзади на шее и повернул выключатель.

— Что случилось?— спросил Койпу, проскальзывая в мой мозг.

— Много всякого. Вы в моей голове, Койпу, так что не делайте ничего опасного.

— Исключительно интересно. Дайте-ка мне двинуть рукой и перестаньте вмешиваться. Действительно, ваше тело. Почему бы вам не уйти на время, пока я посмотрю, что происходит?

— Я не уверен, что хочу этого.

— Ну, вы должны. Глядите, я нажимаю...

— Нет!— закричал я, но без толку. Накатилась бесформенная темнота, и я полетел вниз по спирали, отброшенный электронно усиленными воспоминаниями профессора.

ВРЕМЯ ТЯНЕТСЯ ТАК МЕДЛЕННО.

Моя рука сжимала черный ящик, на котором корявыми буквами было написано: «Койпу». Пальцы лежали на выключателе, повернутом в положение «выключено».

Память вернулась. Я мысленно затрясся и стал искать стул, чтобы присесть. И, заметив, что я сижу, уселся еще плотнее.

Я был в отпуске, и кто-то другой управлял моим телом. Теперь, снова обретя контроль над собой, я заметил слабые следы воспоминаний о работе, о долгих днях, возможно, неделях напряженной работы. На пальцах были ожоги и мозоли, а на тыльной стороне правой кисти — свежий шрам. В это время завертелся магнитофон — должно быть, в нем был таймер — и со мной заговорил профессор Койпу.

— Первое — не делайте этого снова. Не позволяйте записанной памяти моего мозга обрести контроль над вашим телом. Потому что я все помню. Помню, что больше не существую, и эти мозги в коробочке, может быть, все, что от меня когда-нибудь останется. Если я поверну этот выключатель, я перестану жить. Может оказаться, что его никогда не включат снова. Вероятно, так оно и будет. Это самоубийство, а я не самоубийца. Невероятно тяжело было коснуться тумблера. Я думаю, сейчас это мне удастся. Я знаю, какова ставка. Что-то неизмеримо большее, чем псевдожизнь этого законсервированного мозга. Так что я приложу все усилия, чтобы повернуть тумблер этого аппарата. Сомневаюсь, что это мне удастся во второй раз. Повторяю: не делайте этого больше никогда! Помните!

— Помню, помню,— пробормотал я, выключая магнитофон и ища для начала, чего бы выпить. Койпу — хороший человек. Бар был забит также, как и при мне. Стакан виски с содовой тройной очистки со льдом выгнал из головы часть тумана. Я уселся и снова включил аппарат.

— К делу.

— Как только я начал осматриваться, стало очевидным, почему темпоральные бандиты выбрали именно эту эпоху. Общество еще только ворвалось в технологическую эру, но психологически осталось еще в прошлом. Национализм, загрязнение среды, преступления, всепланетная война, безумие, глупость...

— Достаточно лекций, Койпу, ближе к делу.

— ...нет никакой необходимости читать лекции по этому поводу. Достаточно сказать, что все материалы для темпоральной спирали здесь есть. А обстановка в обществе такова, что можно легко скрывать большие предприятия по манипулированию временем. Я построил темпоральную спираль, и она взведена и настроена. Я также построил аппарат для зондирования времени и с его помощью определил временное положение создания по имени ОН. По причинам, известным только ему, он действует теперь из эпохи, находящейся в пределах этой планеты, примерно 170 лет отсюда. Я могу только предполагать, но мне кажется, что его теперешние действия — ловушка для вас. Каким-то способом он возвел темпоральный блок перед 1805 годом, поэтому вы не можете вернуться в достаточно ранний период времени, чтобы захватить его во время создания его предприятия. Будьте осторожны. Он,

видимо, работает с большими силами. Я поместил рычаги управления так, что вы можете выбрать любой год из пяти после 1805 года, в течение которых проявляется их активность. Город называется Лондон. Выбор за вами. Желаю удачи!

Я выключил магнитофон и, подавленный, снова пошел за выпивкой. Вот так выбор. Выбери год, в котором тебя пришьют. Отправляйся назад в дикарское общество и стреляйся с ЕГО подручными. Даже если я выиграю, что тогда? Я буду заперт там на всю жизнь, застряну во времени. Безрадостная перспектива. И тем не менее — нужно идти. По сути, у меня есть лишь иллюзия выбора. ОН выследил меня в 1975 году и, очень может быть, в следующий раз ему удастся стереть меня в порошок. Гораздо лучше драться с ним самому. Весело. Я налил себе еще и потянулся за первой книгой, стоящей на длинной полке.

Койпу не тратил времени даром. Кроме изготовления моего оборудования, он собрал небольшую, но отличную библиотечку об интересующих меня годах, начальной декаде девятнадцатого столетия. Местом моего назначения был Лондон, и коль скоро это стало ново, величайшую важность приобретало имя одного человека.

Наполеон Буонапарте, Наполеон I, император Франции, большей части Европы, едва не ставший императором всего мира. Странно, как мало отличалась мания величия этого человека от ЕГО амбиций. Это не могло быть совпадением. Тут должна была существовать связь. Я еще не знал пока, какая, но был уверен, что скоро узнаю. Тем временем я стал читать все подряд, что касалось этого периода, до тех пор, пока не почувствовал, что разузнал все необходимое. Единственным светлым пятном в этом деле было то, что Англия говорила на разновидности того же самого языка, что и Америка. Так что мне не пришлось возвращаться к мучительным для моей головы урокам с мнемографом.

Конечно, оставался вопрос тамошней одежды, но у меня имелось более чем достаточно иллюстраций мод того периода, чтобы заказать все необходимое. В итоге, театральный костюмер в Голливуде снабдил меня полным гардеробом, начиная от обтягивающих штанов и курток со множеством пуговиц до огромных плащей и шляп. Мода того времени оказалась весьма удобной: я мгновенно ее

одобрил, скрывая свои многочисленные приборы в обширных складках одежды.

Так как я попаду в точно выбранное время независимо от того, когда покину это, то я решил не спешить и подготовиться как следует. Но, в конце концов, все благовидные предлоги для отсрочек окончились, время пришло. Мое оружие и инструменты были отрегулированы и подготовлены к работе; здоровье отменное; рефлексы мгновенны; состояние духа — паршивое, но чему быть — того не миновать. Я появился в приемной, секретарша уставилась на меня поверх иллюстрированного журнала, не переставая жевать резинку.

— Мисс Киппер, выпишите для себя чек в размере 4-х недельной зарплаты. Вы уволены.

— Вам не нравится моя работа?

— Вы работали как следует, но из-за дурного управления эта фирма обанкротилась. Я уезжаю за границу, спасаясь от кредиторов.

— У-у-у, какая жалость.

— Благодарю за сочувствие. Давайте я подпишу чек.

Мы пожали друг другу руки, и я проводил ее наружу. За помещение было заплачено за месяц вперед. Я не имел ничего против того, чтобы владелец получил оставленное мною оборудование. Однако у меня выработалось совершенно определенное недоверие к аппаратуре темпоральной спирали, которая останется в действии после моего ухода. Со временем и так натворили более, чем достаточно. У меня не было ни малейшего желания вводить в эту игру новых участников.

Втиснуть себя в скафандр вместе со всей допотопной одеждой оказалось тяжким трудом, в конце концов мне пришлось снять башмаки и куртку и привязать их снаружи с остальным снаряжением. Тяжело нагруженный, я проковылял к панели управления и собрался с мыслями для окончательного решения. Я знал, куда хочу прибыть и, следуя инструкциям Койпу, уже ввел в машину необходимые координаты.

Лондон исключался. Если у них есть какие-нибудь детекторы, они непременно заметят мое прибытие. Я хотел появиться достаточно далеко, чтобы меня не обнаружили, но достаточно близко, чтобы не мучиться от длительного путешествия в примитивном транспорте того времени. Все, что я о нем прочитал, заставляло собраться. Итак, я остановился на долине Темзы около Оксфорда. Массив

Уилтернских холмов будет между мною и Лондоном и их крепкие скалы поглотят радарные и зет-лучи и все остальные виды детекторного излучения. Прибыв на место, я смогу отправиться в Лондон по воде, что-то около ста километров, а не по тогдашним отвратительным дорогам.

Туда я и отправлюсь. А вот когда — это другое дело. Я внимательно уставился на аккуратно пронумерованные циферблаты, как будто они могли мне что-нибудь ответить. Но они оставались немы. В 1805 году установлен темпоральный барьер, так что раньше я прибыть не могу. Сам 1805 год казался уж очень похожим на ловушку; они будут наготове в это время, бдительно ожидая. Поэтому я должен появиться позднее. Но не намного позже, иначе они успеют выполнить все зло, которое у них на уме. Ну что ж, два года недостаточно для их работы, но достаточно — по крайней мере, я надеюсь — чтобы застать их врасплох. Я глубоко вздохнул и установил циферблат на 1807 год. И нажал активатор. Через две минуты аппаратура разовьет полную мощность. Свинцовыми ногами я добрел до мерцающей зеленой петли темпоральной спирали и коснулся ее выступающего конца.

Как и прежде, не было никаких ощущений, только сияние, окружающее меня, сделало остальную комнату едва видимой. Две минуты казались больше похожими на два часа, хотя часы сказали мне, что до прыжка еще больше пятнадцати секунд. На этот раз я зажмурил глаза, вспомнив мерзкие ощущения последнего временного скачка. Когда спираль освободилась, швырнув мменя назад сквозь время, я был напряжен, взволнован и слеп.

Весьма неприятно, когда спираль развернулась, меня понесло в прошлое, а ее энергия рассеялась в будущем. Интересное теоретическое положение, которое в настоящий момент меня совершенно не интересовало. По каким-то причинам это путешествие закрутило меня намного сильнее предыдущего, и я был очень занят, убеждая себя, что блевать внутри скафандра — совсем неподобающая вещь.

Справившись с этим, я понял, что ощущение падения происходило от того, что я и на самом деле падал. Я открыл глаза и увидел себя среди проливного дождя. Совсем неподалеку, внизу, выделялись стремительно приближающиеся мокрые поля и казавшиеся очень колючими деревья.

После нескольких мгновений панической борьбы с управлением гравитатора, я смог включить его на полную мощность. Ремни затрещали и застонали от внезапного ускорения. Я тоже затрещал и застонал. Стало казаться, что лямки перерезают мне тело до костей, которые долго не выдержат. Я искренне ожидал увидеть, как мои руки и ноги оторвутся и пролетят мимо, когда врезался в тонкие ветви поджидавшего дерева, отскочил от сука побольше и шлепнулся на землю. Кажется, гравитатор по-прежнему работал на полную мощность, и как только травянистый склон остановил мое падение, я снова полетел — теперь вверх, и, вновь треснувшись о тот же сук, вылетел сквозь вершину, прихватив с собой множество всяких сучков и веточек. Я снова поиграл с управлением и постарался на сей раз сделать это удачнее. Я спланировал вниз, на этот раз мимо дерева и упав, как мокрое перо на траву, остался на ней лежать.

— Чудесное приземление, Джим,— простонал я, ощупывая себя в поисках сломанных костей.— Тебе следует работать в цирке.

Я был избит, но цел — это я понял после того, как таблетка болеутолителя прояснила голову и притупила нервные окончания. С запозданием я огляделся вокруг сквозь слабеющий дождь, но не увидел ни души, никакого следа человеческого жилья. На соседнем поле паслись несколько коров, не обративших внимание на мое драматическое появление. Итак, я прибыл.

«За работу!» — приказал я себе и стал разгружаться под прикрытием большого дерева. Первая вещь, которую я снял, был сооруженный мною с большой изобретательностью контейнер. Он раскрылся и собрался в окованный латунью кожаный ящик, характерный для этого периода. Все остальное, включая гравитатор и скафандр, как раз вместилось в него. К тому времени, когда я загрузил и запер его, дождь перестал и слабенькое солнце стало с трудом пробиваться через облака. Уже середина дня, определил я по его высоте. Достаточно времени, чтобы до темноты найти убежище. Но в каком направлении? Разбитая тропа через коровье пастбище должна куда-нибудь вести. Я пошел к ней, спустившись с холма и перебравшись через наклонную изгородь, чтобы до нее добраться. Коровы повели круглыми глазами в мою сторону и больше не обращали на меня никакого внимания. Это были большие животные, знакомые мне толь-

ко по фотографиям, я пытался вспомнить, не драчливы ли они. Но они, очевидно, тоже ничего про это не помнили и совсем меня не тревожили, пока я шел вверх по дороге с ящиком на плече, вперед, навстречу этому миру. Тропа привела меня к перелазу, выходившему на проселочную дорогу. Неплохо. Я перебрался и как раз размышлял, какое направление избрать, когда приближающая допотопная повозка заявила о своем присутствии громким скрипом и зловонием, принесенным ветерком. Вскоре с громким стуком в поле зрения появился двухколесный деревянный реликт, влекомый необыкновенно костлявой лошадью, и наполненный субстанцией, которая, как я узнал позднее, именуется навозом — естественным удобрением, высоко ценимым за его полезность для посевов и за то, что из нее добывают одну из жизненно необходимых составляющих оружейного пороха. Водитель этой повозки, неопрятно выглядевший крестьянин в бесформенной одежде, ехал на расположенной впереди платформе. Я шагнул на дорогу и поднял руку. Он дернул за несколько ремней, которыми управлялось тягловое животное, и все сооружение со стуком остановилось. Он поглядел на меня сверху, пожевывая пустыми деснами — воспоминания о давно исчезнувших зубах, потом вытянулся и коснулся лба костяшками пальцев. Я читал об этом жесте, который представлял собой часть отношений низших классов к высшим, и понял, что мой выбор костюма был правильным.

— Любезный, я направляюсь в Оксфорд,— сказал я.

— Э-э-э?— ответил он, приставляя замызганную руку к уху.

— Оксфорд!— закричал я.

— Да, Оксфорд,— счастливо кивнул он в знак согласия.— Это туда,— указал он через плечо.

— Я направляюсь в этот город. Ты довезешь меня?

— Я еду туда.— Он указал вперед по дороге. Я вытащил из бумажника золотой соверен, приобретенный у торговца старинными монетами, и показал ему. Это было больше денег сразу, чем он, вероятно, видел за всю свою жизнь. Его глаза широко раскрылись, а десны резко щелкнули.

— Я еду в Оксфорд.

Чем меньше говорить об этой поездке, тем будет лучше. Пока неподрессоренный навозовоз мучил седалищную часть моего тела, нос подвергался нападению со стороны груза. Но, по крайней мере, мы ехали в верном направлении.

Мой шофер хихикал и бормотал себе под нос что-то непонятное, совершенно обезумев от жадности при виде моей золотой манны, и понукал древнего одра ковылять с максимальной для него скоростью. Когда мы выехали из-под деревьев, выглянуло солнце и впереди появились серые здания университета, бледные на фоне сланцево-серых облаков. Весьма привлекательное зрелище, по правде сказать. Пока я им восхищался, телега остановилась.

— Оксфорд,— сказал возница, указывая корявым пальцем.— Мост Магдалены.

Я слез вниз и потер свои избитые окорока, глядя на изящную арку моста через маленькую реку. Рядом со мной раздался глухой удар, когда мой ящик хлопнулся на землю. Я было начал возмущаться, но мой транспорт уже развернулся и пустился назад по дороге. Я не стал спорить, так как имел не больше желания въехать в город на телеге, чем возница — везти меня. Однако он мог, по крайней мере, сказать что-нибудь, например, до свидания. По-настоящему, это не имело значения. Я взвалил ящик на плечо и побрел вперед, прикидываясь, будто не вижу одетого в голубой мундир солдата, стоящего у хижины в конце моста. Солдат держал какое-то громадное пороховое ружье, оканчивающееся чем-то вроде острого лезвия. Однако он отлично видел меня и опустил свое приспособление так, что оно загородило мне дорогу, а затем придвинул свое загорелое лицо прямо к моему.

— ...?— выговорил он что-то невнятное. Понять его было невозможно. Вероятно, это был городской диалект, так как я без труда понимал деревенщину, который привез меня сюда.

— Не будете ли вы любезны повторить?— попросил я дружелюбным тоном.

— ...,— прорычал он и занес нижний деревянный конец своего оружия, чтобы попасть мне в диафрагму.

С его стороны это было не очень любезно. Я продемонстрировал ему свое отвращение, отступив в сторону, так что его удар пришелся в пустоту, и ответил ему той же монетой, но с бóльшим успехом — засадил коленкой в его диафрагму. Он согнулся пополам, и я рубанул его по шее, как только представился случай. Поскольку он потерял сознание, я подхватил его оружие, чтобы оно, падая, не сработало.

Все это произошло исключительно быстро, я обратил внимание на дикие взгляды проходящей публики. Кроме

того, я заметил бешеный взгляд другого солдата, стоящего в дверях обветшалой будки. Солдат поднимал на меня свое оружие. Безусловно, это не незаметное появление в городе, но раз начав, я вынужден был закончить.

Сказано — сделано. Я нырнул вперед, что позволило мне опустить на землю ящик и одновременно избегнуть нападения. Раздался взрыв, язык пламени пронесся у меня над головой. Потом приклад моего оружия поднялся вверх и угодил второму противнику под подбородок — он полетел назад и вниз, а я бросился вслед за ним. Если внутри есть еще люди, лучше будет разобраться с ними в замкнутом пространстве.

И точно, там оказались еще солдаты, и в изрядном количестве, так что я, позаботившись о ближайшем грязными приемами ближнего боя, активировал гранату с сонным газом, чтобы утихомирить остальных. Я должен был это сделать, хотя мне и не хотелось. Не спуская настороженных глаз с двери, я быстро измазал одежду и надавал по ребрам людям, которые свалились от газа с тем, чтобы изобразить дело так, как будто они пали от какого-то насилия.

Как же я теперь отсюда выберусь? Наилучшим ответом было — быстро, так как публика наверняка сразу же разнесет тревожную весть. Однако, когда я подошел к двери, то увидел, что прохожие подошли ближе и старались рассмотреть, что происходит. Когда я вышел наружу, они заулыбались и радостно зашумели, а один громко выкрикнул:

— Да здравствует его милость! Поглядите, как он разделался с этими французишками!

Раздались радостные крики. Я стоял, пораженный. Что-то было не совсем так. Потом я понял — один факт тревожил меня с тех пор, как я впервые увидел колледж. Флаг, гордо развивавшийся на вершине ближайшей башни. Где же на нем английские кресты?

Это был французский триколер.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пока я пытался сообразить, что бы это значило, через толпу протиснулся человек в простой одежде из коричневой кожи и громко приказал толпе замолчать.

— Расходитесь по домам, ну, вы, сейчас придут лягушатники и поубивают вас всех. И никому об происшедшем ни слова, если не хотите висеть на городских воротах.

Возбуждение сменилось страхом, и народ начал быстро расходиться. Лишь два человека пробирались через редеющую толпу, желая подобрать разбросанное оружие. Сонный газ уже рассеялся, поэтому я не стал им препятствовать. Первый, подходя ко мне, поднял к шапке два пальца.

— Отлично сработано, сэр, но вам следует скорее уходить, потому что кто-нибудь мог услышать выстрел.

— Куда мне идти? Я никогда в жизни не был в Оксфорде.

Он быстро осмотрел меня с головы до ног точно таким же взглядом, как и я его. И принял решение.

— Идемте с нами.

И очень вовремя. Потому что когда мы, нагруженные ружьями, скользнули в боковую улицу, я уже слышал тяжелую поступь марширующих башмаков. Но мои спутники были местными жителями и знали все повороты и проходные дворы, и насколько я мог судить, нам ничего не грозило. Мы шли в полном молчании почти час, пока не достигли большого амбара, который, очевидно, и был местом нашего назначения. Я вошел вслед за остальными и поставил свой ящик на пол. Когда я выпрямился, мужчины, тащившие ружья, схватили меня за руки, а человек в кожаной одежде приставил к моему горлу исключительно острый нож.

— Кто вы такой?— спросил он.

— Меня зовут Браун, Джон Браун. Из Америки. А как ваше имя?

— Бревстер.— Потом, не меняя тона, сказал:— Как по-вашему, почему бы нам не убить вас как шпиона?

Я спокойно улыбнулся, чтобы показать ему, насколько глупа эта мысль. Внутренне я был вовсе не спокоен. Шпион, почему бы нет? Что я могу ответить? Думай быстренько, Джим, ведь нож убивает так же верно, как и атомная бомба. Что мне известно? Французские солдаты оккупировали Оксфорд. Это значит, что они высадились в Англии и захватили ее или ее часть. Существует сопротивление этому вторжению, держащие меня люди служат доказательством этому. Отталкиваясь от этих соображений, я попытался импровизировать.

— Я выполняю здесь секретное поручение.— Это всегда полезно. Нож по-прежнему прижат к горлу.— Америка, как вы знаете, поддерживает ваши усилия.

— Америка помогает французишкам. Так сказал ваш Бенджамин Франклин.

— Да, конечно, мистер Франклин несет громадную ответственность. Франция слишком сильна, чтобы бороться с нею сейчас, поэтому мы поддерживаем ее. Это на поверхности, но есть люди, вроде меня, которые едут вам на помощь.

— Как вы это докажете?

— Что я могу доказать? Бумаги можно подделать. К тому же носить их с собой смертельно опасно, да и вы бы им не поверили. Но у меня есть вещь, которая говорит сама за себя, и я еду в Лондон, чтобы доставить ее нужным людям.

— Кому?— нож чуть-чуть отодвинулся.

— Я вам не скажу. Но по всей Англии есть люди, подобные вам, желающие свергнуть ярмо тиранов. Мы связаны с некоторыми из этих групп, а со мной то самое свидетельство, о котором я уже говорил.

— Что это?

— Золото.

Это — уж наверное — привело их в замешательство. Я почувствовал, как хватка на моих руках ослабла. И я стал развивать свой успех.

— Вы никогда не видели меня прежде и, вероятно, никогда больше не увидите, но я могу оказать вам помощь в покупке оружия, подкупе солдат, помощи заключенным. Почему, по-вашему, я напал сегодня на этих солдат у всех на виду?— спросил я, повинуясь внезапному импульсу.

— Скажите нам,— ответил Бревстер.

— Чтобы повстречаться с вами.— Я медленно оглядел их удивленные лица.— Во всех частях Англии есть лояльные жители, которые ненавидят захватчиков этих зеленых берегов. Но как найти их и помочь? Я только что показал вам один способ — и снабдил вас оружием. Теперь я дам вам золото для продолжения борьбы. Так же, как я доверяю вам, вы должны довериться мне. У вас будет достаточно золота, и если вы пожелаете, то сможете улизнуть отсюда и счастливо прожить жизнь в каком-нибудь более счастливом месте. Но, я думаю, вы этого не сделаете. Вы рисковали жизнью из-за этих ружей и поступите достойно. Я дам вам золото и уйду.

Мы никогда впредь не увидимся. Мы должны доверять друг другу. Я верю вам...— я дал своему голосу заглохнуть, позволяя им закончить фразу самим.

— По мне, все правильно, Бревстер,— сказал один из мужчин.

— По мне, тоже,— поддержал другой.— Давай возьмем золото.

— Я возьму золото, если есть, что брать,— сказал Бревстер, опуская нож, но по-прежнему неуверенно.— Может быть, все это — ложь.

— Может быть,— быстро сказал я, прежде чем он начал дырявить мою сшитую на живую нитку историю.— Но это не так. И, к тому же, не имеет никакого значения. Сегодня ночью вы увидите, как я уезжаю, и мы никогда больше не увидимся.

— Золото,— сказал мой страж.

— Давайте посмотрим на него,— с неохотой сказал Бревстер. Мой блеф удался. Теперь он попался.

С величайшей осторожностью я открыл ящик, в почки мне при этом упиралось ружье. Золото у меня имелось. Это была единственно правдивая часть моего рассказа. Оно лежало, разложенное по множеству маленьких кожаных мешочков, предназначенных для финансирования моих действий, что сейчас и началось. Я вытащил один из них и торжественно передал Бревстеру.

Он вытряс на ладонь несколько сверкающих крупинок и все на них уставились. Я нажимал:

— Как мне добраться до Лондона? По реке?

— На всех шлюзах по Темзе часовые,— все еще глядя на золотой песок ответил Бревстер.— Вы не доберетесь дальше Абингтона. Только на лошадях, окольными дорогами.

— Я не знаю окольных дорог. Мне нужны две лошади и провожатый. Как вы знаете, я могу заплатить.

— Вас проводит Люк,— сказал он, подняв наконец взгляд.— Он был раньше ломовым извозчиком, но он доведет вас только до стен города. Много французишек, так что добирайтесь дальше сами.

— Отлично.

Итак, Лондон оккупирован. А как остальная Англия?

Бревстер вышел, чтобы позаботиться о лошадях, а Гай достал немного грубого хлеба и сыра, а также эль, который оказался вполне приемлем. Мы поговорили, вернее говорили они, а я слушал, вставляя иногда слово, но опа-

саясь задавать любые вопросы из боязни продемонстрировать свое почти полное невежество. Но картина постепенно начала вырисовываться. Англия была полностью оккупирована и умиротворена, так было уже в течение нескольких лет. Точная цифра была неясна. Борьба все еще продолжалась в Шотландии. Были мрачные воспоминания о вторжении, какой-то гигантской пушке, которая причиняла ужасные разрушения, о единственной битве, в которой была уничтожена эскадра Канала. За всем этим я чувствовал ЕГО раздвоенное копыто. История переписывалась.

Однако это прошлое не было прошлым того будущего, из которого я прибыл. От размышлений на эту тему моя голова начала раскалываться от боли. Может быть, этот мир существует в петле времени отдельно от основного потока истории. Или это альтернативный мир. Профессор Койпу разобрался бы, но я думаю, что ему не понравится быть вынутым из черного ящика для ответов на мои вопросы. Я должен разобраться в этом без его помощи. Думай, Джим, заставь шестеренки в твоей старой черепушке завертеться. Ведь ты гордишься этим, что называешь своим разумом, так примени его ради разнообразия к чему-нибудь кроме мошенничества. Тут должна быть какая-то логика. Утверждение А: в будущем это прошлое не существует; В: теперь оно точно существует; но С: может значить, что мое присутствие здесь уничтожает это прошлое и саму память о нем. Не представляю, как этого можно достичь, но сама мысль источала такую теплоту и уверенность, что я ухватился за нее. Джим ди Гриз — Преобразователь Истории, Потрясатель Мира. Прекрасная картина — и я лелеял ее, дремля на сене, но довольно скоро проснулся, весь почесываясь от нашествия многочисленных насекомых, ползающих по моему разгоряченному телу.

Лошадей доставили после наступления темноты, и мы решили, что лучше всего отправиться на рассвете. Я ухитрился достать из своего ящика средство от насекомых, моих врагов. И поэтому насладился относительно спокойной ночью перед утренней скачкой.

Эта скачка! Мы были в пути три дня, прежде чем достигли Лондона, и даже на заду у меня поверх одних болячек вскакивали новые. Мой простодушный компаньон получал, по-видимому, массу удовольствия от путешествия, рассматривая его как своего рода прогулку. Он непре-

рывно говорил о местности, по которой мы проезжали, а по вечерам напивался до бесчувствия на постоялых дворах. Мы пересекли Темзу повыше Хенли и сделали большой крюк на юг, держась подальше от мало-мальски значительных населенных мест. Когда мы снова подъехали к Темзе у Саутварка, то увидели перед собой мост, а за ним — крыши и шпили Лондона. Видеть их было трудно из-за довольно высокой стены, проходившей вдоль противоположного берега. Стена имела чистый, с иголочки, вид, сильно отличавшийся от закопченности города. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Ведь это новая стена?— спросил я.— Верно?

— Да. Закончена два года назад. Многие здесь поумирали, женщины и дети. Бони согнал всех на эту стройку, как рабов. Она окружает весь город. И никому не нужна, просто он — сумасшедший.

Стена была нужна, и хотя мысль эта была очень лестной, стена мне все равно не понравилась. Она построена из-за меня, чтобы не пустить меня внутрь.

— Нужно найти тихую гостиницу.

— Гостиница «Георг», вон там,— он громко причмокнул.— К тому же хороший эль, просто отличный.

— Это подойдет вам, а мне нужно прямо у реки, с видом на этот мост.

— Знаю такое место, «Боров и Дрофа», на Пиклхеринстрит, у самого начала Вайнлайн, там отличный эль.

На вкус Люка, самое мерзостное варево было прекрасно, коль скоро оно содержало алкоголь. Так или иначе, «Боров и Дрофа» вполне соответствовали нашим нуждам. Низкопробное заведение с потрескавшейся вывеской над дверью, изображавшей приготовившихся к драке невероятного вида свинью и еще более невероятную птицу. Позади была ветхая пристань, где могли высаживаться жаждущие лодочники. Я получил комнату с окнами на реку. Устроив свою лошадь на конюшню, я запер дверь на засов и распаковал электронный телескоп. С его помощью я получил крупную, подробную и безрадостную картину города за рекой.

Он был окружен десятиметровой стеной из крепкого кирпича и камня, несомненно утыканной всякой следящей аппаратурой. Если я попробую проникнуть под или над ней, меня наверняка заметят. О стене надо забыть. Единственный пейзаж, который было видно с моего наблюдательного поста — это противоположный конец лондон-

ского моста, и я внимательно его изучил. Движение на мосту было медленным, потому что все прохожие тщательно обыскивались перед пропуском внутрь. Одного за другим людей уводили в помещение, устроенное внутри стены. Насколько мне было видно, все они возвращались — но как будет со мной? Что происходит там, внутри? Я должен это выяснить, внизу как раз подходящее место.

Все любят щедрых людей, таким я и стал. Одноглазый хозяин, бормоча и посмеиваясь про себя, умудрился найти в своем подвале бутылку сносного кларета специально для меня. Местные жители были более чем довольны, поглощая эль кувшин за кувшином. Эти сосуды были сделаны из кожи, пропитанной дегтем, что прибавляло букету определенную пикантность, но потребители, видимо, не возражали. Моим лучшим информатором был щетинистый гуртовщик по имени Квини. Он был одним из тех, кто перегонял скот с ферм на бойни, а также помогал мясникам в их кровавых делах. Как можно догадаться, его чувствительность была не из высоких, чего нельзя было сказать о его способностях пить. Напиваясь, он раговаривал, а я впитывал каждое его слово. Он въезжал и выезжал из города каждый день, и я, выделяя из потока сальностей и брани крупицы нужной мне информации, постепенно составил точную, как я надеялся, картину процедуры пропуска.

Там проходил обыск, это я и сам мог видеть из окна, иногда тщательный, иногда — поверхностный. Но одна часть этого порядка никогда не изменялась.

Каждый входящий в город должен был сунуть руку в дырку в стене караульной. Ничего больше. Просто засунуть. Ничего там не трогать, просто опустить внутрь по кисть и снова вытащить.

Потягивая вино и не обращая внимания на взрывы мужественных приветствий вокруг меня, я размышлял над этим. Что они могут при этом обнаружить?! Возможно, отпечатки пальцев, но я всегда использовал ложные отпечатки и менял их три раза со времени последней операции. Температуру? Щелочность кожи? Пульс или кровяное давление? Могут ли жители этого туманного для меня прошлого отличаться какими-нибудь телесными характеристиками? Вполне возможно ожидать каких-нибудь изменений за более чем тридцать тысяч лет. Я должен узнать.

Это удалось сделать достаточно легко. Я смастерил детектор, который мог записывать все эти характеристики, и прикрепил его под одеждой. Приемник был замаскирован под кольцо, которое я носил на правой руке. На следующий вечер я пожал руки всем, кому мог и, взяв свой стакан, вернулся к себе в комнату. Записи были точны в пределах 0,006%. И были весьма показательны. Мои собственные данные хорошо вписывались в пределах естественных отклонений.

«Ты не думаешь, Джим»,— обвинил я свое отражение в волнистом зеркале. Должна быть какая-то причина для этой дыры в стене. И эта причина — детектор. Вопрос в том, что он обнаруживает. Я отвернулся от своего отражения. «Давай, давай, не уклоняйся, если не можешь ответить, так поставь все с ног на голову. Что вообще можно обнаружить?»

Так пошло лучше. Я вытащил лист бумаги и стал составлять список всего, что может быть замечено и измерено, начиная прямо с частоты. Свет, тепло, радиоволны и т. п., затем перешел к вибрациям и шуму, радарным отражениям, ко всему, не пытаясь применить все эти вещи к человеческому телу. Еще рано. Я займусь этим, когда сделаю список как можно более подробным. Исписав весь лист, я победоносно пожал сам себе руку и перечитал его применительно к человеку.

Ничего. Я вновь впал в уныние, вышвырнул список прочь, потом снова взялся за него. Нечто услышанное или имеющее отношение к услышанному мной о Земле от профессора Койпу. Что именно? Ну да! Койпу сказал: «Уничтоженная атомными бомбами...».

Радиоактивность. Атомный век еще в будущем, единственная радиоактивность на этой планете — это природный фон. Проверка не заняла много времени.

Я, создание будущего, обитатель галактики, жесткой радиации. Мое тело в два раза радиоактивнее фона, замеренного в комнате, вдвое радиоактивнее тел моих приятелей в баре — я специально спустился вниз проверить их. Теперь, зная чего опасаться, я придумаю способ перехитрить их. Я быстро разработал план и задолго до рассвета был готов к атаке. Все устройства, спрятанные на мне, были из пластика, неразличимого детектором металла, если они его используют. Все, сделанное из металла, было помещено в пластиковую трубку шириной не толще моего пальца и длиной не больше метра, которую я свернул и

положил в карман. В самый глухой предрассветный час я выскользнул наружу и стал красться по сырым улицам в поисках жертвы.

Я нашел ее достаточно быстро. Французский часовой, охранявший один из входов в близлежащие доки. Короткая драка, немножко газа, бесчувственное тело и темная подворотня. Через две минуты я появился в его мундире, неся его ружье на плече на французский манер. В его ствол была вложена трубка с моими приборами. Пусть попробуют найти их своими детекторами. Время я рассчитал точно и, когда с первыми лучами солнца ночной караул возвращался в Лондон, я маршировал в последнем ряду. Я войду незамеченным, среди врагов. Прекрасная возможность оставить их в дураках. Не будут же они осматривать собственных солдат.

Но в дураках оказался я. Когда мы маршировали через ворота, в дальнем конце моста я заметил интересную вещь, которую не мог видеть в телескоп из своего окна.

Каждый солдат, завернув за угол караульной, на мгновение останавливался и под холодным взглядом сержанта засовывал руку в темное отверстие.

ХХХ ХХХ ХХХ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— ...!— сказал я, споткнувшись о неровный настил моста. Не знаю, что означает это слово, но французские солдаты употребляли его чаще всех остальных, и оно, видимо, подходило к случаю. При этом я толкнул соседнего солдата, и мой мушкет больно стукнул его по голове. Он завопил от боли и оттолкнул меня. Я отлетел назад, ударился ногами о низкие перила и полетел в воду.

Отлично выполнено. Там было быстрое течение, и я ушел под воду, зажав между коленями мушкет, чтобы не потерять его. После этого я вынырнул всего один раз, молотя по воде и пронзительно вопя. Солдаты столпились на мосту, крича и указывая, и когда я убедился, что произвел требуемый эффект, я позволил своему намокшему платью и тяжелому ружью утащить меня под воду. Кислородная маска была у меня во внутреннем кармане, и мне понадобилась лишь секунда, чтобы вытащить ее и надеть. Затем я освободил ее от воды, сильно выдохнув и вдохнув чистого кислорода.

После этого нужно было просто медленно и лениво плыть поперек реки. Прилив уходил, так что прежде чем я пристану к берегу, течение отнесет меня вниз на достаточное расстояние. Итак, я избежал раскрытия, остался жить, чтобы вновь собрать силы и бороться, и был совершенно подавлен провалом своей попытки пробраться за стену. Плывя в мутных сумерках, я пытался придумать новый план, но обстановка мало способствовала размышлениям. Да и вода была не особенно теплая. На протяжении долгого времени меня толкали вперед мысли о ревущем огне в моем камине и кружке горячего рома. В конце концов я увидел впереди в воде темный силуэт, который постепенно превратился в корпус маленького корабля, привязанного к доку. Мне были видны его сваи. Я остановился под килем, извлек из мушкета трубку с инструментами и вытащил все из карманов куртки, засунув мушкет в рукав для веса, опустил ее на дно реки. Сделав несколько глубоких вдохов, я снял и убрал так же кислородную маску и, по возможности тихо, выплыл на поверхность рядом с судном.

Выплыл я только для того, чтобы увидеть фалды и заплатанные штаны сидящего надо мной на перилах французского солдата. Он трудолюбиво надраивал иссиня-черное дуло необыкновенно зловещего вида пушки, торчавшей над берегом рядом с ним. Она выглядела значительно более совершенной, чем все орудия девятнадцатого века, которые я видел, потому, несомненно, что она вовсе не принадлежала к этому периоду. Руководствуясь совсем не праздным интересом, я изучал орудия, применявшиеся в только что оставленную мной эпоху, и потому узнал сейчас в этом орудии 75-миллиметровую безоткатную пушку. Идеальное оружие для установки на легком деревянном кораблике — из нее можно стрелять, не разнося судно в куски. К тому же, оно может аккуратненько разнести в клочья любой деревянный корабль, задолго до входа в радиус действия его заряжающихся с дула пушек, не говоря уже об уничтожении полевых армий. Всего несколько сот этих орудий, перенесенных в прошлое, могли бы изменить историю. Что они и сделали. Солдат надо мной обернулся и плюнул в воду. Я снова опустился под воду и скрылся среди свай. Ниже по течению, вне видимости с французского корабля, была лодочная пристань. Там я и вынырнул. Поблизости никого не было. Мокрый, дрожащий, подавленный, я выбрался из воды и заспешил к темному

отверстию улицы. Там кто-то стоял. Я протрусил мимо, но потом решил остановиться.

Потому что этот человек ткнул мне в бок дуло громадного неуклюжего пистолета.

— Идите вперед,— сказал он,— я отведу вас в уютное место, где вы сможете переодеться в сухую одежду.

Только он сказал не «одежду», а «одеждью-ю». У моего пленителя определенно был французский акцент.

Мне оставалось только выполнить указание, подкрепленное тычками его примитивной пушки. Примитивная или нет, она могла проделать во мне отличную дыру. Дальний конец улицы был начисто перегорожен стоявшей там каретой. Ее дверь была распахнута.

— Залезайте,— сказал мой пленитель,— я вслед за вами. Я видел, как несчастный солдат упал с моста и утонул, и подумал — что, если он окажется на поверхности? Что, если он хороший пловец и может пересечь реку? Куда он тогда двинет? Хорошая математическая задача, я ее решил и... вы вылезаете из воды.

Дверь захлопнулась и карета тронулась. Мы были одни. Я упал вперед, повернулся, нырнул, попытался схватить пистолет. И схватил его за рукоятку, потому что мой похититель теперь держал его за дуло, протягивая мне.

— Конечно же, держите его, мистер Браун, если вам угодно! Он больше не понадобится,— он улыбнулся, видя мое удивление, и навел дуло себе в грудь.— Это был наипростейший способ убедить вас поехать со мной в карете. Я наблюдал за вами несколько дней и уверен, что вы не любите французских захватчиков.

— Но ведь вы — француз?

— Конечно же! Сторонник покойного короля, а теперь беглец со своей родины. Я выучился ненавидеть это корсиканское ничтожество, пока здешний народ лишь смеялся над ним. Но теперь никто больше не смеется, мы объединены общей целью. Но, пардон, позвольте представиться. Я — граф д'Эзион, вы можете звать меня просто Шарль, поскольку все титулы сейчас в прошлом.

— Рад познакомиться, Чарли.— Мы пожали руки друг другу.— Зовите меня просто Джон.

Прежде, чем мы смогли продолжить этот интересный разговор, карета с грохотом остановилась. Мы находились во внутреннем дворе большого дома, и я, по-прежнему с пистолетом, прошел вовнутрь вместе с графом. Я был подозрителен, хотя причин к этому, по-видимому, было очень мало.

Все слуги были очень стары и ковыляли вокруг, бормоча между собой по-французски. Один древний слуга, скрипя коленями, наполнил для меня ванну, помог раздеться и стал намыливать мне спину, совершенно игнорируя то, что я все еще держал в руках пистолет. Мне приготовили нагретую одежду и хорошие башмаки. Оставшись один, я переложил в новую одежду свой арсенал и инструменты. Когда я спустился вниз, граф поджидал меня в библиотеке, потягивая из хрустального бокала какой-то интересный напиток, которым был до краев наполнен и стоящий перед ним сосуд. Я протянул ему пистолет, а он мне — полный бокал. Жидкость скользнула мне по горлу теплой музыкой, а ноздри вдохнули облако изысканного аромата, подобного которому я никогда не встречал.

— Сорок лет выдержки, из моего поместья, которое, как вы можете понять, находится в Коньяке.

Я прихлебнул еще и поглядел на него. Сильный человек. Высокий и гибкий, седеющие волосы, высокий лоб и тонкие, почти аскетические черты лица.

— Чтобы мы могли объединить наши усилия. Я изучаю натуральную философию и вижу много неестественного. Армии Наполеона имеют оружие, которое не делают нигде в Европе. Иные говорят, что оно из далекой страны, но я не верю. Это оружие обслуживается людьми, плохо говорящими по-французски, непонятными и злыми людьми. Ходят разговоры, что в окружении корсиканца находятся еще более странные и зловещие люди, чужеземцы — неслыханные, как и вы. Скажите, как может человек переплыть реку под водой?

— При помощи машины.— Молчать не было смысла; граф слишком хорошо знал, о чем спрашивал. Когда у врага есть такие пушки, какую я видел, нет смысла скрывать их природу. Глаза графа расширились, когда я это сказал, и он сжал свой стакан.

— Я так и думал. Я понимаю, что вы знаете больше об этих странных людях и их оружии. Они не из мира, который мы знаем, ведь так? Вы знаете о них, и вы здесь для того, чтобы с ними бороться?

— Они пришли из страны злобы и безумия, принесли с собой свои преступления. Да, я воюю с ними. Я не могу рассказать вам о них все, потому что и сам не знаю всю историю. Но я здесь для того, чтобы уничтожить их и все ими сделанное.

— Я был в этом уверен! Мы должны объединить наши усилия. Я окажу вам любую помощь.

— Можете начать с обучения меня французскому языку. Мне нужно пробраться в Лондон и, похоже, язык мне понадобится.

— Но... у нас есть время?

— Хватит часа или двух — есть одна машина.

— Я начинаю понимать, но не уверен, нравятся ли мне все ваши машины.

— Их нельзя любить или не любить. Они свободны от эмоций. Мы можем только использовать их во имя добра или зла, так что проблема машин, как и все остальные — человеческая проблема.

— Склоняюсь перед вашей мудростью. Конечно, вы правы. Когда мы начнем?

Я вернулся за своими вещами в «Боров и Дрофу», затем переехал в дом графа. Последовал ужасающе мучительный вечер работы с мнемографом, в результате которого я научился разговорному французскому. Теперь, к удовольствию графа, мы беседовали на этом языке.

— А следующий шаг?— спросил он. Мы только что пообедали и вновь вернулись к коньяку.

— Мне нужно поближе рассмотреть одного из этих псевдофранцузов, которые, как видно, всем заправляют. Появляются они по эту сторону реки поодиночке или, хотя бы, маленькими группами?

— Да, но их передвижения бессистемны, поэтому нужно получить свежие сведения.— Он позвонил в серебряный колокольчик, стоявший рядом с графином.

— Хотите, вам доставят одного из них оглушенным или мертвым?

— Вы очень любезны,— сказал я, поднимая бокал, чтобы бесшумно появившийся слуга мог его снова наполнить.— Я займусь этим сам. Только укажите мне, и я сделаю все остальное.

Граф отдал приказания, слуги удалились, а я снова занялся своим бокалом.

— Это не займет много времени,— сказал граф.— Когда вы получите информацию, есть ли у вас план дальнейших действий?

— Только приблизительно. Я должен проникнуть в Лондон. Найти ЕГО — верховного демона этого уголка ада, потом, полагаю, убить его, а также уничтожить определенное оборудование.

— А выскочка-корсиканец — вы его тоже устраните?

— Только если он будет мешать. Я не простой убийца, мне трудно убивать в любое время, но мои действия неминуемо изменят весь ход дела. Новое оружие перестанет поставляться, а боеприпасы скоро кончатся. Вообще говоря, эти негодяи могут и вовсе исчезнуть.

— Ситуация очень сложна. По правде говоря, я не совсем понимаю ее и сам.

Граф приподнял бровь, но по своей любезности воздержался от комментариев.

— Это связано с природой времени, о которой я сам знаю очень мало. Но, кажется, время, в котором мы живем сейчас, не существует для будущего. Исторические книги будущего говорят, что Наполеон был разбит, его империя уничтожена, что Британия никогда не была захвачена.

— Если бы так было!

— Это может быть, если я доберусь до НЕГО. Однако, если история снова изменится и вернется к тому, что должно было бы быть, то весь этот мир, каким мы его знаем, может исчезнуть.

— Во всех опасных предприятиях следует идти на определенный риск.

Граф слегкл шевельнул рукой, как бы отпуская кого-то, оставаясь спокойным и собранным, удивительный человек.— Если этот мир исчезнет, то, должно быть, возникнет другой, более счастливый?

— Грубо говоря, да.

— Тогда мы должны быть более настойчивыми. В этом другом, лучшем мире, другой я вернусь в свое поместье, снова будет жива моя семья, будут цветы весной и счастье на Земле. Я готов отдать за это здешнюю жизнь, это презренное существование. Однако я бы предпочел, чтобы знание об этой возможности не вышло за стены этой комнаты. Я не уверен, что все наши помощники согласятся с такой философской точкой зрения.

— Полностью согласен с вами. Хотел бы я, чтобы все было по-другому.

— Не будем об этом, дорогой друг. Не будем больше касаться этой темы.

И мы бросили эту тему. Мы обсуждали живопись и виноделие — и опасности, органически присущие производству дистиллированных напитков. Время двигалось быстро, как и люди графа, и еще прежде, чем мы начали второй графин, его позвали, чтобы передать необходимые данные.

— Великолепно,— сказал он, вернувшись, потирая руки от удовольствия.— Маленькая компания людей, которых мы ищем, прямо сейчас развлекается в публичном доме на Мэрмейд Корт. Конечно, вокруг стража, но я полагаю, для вас это не составит препятствия?

— Ни малейшего,— сказал я, вставая.— Будьте добры, предоставьте мне какой-нибудь транспорт и проводника, и я обещаю вернуться в течение часа.

Все было сделано, и я выполнил свое обещание. Придурковатый тип с выбритой головой и обезображенным шрамами лицом отвез меня в карете и указал нужное направление. Я вошел в соседнее здание — что-то вроде конторы, теперь закрытой и запертой при помощи чудовищного механизма, который было чрезвычайно сложно открыть. Не то, чтобы механизмы замков были сложны для меня — как бы не так! — но они были настолько велики, что моя отмычка не доставала до них! Нож, однако, достал, я вошел, поднялся наверх и перебрался на крышу соседнего здания. Там я прицепил свою паутинку к самой прочной из большого выбора печных труб. Ниточка паутинки была тонкой, почти невидимой и практически неразрывной нитью, сделанной из одной единственной цельной молекулы. Она медленно разматывалась с катушки, укрепленной лямками у меня на груди, и я спустился вниз к темным окнам. Темным для других, но не для меня. Два луча ультрафиолета из УФ-продекторов на моих чувствительных очках, делали все, куда бы я не посмотрел, явным, как днем. Я бесшумно проник в окно, поймав нужного индивидума со спущенными штанами и усыпив его вместе с подружкой дозой газа, забрался с ним на руках на крышу со скоростью, которую только могла предложить бесшумно жужжащая паутинка. Спустя несколько минут моя добыча храпела на столе в подвале графа, а я раскладывал свое оборудование. Граф с интересом наблюдал.

— Хотите получить информацию от этого образчика свиной породы? В обычных условиях я не признаю пыток, но мне кажется, что это как раз случай для раскаленной кочерги и острого ножа. Какие преступления совершили эти существа! Говорят, что аборигены Нового Света могут совершенно содрать с человека кожу, не убив его при этом.

— Звучит неплохо, но нам не понадобится.— Я выровнял инструменты и подключил контакты.— Снова машина. Я буду держать его без сознания, я пройду

через его мозг в шипастых ботинках. В определенном смысле, это еще худшая пытка. Он скажет нам все, что нужно, даже не зная, что говорил. Потом — он ваш.

— Нет, нет, спасибо,— граф с отвращением поднял руки.— Всякий раз, когда убивают одного их них, граждане страдают от многочисленных убийств и репрессий. Мы побьем его немножко, отберем одежду и все остальное и бросим в темной аллее. Это будет похоже на грабеж и ничего больше.

— Еще лучше. Теперь я начну.

Это было похоже на плавание по канализации — шарить в этом мозгу. Одно дело — безумие, а он был, безусловно, безумен, как и все они, но откровенная порочность — непростительна. Проблема заключалась не в получении информации, а в сортировке. Он хотел говорить на своем собственном языке, но в конце концов согласился на французский и английский. Я спрашивал и спрашивал, и, наконец, узнал все, что хотел. Был призван мой бритоголовый компаньон Жюль. На него была возложена задача оглушить его и, содрав мундир, подбросить где-нибудь. Тем временем граф и я с удовольствием вернулись к неоконченному графину.

— Их штаб-квартира находится, по-видимому, в месте, называемом Сент-Пол. Вы знаете, где это?

— Они не остановятся перед святотатством, это кафедральный собор, шедевр великого сэра Кристофера Рена, вот здесь, на карте.

— Здесь находится так называемый ОН, а также, видимо, все его машины и инструменты. Но чтобы добраться туда, мне нужно войти в Лондон. Есть хорошая вероятность, что я смогу пересечь стену в его мундире, потому что его тело так же радиоактивно, как и мое — это тест, который они используют для обнаружения чужих. Однако могут существовать пароли и другие способы идентификации и, может быть, на их языке. Нужен отвлекающий маневр. Есть среди ваших последователей кто-нибудь, знакомый с артиллерией?

— Безусловно. Рене Дюпон — бывший майор артиллерии — весьма знающий солдат, и он в Лондоне.

— Как раз нужный человек. Уверен, ему доставит удовольствие управляться с этими мощными орудиями. Перед рассветом мы захватим артиллерийское судно. С первым светом, когда откроют ворота, начнется обстрел. Несколько снарядов в ворота и караульную обескуражат охрану.

затем нужно бросить корабль, и артиллеристы будут работать на земле. Это будет делом ваших людей.

— Этим приятным делом я будут руководить лично. А где будете вы?

— Маршировать в город вместе с частями, как уже пытался раньше.

— В высшей степени опасно. Если вы появитесь слишком рано, то будете обнаружены при появлении, а может быть, погибнете при обстреле. Слишком поздно — и ворота будут заперты.

— В таком случае мы должны все рассчитать исключительно точно.

— Я пошлю за наилучшими хронометрами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Майор Дюпон был краснолицым и седовласым человеком с внушительным округлым животом. Однако он был достаточно энергичен, знал свою артиллерию и был сейчас поглощен страстным желанием поработать с невероятным оружием захватчиков. Прежняя команда пушечного корабля, включая наблюдателей, спала под палубой значительно глубже, чем ей хотелось бы, пока я разбирался с механизмом безоткатного оружия и объяснял его майору. Он схватил все моментально и распалялся в бешеной радости. По сравнению с его опытом использования неровных пушечных жерл, зарядки с дула, медленно горящего пороха и тому подобных неудобств его профессии, это было откровением.

— Заряд, пыж и снаряд в одном корпусе. Чудесно! И этот рычаг открывает затвор?— спросил он.

— Держитесь подальше во время стрельбы от этих отверстий, потому что газ при взрыве выходит отсюда, компенсируя отдачу. Используйте прямой прицел, расстояние слишком мало. Я полагаю, на такой дистанции не придется делать поправку на ветер, и не нужно стрелять навесом, скорость вылета намного больше, чем вы привыкли.

— Рассказывайте еще!— сказал он, поглаживая сталь.

Следующий шаг. Граф позаботится о том, чтобы корабль передвинули на рассвете выше по течению и поставили на якорь у набережной ниже лондонского моста. Я позабо-

чусь прибыть на место в заранее оговоренное время. Его морской хронометр был так велик, что походил на качан капусты, был сделан из стали и латуни и громко тикал. Однако граф заверил меня в его точности и мы установили его по моим атомным часам размером не больше ногтя и точностью до секунды в год. Это было последнее, что нужно было сделать, и когда я поднялся, чтобы уходить, он протянул мне руку. Я пожал ее.

— Мы всегда будем вам благодарны за помощь,— сказал он.— У моих людей теперь есть надежда, и я разделяю их энтузиазм.

— Это мне нужно быть благодарным за вашу помощь. В особенности, принимая во внимание, что победа может обернуться для вас плохо.

Он отбросил эту мысль, как бесполезную — очень храбрый человек.

— Как вы объяснили, умирая, мы победим. Мир без этих свиней — достаточно большая награда, даже если мы не будем этому свидетелями. Исполняйте ваш долг.

Я исполнил. Стараясь забыть, что судьбы миров, цивилизаций, целых народов зависят от моих действий. Малейшая ошибка, случайность — и для них все будет кончено. Поэтому случайностей быть не должно. Подобно скалолазу, который не смотрит вниз и не думает о пропасти внизу, я изгнал из своей головы мысли о неудаче и, чтобы подбодрить себя, старался вспомнить что-нибудь веселое. Сразу на ум ничего не пришло, поэтому я стал думать о том, как разделаться с НИМ и его системой. И это подействовало вдохновляюще. Я поглядел на часы. Пора было идти. И я быстро пошел, не оглядываясь, по пустынным улицам. Мои шаги отдавались эхом в этих темных улицах. Позади меня небо посерело от приближающегося рассвета.

В Лондоне полно темных аллей, дающих идеальное укрытие, ими я и воспользовался, не упуская при этом из вида Лондонский мост. Наконец появились первые солдаты. Некоторые шагали в ногу, другие едва тащились, но все выглядели усталыми. Я и сам чувствовал себя усталым и потому посасывал таблетку стимулятора и не отрывал глаз от часов. В идеале мне следовало появиться на мосту, когда начнется обстрел, достаточно далеко от ворот, чтобы не пострадать, но и достаточно близко, чтобы проникнуть в них во время суеты, которая возникнет после открытия огня. Со своего наблюдательного пункта я замечал время, которое требовалось разным группам солдат, чтобы пересечь мост,

до тех пор, пока не получил точную оценку. На часах бежали цифры, и, наконец, наступил момент, когда я по-военному расправил плечи и бойко пошел вперед.

— ...?— выкрикнул чей-то голос, и я понял, что обращаются ко мне. Я был так поглощен расчетом времени, что совершенно позабыл о возможности того, что ЕГО дьяволы будущего также будут идти по мосту.

Я махнул рукой, скорчил злобную гримасу и быстро зашагал вперед. Окликнувший меня человек с озадаченной миной заспешил за мной. По моему мундиру он знал, что я принадлежу к его компании, но мое лицо было для него новым. Наверное, он хотел узнать от меня, как идут дела в родном сумасшедшем доме. Я же не хотел затевать с ним никаких разговоров потому, что не понимал их языка. Я заспешил вперед, с неудовольствием чувствуя, что он торопится за мной. Потом сообразил, что иду слишком быстро и теперешним шагом подойду к воротам как раз вовремя, чтобы быть разнесенным в куски.

Проклинать свою беспечность не было времени — его только хватило, чтобы выбрать желательное продолжение этой хлопотливой истории. В настоящий момент мне вовсе не хотелось быть разорванным на части. Я уже видел канонерку, вышедшую на позиции и фигуры на его палубе. Великолепно. Я уже почти слышал разрывы. И видел себя прямо впереди них. Нужно остановиться здесь, в назначенной точке. Что я и сделал. Сзади загремели тяжелые шаги и легшая мне на плечо рука развернула меня.

— ...?— воскликнул он. Затем выражение его лица изменилось, глаза расширились и рот раскрылся.—...!— заорал он. Он, наверное, узнал меня по фотографии.

— Ну да, бливит,— сказал я и выстрелил ему в шею наркотической иголкой из пистолета, зажатого в ладони. Но раздался еще один крик «...!» и один из его товарищей протиснулся сквозь ряды солдат. Его тоже пришлось уложить. Это, естественно, заинтересовало всех находившихся поблизости, раздалось несколько испуганных криков и кое-кто поднял оружие. Я прислонился спиной к парапету моста и подумал, уж не придется ли мне перестрелять всю французскую армию.

Не пришлось. Первый снаряд, не слишком точно выпущенный майором конной артиллерии, ударил в мост, в каких-нибудь десяти метрах от меня.

Раздался солидный взрыв, и воздух наполнился свистящими кусками кирпича и стали. Я бросился на землю со

всеми остальными. Некоторые из них, правда, упали навеки. Лежа, я воспользовался удобным случаем и всадил иголки в каждого из ближайших ко мне солдат, которые были свидетелями предыдущей сцены.

Тем временем Дюпон учился владеть своим оружием, и следующий снаряд ударил в городскую стену. Среди людей на мосту поднялась суматоха, я же орал и бегал вместе со всеми, с удовольствием наблюдая, как очередной снаряд пробил ворота насквозь и взорвался внутри караульной. Теперь, как и следовало ожидать, все движение повернулось от ворот. Я плюхнулся на живот и ужом пополз вперед. Снаряды теперь взрывались в самих воротах и поблизости от них, вызывая вполне приличные разрушения. Я быстро взглянул на часы и заметил, что конец обстрела совсем близок. Сигналом будет снаряд, пущенный в стену вдалеке от моста. После этого будет еще несколько выстрелов, но уже не по воротам, а по другим удобным целям.

Снаряд угодил в стену в доброй сотне метров вниз по реке и проделал в ней аккуратную дыру. Я вскочил на ноги и побежал.

Какая прекрасная куча обломков! Повсюду хлам и битый кирпич, воздух наполнен вонью и пылью, горелой взрывчаткой. Если после обстрела кто и выжил, то они давно сбежали. Я перелез через кучу обломков и скользнул за ближайший угол. Единственными свидетелями моего не слишком деликатного вторжения была пара англичан, выглядывавшая из какого-то подъезда. Увидев меня, они тотчас повернулись и убежали. Итак, несмотря на неприятности на мосту, план сработал идеально.

Пушка на реке вновь открыла огонь. Это не входило в мой план. Что-то вышло неправильно. Сделав последний выстрел, мои сообщники должны были сойти на берег и удалиться в надежное убежище. Раздалось еще два выстрела, почти одновременно. Пушка не могла стрелять так быстро.

Это стреляло другое орудие.

Улица, на которой я находился, Апер Тэмз стрит, шла параллельно стене. Теперь я был уже достаточно далеко от моста, так что мое присутствие уже не ассоциировалось с тамошними событиями — и к моим услугам была лестница, ведущая на вершину стены, на наблюдательную площадку, сейчас пустую. Возможно, благоразумие диктовало последовательное выполнение планов, но я уже много лет подряд не прислушивался к его голосу и не собирался

делать этого сейчас. Я быстро огляделся вокруг — поблизости никого — и забрался наверх. С вершины открывался прекрасный вид на реку.

Майор по-прежнему управлял своим орудием, быстро стреляя по другой канонерке, поднимавшейся вверх по реке под полным парусом. Новоприбывший, хотя и поставленный в невыгодное положение движением платформы, был более опытен и точен в обращении с орудием. Снаряд уже пробил огромную дыру в носу лодки моего соратника, и пока я смотрел, второй попал в середину палубы. Орудие замолчало, задрав кверху ствол, стрелок исчез. Какая-то фигура пробежала через пристань и скрылась в безвредной теперь лодке. Я извлек свой электронный телескоп и направил его на палубу, зная, что увижу, еще прежде, чем поднес его к глазам.

Это граф пришел на помощь своим людям, но еще до того, как он прыгнул в судно, майор, с окровавленным лицом, поднялся и снова встал к орудию. Развернул его, направляя на другой корабль, и влепил следующий снаряд прямо в него.

Отлично сделано, прямо в ватерлинию под вражеским орудием. Пушка замолчала, и корабль стал погружаться. Когда я снова посмотрел на майора, то увидел, что он перезарядил свою пушку и выпалил в мост, во вражеских солдат на нем. Граф помогал ему заряжать. Оба они улыбались и казались очень довольными собой. Огонь продолжался теперь быстрее, а я спустился по лесенке вниз.

Их нельзя было винить. Они сами знали, что делали — стреляли по врагу, которого ненавидели все эти годы, стреляли из превосходного, весьма эффективного оружия. Оба будут продолжать стрелять, пока не погибнут. Наверное, этого они и хотели. Чтобы эта жертва принесла хоть какие-нибудь плоды, я должен продолжать собственное дело.

Я хорошо изучил карту графа. Вперед, по улице Утиной Ноги, потом на Кэннон стрит и налево. Там были люди, торопливые напуганные граждане; беглым шагом в противоположном направлении шли солдаты. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

А там, впереди, в конце улицы, возвышались громадные стены и купол, несомненно — собор Св. Пола.

Близится конец еще одной дороги. Мое последнее свидание с НИМ.

XXX XXX XXX

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мне было страшно. Человек, утверждающий, что он никогда не испытывал страха, или лжец, или сумасшедший. Я достаточно часто испытывал это чувство, чтобы распознать его запах. Но никогда я не чувствовал такой железной тяжести, как сейчас. В жилах — ледяная вода, сердце молотит в груди, ноги будто пустили в землю корни. Сознательным усилием я ухватил свой мозг за горло — не простой подвиг — и как следует встряхнул его.

Отвечай, мозг, скомандовал я. Что это за заячья дрожь? Наложил в штаны? Тело и душа, вы уже были вместе в разных переделках. Бывало и похуже, но мы через все прорвались. И как правило, с победой. Что же сейчас нового?

Ответ пришел очень быстро. Я — нержавеющий грызун, всегда действовал под полом общества, всегда по-своему, на свой страх и риск. Всегда шел на ура! Но теперь на кону стоит слишком многое. Слишком много жизней зависит от моих действий. Слишком много? Великое небо! На кону спасение всей Вселенной. Просто не верится.

— Ну и не верь себе,— пробормотал я, роясь в аптечке. Если все время думать об этой ставке, то не станешь делать ничего рискованного, вообще ничего не делать. Я никогда в жизни не прибегал к искусственным эмоциям, но всему бывает начало. Я держал при себе «таблетки берсерка», но никогда ими не пользовался. До сегодняшнего дня. Я открыл футляр и смахнул пыль с невинного вида пилюли.

— Выходи драться, Джим,— сказал я и проглотил ее.

Эти таблетки повсюду поставлены вне закона. И правильно. Не только потому, что к ним очень быстро вырабатывается и физическое и психологическое пристрастие, но и по социальным мотивам. В этой желатиновой пилюле заключена особая форма безумия — состав, который растворяет совесть и мораль цивилизованного человека. Без морали, без совести и без страха. Ничего, кроме распухшего «Я» и твердой уверенности, в своей мощи и правоте, божественном позволении делать что угодно, не чувствуя при этом жалости или страха. Политики, нагрузившись «берсеркитом», свергали правительства и управляли империями. Спортсмены били все рекорды, часто при этом губя себя и своих противников. Не слишком приятная штука.

Очень приятная штука. Я испытал краткий укор совести, потом почувствовал, как химикалии захватывают контроль над моим мозгом, но это произошло так же быстро, как и началось.

— Я пришел за тобой, ТЫ!— сказал я, улыбаясь от неподдельной ярости.

Это было самое восхитительное из испытанных мной когда-либо ощущений — чувство неограниченной мощи, очистительный ветер, гуляющий по всем пыльным уголкам моего мозга. Делай, что хочешь, Джим, потому что ты настоящая сила в этом мире. Как слеп я был все эти годы! Уродливые предрассудки морали, крошечные привязанности, разрушительная любовь к ближнему. Каким калекой я был. Теперь я люблю себя, потому что я — Бог. Наконец я понял значение Бога, о котором всегда бормотали древние религии.

Я — это я, единственная сила во всей Вселенной. А ОН, в том здании впереди, думает в тщеславии смертного, что может превзойти меня, остановить и даже убить. Что ж, посмотрим, что случается с такими идиотскими планами.

Нужно прогуляться вокруг. Достаточно прочное здание, без очевидной охраны, наверняка нашпиговано различными детекторами. Подобраться окольным путем, тайно? Неразумно. Единственное мое преимущество — это внезапность и способность быть совершенно безжалостным. Я хорошо вооружен — ходячая машина смерти, и никто не может остановить меня. Войти будет достаточно просто, люди непрерывно входят и выходят, все в таких же, как у меня, мундирах. Изнутри, как из улья, раздается деловитое жужжание. Их встревожило нападение на ворота. Я должен ударить сейчас, пока они растревожены. Все оружие в порядке и наготове, я завершаю свой ленивый обход здания и направляюсь к белым каменным ступеням парадного хода.

Собор был громаден. Теперь, без скамеек и всего религиозного оборудования, он казался еще больше. Я зашагал вперед по длинному нефу храма, как будто все вокруг принадлежало мне — да так оно и было. Оружие наготове, прямо под руками. Неф был пустынен, вся деятельность сосредотачивалась на дальнем его конце, в аспиде, где обычно стоял алтарь. Сейчас его не было. Вместо него был установлен разукрашенный трон.

На троне сидел ОН. Высокомерный, от сознания своей власти, он наклонялся вперед своим гигантским красным

телом и отдавал распоряжения стоявшим внизу помощникам. В трансепте храма стоял длинный стол, заваленный картами и бумагами, и окруженный красочно одетыми офицерами. Они, по-видимому, слушались приказов человека в простом синем мундирном сюртуке. Он был очень маленького роста, лоб пересекала черная блестящая прядь волос. Судя по описаниям, это был тиран — Наполеон. Как я и думал, он просто передавал своим подчиненным ЕГО инструкции. Улыбаясь, я поднес руки к оружию.

Знакомые переливы света привлекли мое внимание к меньшему аспиду, расположенному справа. Улыбка моя сделалась еще шире. Там стояла аппаратура темпоральной спирали, вокруг суетились занятые своими делами техники. Скоро они умрут, как и все здесь. И у меня будет транспорт, чтобы выбраться из этой варварской эпохи. Придется перед уходом оставить здесь небольшую гранату. Конец совсем близок.

Когда я подошел к столу, никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Придется использовать сначала сонный газ, потому что он подействует на них всех одновременно. Потом, когда я расправлюсь с хозяином, будет сколько угодно времени, чтобы заняться рабами.

Одна ударная граната и две термитных. Я активировал их большими пальцами и швырнул — раз, два, три — по широкой дуге, прямо ЕМУ на колени. Пока они еще были в воздухе, я стал бросать на стол, под шокированными взглядами офицеров, газовые гранаты, пригоршяю зв пригоршней. Они еще шипели и лопались, а я уже развернулся и пустил в ход игольчатый пистолет — не дай бог повредить аппаратуру — чтобы разделаться с техниками у темпоральной спирали.

Все было кончено за несколько секунд. Упало последнее бесчувственное тело и наступила тишина. Прежде, чем отвернуться, я швырнул несколько гранат в неф ко входу, чтобы каждый входящий попадал в газовое облако. Потом я посмотрел на НЕГО.

Чудненько! Колонна ревущего огня, а в середине нечто, которое могло быть человеком. Трон также горел и столб жирного дыма, растекаясь, поднимался вверх к гигантскому куполу.

— ТЫ разбит! ОН! РАЗБИТ!— завопил я, наклоняясь через стол, чтобы лучше разглядеть тирана. Он не переживет этого нападения.

Наполеон поднял голову от стола и сел.

— Не будь идиотом,— сказал он.

Не тратя времени на размышления, я постарался его убить. Но он был наготове и выстрелил из спрятанного в ладони трубкообразного оружия раньше меня. В лицо мне брызнул огонь, потом оно онемело, онемело все тело, я потерял контроль над собой и рухнул на стол. Не чувствовал я и рук Наполеона, когда он перевернул меня на спину. Он смотрел на меня сверху, улыбаясь и победоносно хохоча. И в его смехе была значительная доля безумия. Он глядел мне в лицо, в глаза, которыми я по-прежнему не мог управлять, ожидая, что они расширятся, когда я, наконец, пойму.

— Правильно!— закричал он.— ОН — это я. Ты проиграл, уничтожил этого славного андроида. Его единственное назначение было обмануть тебя, заставить действовать именно так. Это была ловушка для тебя. Все здесь — само существование этого мира, эта петля времени, нужны только как ловушка для тебя. Неужели ты забыл, что тело — просто скорлупа для меня, для вечного МЕНЯ? Мой мозг победил смерть и живет вечно. Теперь он — имитация безумного императора. Он никогда не знал, что такое настоящее безумие. Ты проиграл, а я — навеки победил!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Это была только временная неудача. Полагаю, что в обычных условиях я чувствовал себя разбитым, испуганным, разозленным, раздираемым множеством бесполезных эмоций. Теперь же я просто ждал случая снова убить ЕГО. Это стало уже утомительным — после двух попыток он по-прежнему жив. Я решил, что третья должна быть окончательной.

Он наклонился и стал рвать мою одежду, обыскивая меня с грубой тщательностью. Разрывая ее на мелкие кусочки, он собирал все снаряжение, укрепленное на мне: нож с лодыжки, пистолет с пояса, крошечные гранаты из волос. Через несколько секунд я лишился всего своего оружия. То немногое, что осталось, было вне пределов

досягаемости. Очень тщательно обыскав, он швырнул мое бессильное тело на стол, лицом вверх.

— Я все подготовил для этого момента, все!— разговаривая, он пускал пузыри, по подбородку текла слюна. Я услышал звон цепей, он поднял мои запястья и защелкнул на них тяжелые металлические обручи, соединенные коротким отрезком тяжелой цепи. Когда кандалы замкнулись, сверкнула короткая вспышка света, и их концы оплавились. Я ничего не почувствовал, но увидел, как кожа под металлом моментально покраснела. Когда это было сделано, он приложил к моему запястью иглу.

Чувствительность стала возвращаться, сначала дикая боль в запястьях, потом — в руках. Оказывается возвращение чувствительности приносит острую боль. Я не обращал на это внимания, хотя спазмы сотрясали все тело. В конце концов, я даже непроизвольно скатился со стола на пол. Он сразу нагнулся и, подхватив меня, потащил через широкое пространство огромного собора. Даже в этом маленьком теле его сила была чудовищной.

В то короткое мгновение, что я лежал на полу, мои пальцы успели что-то ухватить. Не знаю, что это было — что-то маленькое и металлическое — я крепко зажал его в кулаке.

Примерно в пяти метрах от приборов управления темпоральной спиралью стояла массивная металлическая колонна, достигавшая мне до пояса. Она тоже дожидалась меня. Он широко развел мои руки и вложил соединяющую их цепь в канавку на вершине колонны. Еще одна вспышка, и цепь сварилась с металлическим монолитом. Он отпустил меня, я качнулся, но не упал. Мое тело вновь обрело способность двигаться, и я снова овладел им, пока он шел к приборам. В громадном соборе царила тишина. Если не считать груды тел, то мы были одни.

— Я победил!— завизжал он неожиданно, слегка пританцовывая и брызжа слюной.— Понимаешь ли ты, что теперь ты в петле времени, которого не существует? Я создал его, чтобы заманить тебя, и эта петля исчезнет, как только я ее потяну.

— Я это подозревал. В наших учебниках сказано, что Наполеон проиграл.

— Здесь он победит. Я дал ему оружие и помощников, чтобы завоевать мир. Потом, когда было готово мое новое тело, я убил его. Когда я сделал это, появилась петля во времени. И ее существование воздвигло временной

барьер, который исчезнет вместе с ней. Это случится, когда я уйду, но не моментально — это было бы для тебя слишком легко. Мне будет приятно думать, что ты торчишь здесь, один, понимая, что проиграл и что твое будущее никогда не будет существовать. В этом здании есть фиксатор будущего. Оно будет здесь и когда Лондон исчезнет со всем остальным миром, даже дольше, чем ты. Раньше, чем он выключится, ты можешь умереть от жажды. Можешь и не умереть. Я победил!

Последние слова он выкрикнул, снова поворачиваясь к пульту. Я разжал кулак, чтобы посмотреть, какое же оружие, лежащее у меня в ладони, поможет разбить его в этот последний момент.

Это был маленький латунный цилиндрик, весивший всего несколько граммов. В одном его конце были проделаны маленькие отверстия, когда я перевернул его, из них посыпался мелкий белый песок. Песочница, применявшаяся для высушивания чернил при письме. Можно желать и большего, но придется довольствоваться этим.

— Я ухожу,— сказал он, включая механизм.

— А как же эти ваши люди?— спросил я, выгадывая время для размышления.

— Безумные рабы, они исчезнут вместе с тобой, отслужив свою службу. Меня ожидает целый мир таких, как они. Скоро таких миров будет много. Скоро все будет моим.

К этому нечего было добавить. Он прошел по каменным плитам, чудовище в образе маленького человека, коснулся ручек сверкающего конца темпоральной спирали и был мгновенно охвачен ее зеленым пламенем.

— Все мое!— сказал он, и в его глазах горел такой же зеленый огонь.

— Я думаю так же.

Я несколько раз подбросил на руке песочницу, испытывая ее вес и оценивая расстояние до пульта. Добросить я смогу с легкостью. Регулировка временной шкалы представляла собой ряды клавиш, очень похожих на клавиши музыкального инструмента. Теперь некоторые из них были нажаты. Если мне удасться нажать хотя бы одну из них, регулировка изменится. Он прибудет в другое место и время, а может быть, не прибудет и вовсе. Я медленно замахнулся, оценивая расстояние и траекторию, по которой должен пролететь крохотный цилиндрик, чтобы попасть в нужное место.

Должно быть, он увидел, что я собираюсь сделать, потому что стал завывать в безумной ярости, пытаясь вырваться из временнóго поля, которое аккуратненько приковывало его к концу спирали. Я хладнокровно прицеливался, пока не убедился, что все правильно.

— Вот так,— сказал я и запустил песочницей в пульт по высокой дуге. Она взлетела вверх, ярко блеснула в столбе солнечного света, врывавшемся сквозь затемненное окно, и упала вниз.

Она ударила по рядам клавиш и, гремя, скатилась на пол.

Темпоральная спираль освободилась, его яростные крики оборвались, и ОН исчез из виду. В тот же самый момент свет переменился, стал сумрачным. За окнами все стало серым. Я уже видел такое в самом начале, во время темпоральной атаки на лабораторию Корпуса. Лондон, весь мир снаружи больше не существовал. Не существовал в этой точке пространства и времени, был только кафедральный собор, кратковременно удерживаемый фиксатором времени.

ОН победил? Я почувствовал первый признак тревоги, должно быть, проходит действие наркотиков. Я внимательно вглядывался, но в полутьме было почти невозможно рассмотреть показания индикаторов. Изменилось ли показание одного из них перед выключением спирали? Я не был уверен, да это и не имело значения, по крайней мере, для меня здесь. Для меня не имело никакого значения, каким будет будущее — адом или мирным раем. С возвращением эмоций мне стало интересно, будет ли существовать мой мир, появится ли Специальная служба и родится ли однажды моя Ангелина? Мне этого не узнать. Я резко дернул за цепи, но они, конечно, держали крепко.

Это конец. Конец всему. Возвращавшиеся ко мне эмоции были самыми мрачными из возможных, но я ничего не мог поделать. Конец.

XXX XXX XXX

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Оказывались ли вы когда-нибудь запертыми в кафедральном соборе Св. Пола в 1807 году от рождества Христова, прикованными к стальной колонне, в полном одиночестве, когда весь остальной мир снаружи провалился

в небытие и лишь вы — в ожидании собственного уничтожения? Не многие могут ответить утвердительно на такой вопрос. Я могу, но, честно говоря, это необычное отличие не доставляет мне никакого удовольствия.

Признаюсь, что чувствовал я себя несколько подавленно. Я немного подергал за металлические манжеты, удерживающие мои запястья, но делал это без всякого энтузиазма. Они были слишком прочны и надежны, и я понимал, что как раз такие безнадежные попытки вырваться доставили бы ЕМУ больше всего безумного удовольствия.

Впервые в жизни я испытал полное и абсолютное поражение. Оно произвело на меня гнетущее и отупляющее действие, как будто я уже стоял одной ногой в могиле. Исчезло всякое желание бороться, и я постепенно пришел к выводу, что легче всего будет просто ждать падения занавеса. Ощущение катастрофы было столь сильным, что подавляло всякое недовольство таким безвременным концом. Мне следовало бы бороться, обдумывать путь к спасению, но мне не хотелось даже пробовать. Такое поведение изумляло меня самого.

Покуда я был погружен в такое созерцание собственного пупка, возник звук. Это было едва слышное гудение, такое слабое, что я ни за что не услышал бы его, если бы не абсолютная тишина небытия, охватившая мой собор-гроб. Звук рос и рос, надоедливый, как жужжание насекомого и, в конце концов, я обратил на него внимание, хотя бы и помимо воли, потому что в этот момент я не хотел знать ничего, кроме ощущения своего чудовищного поражения. Наконец, он стал достаточно громким и стало ясно, что исходит он откуда-то из-под купола. Несмотря на отсутствие интереса, я поглядел вверх, и как раз в этот момент раздался громкий хлопок раздвинутого пространства.

Вверху, в темноте появилась фигура человека в скафандре. Судя по тому как он медленно спускался, на нем был гравитатор. Я был так ошарашен, что был готов практически к чему угодно, когда он открыл темный щиток своего скафандра.

Готов ко всему? Кроме того, что это был не он, а она.

— Сбрасывай эти глупые цепи,— сказала Ангелина.— Стоит оставить тебя одного, и ты всегда впутаешься в какую-нибудь историю. Отправишься сейчас же со мной и все тут.

Даже если бы я не обомлел от изумления, говорить было особенного нечего. Так что я просто по-идиотски разинул рот и немножко потряс цепями, пока она, легкая, как осенний лист, скользила по полу. В конце концов ее несомненное физическое присутствие вывело меня из столбняка, и я приложил все усилия, чтобы не ударить лицом в грязь.

— Ангелина, радость моя. Ты спустилась с неба и спасла меня.

Она шире открыла щиток скафандра и поцеловала меня через отверстие, потом сняла с пояса атомный кинжал и занялась моими цепями.

— Теперь объясни мне, что это за загадочная чепуха о путешествиях во времени? И отвечай быстро, у нас только семь минут, по крайней мере, так сказал Койпу.

— Что он еще сказал тебе?— спросил я, размышляя, как много она знает.

— Не пытайся забить мне баки, Скользкий Джим ди Гриз! Хватит с меня Койпу.

Я быстро отскочил назад, когда она взмахнула у меня под подбородком атомным кинжалом, потом сбил огонь с затлевшей на груди одежде. Рассерженная Ангелина бывает весьма опасной.

— Любовь моя,— сказал я страстно, пытаясь обнять ее, не спуская при этом глаз с кинжала.— Я не стану от тебя ничего скрывать. Я не такой. Просто от всех этих путешествий во времени мозги у меня скорчились и нужно, прежде чем рассказывать тебе по порядку, узнать, на чем кончается твоя информация.

— Ты отлично знаешь, что я только что говорила с тобой по телефону. «Срочно, спешно, приезжай скорее!»— выкрикнул ты и дал отбой. Я и приезжала в лабораторию Койпу. Они все бегали и возились с аппаратурой и были слишком заняты, чтобы мне что-то объяснять. Они только кричали: «Назад, в прошлое!» И этот ужасный Инскипп ничуть не лучше. Он сказал, что ты исчез, исчез прямо из его конторы, когда он читал тебе обвинительное заключение. Он, наверное, прознал что-то о тех деньжатах, которые ты прикарманил на черный день. Еще была какая-то ахинея о том, что ты спасаешь мир или галактику, но я не поняла ни слова. И все это продолжалось очень долго, пока они не смогли прислать меня сюда.

— Ну да,— сказал я скромно,— я спас тебя, спас Службу, вообще всех их на свете.

— Я была права: ты пьянствовал.

— Уже очень давно капли в рот не брал,— пробормотал я капризно.— Если хочешь знать, вы все исчезли, пуф — и нет вас. Койпу оставался последним, так что мог бы тебе рассказать. Служба, все они даже не родились и никогда не существовали — только в моей памяти.

— А я помню слегка по-другому.

— Может быть. Благодаря моим усилиям, ЕГО планы были расстроены.

— Что это еще за ОН? Ты овсем поглупел от пьянства.

— Его зовут ОН, а у меня уже несколько часов капли во рту не было. Неужели ты не можешь понять и слушать не перебивая? Эта история и так достаточно запутанная.

— Запутанная и, наверное, навеянная спиртом?

Я застонал. Потом поцеловал ее, на этот раз крепче и дольше. Задержка, которая нам обоим очень понравилась. Это ее немного смягчило, и я продолжил, прежде чем она вспомнила, что ей следовало на меня злиться.

— Против Специальной Службы была предпринята темпоральная атака, поэтому профессор Койпу забросил меня в прошлое, чтобы разрушить этот мерзкий заговор. Я отлично сработал в 1975 году, но ОН ускользнул туда, откуда появился, а потом еще дальше в прошлое и расставил здесь, в 1807 году, хитрую западню для меня. Вот я и попался, но его план до конца не сработал, потому что мне в последний момент удалось изменить настройку темпоральной спирали, так что ОН отправился не в то время, куда собирался. Должно быть, это помешало его темпоральной войне, иначе ты бы не пришла мне на помощь.

— О, дорогой! Как здорово. Я всегда говорила, что стоит тебе по-настоящему захотеть — и мы спасем мир.

Смена настроений, быстрая, как ртуть, вот что такое моя Ангелина. Она поцеловала меня с истинной страстностью, иначе и не скажешь, а я, звеня цепями, радостно обнял ее, но она пронзительно вскрикнула и врезала мне, да так, что я отлетел, задыхаясь.

— Время!— она поглядела на часы и ахнула.— Я из-за тебя забыла. Осталось меньше минуты. Где эта темпоральная спираль?

— Здесь!— Потирая все еще болящие ребра, я показал ей аппарат.

— А пульт?

— Вот.

— Какой некрасивый! А где указатели?

— Вот эти циферблаты.

— Вот настройка, которую мы должны использовать. Койпу сказал — с точностью до тринадцатого знака, он очень настаивал.

Я, как сумасшедший пианист, заиграл на клавишах и даже вспотел. Стрелки дернулись, замерли и закрутились как бешеные.

— Тридцать секунд,— ласково сказала Ангелина, чтобы меня подбодрить... Я вспотел еще сильнее.

— Есть!— выдохнул я, когда она объявила 10 секунд. Я врубил таймер и включил главный рубильник. Темпоральная спираль засверкала зеленью и мы бросились к ее выступающему концу.

— Стой ближе и прижмись ко мне, как можно крепче,— сказал я.— У темпорального поля есть поверхностный эффект и мы должны быть рядом.— Она откликнулась на это с удовольствием.

— Жаль только, что на мне этот глупый скафандр,— сказала она, покусывая мне ухо.— Без него было бы замечательно.

— Может и так, но было бы неудобно прибыть назад в спецслужбу в таком виде.

— Не тревожься об этом. Мы пока не туда направляемся.

Я почувствовал под ложечкой укол тревоги.

— Что ты говоришь? Куда же мы направляемся?

— Не имею ни малейшего представления. Койпу сказал, что прыжок будет на двадцать тысяч лет вперед, как раз перед разрушением этой планеты.

XXX XXX XXX

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Трах! Это было как падение в ванну пара, и «падение» было самым подходящим словом для этого. Горячие облака испарений поднимались вокруг нас и невидимая поверхность могла быть в десяти метрах или в десяти милях под нами.

— Включи свой гравитатор,— крикнул я,— мой остался в несуществующем девятнадцатом веке.

Возможно мне и не надо было спать, потому что Ангелина включила прибор на полную мощность на подъем и выскользнула из моих нежных объятий, как масляный угорь. Я ухватил за одну ногу и бешено вцепился в нее обеими руками — где-то поверх башмака скафандра — эта часть быстро сползла с ее ноги.

— Я бы хотела, чтобы ты не делал этого,— крикнула она мне.

— Полностью с тобой согласен,— бессвязно пробормотал я сквозь плотно сжатые зубы.

Комбинезон вытягивался и вытягивался до тех пор, пока ее нога не стала вдвое больше нормальной длины, и я начал подпрыгивать вверх, а затем снова вниз, как будто бы висел на резинке. Я быстро взглянул вниз, но там был виден сплошной туман. Материал космического скафандра прочен, но он никогда не был рассчитан на такое растяжение. Что-то надо было делать.

— Прекрати подъем! — крикнул я, и Ангелина немедленно отреагировала.

Мы были в свободном падении, и как только движение замедлилось, нога скафандра сократилась и швырнула меня вверх, в объятия Ангелины.

— Хм!..— только и сказал я.

Она взглянула вниз и, взвизгнув, вновь включила гравитатор на полную мощность. На этот раз я не был готов к этому, а посему выскользнул из ее объятий и падал теперь по направлению твердого ландшафта, внезапно открывшегося внизу.

За те доли секунды, что были мне отпущены, я сделал то немногое, что мог. Распластавшись в воздухе, широко расставив руки и ноги, я постарался приземлиться прямо на спину. И почти добился этого до удара.

Все потемнело, я был уверен, что погиб, темнота заполнила мой мозг, промелькнула последняя мысль. Это было не только сожаление о том, что мало было сделано, но и то, что некоторые вещи я мог бы делать намного чаще.

Я не мог быть без сознания больше нескольких секунд. Рот был полон грязи неприятного вкуса, я выплюнул ее, выскреб еще больше из глаз и огляделся. Я плавал в полужидком море грязи и воды, из которой вырывались большие пузыри и лопались с легкими хлопками. Они источали зловоние. Дистрофичного вида камыш и водяные растения росли по берегам.

— Жив! — заорал я.— Я жив! — Шлепнувшись на сиропообразную поверхность, я распределил удар по всей поверхности спины. Пульсировала боль кое-где в нескольких местах, но, вероятно, ничего не было сломано.

— Похоже, что там очень гадко,— сказала Ангелина, паря в нескольких футах над моей головой.

— Именно так гадко, как это выглядит оттуда, а если ты не возражаешь, мне хотелось бы выбраться отсюда. Не могла бы ты опуститься, чтобы я смог ухватиться за твои лодыжки, что позволит тебе выдернуть меня с таким же звуком, с каким вынимают сапог из грязи?

Гнилое болото с громким хлюпаньем вцепилось в меня, чтобы удержать, и только посопротивлявшись, отпустило, грустно вздохнув. Я болтался на лодыжках своей любимой, пока мы дрейфовали над явно бесконечным болотом, которое исчезало в тумане во всех направлениях.

— Смотри — там, справа! — закричал я.— Как будто канал с проточной водой. Мне, кажется, умывание и чистка не помешают.

— Поскольку я уже намучилась с тобой, не могу не согласиться.

Течение было слабым, но все же было, насколько я мог судить по проплывавшему мимо стволу дерева. Посредине ленивого потока был золотистый песчаный островок, как будто специально для нас приготовленный. Я спрыгнул, как только Ангелина опустилась, и не успела она еще приземлиться, как я уже разделся и соскребал с себя всякую мерзость. Вынырнув, отплевываясь, я увидел, что она сняла душный комбинезон и расчесывает свои длинные локоны, которые в данный момент оказались белокурыми. Это было прелестное зрелище, меня сразу наполнили всяческие романтические мысли, когда яростный огонь пронзил мой мозг. Визжа, как собака, которой прищемили хвост, я катапультировался из воды. Привлекательная и женственная, Ангелина оставалась Ангелиной. Расческа моментально сменилась пистолетом, и в тот момент, когда я дотронулся до песка, прогремел единственный точный выстрел.

Пока она прикрепляла повязку на двойной ряд отметин от зубов на моей ноге, я смотрел на рыбину, наполовину изувеченную выстрелом, но все еще дергавшуюся. Она несколько ошиблась в выборе обеда. В широко разинутой пасти было больше зубов, чем на складе зубопротезного кабинета, в быстро затягивающихся поволокой

глазах горел определенно дьявольский огонек. Схватив ее за хвост, чтобы избежать все еще сокращающихся челюстей, я бросил ее далеко в воду. Это послужило началом бурному волнению на поверхности и, судя по частям тела, которые высовывались из воды, я понял, что был атакован одним из самых небольших экземпляров.

— Двадцать тысяч лет не принесли никакой пользы этой планете,— сказал я.

— Ополаскивайся до конца, а я покараулю. После этого — пообедаем.

Пока я чистился, она отстреливала неуемных хищников, включая одну большую рыбину с жирными боками и рудиментарными конечностями, которая вразвалку вышла из воды, чтобы пообедать мною. Вместо этого мы сами ею полакомились: из ее боков были извлечены прекрасные, толстые куски филе, которые хорошо прожарились под лучом теплового прожектора. Ангелина предусмотрительно прихватила с собой флягу моего любимого вина, что сделало пищу незабываемой. После обеда я вздохнул, рыгнул и удовлетворенно вытер губы.

— Ты не раз спасала мою жизнь за последние двадцать тысяч лет,— сказал я.— Поэтому я больше не сержусь за то, что так внезапно был унесен в эту парилку вместо того, чтобы вернуться в Корпус. Но можешь ли ты по крайней мере объяснить мне, что произошло и что Койпу тебе сказал?

— Он стремился наговорить очень много, но суть я поняла. Он работал на своей машине времени, или как там они ее называют, и сопровождал твои прыжки во времени также, как и тот, о ком он упоминал как о враге, тот, кого ты называешь ОН. Враг сделал что-то со временем, создал вероятностную петлю, которая длилась пять лет, а затем подошла к пределу. Тогда ОН покинул коллапсирующую петлю, а ты — нет. Вот почему Койпу послал меня в прошлое минутами раньше, чем она закончилась, чтобы вытащить тебя. Он дал мне данные темпоральной спирали времени, которые позволят нам сопровождать ЕГО в это время. Я спросила, что предположительно мы должны делать здесь, но он все бормотал: «Парадокс, парадокс»,— и не ответил мне. У тебя есть какие-нибудь идеи насчет того, что должно произойти?

— Все довольно просто. Надо найти ЕГО и убить. Игра стоит свеч. Я два раза пытался убить его: первый раз стрелял в него, второй раз — пустил в ход кумму-

лятивные гранаты; но оба раза меня постигла неудача. Может быть, в третий раз повезет.

— Может быть тебе стоит предоставить мне заботу о НЕМ? — мягко произнесла Ангелина.

— Прекрасная идея. Мы уничтожим его вместе. Мне порядком надоело это временное преследование.

— Как мы найдем ЕГО?

— Проще простого, если у тебя есть энергетический детектор времени.

Благодаря предусмотрительности Койпу он был, и Ангелина протянула мне его.— Обыкновенный щелчок выключателя и стрелка покажет нам направление к нашему врагу.

Щелкнул переключатель, но лишь освободил немного сконденсированной влаги, которая вытекла мне на ладонь.

— Кажется, он не работает,— сказала Ангелина, ласково улыбаясь.

— Либо так, либо они не пользуются в данный момент темпоральной спиралью.— Я покопался в своем снаряжении. Мне пришлось оставить свой скафандр и некоторые другие вещи в 1807 году, но Скользкий Джим никогда не расстается со своим искателем. Я гордился приспособлением, которое изобрел сам, и это была одна из вещей, что ОН не отобрал у меня. Стойкий к различным средам, он не мог находиться только в расплавленном металле. Компактный, не более чем в ладонь величиной, он мог определять слабейшие проблески радиации в огромном диапазоне частот. Я включил его и провел обычный контроль.

— Очень интересно,— сказал я и попробовал радиочастоты.

— Если ты тотчас же не просветишь меня, я больше никогда не буду спасать тебе жизнь.

— Придется, поскольку ты навеки влюблена в меня. Я нашел два источника, один из них очень слабый и далекий. Другой не может быть очень далеко и прослушивается в большом диапазоне частот, включая атомное и тепловое излучение, а также радиопередачу. И что-то еще очень настойчивое. Достань крем от солнечных ожогов — ультрафиолетовое излучение на максимуме. Держу пари, что мы хорошо поджарились.

Мы смазались кремом и, несмотря на жару, надели достаточно одежды, чтобы защититься от невидимого излучения, льющегося с закрытого тучами неба.

— Странные события происходят на Земле,— сказал я.— Излучение, этот влажный климат, дикая жизнь в реке. Я боюсь...

— Я нет. После выполнения миссии ты можешь выполнить палеонтологические исследования. Давай сначала убьем ЕГО.

— Сказано решительно. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я настрою аппаратуру так, что мы в равной степени сможем оценить преимущества гравитатора.

— Смешно звучит,— сказала она, освобождая стропы.

Легкое, как воздух, дублированное сиамское приспособление подняло нас невысоко над морем грязи и понесло в направлении замеченной активности. Грязь и топь продолжались довольно долго, и я начал ворочаться в стропах, жалея о силовых приспособлениях, когда наконец появилась земля. Сначала это были камни, появлявшиеся из воды, затем — каменистое плато. Потребовалось еще немного энергии, чтобы поднять нас на его край, и тут индикаторная стрелка контроля быстро поползла вниз.

— Скоро придется идти пешком,— сказал я,— что по крайней мере лучше, чем плавание.

— Если только животные на суше не стоят тех, что в воде.

Моя Ангелина всегда оптимистична. И пока я подыскивал ответ поядовитее, гряда камней впереди озарилась вспышкой света, за которой последовала резкая боль в ноге.

— Я ранен! — закричал я, больше от удивления, чем от боли. Потянувшись к тумблерам гравитатора, я увидел, что Ангелина уже убрала мощность.

Мы опускались на большую гряду камней, замедляя ход, и в последний момент остановились. Я перевалился на одной ноге под прикрытие нависающего валуна и подумывал о том, как бы достать мою индивидуальную аптечку, в то время, как Ангелина уже разорвала одежду на ноге, посыпала антисептик на рану, ввела обезболивающее и прозондировала отверстие. Она всегда опережала меня во всем, но никогда не относилась ко мне неуважительно.

— Небольшое проникающее ранение,— объявила она, обрабатывая рану аэрозолью.— Заживет быстро, нет сомнений, не наваливайся на нее, а я пока убью того, кто бы там ни был.

Я ослаб от лекарств и, прежде, чем успел ответить, она бесшумно исчезла среди камней. Нет ничего похо-

жего в мире на любящую жену, которая в то же время — хладнокровный убийца. Хотя брюки носил я, пистолеты носили мы оба.

Вскоре после ее ухода послышались звуки разрывов, шум катящихся камней и, спустя некоторое время после этого, послышалось несколько ужасных криков, которые сменились гробовым молчанием. Надо отдать дань доблести Ангелины, я ни на секунду не усомнился в ее безопасности. Я задремал, обессилев от лекарств, циркулирующих в моей крови, и проснулся только тогда, когда почувствовал, что меня дергают за стропы гравитатора. Я вскрикнул и уставился, моргая, на нее, когда она распласталась рядом.

— Можно мне спросить, что произошло? — спросил я.

Она нахмурилась.

— Там был только один человек, я не нашла других. Это что-то вроде фермы, какой-то цех и поле злаков. Должно быть, я подскользнулась. Сбила его, а потом еле смогла удержаться, чтобы не убить его, пока он лежал без сознания.

Я поцеловал ее, пока мы поднимались.

— Сознательнее, моя сладкая, прошу тебя. Некоторые из нас родились с этим, другим это было хирургически посажено. Результат один и тот же.

— Не думаю, чтобы мне это нравилось.

— Когда-нибудь мы все станем цивилизованными.

Она вздохнула и кивнула, а затем быстро чмокнула меня в щеку.

— Возможно, ты прав. Но насколько интереснее было бы раздробить его на мелкие кусочки.

Мы были теперь над осыпью и господствующим здесь утесом. Здесь, на вершине, было небольшое плато, на котором находилось приземистое здание, сложенное из сцементированных камней. Дверь была открыта, и я протиснулся в нее, опираясь на плечо Ангелины. Слабый свет, падающий из маленьких окошек, открывал большую, в беспорядке, комнату с двумя скамьями около дальней стены. На одной из них лежал связанный человек, который ворочался и бормотал что-то сквозь кляп.

— Забирайся в другую постель,— сказала Ангелина,— а я пока посмотрю, можно ли добиться чего-нибудь человеческого от этого ужасного существа.

Я уже сделал первые шаги в направлении скамьи, как вдруг одна мысль проникла в мои путанные соображения, и я остановился, как вкопанный.

— Постели. Их две. Кто-то должен быть еще, здесь рядом.

Ответ застыл на губах Ангелины, так как в дверях позади нас, громыхая, появился человек, паля из весьма шумного оружия.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Он шумел главным образом из-за того, что оружие было выбито из его рук, как только он нажал на спуск. Немного позже его выбросило за дверь. Я увидел все это, когда с разбегу грохнулся, покатившись и вытаскивая пистолет в тот момент, когда Ангелина отшвыривала свой в сторону.

— Ну, с этого достаточно,— сказала она, обращаясь к явно безмолвной паре ботинок в дверном проеме.

— Пережиток это цивилизации или нет, я считаю, что стрельба — лучшее средство самообороны. Я увидела этого среди камней. Он подкрадывался к нам, когда мы подлетали, но я не смогла попасть в него. Сейчас будет немного тише, я приготовлю вкусный тепловой суп, а затем ты подремлешь...

— Нет.— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь говорил «нет» более твердо. Я выпучил глаза и пожирал ими ее, продолжая свой монолог в том же тоне: — Есть, конечно, определенное пассивное удовольствие, когда за тобой ухаживают и наставляют, как глупого ребенка — но с меня достаточно. Я напал на след и прогнал ЕГО из двух болот, в которых ОН обитал, и потому хочу покончить с ним сам. Я знаю ЕГО методы. И я во главе этой экспедиции, поэтому ты будешь следовать за мной, а не вести меня, и подчиняться приказам.

— Есть, сэр,— ответила она, опустив ресницы и склонив голову. Не для того ли, чтобы скрыть улыбку? Об этом я не думал.— Я — глава.

— Есть, босс,— сказала она весело и захихикала, в то время как командир ворочался и сопел на кровати, а ботинки в дверном проеме оставались без движения.

Мы приступили к работе. Наш пленник начал шумно ругаться на неизвестном языке, когда я вытащил кляп, и попытался укусить меня за палец, когда я его пере-

ворачивал. На полке стоял грубого вида приемник, который начал передавать новости на языке аборигенов, когда я включил его. Поиски Ангелины были намного продуктивнее моих — она подкатила к двери ужасное транспортное средство, выглядевшее как наспех собранная пурпурная пластиковая ванна, закрепленная на четырех осях с колесами. Оно забормотало и зашипело на меня, когда я взобрался наверх, чтобы изучить его управление.

— Очень простое в обращении,— сказала Ангелина, показывая свою техническую осведомленность.— Здесь есть выключатель, который ее заводит. И две рукоятки для поворота колес в стороны. А также рычаг. Вперед — для увеличения скорости, назад — для остановки...

— И нейтральная середина,— сказал я, чтобы продемонстрировать свою осведомленность, а также мужское превосходство.

— А этот покрытый свинцом чурбан посередине должно быть ядерный генератор. Негерметичный желоб с радиоактивным материалом, нагреватель жидкости, вот здесь — преобразователь тепла, вторичная жидкость для привода электрического генератора, двигатели на каждом колесе. Ужасно примитивно, но практично. Куда мы на нем поедем? — Она показала.— Там, кажется, дорога или что-то вроде тропы, идущей через обработанное поле. И насколько я помню — знаю, ты сразу поправишь меня — это в том самом направлении, откуда ты засек сигналы.

— Тогда выезжаем,— сказал я командным голосом.

— Мы убьем пленника? — спросила она с надеждой.

— Нет, благодарю. Но я возьму его одежду, поскольку моя превратилась в тряпку. Если мы сломаем радио, то оставим в секрете для кого бы то ни было, что прибываем. Он перегрызет свой кляп и веревки за пару часов, так что можно возложить на него обязанность по похоронам напарника. А мы оседлаем своего коня и отправимся в путь.

Твердость моего авторитета слегка потускнела от скрипа костей под остатками моей рубашки, скребущими по быстро краснеющей поверхности тела. Пока Ангелина успокаивала радио, я наложил еще крема на кожу. Несколькими минутами позже мы тряслись по хорошо наезженному тракту, который петлял по плато.

В этом месте было меньше тумана, но не на что было бросить взгляд. Грубый ландшафт пересекался оврагами, уносящими воду после частых ливней, а также

перемещали тонкий пахотный слой, который еще оставался. Худосочные растения прижимались к камням в надежде найти защиту от непогоды. Вскоре мы пересекли ответвляющуюся колею, но указатель направления на искателе держал нас на верном курсе. Твердые сидения были в высшей степени неудобны, и я приветствовал собирающиеся сумерки — что, конечно, я не сказал вслух — и повернул на заросший холм на ночлег.

Утром я был еще слаб, но чувствовал себя лучше. Живительные лекарства вызвали бешеный пост в моих клетках, что наполовину залечило всевозможные раны и разбудило дьявольский аппетит. Мы пообедали и выпили из запасов, которые принесла Ангелина, соединив их с черствым хлебом и сушеным мясом, изъятыми у воинственных фермеров. Ангелина взяла управление в свои руки, а я держал пистолет, совсем не восторгаясь меняющимся ландшафтом. Колея теперь петляла вниз по склону плато, сменяющегося вертикальным каменным откосом. Затем появилось еще несколько топей и неприятные на вид джунгли, в которые углублялась дорога. Ползучие растения росли достаточно низко, чтобы причесать наши головы, другие — сплетались наверху. Воздух, которым и так было невозможно дышать, стал еще более горячим и влажным.

— Не нравится мне это место,— сказала Ангелина, объезжая болотистую поляну, которая растянулась поперек дороги.

— Мне оно нравится еще меньше,— добавил я, сидя с пистолетом в одной руке и обоймой взрывчатки в другой.— Если дикая жизнь здесь чем-нибудь похожа на ту, что в реке, у нас будет достаточно развлечений.

Постоянно начеку, я смотрел вперед, назад, вправо и влево и жалел о том, что глаза у меня не на стебельках. Среди деревьев мелькали бесчисленные подозрительные тени, изредка доносились тяжелые удары, но ничто не появлялось, чтобы угрожать нам. Единственное, за чем я не следил, это за поверхностью дороги, а именно здесь нас подстерегала опасность.

— Там поперек дороги упавшее дерево! — воскликнула Ангелина.— Просто переедем через него...

— Я бы не стал! — выкрикнул я, но немного опоздал, потому что колеса нашей машины уже перевалились через ствол зеленого цвета, который лежал поперек дороги и терялся в джунглях по обе стороны.

Центральные колеса были как раз на нем, когда он вздрогнул и изогнулся в большую петлю. Повозка перевернулась и мы с Ангелиной были резко выброшены. Но не совсем аккуратно. Ударившись о землю, я покатился, втянув голову в плечи, и встал с пистолетом наготове. И правильно сделал. Псевдоствол плавно извивался, пока из зарослей около дороги не появилась его передняя часть.

Змея. С большой, как бочонок, головой, разинутой пастью, шевелящимся языком, с глазами-бусинками, шипящая, как паровой котел. Справа от этой пасти сидела Ангелина, тряся головой и совершенно не понимая, что происходит. Оставалось время только для одного выстрела, и я не хотел промахнуться. Как только эта голова стала опускаться, я подпер левой рукой пистолет и выпустил заряд прямо в пасть этому чудовищу. С глухим стуком отстреленная голова упала в облаке дыма.

Это был конец, но судорога охватила все мускулистое тело. Прежде, чем я смог скрыться, извивающаяся петля ударила меня, обвилась вокруг и швырнула на деревья. После этого я с треском пролетел сквозь ветви, и одна из них двинула меня по затылку и все закончилось взрывом боли.

Не знаю, сколько прошло времени. Меня привела в сознание боль в голове и я увидел что-то маленькое и коричневое со множеством когтей и зубов, которое пыталось разорвать одежду на ноге в надежде пообедать. Первый же голодный укус привел меня в чувство и, не дожидаясь второго, я ударил животное ботинком. Оно заворчало в ответ на это и показало мне все свои зубы, но тут же скрылось в зарослях после моей слабой попытки еще одного удара в его направлении. Я чувствовал себя очень слабым. Еще немного времени ушло, чтобы собраться и вспомнить, что произошло. Дорога, змея, удар...

— Ангелина! — заорал я и попытался встать на ноги, игнорируя волны боли, которые переливались во мне.— Ангелина!

Ответа не было. Я проталкивался через колючий кустарник навстречу неприглядному зрелищу. Длинный ряд коричневых животных, родственных тому, что упало на меня, работало над телом змеи и уже освободило большие части скелета, похожие теперь на отполированные прутья клетки. Мой пистолет исчез. Я вернулся назад и исследовал то место, где упал, но его там не было. Что-то

было не так. Совсем не так. И неприятный холодок паники стал закрадываться мне в душу.

Пока я стоял вдалеке от них, жующие твари игнорировали меня, поэтому я сделал крюк вокруг дороги. Ангелины не было. И машины тоже.

Этот неоспоримый факт никак не приживался во мне среди боли и ран. Надо было что-то делать с насекомыми, которые жужжали вокруг раны в голове. Моя аптечка все еще была в кармане, ею я в первую очередь и воспользовался. Через несколько минут я уже не чувствовал боли, был простимулирован и готов к действию. Но к какому действию? Мелькающие мысли пытались сосредоточиться на том, где же машина. Ее следы были видны в грязном грунте, который так же ясно показывал тайну исчезновения Ангелины. Там были по крайней мере два отпечатка больших мускулистых ног, как раз вокруг того места, где была перевернута машина. Еще был след от колес другой машины. Либо за нами ехали, либо это случайные туристы, появившиеся на сцене после инцидента со змеей. Комья грязи и примятая трава показывали, что обе машины уехали в том же направлении, куда двигались и мы. Я аллюром припустился за ними, пытаясь не думать о том, что могло произойти с Ангелиной.

Мой бег продолжался недолго. Из-за жары и усталости пришлось перейти на быстрый шаг. Стимулятор и освежители избавили меня от этих неудобств. Следы были ясно видны и я шел по ним. Менее чем через час дорога выбралась из джунглей навстречу пострескавшимся скалам. Повернув за поворот, я мéльком увидел машину, стоявшую впереди, и быстро вернулся назад. Нужен план. Мой пистолет исчез, поэтому вопрос о том, чтобы перестрелять похитителей, даже не вставал. Несколько оставшихся приспособлений моей экипировки не могли быть оружием, хотя у меня была целая пригоршня гранат, которые дала Ангелина. Это было решением проблемы. Горстка слезоточивых бомб, для того, чтобы вывести похитителей из строя прежде, чем они успеют выстрелить в меня. И пара кусочков взрывчатки на случай, если враг далеко от Ангелины и придется применить более серьезное средство уничтожения.

С этим вооружением я крался от одного камня к другому, затем глубоко вздохнул и прыгнул на открытое место, где стояли обе машины.

И тут же получил удар деревянной дубинкой по затылку. Часовой тихо ожидал всякого, на ком можно было бы применить это эффективное средство.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я был без сознания всего доли секунды, но этого оказалось достаточно, чтобы связать мне руки и ноги и отобрать все вооружение, которое на мне нашли. За эту оплошность я мог винить только себя и свою невнимательность. Усталость и стимуляторы сделали свое дело, меня протащили по траве и бросили рядом с Ангелиной.

— У тебя все в порядке? — прохрипел я.

— Конечно. И намного лучше, чем у тебя.

Это было правдой. Ее одежда была порвана лишь в некоторых местах, сквозь прорехи были видны синяки от падения на землю. Кое-кто должен заплатить за это и заплатить сполна. Я услышал, как скрипят мои зубы. Она была связана, так же как и я.

— Они подумали, что ты мертв,— сказала она.— И я тоже.— Ее слова были полны таким невысказанным чувством, что я попытался улыбнуться, но улыбка получилась неискренней.— Я не знаю, сколько мы лежали там, я тоже была без сознания. Когда я очнулась, то была уже связана и они забрали все пистолеты и весь груз из нашей машины. Потом мы поехали. Я никак не могла остановить их. Все они разговаривают на этом ужаснейшем языке.

Выглядели они так же безобразно, как звучал их язык. Все в неряшливой одежде, подпоясанные кожанными ремнями, с неухоженными бородами и копнами грязных волос на голове. Я имел неосторожность более пристально взглянуть на одного из них, как вдруг он подошел ко мне и стал вертеть мою голову из стороны в сторону, сравнивая мою потрепанную наружность с качественной фотографией, которая была у него в руках.

Я лязгнул зубами в сторону его пальцев, но он их вовремя отдернул. Это, должно быть, один из ЕГО людей. Фотография это доказывала, хотя я и не знал, где он мог раздобыть ее. Нет сомнения, что она была сделана

во время наших встреч во времени и до сих пор хранилась в его кармане. В этот момент я заметил, как этот, самый вонючий и безобразный из всех, влюбленно смотрит на Ангелину. Я вцепился в его ногу, но был отброшен, как футбольный мяч.

Надо отдать должное Ангелине, она всегда была целеустремленной девушкой. Когда она знала, чего хотела, то всегда получала это, независимо от способа. Сейчас она увидела единственный путь, которым мы могли выбраться из этой кутерьмы, и использовала его. Женские чары. Без тени сомнения она стала расточать знаки внимания этому ужасному животному. Она не могла говорить на их языке, но язык, на котором она изъяснялась, был стар, как мир. Отвернувшись от меня, она улыбнулась волосатому скоту и кивком головы подозвала его. Ее плечи были откинуты назад, очаровательная фигура четко очерчена, бедра застенчиво отклонены.

Конечно, это сработало. Среди этих скотов возникла небольшая оживленная дискуссия, но волосатый сбил одного из них с ног, прекратив этим дебаты. Они с ревностью смотрели, пока он шествовал к ней. Она улыбнулась ему со всем возможным теплом и страстно протянула ему свои связанные руки.

Какой мужчина мог сопротивляться этому бессловесному приглашению? Конечно, не этот неуклюжий самец. Он обрезал путы на ее руках и отложил нож, когда она подтянула развязанные ноги. Он потянул ее за ступню и Ангелина нетерпеливо поднялась. Он заключил ее в медвежьи объятия, склонив к ней лицо.

Я мог бы сказать ему, что он находился бы в большей безопасности, если бы попытался поцеловать саблезубого тигра, но я не стал этого делать. Что произошло потом, видел только я, поскольку ревнивые наблюдатели были закрыты громадой его тела. Кто бы мог представить, что нежные пальчики могут собраться в одно твердое острие, а тонкая рука может так глубоко проникнуть в брюхо этого животного? Прелестно. Он продолжал наваливаться на нее, лишь слегка вздрогнув. Еще мгновение она удерживала его вес, затем отступила назад, закричав когда он упал на землю. Прекрасная картина женской невинности, руки у шеи, широко раскрытые глаза, пронзительный крик при странном поведении сильного мужчины, корчащегося у ее ног. Конечно, двое других подбежали,

на их лицах росло выражение холодного удовлетворения. Первый нес мой пистолет.

Ангелина занялась им. Как только он подбежал достаточно близко, она бросила в него нож, который вытащила у этого ублюдка, прежде чем ранить его. Я не видел, куда она попала, потому что третий в этот момент побежал в моем направлении, и я согнул ноги в надежде, что он окажется рядом. Так и произошло. Я выбросил ноги вперед и попал ему по коленям, моментально сбив его с ног. Как только он грохнулся, я перекатился вперед и, прежде чем он смог встать, ударил обеими ботинками в висок. Потом повторил процедуру. На этом все кончилось. Ангелина вытянула нож из своей неподвижной жертвы, вытерла его об одежду, затем подошла освободить меня.

— Ты убьешь тех, которые еще дергаются? — спросила она с притворной сдержанностью.

— Надо бы, но хладнокровное убийство не для меня. Думаю, что с них достаточно. Полагаю, что если мы возьмем их запасы и сломаем машину, этого хватит. Ты была великолепна.

— Конечно. Вот почему ты и женился на мне,— она быстро поцеловала меня, потому что немного позднее ей пришлось повернуться и приложиться каблуком ко лбу лохматого, который начал шевелиться. Он снова затих. Мы собрались и поехали.

Мы были недалеко от цели, и несколькими часами позже стало ощущаться движение воздуха, которое становилось все сильнее по мере продвижения по дороге среди скал. Внезапный поворот привел нас к концу аллеи, резко уходящей вниз — я бросил машину в вираж и, развернувшись, скрылся за поворотом.

— Ты видела? — спросил я.

— Конечно же,— ответила Ангелина, пока мы ползли вперед на животах, на этот раз более осторожно выглядывая за поворот. Ветер здесь был сильнее, он нес влагу на широкую аллею из невидимого водоема откуда-то снизу. Воздух здесь был прохладнее и, хотя наверху нависали вездесущие облака, в аллее не было тумана. Напротив нас высилась гора, переходящая в монолитный утес, на котором возвышался черный колоссальный камень. Эррозия превратила его в фантастическое сплетение башен и башенок, люди развили его дальше, создав замок, покрывающий вершину горы.

Там были окна и двери, флаги и вымпелы, лестницы и подпорки. Флаги были ярко красные, исчерченные едва заметными черными изображениями.

— Это нелогично, я знаю,— сказала Ангелина,— но меня от этого местечка бросает в дрожь. Оно выглядит... трудно объяснить, возможно, «бессмыслица» — лучшее слово для этого.

— Абсолютно точно. Это означает, что если мы в нужном пространстве и времени, то место, которое выглядит вот так, должно быть его местом пребывания.

— Как мы доберемся до него?

— Очень хороший вопрос,— сказал я вместо нормального ответа. Как бы забраться в этот чертов замок? Я почесал затылок и потер лоб, но эти незаменимые рецепты на этот раз не сработали. Уголком глаза я заметил какое-то слабое движение, и посмотрев в ту сторону, потянулся за пистолетом и остановился на полпути.

— Не делай резких движений и не хватайся особенно за пистолет,— спокойно сказал я Ангелине.— Обернись, не торопясь.

Мы повернулись вместе, стараясь не делать ничего, что могло бы вызвать движение пальцев, лежащих на спусковых крючках дюжины или около того людей, которые бесшумно появились позади нас и стояли с направленными в нашу сторону ружьями.

— Будь готова упасть вперед вслед за мной,— сказал я и повернулся назад, чтобы увидеть еще четырех людей, которые появились так же бесшумно на аллее прямо перед нами.— Отменяю последнюю команду, улыбайся нежно и непринужденно. Разделаемся с ними, когда окажемся посреди них.

Это последнее было больше похоже на моральный стимулятор, чем руководство к действию. Непохожие на людей с дикими взглядами, у которых мы отобрали многоколесный драндулет, эти были намного спокойней и тверже. Они были одеты в одинаковые серые пластиковые комбинезоны, которые переходили наверху в шлемы, закрывающие головы. Их оружие было длинным, словно ружья с раструбами на концах и смертоносным на вид. Мы послушно затрусили вперед, когда один из них стал махать рукой в нашем направлении. Другой из членов этого сужающегося круга выступил вперед и осмотрел

нас, но подошел не слишком близко, видимо, для того, чтобы остальные в случае чего смогли применить оружие.

— ...? — спросил он на непонятном языке, потом повторил на другом, поскольку мы молчали.

Когда он не получил ответа на эти непонятные вопросы, то повернулся к громадному человеку с красной бородой, который, очевидно, был главарем.

— Кто вы? — спросил тот на эсперанто с резким акцентом.

— Ну, это уже лучше,— ответил я натом же языке.— Могу я спросить вас, джентльмены, почему вы находите нужным направлять оружие на простых путешественников, как мы.

— Кто вы? — повторил Красная Борода, выходя вперед.

— Могу я спросить вас об этом же?

— В моих руках оружие,— ответил он холодно.

— Преклоняюсь перед вашей логикой. Мы туристы, с той стороны моря...— он прервал меня коротким резким словом.

— Это невозможно, так как мы оба знаем, что на этой планете всего один материк. А теперь правду.

Единственный континент? Что же случилось с матерью Землей за эти двадцать тысяч лет? Ложь не прошла, но может быть сработает правда. Иногда это бывало.

— Поверите ли вы мне, если я скажу, что мы путешественники во времени?

Это достигло цели. Он выглядел озадаченным, в то время как среди людей, стоявших ближе и слышавших, что я сказал, началось движение. Красная Борода строго на них поглядел, прежде чем снова заговорить.

— Какую вы имеете цель и какое отношение вы имеете к НЕМУ и тем существам наверху, в городе?

Многое зависело от моего ответа. Правда уже сделала свое дело, должна сработать и на этот раз. Кроме того, он сказал «существа», а это мог быть ключ к разгадке. Нельзя поверить, чтобы это молчаливое и дисциплинированное воинство было на стороне врага.

— Я должен убить ЕГО и сорвать их планы.

Это произвело должный эффект, некоторые из людей даже опустили ружья, прежде составляющие единую линию. Красная Борода пробормотал команду и один из людей поспешно отправился куда-то. Мы стояли молча, пока он возвращался с зеленым металлическим кубом размером с его голову, который он протянул командиру. Должно

быть, он был полон, потому что нес он его нелегко. Красная Борода поднял куб.

— Мы имеем их более сотни. Они спускались с неба весь месяц и во всем идентичны. Мощный сигнал изнутри приводит нас к ним, но мы не смогли ни разрушить, ни разрезать металл. На внешней стороне на пяти гранях куба нанесен текст на разных языках. Те, которые мы знаем, сообщают одно и тоже. Передайте это путешественникам во времени. На днище куба есть две надписи, которые мы не смогли прочитать. Вы можете?

Он осторожно передал куб мне и я взял его с еще большей осторожностью, так как все ружья были направлены на меня с ювелирной точностью. Металл казался очень прочным, и наверняка превосходил твердостью сплав, используемый для атомных космических лайнеров. Я осторожно повернул куб днищем вверх и сразу прочел обе строки перед тем, как вернуть его.

— Я могу прочитать их,— сказал я и все удивились перемене в моем голосе.

— Первая строка гласит, что ОН и ЕГО люди покинут этот интервал времени точно через два дня и семь часов после моего прибытия сюда.

Раздалось бормотание. Ангелина опередила Красную Бороду с тем же вопросом:

— А что во второй строке?

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— О да. В ней говорится, что планета будет разрушена ядерными взрывами, как только они уйдут.

XXX XXX XXX

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Тент был сделан из того же серого материала, что и одежда наших похитителей, и хорошо защищал от парной атмосферы снаружи. Небольшой агрегат урчал в углу, стерилизуя и охлаждая воздух, присутствовали даже прохладительные напитки. Хотя оружие все еще было на виду, в действиях сквозило невысказанное доверие. Красная Борода решил закрепить его.

— Я выпью с вами,— сказал он.— Я Диян.

Это было похоже на ритуал, поэтому я повторил формулу и представился, то же сделала и Ангелина. После

этого оружие исчезло. Я сел там, где мог вовсю наслаждаться бризом от кондиционера и решил сам задать несколько вопросов.

— Есть ли у ваших людей более тяжелое вооружение, чем эти ружья?

— Того, что необходимо — нет. То немногое, что мы принесли, было выведено из строя во время сражения с ЕГО силами.

— Не слишком велик этот континент, чтобы перебросить его из вашей страны?

— Размеры континента не играют роли. Наши космические корабли слишком малы, а все приходится доставлять с нашей родной планеты.

Я быстро заморгал, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

— Так вы не с Земли? — спросил я.

— Наши предки отсюда, но сами мы уроженцы Марса.

— Не смогли бы вы сообщить мне немного больше фактов?

— Простите, я думал, вы знаете. Позвольте наполнить ваш бокал. История эта началась много лет назад, когда внезапное изменение солнечной радиации увеличило температуру здесь, на Земле. Под словом «внезапное» я, конечно, подразумеваю многие годы, столетия. С изменением климата и таянием ледяных шапок было поставлено под угрозу существование жизни на Земле. Изменялись береговые линии, затоплялись низины, были стерты большие города. С этим можно было бороться, но сейсмическая деятельность привела к смещению масс на поверхности Земли, полюса освободились от ледяного покрытия и освобожденная вода покрыла другие области. Землетрясения и потоки лавы, опускающиеся земли и возникающие новые горы. Все это было ужасно, мы много раз видели видеозаписи в наших школах. Интернациональными усилиями была запущена экспедиция для освоения Марса, чтобы сделать его пригодным для обитания людей. Это требовало изменения атмосферы с увеличением содержания двуокиси углерода, чтобы смягчить радиацию Солнца, транспортировку льда с колец Сатурна и так далее. Это было сделано с большой амбицией в расчете на скорый успех, но народы Земли потерпели банкротство, отдав все свои силы этой нечеловеческой попытке. Наступил упадок, войны, слабые правительства пали и жестокие люди стали бороться за большой кусок жизненного про-

странства в новом мире. В это время вода продолжала подниматься и первым поселенцам на Марсе пришлось сражаться против жадных завоевателей с едва живого мира, чтобы сохранить порядок. В истории эти годы известны как Годы смерти, так как погибло очень много людей — цифры невероятные. Но в конце концов мы уцелели и Марс — зеленый и гостеприимный мир.

Земля несчастна и по сей день. Контакт между планетами был прерван и выжившие из многих миллионов бились здесь в смертельной битве за жизнь. У нас нет видеозаписей этого периода длиной в тысячи лет, но результат налицо. Это единственный континент, оставшийся над водой, есть также несколько островов, отмечающих былые горные системы. А также ужасные законы землян. Когда была возможность, мы перестраивали старые космические корабли и помогали чем могли. Наша помощь не была оценена. Выжившие убивали чужаков и получали от этого удовольствие. Все люди — чужаки. Солнечная радиация создала здесь мутации всех видов среди людей, растений и животных. Многие мутанты быстро погибли, а выжившие находятся на одном уровне. Итак, мы помогали чем могли, но реально сделали очень мало. Люди служили постоянной опасностью друг для друга, но не для Марса. До тех пор, пока ОН не объединил их несколько сот лет назад.

— Действительно ли он жил все это время?

— Похоже на то. Его разум такой же «вывернутый», как и у остальных, но ОН может сотрудничать с ними. Они идут за НИМ. И в самом деле, они вместе работают, строя город, который вы видели, создавая подобие общества. ОН — настоящий гений, хотя и извращенный. У них есть работающие фабрики и элементарная технология. Первое, что они сделали, это запросили большую помощь с Марса и не поверили, когда мы ответили, что они и так получают по максимуму. Их безумные требования не тревожили бы нас, если бы у них не было межпланетных ракет с атомными зарядами, которые были направлены на нашу планету.

После того, как здесь появились первые установки, была организована эта экспедиция. На Марсе мы выжили благодаря взаимопомощи, у нас не было иного пути, поэтому мы не воинственный народ. Но нам пришлось создать оружие и применить его, чтобы обеспечить свое существование. ОН — причина всех наших бед, поэтому мы долж-

ны захватить или убить ЕГО. Если нам придется для этого уничтожить других, мы пойдем и на это. Тысячи умирают в своих домах и радиация проникает в атмосферу Марса.

— Наши цели совпадают,— сказал я ему.— ОН провел временную атаку на наших людей с теми же опасными результатами. Вы очень точно сложили наши различные планы.

— Как мы реализуем их? — нетерпеливо спросил Диян.

— Не знаю,— хмуро ответил я.

— У нас на операцию осталось десять стандартных часов,— произнесла Ангелина. Как все женщины, она была настоящим прагматиком. Пока мы теряли время, плача о прошлом, она пришла к выводу, что решение проблемы принадлежит будущему. Я нахмурился, чтобы высказать свое недовольство ею, но решил отложить это до более подходящего времени, так как времени-то и не оставалось.

— Всеобщая атака,— сказал я.— У нас есть оружие, которое мы можем присоединить к вашему. Атака по всему фронту, мы найдем слабое место, сконцентрируем наши силы, прорвемся к победе. У вас осталось тяжелое вооружение?

— Нет.

— Ну... придется обойтись без него. Как насчет прорыва обороны крепости одним из ваших кораблей, для создания, таким образом, еще одного фронта?

— Все они уничтожены диверсантами, другие прибудут с Марса слишком поздно. Мы не сильны в военной науке и умении убивать, в то время как они живут этим всю жизнь.

— Не оставляйте надежду, ха-ха! — засмеялся я, но прозвучало это некстати. Сумерки были такими плотными, что, казалось, можно отрезать от них куски.

— Гравитатор,— сказала Ангелина так тихо, что только я расслышал ее.

— Мы используем гравитатор,— сказал я громко, чтобы слышали все. Хороший генерал хорош только при быстрой работе штаба.

Весь план был теперь ясен и горел огненными буквами перед глазами.

— Это будет обходная операция. Ангелина вместе со мной оторвет ремни от всего ненужного снаряжения, чтобы дать полную нагрузку гравитатору. Затем мы прикрепим к нему многоместное снаряжение. Я подсчитаю

все точно позднее, а сейчас предполагаю, что он сможет поднять пять или шесть человек через стену внутрь, прежде чем сгорит. Нас с Ангелиной двое, остальные — ваши лучшие люди...

— Нет, это работа не для женщин,— запротестовал Диян. Я понимающе пожал его руку.

— Такая нежная и хрупкая, она стоит десяти любых мужчин, находящихся в этой палатке. А нам потребуется каждый человек, поскольку войска снаружи будут вести вполне реальную атаку, которая может закончиться прорывом. Вначале на главном направлении, а затем на флангах. Когда сражение будет в наивысшей точке, мой отряд перелетит за противоположную стену и пробьет ее. Теперь займемся организацией.

Мы занялись делами. Больше работали мы с Ангелиной, потому что эти мирные марсиане ничего не смыслили в военной науке и, кроме того, были слишком счастливы, переложив ответственность на нас.

Когда все было на мази, я лег передохнуть — был на ногах что-то около двух полных дней и 20 000 лет, поэтому невообразимо устал. Тех трех часов, что я урвал, естественно, было недостаточно, я проснулся ворча и моргая и проглотил стимулятор, чтобы немного прийти в себя. Снаружи было темно, но все так же жарко.

— Мы готовы к отравке? — спросил я.

— Теперь — в любую минуту,— ответила Ангелина, свежая, сосредоточенная, без следов забот, которые ей выпали — должно быть, она тоже принимала стимуляторы.— У нас есть еще около четырех часов, но большая часть из них уйдет на занятие нужных позиций. Атака начнется с рассветом.

— Проводники знают дорогу?

— Они воюют здесь почти год, так что должны знать.

Это был последний бой. Люди знали это. Это было в выражении их лиц и в развороте плеч. Сегодня мог быть только один победитель. Возможно, они не были рождены бойцами, но они быстро учились. Подошел Диян во главе трех мужчин, которые несли металлическое устройство с пристегнутыми ремнями, в центре которого был смонтирован гравитатор.

— Мы готовы,— сказал он.

— Каждый знает, что ему нужно делать?

— Точно. Мы уже попрощались и отряды первого удара двинулись.

— Тогда и мы пошли.

Диян шел впереди, хотя я до сих пор не пойму, как он находил дорогу в этой темной парилке. Мы плелись за ним, согнувшись под тяжестью ноши, и чем меньше я скажу о последующих часах, тем лучше. Рассвет застал нас у цели — самой высокой и самой крепкой стены.

Когда она появилась перед нами из сумерек, то вовсе не казалась привлекательной. Я сжал руку Ангелины, чтобы показать, как я бесстрашен и подбодрить ее. Она сжала в ответ мою руку, чтобы показать, что знает — я испуган, как и все остальные.

— Мы сделаем это, Джим,— сказала она,— ты ведь знаешь.

— О, все будет в порядке, предсказатель будущего доказывает это. Но он сегодня не может показать, сколько людей погибнет, или кто из нас останется в живых в обозримом будущем.

— Мы бессмертны,— сказала она с такой уверенностью, что я рассмеялся и мой моральный уровень поднялся до обычных эгоистических вершин. Я звучно поцеловал ее.

Внезапно впереди раздались взрывы, отражаясь и перекатываясь по стенам, как раскаты грома. Атака началась. Время пришло и теперь все измерялось им. Я помог всем влезть в стропы и после этого посмотрел на часы. Когда подошло время, я тоже надел ремни и проверил ручки гравитатора.

— Пристегнитесь,— скомандовал я, наблюдая, как бегут секунды,— и будьте готовы разрезать ремни, когда мы приземлимся с той стороны.

Я нажал кнопку и с металлическим звоном мой маленький отряд из шести человек поднялся в воздух для атаки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мы поднимались вдоль черной поверхности камня как медленный лифт — хорошая мишень для любого, у кого есть оружие и меткий глаз. Мне приходилось наращивать скорость постепенно, чтобы наша конструкция не развалилась, но я и так задал максимально возможное ускорение до тех пор, пока мы не достигли наибольшей

скорости подъема. Ощутимое тепло стало излучаться от гравитатора, так как ему пришлось работать на полную мощность. Было бы неприятно, если бы он отказал.

Мимо проносились глубокие бойницы, к счастью, никем не охраняемые. Черный камень сменился серой стеной и наверху показалась зубчатая стена парапета. Я направился прямо к ней и убрал мощность, как только мы достигли края. Ускорение подняло нас вверх к высокой арке и после этого события протекали с нарастающей быстротой.

На стене было двое часовых, удивленных и сердитых, готовых открыть огонь. Но мы с Ангелиной выстрелили первыми, используя пистолеты с иглами, чтобы оставаться незамеченными как можно дольше. Оба рухнули в тишине, их лица и шеи были похожи на подушечки для булавок, а я выключил двигатель для приземления.

Посадка! Внизу не было ни дворика, ни прочной крыши! Мы приземлились на куполообразную кровлю большого цеха, сделанную в виде навеса из стеклянных панелей, закрепленных на металлических балках. Мы посмотрели на нее и ужаснулись, а когда подлетели к ней, я включил полную мощность, чтобы остановиться.

Мы столкнулись с внезапным сопротивлением, конструкция тоже изогнулась, хрустнула и стала рассыпаться. Купол был слишком близко, а мы не смогли вовремя остановиться. Шесть пар ботинок ударили одновременно и около шести тысяч квадратных метров стекла полетели вниз.

Это было прекрасно. Бесшумная внезапная атака, принесшая серые привидения в крепость. Основная рама звякнула и наклонилась, некоторые из балок заскользили по ней. У меня мелькнула мысль, что мы последуем за всем этим стеклом, которое теперь со звоном билось внизу, где все сливалось в одну громкую какофонию. Затем гравитатор последний раз сверкнул, сделал рывок и загорелся.

— Обрезайте крепления! — закричал я, обрезая стропы, которые крепили гравитатор к нашей конструкции. Они сопротивлялись, резали руки, затем, наконец, поддались. Гравитатор упал вниз в зал, где кричали находившиеся там люди, и взорвался. Я вздохнул и бросил туда несколько дымовых и зажигательных гранат для большей паники.

— О нашем присутствии теперь все знают,— сказал я, отскакивая в безопасное место,— нужно быстрее выбираться из этого ада и приступать к делу.

Осторожно двигаясь, сбрасывая стекло, которое скользило вместе с балками по наклонной раме, мы, наконец, добрались до безопасного парапета.

— Включи рацию,— сказал я Дияну, когда он добрался до меня.— Прикажи своим ребятам свернуть атаку, если они нигде не прорвались, но не прекращать стрельбу.

— Они были отбиты со всех сторон.

— Тогда прикажи им поберечь себя. Мы сделаем все изнутри.

Мы двинулись. Ангелина и я шли впереди, где могли сбить всякое сопротивление, которое могло возникнуть, в то время как остальные прикрывали фланги и тыл. Мы быстро продвигались вперед. Нам нужно было двигаться как можно быстрее, сея беспорядок по мере продвижения, и найти ЕГО. Первая дверь открылась на огромную винтовую лестницу, уходящую в бесконечность вниз. Мне не понравился ее вид, поэтому я сбросил вниз несколько гранат и мы прижались к стене.

— Куда? — спросила Ангелина.

— Расположение зданий наверху более плотное, чем во всем этом районе,— невдалеке что-то разорвалось, и Ангелина сбила снайпера с окна наверху точным выстрелом навскидку. Мы совершили небольшую перебежку, затем прижались к стене над прямым спуском на нижнюю аллею, пока я выбивал закрытую дверь.

Это место было придумано сумасшедшим. Надо было знать ЕГО, чтобы иметь полное представление. Коридоры и лестницы, стены с острыми углами, в одном месте нам пришлось ползти на четвереньках под низким потолком. Именно здесь произошло первое несчастье. Пятеро из нас уже выбрались из этой комнаты, когда потолок быстро и бесшумно опустился на замыкающего, прежде чем он успел издать хоть один звук. Нас прошиб холодный пот.

Враги, которых мы встречали, были большей частью без оружия и либо разбегались, либо уничтожались иглами наших пистолетов. Теперь мы двигались в полном молчании и так быстро, как могли, между бессмысленно разрисованными стенами, стараясь не смотреть на ужасные рисунки, которые, казалось, покрывают каждый метр свободного пространства.

— Минутку,— тяжело дыша, произнесла Ангелина, останавливая меня, когда мы прошли через высокую арку

к лестнице, которая уходила из виду далеко вниз, причем ступеньки у нее были разной высоты,— ты знаешь, куда мы идем?

— Не точно,— пропыхтел я в ответ,— просто пересекаем всякое сопротивление, удаляясь от поля сражения, и распространяем панику.

— Я думала, у нас более важные задачи. Такая, например, как найти ЕГО.

— У тебя есть какие-нибудь предложения? — должен сказать, что я поторопился это выпалить. Ангелина парировала моментально, с приторной улыбкой.

— А как же. Ты можешь попробовать включить детектор темпорального поля, который висит у тебя на шее. Надеюсь, что есть смысл в том, что мы принесли его сюда.

— Именно это я и собирался сделать,— солгал я, пытаясь скрыть тот факт, что полностью забыл о нем в пылу атаки.

Стрелка поколебалась и указала точно на пол под нашими ногами.

— Идем вниз и только вниз,— приказал я,— там, где работает машина времени, должен быть ОН, тот, из кого я сделаю котлету.

Для меня и это слишком много значило, поскольку это была третья и последняя попытка. Я подготовил специальную бомбу, на которой написал его имя. Это была адская смесь концентратора, гарантирующего коагуляцию протонов в радиусе пяти метров, с грузом отравленной шрапнели и термитного заряда, который должен был сжечь его сгущеное, отравленное тело.

После этого сражение возобновилось с новой силой. Струя пламени и дыма из огнемета преградила на время путь вниз по лестнице. Опаленные и все в дыму, мы проскочили сквозь дыру, которую я пробил бластером, в комнату, напоминающую лабораторию. Ряды реторт тянулись во всех направлениях, теряясь среди кристаллов-шариков. Темные жидкости, испаряясь, наполняли воздух тяжелым запахом. Рабочие не были вооружены, и все попадали перед нами. Теперь мы продвигались медленнее и даже остановились передохнуть.

— Уфф! — сказала Ангелина, переводя дух.— Видел ли ты, что в этих сосудах?

— Нет, и не хочу. Пошли.— Если что и могло вывести всегда спокойную Ангелину из себя, так это мое неже-

лание обращать внимание на те вещи, на которые указывала она. Я обрадовался, когда мы пересекли последнюю комнату и оказались перед другой лестницей.

Мы подходили все ближе к цели. Сопротивление росло и нам приходилось буквально пробивать себе дорогу. Только тот факт, что защищающиеся были вооружены кое-как, позволил нам вообще пробить себе путь. К счастью, большая часть оружия была пущена в ход на стенах, поэтому эти люди выходили на нас с ножами, прутьями и металлическими полосами, со всякой всячиной. Даже с голыми руками. Вопя и толкаясь, они отбрасывали нас только за счет своего численного превосходства. Здесь нас постигло еще одно несчастье, когда человек со шпагой вынырнул из боковой ниши и проткнул марсианина прежде, чем я успел застрелить нападавшего. Они умерли вместе, а нам не оставалось ничего делать, как покинуть их и продолжать прорываться. Внезапно я посмотрел на часы и остолбенел — мы опаздывали.

— Подождите! — громко закричал Диян.— Стрелка, она больше не показывает!

Я подал сигнал всем остановиться в широком проходе, который мы пересекли, и они развернулись, прикрывая фланги. Я посмотрел на детектор энергии времени, который нес Диян.

— Куда он показывал, когда ты в последний раз смотрел на него?

— Прямо вперед, вниз по коридору. И стрелка совсем не наклонялась, как будто эта машина, на которую она указывала, находится на этом уровне.

Она работает только тогда, когда темпоральная спираль заряжена. Должно быть, она уже отключилась.

— ОН мог уйти? — спросила Ангелина, вслух высказав то, что я пытался выкинуть из головы.

— Наверное, нет,— сказал я с деланной уверенностью,— в любом случае нужно пробиваться насколько это возможно. Итак, вперед!

Мы прорвались. И столкнулись с еще одним несчастьем, когда пытались пройти аллею деревьев со свисающими ветками, сплошь покрытыми иглами. Они были смазаны ядом. Обмундирование и гранаты служат недолго. Затем произошла мимолетная перестрелка в конце коридора, которая опустошила мой пистолет с иглами. Я откинул его в сторону и ударил в тяжелую дверь, которая перекрывала коридор в этом направлении. Ее нужно было

взорвать, а гранаты кончились. Я повернулся к Ангелине как раз в тот момент, когда плита, находящаяся рядом с дверью, скользнула вверх.

— Ты проиграл в последний раз,— сказал ОН, подло ухмыляясь мне с экрана.

— Я всегда ждал этого разговора,— сказал я, затем обратился к Ангелине на языке, которого ОН не понимал:— Остались еще гранаты?

— Я говорю, а вы будете слушать,— сказал ОН.

— Одна,— ответила Ангелина.

— Я весь внимание,— сказал я ему.— Взорви эту дверь,— обратился я к ней.

— Я разместил всех людей, которые мне нужны, в надежном месте, в прошлом, где нас не найдут. Я отослал туда все нужные машины, послал туда все необходимое для постройки темпоральной спирали. Я ухожу последним, и когда уйду, спираль саморазрушится.

Взорвалась граната, но дверь осталась стоять. Ангелина расколола ее разрывными пулями. ОН продолжал говорить, как будто ничего не произошло:

— Я знаю, кто ты, маленький человечек из будущего, знаю, откуда ты. Тем не менее я уничтожу тебя, мой личный враг, а после этого и прошлое, и будущее, и вся вечность будут мои, мои, мои!!!

ОН орал и размахивал руками, а тем временем дверь упала и я первый ворвался внутрь. Мои пули крушили деликатную механику спирали, бомба с надписью «ОН» сверкнула в воздухе. Но ОН уже использовал темпоральную спираль — ее зеленый свет угасал — ОН ушел, а спираль, никому не нужная, осталась. Моя бомба разорвалась и причинила больше вреда нам, чем тому, кто только что исчез и кому она предназначалась. Мы попадали на пол, когда смерть просвистела над нами. Когда мы подняли головы, спираль рассыпалась и дымила.

ОН заговорил снова, в то время как ствол моего пистолета смотрел на него:

— Я сделал эту запись на тот случай, если мне придется вас покинуть, за что прошу извинить,— ОН захихикал над собственной плоской шуткой.— Теперь я ушел — ты не сможешь последовать за мной, но я могу сквозь время преследовать тебя. И уничтожить. С тобой другие мои враги, и я хочу, чтобы они тоже увидели мое величие. Они умрут, вы все умрете — я контролирую вечность, уничтожаю миры. Я уничтожу Землю. Я оставляю вам время,

чтобы все обдумать и страдать. Вы не сможете избежать этого... Через час все ядерное оружие на этой планете будет взорвано... Земля будет уничтожена.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Надо было удовлетвориться хоть чем-то, и я сделал один выстрел, взорвав этот проигрыватель, откуда звучал его ненавистный голос. Аппарат разлетелся на облако осколков пластика и элементов электроники. Страшный смех был прерван на середине. Ангелина пожала мою руку.

— Ты поступил очень правильно,— сказала она.

— Но не совсем хорошо. Мне очень жаль, что я втянул тебя в это.

— Я бы не хотела, чтобы случилось по-иному. Чтобы не случилось с нами, мы будем вместе.

— Звучит так, словно с вашими людьми может произойти что-то ужасное,— сказал Диян.— Мне очень жаль.

— Не над чем горевать, мы все в одинаковом положении.

— В каком-то смысле — да. Остался час. Но Марс спасен, и тот, кто умрет здесь, утешится хоть этим. Наши семьи и наши люди будут жить.

— Если бы и я мог сказать тоже самое,— сказал я с невыразимой грустью, подняв пистолет и застрелив двух врагов, которые пытались ворваться сквозь взломанную дверь.— Затерявшиеся здесь, мы потеряли много времени. Мы, еще живые сейчас, скоро сгорим, как свечи.

— Разве мы ничего не можем сделать? — спросила Ангелина.

Я пожал плечами.

— Ничего не могу придумать. Мы не сможем обезвредить водородные бомбы. Оборудование темпоральной спирали уничтожено, так что здесь тоже нет выхода. Нам нужна новая темпоральная спираль, но ее негде взять, если только она не упадет к нам с неба.

Эхом моим словам послужил внезапный треск раскрывшегося пространства наверху, я откатился и принял выжидательную позицию, думая, что это новая атака. Но это оказалось большой зеленой металлической коробкой, ко-

торая повисла в воздухе. Ангелина смотрела на меня, широко раскрыв глаза.

— Если это темпоральная спираль, то хотя бы объясни, как ты это делаешь.

Впервые в жизни я промолчал, а потом и вообще лишился дара речи, поскольку коробка начала приземляться перед нами и, прежде чем она окончательно опустилась, я прочел надпись на ее боку: «Темпоральная спираль. Открывать осторожно». Два гравитатора, прикрепленные к ее вершине, временное приспособление, управляющее ими при спуске, маленький радиопередатчик, также прикрепленный к коробке, с криво выведенной надписью: «Включать здесь» на корпусе. Я застыл и сидел, моргая. Всегда практичная Ангелина вышла вперед и нажала кнопку включения. До нас донесся голос профессора Койпу:

— Я предлагаю вам пошевеливаться. Бомбы, как вы знаете, должны скоро сработать. Меня просили передать тебе, Джим, что аппарат, который приведет бомбы в действие, расположен в этом кабинете у дальней стены, за консервными банками. Он выглядит как портативный радиоприемник, поскольку является таковым. Если его выключить, то бомбы сейчас же отключатся. Ты должен набрать три цифры: шесть, шесть, шесть, которые являются шифром. Набирай их справа налево. Когда наберешь, нажми кнопку «выключить». А теперь отключи меня, пока не сделаешь этого. И побыстрее двигайся.

— Хорошо, хорошо,— сказал я раздраженно и отключил его. Он посмел разговаривать командным голосом с индивидуумом, который не сможет родиться через 10 000 лет или около того. Но откуда он столько знает? Я начал выполнять указания, сбрасывая на пол коробки с консервными банками. Это были длинные желто-зеленые цилиндрические громадины с сублиматом.

Радиоприемник был там. Я не стал его передвигать, а только набрал шифр, как было приказано, и нажал кнопку. Ничего не произошло.

— Ничего не произошло,— сказал я.

— Произошло именно то, чего мы так желали,— сказала Ангелина, встав на цыпочки, чтобы поцеловать меня в щеку.— Мы спасли мир.

Очень гордый собой, я вернулся к передатчику и под восхищенными взглядами марсиан снова включил его.

— Не думай, что ты спас мир,— продолжал Койпу,— ты лишь предотвратил взрыв примерно на двадцать восемь

дней. Однажды включенные бомбы затаились на этот период, а затем — самоуничтожатся. Но марсиане могут от них спастись. Я верю, что их ремонтные корабли в пути, они заберут их.

— Корабли будут через пятнадцать дней,— подтвердил Диян.

— Пятнадцать дней более чем достаточно. Земля будет уничтожена, но когда на ней восстановятся прежние условия, для вас это будет больше победой, чем трагедией. А теперь настало время вскрыть коробочку. Наверху, над панелью управления, есть атомный резак. Если его окошечки направить на внешнюю стену под углом в пятнадцать градусов, он прорежет туннель наружу. Марсиане смогут выйти по нему. Я предлагаю сделать это как можно скорее. Теперь нажми кнопку «А» и запусти спираль. Джеймс, Ангелина, пристегнитесь к гравитаторам как можно скорее и сразу же отправляйтесь, как только загорится сигнал готовности.

Все еще не веря во все это, я сделал, как было сказано. Темпоральная спираль щелкнула, зашипела и завыла, как разъяренный зверь. Диян вышел вперед с вытянутой рукой.

— Мы никогда не забудем тебя и того, что ты сделал для мира. Еще нерожденные поколения людей узнают о тебе и твоих подвигах из книг.

— Ты уверен, что вы поступите правильно? — спросил я.

— Ты смущаешься этого, потому что ты великий и гуманный человек,— впервые меня уверяли в этом.— Будет сооружен памятник с надписью: «Джеймс ди Гриз — спаситель мира».

Каждый из марсиан пожал мне руку, это было очень трогательное зрелище.

Зажегся сигнал готовности, после нескольких прощальных слов мы надели гравитаторы и — чего я так желал все последнее время — окунулись в холодный огонь времени. Я хотел что-то сказать, но запоздалая фраза застыла у меня на губах, а вокруг все завертелось.

Обычный скачок во времени, не лучше и не хуже. Это был тот вид транспортировки, к которому я никак не мог привыкнуть. Звезды проносились как пули, вокруг вращались спиральные галактики, движение не было движением, время не было временем, все было необычным. Единственное, что было хорошим во время прыжка, это его конец. Мы обнаружили себя в гимнастическом зале

на базе Специального Корпуса, в самом большом из открытых помещений. Мы парили в воздухе, я и моя Ангелина, глупо улыбались друг другу и людям атлетического сложения внизу. Мы пожимали руки от счастья, что будущее все-таки лежало впереди.

— Добро пожаловать домой,— сказала она и именно это я хотел услышать больше всего на свете.

Мы полетели вниз, помахав друзьям и не отвечая пока на их вопросы. Сначала к Койпу и Дежурному по Времени на доклад. Шевельнулось чувство неудовлетворенности, что ОН и на этот раз ушел от меня.

Койпу поднял глаза и удивился:

— Что это вы здесь делаете? Кажется, вы устраняли ЕГО? Разве ты не получал моего послания?

— Послания? — спросил я, быстро моргая.

— Да. Мы сделали десять тысяч металлических кубиков и отослали их на Землю. Уверен, что вы получили один из них. Радионаправление и так далее.

— А, это старое послание. Получили и действовали согласно ему, но вы немного опоздали. Что вот эта штука тут делает? — боюсь, что мой голос изменился до неузнаваемости, когда я показал дрожащим пальцем на машину в другом конце комнаты.

— Эта? Наша новая спираль номер 1, более компактный вариант. На что она тебе? Мы только что закончили ее.

— И никогда ею не пользовались?

— Никогда.

— Тогда все ясно. Сейчас вы прикрепите пару гравитаторов к ней — здесь, можно эти, передатчик и атомный резак и отправите все назад, чтобы спасти Ангелину и меня.

— У меня есть карманный передатчик, но почему...— он вынул из кармана халата знакомую машинку.

— Сначала сделайте, объяснения потом. Мы с Ангелиной просто взорвемся, если вы этого не сделаете.

Я принес краски, написал «включать здесь» на передатчике, потом «Темпоральная спираль. Открывать осторожно» на машине. Через несколько минут после ЕГО отбытия с Земли, которое было отмечено на временной развертке, мы запустили груз с большой темпоральной спиралью. Койпу под мою диктовку наговорил запись и только после того, как весь груз ушел в прошлое, я глубоко и удовлетворенно вздохнул.

— Мы спасены,— сказал я,— а сейчас стаканчик того, что вы мне обещали.

— Я не обещал...

— Это не имеет значения.

Койпу что-то пробормотал себе под нос и чесал в затылке, пока я готовил напитки нам с Ангелиной. Мы чокнулись, смочили пересохшие глотки и улыбались с довольным видом.

— Как хорошо,— сказал я,— сколько веков прошло с тех пор, как я последний раз выпивал.

— Итак, в конце концов, все проясняется,— удовлетворенно выпятив в улыбке челюсти, сказал Койпу.

— Ничего, если мы посидим, пока будем слушать? Мы так устали за эту пару сотен тысяч лет.

— Да, пожалуйста. Позвольте, я опишу ход событий. ОН предпринял временную атаку на Корпус, и очень удачную. Остались вы да я.

— Все правильно. Хотя, как только я отправил тебя в 1975 год, я увидел, что все стало по-прежнему. Очень удивительно. Всего мгновение я был один, затем лаборатория заполнилась людьми, которые и не знали, что их нет. Мы провели большую работу по управлению техникой трасс времени, на достижение нужного результата ушло почти четыре года.

— Вы сказали — четыре года?

— Почти пять, если быть точным. Трассы очень удалены и трудно управляемы, многие, к тому же, переплетены.

— Ангелина! — воскликнул я, внезапно поняв.— Ты никогда не говорила мне, что была здесь одна пять лет!

— Я не думаю, что тебе бы нравилась женщина старше тебя.

— Я обожаю ее, если она — ты. Ты была одинока?

— Ужасно. Вот почему я отправилась за тобой. У Инскиппа был доброволец, но он сломал ногу.

— Дорогая... держу пари, что знаю, как это произошло! — Она не умеет краснеть, но тем не менее опускает глаза.

— Давайте проследим дальше ход событий,— сказал Койпу.— Вот что произошло. Мы проследили тебя из 1975 года в 1807, а также ЕГО и ЕГО шпионов. Там была петля времени, аномалия некоторого рода, которая в конце концов замкнулась в кольцо. Можно сказать, что она готова была взорваться вместе с тобой, заклю-

ченным внутри нее, но в последний момент удалось дать дополнительную мощность спирали, чтобы предотвратить запечатывание петли, прежде чем она исчезла. Именно тогда появилась Ангелина с координатами для твоего следующего прыжка за НИМ. Ты должен был последовать за ним, потому что таким образом можно было контролировать твой прыжок. Хотя ход истории был известен к этому времени и мы уже знали, чем все кончится.

— Вы знали? — спросил я, чувствуя, что где-то что-то упустил.

— Конечно. Природа атаки была известна, хотя вы должны были сыграть свою роль до конца.

— Вы можете объяснить еще раз? И по-медленнее.

— Конечно. Ты пытался сорвать его операции в прошлом и в конечном итоге переключил его машину и послал в мрачные для Земли дни. Он потратил большое количество времени, почти две сотни лет, продвигаясь к власти и объединяя ресурсы всей планеты. ОН был гений, хотя и сумасшедший, и смог это сделать. Он также помнил тебя, Джим, и, несмотря на двухсотлетний срок, не забыл, что ты — его враг. Таким образом, он начал временную войну, чтобы уничтожить тебя раньше, чем ты сможешь устранить его, устроив ловушку на планете, готовой к уничтожению атомными взрывами. Оттуда он вернулся в 1975 год, оставив тебе петлю времени. Я не знаю, куда он планировал отправиться оттуда, но его планы изменились и он попал на двадцать тысяч лет вперед.

— Да, я это сделал, изменив настройку его спирали, как раз перед тем, как он ушел.

— На этом все кончилось. Теперь можно расслабиться, и я хочу выпить вместе с тобой.

— Расслабиться! — слово это вырвалось из моего горла со страшным неприятным звуком.— Из того, что вы сказали, я могу заключить, что это я начал атаку на Корпус, изменив настройку на темпоральной спирали, которая послала его в мир, где он начал операцию по уничтожению Корпуса.

— Это, по-моему, единственное объяснение.

— А нет другого? По-моему, он просто вращается в кольце времени. Убегая от меня, нагоняя, убегая... Уфф! Когда он родился, откуда он?

— Твои вопросы бессмысленны в этом роде темпоральных отношений. Он состоятелен только в течение этой петли времени. Пусть будет так, хотя это очень

неточно, точнее будет сказать, что он никогда не родился. Ситуация стоит за пределами понимания времени. Так же как и тот факт, что мы вернулись сюда с информацией, которую нужно было послать тебе, чтобы предупредить об остановке атомных бомб. Откуда изначально происходила эта информация? От тебя. Поэтому ты послал ее себе, чтобы предупредить себя об атомных бомбах, чтобы...

— Достаточно! — взревел я, дрожащей рукой хватаясь за бутылку.— Просто отметьте, что миссия выполнена и выписывайте премию.

Я снова наполнил бокалы и, лишь обернувшись, понял, что Ангелины нет. Она выскользнула в то время, когда я пытался постичь ход войны, и я уже начал волноваться, не зная, куда она могла уйти, как она вернулась.

— Они прелестны,— сказала она.

— Кто-кто? — спросил я, не сообразив. Но когда я увидел сужающиеся глаза Ангелины, то, понял, какую непростительную ошибку совершил.— Действительно, кто! Ха-ха! Прости меня за небольшую шутку. Ну конечно же. Ты говоришь, они прелестны. Конечно же, это наши двойняшки, наши веселые гуляющие дети, и они действительно прелестны.

— Они здесь, со мной.

— Так вкати же коляску.

— Детишки,— сказала она, когда они вошли, и я заметил сильную нотку иронии в том, как она это сказала.

Им шел шестой год, этот маленький факт я как-то упустил из виду. Они шли спокойно, крепкие парни, да еще шагали в ногу. Хорошо сложенные, с твердой отцовской выправкой, и, я счастлив был видеть, с характерной для матери сдержанностью.

— Тебя очень давно не было, папа,— сказал один из них.

— Я Джеймс, а это Боливар. Добро пожаловать домой.

Нужно поцеловать их, но они протянули свои ручонки и я, совершенно серьезный, пожал их. Хорошие ребята. Нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к этой семейной идиллии. Ангелина сидела, гордо откинувшись, и по ее взгляду я понял, что полностью прощен.

— Ангелина, я думаю, ты больше не сердишься. Прелести семейной жизни, кажется мне, наилучшая награда

тому, кто решил покончить с беззаботной жизнью негодяя, работающего без контракта.

— Очень правильная речь! — выкрикнул ужасно знакомый голос,— И еще бесчестного обманщика, мошенника и так далее.— В дверях стоял Инскипп, помахивая пачкой бумаг в моем направлении.— Пять лет я ждал тебя, ди Гриз, и на этот раз ты не убежишь. Никаких объяснений вроде временной войны. Ты украл, ты стащил у собственных малышей... Уфф!

Он сказал «уфф», потому что Ангелина поднесла флакончик со снотворным к его носу и он стал клониться вниз. Мальчики с завидной реакцией выступили вперед и осторожно опустили его на пол. Ангелина освободила его от пачки бумаг, пока его укладывали.

— После пяти лет разлуки ты мне нужен больше, чем этому назойливому старику. Давайте сожжем эту пачку макулатуры и стащим корабль, пока он отдыхает. Пройдут месяцы, прежде чем он найдет нас, а если за это время что-нибудь случится и потребуется наше безотлагательное присутствие, ему снова придется принять нас на работу. Тем временем мы проведем прекрасный второй медовый месяц.

— Звучит отлично, но как быть с мальчиками? Это не то путешествие, куда можно брать детей.

— Вы ведь не отправитесь без нас,— начал Боливар. Где я видел это непоколебимое выражение лица? Наверное, в зеркале.— Куда вы, туда и мы. Если у вас проблемы с деньгами, мы можем заплатить сами. Смотрите.

Я все понял, когда он начал вытаскивать огромную пачку кредиток, на эту сумму можно объехать всю галактику. Но я успел также рассмотреть знакомый золотой штамп.

— Деньги Инскиппа! Вы ограбили старого человека, когда делали вид, что помогали ему.— Я посмотрел на Джеймса.— Надеюсь, ты сможешь узнавать время по наручным часам, которые я вижу на твоей руке?

— Идут по стопам отца,— гордо сказала Ангелина.— Конечно же, они отправятся с нами. И не волнуйтесь насчет денег, мальчики. Наш папа может наворовать столько, сколько будет нужно нам всем.

Это было уже слишком.

— А почему бы и нет! — засмеялся я.— За преступников! — я поднял бокал.

— За время! — сказал Койпу, вникнув в суть дела.

— За преступников во времени! — крикнули мы все вместе, осушили бокалы и разбили их о стену, а Койпу стоял и по-отцовски улыбался нам вслед, когда мы схватили детей в охапку и пошли, перешагнув через спящего Инскиппа.

Перед нами простирался чертовски замечательный мир, каждый уголок которого обещал подарить нам радость.

СОДЕРЖАНИЕ

Гарри Гаррисон

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ
МЕСТЬ КРЫСЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ
КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ СПАСАЕТ МИР

Редактор *Т. Н. Булахтина*
Технические редакторы *Н. А. Полунина, Т. Н. Булахтина*
Корректоры *Л. В. Морозова, М. В. Тихонюк, Р. А. Павлова, Н. В. Морочко*

Сдано в набор 06.02.91. Подписано в печать 18.09.91. Формат 84×108/32. Гарнитура Тип Таймс. Бумага офсетная № 1. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 23,35. Тираж 200 000 экз. Заказ 988.

Государственная ассоциация «АСПОЛ»
101402, Москва, ул. Петровка, 26

Диапозитивы изготовлены в «Ассо-МП»

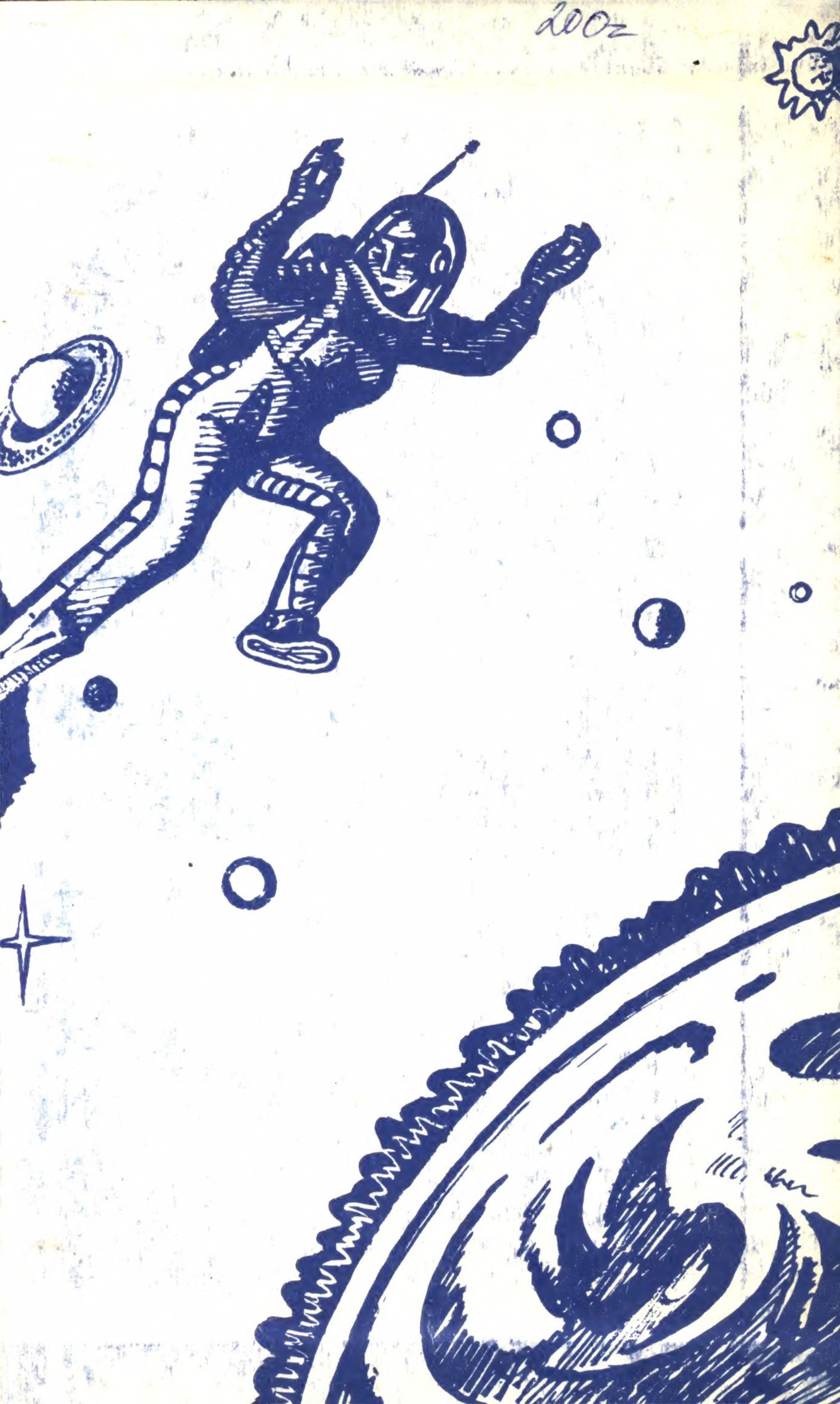
Типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

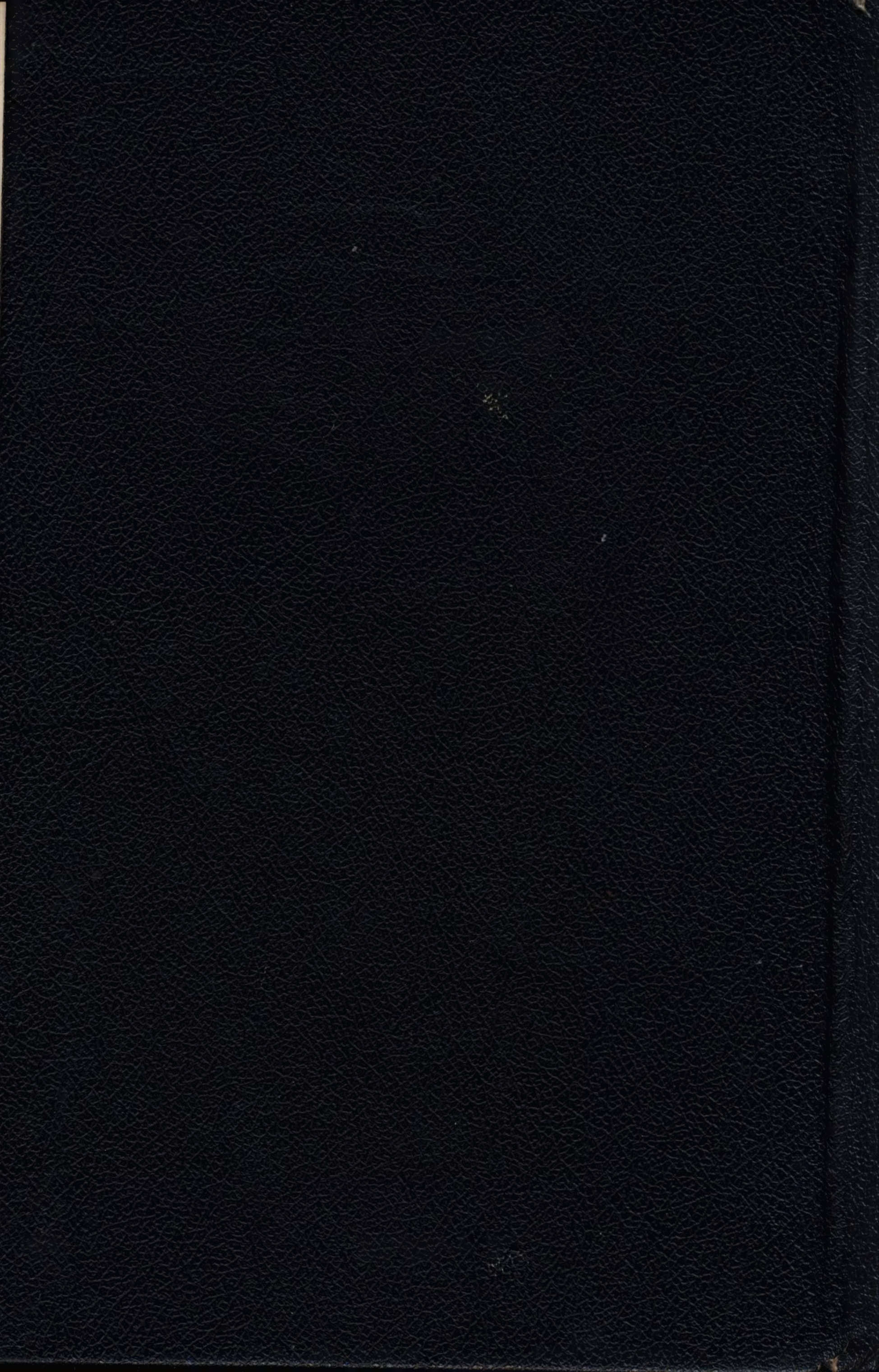
3
23
83

32.
3,0.

ени
кт-

Гарри Гаррисон